

Монашество на Дону

Павел Васильевич Никольский

Введение

Введение

Монашество представляет явление исключительное. Будучи осуществлением евангельского совета, а не прямой заповеди, оно принимается очень немногими христианами, даже в эпохи своего наибольшего расцвета. Но как осуществление евангельского совета о совершенной жизни, монашество всегда является показателем нравственного развития общества. Это своего рода термометр, определяющий, какими идеальными стремлениями и в какой мере живет общество, на какие нравственные подвиги оно способно. С другой стороны, оно отражает те общественные условия, при каких приходится существовать как самому монашескому институту, так и отдельным личностям. Нельзя составить понятие о русской жизни Киевского периода, если умолчать о Киево-Печерском подвижничестве. Грубо-одностороннею будет та история монгольско-московского периода, которая забудет о препод. Сергии и его последователях. А история московских царей лишится яркой и характерной страницы, если из нее выбросить иосифлян и Белозерских старцев.

Но история монашества разрабатывается в двух неоднородных направлениях. Еще в старой России выработался особый тип «жития» подвижников, видящий в них не членов данного общества, действовавший в определенных условиях общественного развития, а только святых, ставших выше этих условий. При таком взгляде на дело, жития подвижников лишаются, так сказать, плоти и крови и являются лишь назидательными примерами–притчами, призывающими христиан к святой жизни. И история монастырей в таком случае является не изложением последовательного развития или упадка общественного явления, а рядом эпизодов о нравственном героизме святых. Такое отношение к делу не только грешит против научных требований, но и вредит иногда желаемому нравственному воздействию на читателей. В русском народе, умиляющемся пред подвигами святых, создалось неприметно убеждение, что святые – такие особенные люди, деяния которых немыслимы для обыкновенных смертных. В таком случае знакомство с жизнью святых, вызывая умиление, вздохи и слезы, не поднимает

однако энергии мирян, не ведет к деятельному подражанию святым подвижникам. В тоже время это традиционное представление о святости имеет своим результатом, часто незаметное для самих жизнеописателей, стремление приукрасит жизнеописание общими фразами о благочестии подвижника, а историю монастыря отодвинуть в возможно более глубокую древность и связать с именем какого-нибудь знаменитого подвижника или монастыря. Вместо истории является ряд благочестивых легенд, под которыми скрываются весьма незамысловатые факты.

Научная история имеет дело с фактами, а не легендами и выясняет условия существования не одиноких личностей, а учреждений и обществ. Она имеет дело не с одними героями, которые стоят выше общества, а и с рядовыми личностями, жизнь которых является отражением общественных условий. Естественно поэтому, что изложение такой истории возможно только в связи с историей общества.

Намереваясь изложить историю придонского монашества, мы уже поэтому должны предварительно выяснить те исторические условия, при которых оно возникло. Придонские монастыри возникали почти одновременно с появлением на Дону оседлого населения. Поэтому мы начнем исследование кратким, конспективным очерком колонизации Дона.

Главным основанием предлагаемого исследования служат изданные нами «Материалы по истории монашества на Дону», печатавшиеся во II, IV и V вв. «Воронежской Старины» и затем отдельным изданием, по которому и выставляются ниже цитаты.

Глава I. Отличительные особенности колонизации Дона

Содержание. Доисторический период в жизни Донского края. Начало истории края – с XVI века. Правительственная колонизация – полковые казаки. Вольная колонизация – донские казаки. Приднепровские черкасы. Рознь этих групп населения Земельные столкновения. Политическая рознь. – Особенности церковной жизни. Номинальная зависимость донских казаков от Московского патриарха, черкасы – от Белгородского митрополита и полковых казаков – от Рязанского митрополита.

Говоря о колонизации Дона, необходимо различать ее историческую эпоху от той, которую следует назвать доисторической. Дон был известен еще Геродоту. На течении этой реки археологи находят монеты всех столетий после Р. Хр¹., – ясно, что здесь давно жили люди и вели в известной мере культурный образ жизни. Но что это были за люди, к какой народности они принадлежали и в каких деяниях проявилось их существование, все это покрыто мраком неизвестности. В вещественных памятниках старины (каковы, напр., городища) есть данные предполагать, что здесь долгое время жили хазары, стоявшие на высокой степени развития². Но и их история покрыта мраком неизвестности. Наконец, есть попытка утверждать, что собственно русская колонизация началась здесь рано и уже в XII в. выразилась в создании городов, напр., Воронежа³. Однако и эти попытки встречают серьезные возражения и объясняются не столько научными соображениями, сколько любительским обычаем местных археологов начинать историю края с возможно глубокой древности. Поэтому мы и называем все эти сбивчивые гадания о далеком прошлом Донского края доисторическим периодом Придонья.

Собственно историческая жизнь бассейна р. Дона насчитывает немного более трех столетий. До XVI века Дон был тем политическим буфером, который отделял Русь от орды, сюда пытались простираť свое влияние и русские, и, напр., грамоты Московских митрополитов на Червленый Яр делают очевидным, что здесь обитали православные христиане, если не русского происхождения, то стоявшие в известных отношениях к русским митрополитам. Но в тоже время эта местность была под сильным влиянием Орды. Об этом говорят местные придания, а еще с большею убедительностью многочисленные татарские названия рек

и урочищ, сохранившиеся до сих пор (Усмань, Тамлык, Хава и др.). Неоднократные нашествия татар на коренную Русь совершались через эту же местность, делая ее временной стоянкой ханских орд. С разделением Орды на Крымскую и Ногайскую ослабело ее влияние, она потеряла прежнее грозное значение для Руси. Но Дон продолжал еще оставаться «полем» для татарских нашествий и набегов. Берега Дона с тех пор получили названия – крымского (правый) и ногайского (левый). Во время этих набегов татары пользовались старыми становищами и городищами⁴ или строили новые крепости, пролагали шляхи, сакмы и перелазы, которые потом, в течение всего XVII века, помнило Русское правительство.

Только с возрастаньем могущества Москвы после ее окончательного освобождения от татарского господства, Россия могла более успешно бороться с татарским влиянием на Дону. Это случилось уже в конце царствования Иоанна Грозного, т. е. уже во вторую половину XVI века⁵. Желая укрепить за собой эту окраину и вместе сделать ее оплотом против татарских вторжений, правительство строит здесь целую сеть городов и острожков, т. е. маленьких крепостей – с башнями, деревянными надолбами и земляными валами. Так возникли – Воронеж (1586 г.), Валуйки (1593), Усерд (1737–1741), Верхососенск (1637), Полатов, Ольшанск (1645) Коротояк (1647), Усмань (1650), Орлов (1650), Острогжск (1652) и др. – Но устройство этих крепостей в чистом поле было бы пустою затеей, если бы здесь одновременно и даже несколько ранее правительственной колонизаций не началась колонизация вольная. В это именно время, т. е. в царствование Иоанна Грозного обнаруживается на Дону своеобразное население, известное под названием казачества. Это беглецы из центральной Руси, не вынесшие тягостей Московской государственной жизни или пожелавшие свободы от общественных и семейных уз. Они бежали преимущественно на нижнее течение Дона, туда, куда почти не могла проникнуть Московская власть. Но очутившись вне опасности от Москвы, эти вольные люди на чужбине почувствовали свою кровную связь с Москвой, когда оказались в соседстве с ненавистными татарами и турками. Уже правительство Грозного воспользовалось этим тяготением казачества к родной земле и, как будто не зная, что это – «воровские» люди, стало привлекать их на царскую службу, жалую их разными дарами и льготами. Так постепенно возникло вассальное отношение казачества к Москве, выгодное для той и другой стороны. По Дону строятся казацкие городки; самым

северным из них был Донецкий городок, стоявший на нынешней границе Воронежской губерний и Области Войска Донского. Но влияние донского казачества простиралось и далее на севере, усиливаясь во время частых путешествий казаков в Москву. Это влияние сказывалось иногда и в Воронеже и даже в Ельце. Ведя постоянную борьбу с внешними врагами, вынужденное подавлять внутреннюю смуту, Московское правительство всеми мерами привлекало к себе казаков и, как будто забывая их собственную неблагонадежность, жаловало их богатыми угодьями по Дону.

Но почти одновременно с этими милостями правительство вынуждено было и ограничивать привилегии казачества: устройство городов и острожков сопровождалось поселением в них и вокруг них жителей, переведенных из центральных провинций. Эти «сведенцы», известные под именем полковых казаков, заняли все ново построенные города и их окрестности. Собственно крепости могли вместить незначительную часть их. Охрана границ требовала массы полковых казаков «в поле», на татарских перелазах, валах и в острожках. Для этой массы, переселенной сюда поневоле с семьями, правительство отдало земли и угодья, прилегающие к Дону и его притокам в пределах нынешней Воронежской губернии: по Тихой Сосне, Потудани, Девице, Воронежу и др. Безраздельное пользование богатствами края ушло от донских казаков, и на среднем течении Дона неизбежно должны были начаться столкновения их с новыми поселенцами. Они обострялись разностью положений тех и других – вольностью и привилегиями донского казачества, неволею и пригнетенностью полковых казаков. Явное покровительство Москвы вольным казакам и ограничение полковых еще более обостряло положение, приводя иногда к открытым схваткам. Не лучше было для правительства тогда, когда донские казаки во время своих путешествий в Москву и обратно сманивали полковых казаков на Дон – в вольные. Верные Москве полковые казаки имели основание роптать на правительство за его покровительство воровским казакам.

В половине XVII в. к этим двум элементам населения присоединился третий. В 1652 г., с разрешения Московского правительства, на среднее течение Дона переселяются приднепровские казаки. Так как в это время воевода Арсеньев начал постройку нового города – Острогожска в целях той же обороны края от «воинских людей» – татар, то приднепровский казачий полк воспользовался этим и испросил себе позволение занять новый

город. Но город Острогожск, как и другие сторожевые города, был только центром для нового населения, которому понадобились большие участки земли по течению Дона и его притоков. Сначала правительство отвело им течение р. Тихой Сосны, на которой стоит Острогожск. Это течение и образовало Острогожский уезд. Но за первым полком и после продолжали подходить приднепровские казаки, которым нужно было отводить новые земли. Так в их владениях оказались города – Урыв, Ольшанск, сл. Ендовище и др. места. Между тем раньше эти места уже начали заселяться полковыми казаками. Так, р. Тихая Сосна была отдана Коротояжским детям боярским. Теперь им велено было очистить ее и перейти севернее – к г. Костенску. Но здесь они оказались в неприятном соседстве с черкасами г. Урыва. Еще более должно было чувствоваться стеснение в земле и угодьях близ Воронежа, где великорусское население было довольно густо, но куда переселились черкасы – (сл. Ендовище). Между тем стеснения скоро обнаружились и там, где их не ожидали. Выселенные с Тихой Сосны к Костенску полковые казаки заняли вотчину донских казаков – землю Боршева монастыря и вызвали нескончаемую тяжбу с влиятельным донским войском, тянувшуюся до конца XVII столетия.

Таков был состав местного населения в XVII веке. Его элементы оказались совершенно разнохарактерными по своим взглядам, привычкам и симпатиям. Рознь их не сглаживалась от совместной жизни, а скорее обострялась земельными тяжбами. Иногда это обострение принимало даже политический характер, выражаясь в недоброжелательстве к Московскому правительству, которое каждым враждующим элементом подозревалось в особенной благосклонности к врагу.

Нужно, впрочем, заметить, что и без того местное население иногда оказывалось политически неблагонадежным. Еще до появления сюда полковых казаков донское казачество неоднократно готово было грабить границы Московского царства, а во время Московской смуты конца XVI и начала XVII в.в. заявило себя большою приверженностью к самозванцам. Когда потом явились здесь многочисленные города и острожки с полковыми казаками, последние не могли не знать об этих изменах, знали, что и в их время войсковой круг действует самочинно и часто вопреки правительству. Если, несмотря на это, донские казаки пользовались привилегиями, в ущерб служилым людям, то это не могло не вызвать раздражения не только против донцев, но и против

Московского правительства. Сохранилась весьма характерная, хотя и отрывочная, фраза попа с. Голышевки, населенного полковыми казаками. Когда в 1681 году на Дону узнали о стрелецком бунте, то Голышевский поп говорил: «На Москве стало смятение, а наша рука возвысилась»... Здесь чувствуется радость по поводу «смятения», потому что вместе с ним у полковых казаков развязываются руки: не боясь Московской власти, они свободно могут расправиться со своими соседями по Боршевской вотчине – донскими казаками. Еще более эта политическая окраска в розни населения замечается в отношениях донских казаков к черкасам. Здесь привилегии черкасам (напр. варить пиво и мед) могли казаться прямо оскорбительными для служилых людей. С другой стороны, тот контроль, которому подверглись черкасы от воевод и приказных людей, этих агентов Московской власти, – вызывал в них неудовольствие против Московского правительства. Все это ярко сказалось во время Разинского бунта, охватившего область Дона. Кроме части донского казачества, к Разину пристали черкасы Острогожска и Ольшанска во главе с Острогожским полковником Иваном Дзиньковским. Бунт выразился прежде всего в грубой расправе с приказными г. Острогожска и Ольшанска, а потом в открытой схватке с войсками воеводы Г. Ромодановского, командовавшего полковыми казаками. Замечательно, что коротоячане в это время более всего старались обвинить в измене черкас. Кроме верноподданнических чувств, здесь могли быть и расчеты экономического характера, желание получить в свое пользование уголья и земли, отданные черкасам.

В одном только, по-видимому, должны были сходиться эти разнородные элементы населения: в приверженности к православной вере. Но и здесь на деле оказалась рознь, – не в исповедании веры, конечно, а в вопросах церковного управления и экономических. Полусвободное – полу подчиненное положение донского казачества естественно повело к тому, что войсковой круг не только вмешивался в церковные дела, но и считал себя вправе решать возникающие затруднения в церковной практике. Официально нижнее течение Дона числилось в Патриаршей Области; но фактически эта зависимость почти ни в чем не обнаруживалась. Войсковой круг и казацкая старшина избирали лиц на священнические и причетнические места, он же лишал их этих мест. Только посвящение духовных лиц производилось патриархом или с его благословения. Когда же возникали в местной церковной жизни затруднения, уладить которых войсковой круг не мог, то он

обращался не к патриарху, а чрез посольский приказ к великим государям. Только под конец XVII в., когда нижний Дон сделался притоном раскола, Московские патриархи перестали ограничивать свое пастырское руководство областью Дона одним только посвящением не ими избранных, им совершенно неведомых духовных лиц. Рядом с внешними мерами к искоренению раскола, замечаются попытки пастырского воздействия на казачество со стороны патриарха. Но и тогда, вследствие отдаленности нижнего Дона от Москвы, это пастырское воздействие не могло быть непосредственным: Московский патриарх стал действовать на донское казачество чрез Воронежского епископа. Но войсковой круг, привыкший к вольности в церковном управлении, с большим трудом привыкал к этому архиерейскому влиянию и обнаружил систематическое нежелание признавать епископскую власть на протяжении не только XVII, но и XVIII века, когда все течение Дона было отдано в ведение Воронежского епископа.

Черкасское население Дона первоначально – с 1652 г. по 1667 год – тоже ведалось в епархии патриарха; но вследствие той же отдаленности от Москвы и здесь власть патриарха была более номинальной, чем действительной. С 1667 г. Острогожский уезд вошел в область Белгородского митрополита. Но до сих пор еще не найдено следов архиерейского воздействия этих митрополитов на черкас, кроме, конечно, посвящения избранных на месте лиц в священные должности.

Наконец, собственно служилое население, входящее в район нынешней Воронежской губерний, находилось под церковною властью Рязанских митрополитов. Здесь, говоря сравнительно, епархиальная власть могла сказаться явственнее, чем среди донцов и черкасов. В Воронеже был даже митрополичий дом⁶, в котором, по-видимому, ведались дела по епархиальному управлению, хотя нет даже намека на приезд сюда Рязанских епископов. Сохранились и немногочисленные письменные памятники участия Рязанских епископов в местной церковной жизни⁷. Но и здесь церковная жизнь более была предоставлена произволу населения, так как расстояние от Рязани в 400 верст, чрезвычайно затрудняло правильное архиерейское руководство краем. И когда была учреждена Воронежская епархия, то ее первому епископу, св. Митрофану, пришлось вести трудную борьбу с самочинием в церковных делах – как с духовенством, так и с мирянами.

Таким образом, благодаря историческим обстоятельствам, в церковном отношении край оказался почти беспризорным. И та рознь, которая отмечена в экономической и общественной жизни, оказалась в силе и в церковной жизни. Эта же рознь вместе с самочинием, в частности, сказалась и на монастырском быте. Начало монашества на Дону поэтому представляет явление своеобразное. Будучи традиционным выражением религиозного чувства русского населения, оно в тоже время отличалось в своем строе от монашества центральной и северной России. Отметить эти своеобразные черты и составляет одну из главных задач автора.

Глава II. Возникновение и первоначальное существование монастырей

Содержание. Участие в основании и устройстве монастырей общества и правительства. Принятие монашества под старость. Монастыри-приюты под старость после военной жизни. 1) Монастыри донских казаков. Чернеев Николаевский монастырь. Боршов монастырь. Его оборонительное значение. Его земельные владения. Тяжбы и столкновения с соседями. Воронежский Покровский монастырь. Покровительство донских казаков. Земельные владения. Внутренняя жизнь. Вражда партий. Устьмедведицкий Межигорский монастырь. – 2) Монастыри полковых казаков. Лебедянский монастырь. Предания о его возникновении. Связь его с историей дома Романовых. Исторические данные о начале и быте монастыря. Троицкий Елецкий монастырь. Тешевский Задонский монастырь. Связь его со Сретенским Московским и с памятью о нашествии Тамерлана. Даншина пустынь и Карачунский монастырь, – их неустойчивое существование при набегах разных «воинских людей». Семилуцкая пустынь – значение ее в качестве инвалидного дома. Толшевский монастырь – особенности его положения на незащищенной стороне р. Воронежа. Быт монастыря. Воронежские монастыри – Успенский и Алексеевский. Их основание, земельные владения и внутренний строй. Лысогорская пустынь. Коротоякский Казанский женский монастырь. – 3) Монастыри черкасские. Пятницкий Острогжский женский монастырь. Дивногорский монастырь. Его основание. Особенности положения. Опасности от внешних врагов и средства защиты. Пещерокопательство. Владения и столкновения из-за них с соседями. Шатрище и устроенная в нем пустынь. Общая характеристика монастырской жизни. Управление. Состав братии. Имущества монастырей. Связь с миром. Экономические связи. Церковная зависимость. Значение воевод и приказных. Черты внутреннего строя в жизни монастырей. Труд монахов. Пещерокопательство. Значение донских монастырей для края. Количество монастырей и монахов, как показатель тяготения населения к монашеству. Колонизационное значение монастырей.

Обычно монастырь должен возникать, как завершение монашеского подвига: монастырь есть организованное монашество. Так было в начале монашества на востоке. Так было и в России в XI веке⁸. Так же возродилось русское монашество в XIV веке. Так ли

возникали монастыри на Дону в XVII веке? Быть может, так возникли некоторые, сравнительно немногие монастыри, напр., Елецкий на Каменной Горе, Лебедянский – Красногорский, Пятницкий – Острогжский. Здесь дело обстоит почти так, как рисует возникновение русских монастырей в XI веке проф. Е. Е. Голубинский, т. е. сначала являлось общество монахинь-черничек. Эти монахини по призванию, но без пострижения, жили в миру, посещали приходские церкви. Когда определялась значительная группа таких лиц, тогда являлась нужда организовать из них монастырское общежитие. Но далее и здесь аналогия кончается: организация монашеского общества являлась не делом выдающейся подвижницы, а делом правительства, горожан (в Лебедяни) или епископа (в Ельце). С большой вероятностью можно предполагать, что таким же образом возникли женские монастыри в Усмани и Коротояке. В русском народе в XVII в. монашество было не новшеством, а традиционным явлением. Поэтому каждый город и уезд выделяли из себя известный процент чернецов и черниц, сначала питавшихся своим трудом и Христовым именем, а потом, под покровительством населения, получавших земли и угодья для своего пропитания. В этом Донская Украина, населенная русскими людьми, не представляла чего-нибудь особенного, а разделяла воззрения и обычаи центральной России.

Но в возникновении других монастырей замечаются черты местного быта, влияние украинского местоположения и зависимость от разнохарактерных элементов населений.

Монашеский подвиг бывает делом всей жизни, когда он охватывает своей высотой и уводит из суетного мира на служение «единому на потребу». Но в русском народе столь же часто монашество являлось делом конца жизни, а не всей жизни. Отмаливать грехи перед смертью – этот мотив был всегда силен среди русских людей. Невысокий сам по себе, этот мотив однако получал почтенный смысл по сложившимся для русского народа историческим условиям. Монашество принималось под конец жизни за невозможностью принять его раньше, и не только для отмаливания личных грехов, а и для успокоения от трудов бранной жизни. Так принимали схиму еще русские князья и бояре. Этот же мотив был господствующим в истории возникновения большинства придонских монастырей. Прямые указания на этот мотив находим в истории возникновения монастырей – Боршева, Семилуцкого, Покровского Воронежского, Даншинского, Донецкого Предтечьева,

Мигулинского, Усть-Медведицкого, Кременского, Шатрищевского. Этот мотив определенно указывается даже в сухих официальных бумагах-челобитьях и межевых записях. Монастырь рисуется здесь именно как место успокоения и как приют под старость. Типичное выражение этого взгляда читаем, напр., в следующей челобитной полкового казака Т. Новикова. Новиков рассказывает, что в 1652 г. он был послан из Воронежа в отъезд. В 50 верстах от Воронежа его схватили татары и взяли в плен. Один год он прожил в плену у крымских татар, потом был продан на каторги в Турцию, где пробыл 16 лет, после чего бежал на родину. Здесь у него оставалось три сына – полковых казака. Но двое были убиты в боях, а третий служит полковую службу. «И при старости, – продолжает Новиков, – меня призреть стало некому и скитаюсь меж дворы и кормлюсь Христовым именем. А обещание у меня есть, чтобы мне в Боршевом монастыре постричься у Троицы Живоначальной. Сказавши, что для выполнения этого обещания у него нет вклада, Новиков просит «пожаловать его за его службишку и за старость и за нужное полное терпение и за кровь и за смерть двух сыновей – постричь в Боршовом монастыре безвкладно, чтобы ему старому бесприютному скитаючись меж дворы не умереть⁹».

Но обе эти группы монастырей были однородны в том отношении, что вполне зависели от местного населения. А это имело большое влияние на их строй. Та рознь населения, которая отмечена выше (гл.), неминуемо должна была сказаться на монастырях. Донские монастыри испытали на себе своеобразное право патроната со стороны своих устроителей и покровителей, и история монастырей отразила на себе своеобразные черты истории и быта каждого элемента населения. Пользуясь покровительством одной группы населения, они часто подвергались немилости и притеснениям других, что вело к острым столкновениям и без того враждующего населения.

В виду этой неразрывной связи быта монастырей с жизнью населения, мы и изложим историю их возникновения и быта в трех группах: 1) монастыри донских казаков; 2) монастыри полковых казаков; 3) монастыри черкасские.

1. Монастыри донского казачества возникли из желания казаков иметь место успокоения от тревог бранной жизни и приют под старость. Посещение знаменитых центральных и северных монастырей России, особенно Соловецкого, было распространенным обычаем среди донских казаков¹⁰. Не имея ни одного монастыря на

нижнем течении Дона, казаки не думали об основании его там до V века условия жизни, полной тревог и опасностей, совсем непригодны были для мирной жизни. «Некоторое подобие монастыря донские казаки имели подле Черкаска, – это так называемый Монастырский Городок, основанный около 1593 года. Здесь при богато устроенной часовне, жили, подобно монастырским отшельникам, увечные, престарелые и бездомные донские воины, проводя последние годы свои в повседневных молитвах. Здесь впоследствии поселились больные и израненные из числа тех славных донских воинов, которые, взяв Азов в 1637 году, владели им в продолжение четырех лет и выдержали затем достопамятное «Азовское сиденье». Но в зиму 1643 г. пришедшие из оставленного Азова турки ночью ворвались в Монастырский Городок и истребили всех жителей¹¹. В часовне Монастырского Городка, по преданию Старочеркаска, ежедневно отправлялось богослужение иеромонахами Киевского Межигорского монастыря, которые присылались сюда по просьбе донских казаков¹². Кроме того, донцы постригались в монастырях г. Воронежа, в Св. Горах. В конце же XVI и начале XVII века казаки основали свой монастырь, но не на Дону, а в более безопасном месте, неподалеку от г. Шацка (нын. Тамбовской губ.). Это Чернеев Николаевский монастырь, основанный в 1593 году черным попом Матвеем, по преданию – донским казаком. Казаки ходатайствовали пред правительством о наделении этого монастыря землями и угодьями и сами жертвовали на его содержание. Так, они пожертвовали монастырю, на помин души, «на реке на Вороне бортной ухажей и рыбную ловлю, да один приток реки Хопра¹³. Но удаленность монастыря от нижнего Дона, конечно, была очень чувствительна. Поэтому казачество в 1613 году устроило новый монастырь на Дону. Это – Боршов или Борщов монастырь во имя Св. Троицы, находившийся в 40 верстах на юг от Воронежа. Южнее его в момент его возникновения не было ни городов, ни острожков вплоть до донских городков на южном течении Дона, тогда тоже немногочисленных. Боршов монастырь строился именно для атаманов и казаков, «которые из них постригаются и которые из них же раненые и увечные в том монастыре будут¹⁴».

Положение этого монастыря на правом берегу Дона, говоря относительно, было безопасно для казаков, стоявших лицом к лицу против татар, он мог казаться тихим пристанищем. В это время и оседлое население строит свои поселки по правому берегу Дона, почти не заходя на левый, и в своем расселении доходит как раз до

Боршова монастыря, почему самый южный стан Воронежского уезда назывался Боршевским. Но спокойствие здесь было лишь относительное. Татарские набеги за все XVII ст. были очень часты и опустошительны. Поэтому необходимо было оградить монастырь от «воинских людей». Для этого мало было монастырской ограды – нужна была крепость, а для крепости нужны были охранители. Впоследствии, в царствование Алексея Михайловича, по Дону были устроены правительством, кроме городов и острожков, сторожи, т. е. мелкие сторожевые пункты. Но при возникновении Боршова монастыря этих пунктов еще не было. Поэтому казаки сделали из монастыря настоящую крепость. Монастырь был огорожен стоячим дубовым острогом. На воротах его была устроена башня с бойницами, в которых помещались пищали; а над башней возвышалась колокольня. Кроме того, на стенах было устроено три бойницы. У ворот монастырских стояли две пушки. За монастырем была расположена монастырская слобода, окруженная двойными дубовыми надолбами на две с половиной тысячи сажен в окружности. Самый монастырь от слободки отделялся поляной; вдоль и поперек поляны стояли в три ряда надолбы; а по переулкам слободки были устроены «опускные» надолбы. Дорога в монастырь шла через речку, на которой был устроен мост с воротами. На конце моста стояла сторожевая изба с башней. У ворот и избы стояли стражи с ружьями. Наконец, на монастырских полях тоже были устроены надолбы на три версты. На каждом угле, по линии надолбов, было устроено по одному караульному острожку. В летнее время, когда происходили полевые работы, на этих острожках стояла наемная стража с ружьями. Для охраны монастыря при нем проживали наемные сторожа – всего десять дворов. Но главную охрану, конечно, составляли донские казаки, имевшие влияние и на управление монастырем. Всего было 21 двор донских казаков¹⁵.

Устроивши монастырь, донские казаки позаботились о его обеспечении. В момент возникновения монастыря местность, занятая им, представляла «дикое поле», и потому можно было воспользоваться им по усмотрению. Монастырь и занял правый берег Дона, между впадающими в него речками Пороєм и Голышевками – на 8 верст расстояния¹⁶. Здесь было пашни 300 четвертей в поле, всего 900 чт., т. е. 450 десятин; сена на 500 копен, т. е. сенокосной земли 50 десятин, лесу в длину на 3, в ширину на 2 версты, т. е. площадь в 6 кв. верст. Впоследствии, в 1683 г. было еще примерено 526 четвертей в поле, пахотной земли, т. е. 1578 четв.

или 789 десятин, и сена на 400 копен, т. е. 40 десятин. Таким образом земли, занятой полем, лугами и лесом, под монастырем было около двух тысяч десятин. – Помимо этой земли, еще задолго до основания Коротояка, в 1623 году, донские казаки возбуждают ходатайство о пожаловании монастырю «за их раны и кровь» вотчины «Богатый Затон» со всеми угодьями. В эту вотчину входили – Банный Затон, Осиновый ерек, Осиновое озерко, озеро Копанище с Копанищенским истоком, озера – Кривое, Белое, Круглое и озеро Богатый Затон. Эти озера с потеклями лежали по Ногайской стороне Дона. По Крымской стороне угодья Богатого Затона шли от устья реки Тихой Сосны до речки Лиски, включая озера: два Никольских, Беленький Затонец, Никольскую Таловую, Кочковатую, Подгоренский завод и исток, два затонца отхожих в Икорском Юрту, затоны Волчий и Щучий. В середине этих угодий протекала река Дон. Монастырь пользовался здесь рыбными ловлями, сенными покосами и лесами¹⁷. Московское правительство без затруднения согласилось отдать эти земли и угодья монастырю, во внимание к службе донских казаков. Но это было в царствование Михаила Феодоровича, когда правильная государственная колонизация в этом районе еще не начиналась. Положение дела должно было измениться в царствование Алексея Михайловича, с устройством в этом районе городов и острожков. В 1647 г. основан г. Коротояк. В 1648 г. построен на татарском перелазе г. Урыв. Около этих городов возникает сеть сел: Голдаевка, Сторожевое (1652 г.), Новая Голышевка, Аношкино, Мастюгино, Оськино. При этом часть Голышевцев заняла себе земли на Ногайской стороне. Но это было неудобно в виду постоянной опасности татарских набегов. Поэтому голышевцы перешли на правую сторону Дона и здесь захватили часть монастырской земли, считая ее диким полем. Это вызвало протест со стороны Боршевского игумена Дионисия. Вызванный для следствия межевщик Яков Свистунов в 1655 г. признал жалобу монастыря справедливой, произвел размежевание и разломал дворы голышевцев, принуждая их выселиться с неправильно захваченной земли. Но голышевцы жаловались на монастырь в Белогород. В 1658 г. было произведено новое межевание (Михаилом Вырубовым), на основании которого боярин Семен Заборовский решил спор в пользу голышевцев. – Почти одновременно с этим тяжба возникла у монастыря с костенскими драгунами села Сторожевой Поляны: на захват последними монастырской земли (Старого Боярака) жаловался в 1664 году Боршевский игумен

Филарет¹⁸. Обе стороны считали себя правыми и потому не хотели согласиться с решением межевщиков и воевод. Это делало тяжбу нескончаемой, обостряя отношения тяжущихся сторон до кровопролитных схваток. Выше сказано, что в 1655 году межевщик Яков Свистунов ломал дворы Голышевцев, сгоняя их с монастырской земли. В том же году Боршевский игумен Иоосиф произвел нападение на с. Сторожевую Поляну, разломал и пожег 26 домов, выгнал драгунских жен и детей и «животы» пограбил. Потерпевшие подробно исчислили свои убытки – всего на 648 рублей¹⁹. Но и служилые люди не оставались в доме. В конце 70-х годов Голышевцы, насильственно завладев монастырскими владениями, напали на игумена Алексея и избили его так, что он от этих побоев и умер²⁰. Для окончания тяжбы в 1683 г. был послан на спорную землю межевщик Иван Талызин. На основании произведенного им следствия, монастырь был утвержден в своих прежних владениях; а Голышевцы, которым не хватало земли в Голышевских полях, были переведены в с.с. Сторожевое, Мастюгино и Подоскино²¹.

Ведя борьбу с соседними полковыми казаками, монастырь в тоже время должен был защищать свою вотчину Богатый Затон от Острогожских черкас. Монастырь оказался как бы в тисках после основания Коротояка и Острогожска. Богатый Затон был приманкой и для Коротоячан, и для Острогожчан. Острогожский полковник Иван Сас завладел частью Б.-Затона и на речке Лиске поселил черкасскую деревню. Межевщик Иван Талызин признал этот захват несправедливым. Впрочем, деревня еще ранее этого межевания сгорела.

Во всех этих тяжёбных делах, оканчивавшихся в пользу монастыря, заметна сильная рука донских атаманов и казаков, челобитья которых внимательно выслушиваются и удовлетворяются, несмотря на основательность жалоб их соперников. Как далеко шло покровительство властей донским казакам, об этом говорит судьба их ходатайства об устройстве в Воронеже монастырского подворья. В своем челобитье донские казаки утверждают, что место для подворья Боршова монастыря было отведено еще по межеванью Романа Киреевского 137 (1629) года. Но справки в Поместном Приказе не подтвердили этого показания. Несмотря, однако, на незаконность ходатайства, противоречие его Соборному Уложению, несмотря на то, что просимая усадьба в Ямской слободе была уже

занята, царский указ отдал ее монастырю «за службы» донских казаков (1684 г.)²².

Однако привольному и привилегированному житью Боршева монастыря приходил конец. Окруженный новым населением, он энергично отстаивал свои права. Но во второй половине XVII века правительственная колонизация на среднем Дону заставила донских казаков волей-неволей отодвинуть район своего влияния на юг. Боршевские владения вошли в черту правительственной регламентации, и недалек был момент, когда Московская власть вмешается в жизнь монастыря и положит конец покровительству донских казаков. Момент этот наступил с открытием Воронежской епархии.

В скором времени после Боршова возник Воронежский Покровский женский монастырь (1623). Устройство монастыря в Воронеже, даже в городском остроге (крепости) – на склоне надречной горы – говорит о том, что он давал приют любительницам иноческого уединения из Воронежских обывательниц. И в судьбе монастыря принимали участие Воронежские дворяне, стрельцы и всяких чинов городские люди²³. Но особенное значение для монастыря приобрело донское казачество. В этот монастырь, как значится в одной челобитной донских казаков, «въезжали их матери и сродницы²⁴». Поэтому между монастырем и донскими казаками устанавливаются отношения покровителей и покровительствуемых. Ясно, что для женского населения казачества этот монастырь был тем же, чем Боршов монастырь для мужского. На нижнем Дону в XVII в. не было женского монастыря по тому же, почему не было и мужского, – вследствие постоянных тревог бранной жизни. Между тем среди казацких женщин были любительницы иноческого житья. Были также матери и сродницы, оставшиеся после смерти своих сыновей, мужей и братьев – кормильцев без крова и пищи. Для последних Покровский монастырь был своего рода богадельней. Вот почему донские казаки оказывали ему особое покровительство. Вскоре после возникновения монастыря и устройства в нем Покровской церкви, в 1627 г. ему была пожалована весьма доходная вотчина на р. Дону – речка Форосань, впадающая в Дон с нагайской стороны²⁵. Она простиралась на сорок верст – по всему течению р. Форосани, включая пашни, покосы, озера и леса. По показанию монахинь, вотчина эта «всякими угожьями изобильна²⁶», и лучше ее на Дону нет²⁷. Вотчина эта лежала рядом с владеньями Боршова монастыря. Такое близкое соседство наводит на предположение, что

и ее облюбовали донские казаки, избравшие вотчину для Боршова монастыря.

На этой вотчине, при впадении р. Форасани в Дон, возникла монастырская деревня Избыльная (ныне село Старая Хворостань). В 1657 году в ней было 37 дворов крестьянских и бобыльских²⁸, в 1658–25 дворов²⁹. Кроме того, на посаде при самом монастыре до 1657 г. монастырю принадлежала слободка из 9 дворов; но в 1657 г. она отошла от монастыря «в посад»³⁰.

С построением Коротояка и для Покровского монастыря начались те же стеснения, что и для Боршова. Новые поселенцы не признавали прав монастыря на Форасанскую вотчину. В 1651 году им назначены были, между прочим, поместья в Сторожевой Поляне. Между тем монастырь эту землю считал своею. В 1663 г. коротоячанам даны были поместья на ногайской стороне, и опять они заняли часть монастырской земли. Даже на крестьянской усадьбе деревни Избыльной коротоячане построили свои дворы. Около того же времени село Избыльное было «разорено и выжжено без остатка в приход Крымского хана»³¹. «Монастырские крестьяне и бобыли все разбежались в украинские города, а иные сошли на Дон»³². Этим запустением, быть может, и объясняется легкий захват коротоячанами монастырской земли. В 1673 году коротоячане получили приказ выселиться оттуда, но не потому, что они незаконно захватили земли и усадьбы, а потому, что их поселение на незащищенной ногайской стороне было признано опасным, почему они и были переселены «в черту» – на русско-крымскую сторону Дона. Но и здесь они заняли земли, которые Покровский монастырь считал своими. А через десять лет, когда выселяли коротоячан с вотчины Боршова монастыря, часть их, переселенная в с. Мастюгино, не захотела поселиться на отведенной земле, не найдя там воды и лесу, а просилась поселиться за Доном, на что получила разрешение уже в 1699 году. И опять они захватили часть монастырской вотчины. Неоднократные жалобы монастыря на эти захваты вызывали следствия и новые межевания (Ивана Ивашкина и Федора Богданова)³³; но тяжбы не прекращали, а приводили к насилиям и побоищам. Здесь повторялось тоже, что и с Боршовым монастырем. Очевидно, и здесь местное служилое население не считало монастырь своим. Даже соседний Лысогорский монастырь посягал на вотчину Покровского монастыря³⁴. Лысогорский монастырь, по-видимому, созданный выходцами из местных полковых казаков, стоял заодно с коротоячанами против Покровского

монастыря. Естественно, что Покровский монастырь искал себе защиты у своих покровителей – донских казаков. Последние просили царя Алексея Михайловича, во избежание тяжб, взять Форасань «на себя»³⁵, а монастырю дать «иную вотчину по той же реке Дону, которая от украинских городов удалела»³⁶. Т. е. казаки просили монастырю свободной земли, лежащей поближе к ним. Хотя эта просьба не была удовлетворена, но монастырь продолжал надеяться на помощь казаков, «для того что великие государи их жалуют и по их войсковому челобитью спорные земли Боршова и Чернеева монастыря разведены». Сами казаки, во время путешествий в Москву, останавливаясь в Воронеже, поощряли такое к ним обращение и даже диктовали текст челобитных для отсылки их чрез Войсковой Круг к государям. Во время этих же остановок монастырь получал от казаков пожертвования и, кроме того, нарочито отправлял к казакам на лодках сборщиц подаяния³⁷.

Но если Боршов монастырь долгое время мог оставаться вотчиной донских казаков, то этого не могло быть с Покровским монастырем. Устройство монастыря в Воронеже делало его приютом не для одних казацких жен и матерей, а и для Воронежских обывательниц. Сами игуменьи искали себе покровительства у Воронежцев, состоя с ними в близком родстве. Такая кровная связь иногда ставила монастырь в очень тяжелое положение: воронежцы вмешивались во внутреннюю жизнь монастыря и чинили обиды тем монахиням, которые враждовали с их родственницами. Иногда дело доходило до побоев и разгрома монастыря.

В половине XVII в. в монастыре образовались две враждебных партии. Во главе одной стояла игуменья Агафья со своим зятем Родионом; во главе другой – старица Ульянея со своим племянником Григорием Прибытковым. Повод распри неизвестен. Но в 1664 г. вражда так обострилась, что Ульянея и большинство других стариц вынуждены были проживать вне монастыря. Недовольные жаловались, что игуменья грабит монахинь, ломает их кельи, опустошает их вотчину³⁸. Дело дошло до того, что все до единой монахини ушли из монастыря. Ушел и священник, долгое время служивший при монастыре. Разбежались и монастырские крестьяне³⁹. На беду незадолго перед тем сгорела монастырская церковь, и монастырь окончательно оскудел. Воронежцы вместе с недовольными монахинями просили Рязанского митрополита Илариона уволить игуменью Агафью и разрешить избрание новой игуменьи. Разрешение последовало, и сестры избрали себе старицу

Ульянею Прибыткову (1669 г.)⁴⁰, т. е. ту, которая стояла во главе недовольных. Между тем игуменья Агафья не считала себя виновной; напротив, жаловалась в Москву на Ульянею, Григория Прибыткова и всех недовольных ею монахинь. Обвиняя последних в безчинной жизни, она особенно сетовала на обиды Гр. Прибыткова, говоря, что он разломал и свез из монастыря келью своей тетки, приводил на монастырскую площадку цыган и устроил с ними конский торг. Он бранил стариц; не ограничившись этим, он разломал окно и влез в келью старицы Каптелины, грозя убить ее⁴¹. Этому челобитью не дали веры, и Ульянея осталась игуменьею. Но долго после того монастырь не мог оправиться. При одновременном разорении вотчины (см. выше) и монастыря, чрезвычайно трудно было устроить вновь церковь. К тому же у монастыря скоро не стало священника, и только в 1672 г. разрешено служить при монастыре (но без литургии) запрещенному попу Николаевской церкви Тимофею Савельеву⁴². Но прежний священник Симеон продолжал числиться при монастыре. Повидимому, он не сочувствовал новой игуменье: при вступлении ее в должность Симеон не хотел передавать ей церковную ризницу; а потом относился к ней непочтительно, бранил и даже бил ее и старицу Каптелину за то, «будто она свадьбы венчает (?) без грамоток». Со своей стороны игуменья обвиняла его в нетрезвости и говорила, что церковь Божия стоит «без пения»⁴³.

Тяжелое положение монастыря увеличивалось от повинностей. Монастырь должен был платить по полтиннику с крестьянского двора на жалованье ратным людям⁴⁴; по 8 денег с двора полоняночных денег⁴⁵ и давать прокормление присылаемым отставным стрельцам⁴⁶. При опустении вотчины и разорении монастыря, нельзя было надеяться на оброк. Поэтому сестры неоднократно возбуждали ходатайство о сложении с них этих повинностей, и иногда просьбы их удовлетворялись⁴⁷.

А между тем, при нормальном течении жизни, монастырь мог бы благоденствовать. Монастырь брал с 46 крестьянских дворов деревни Избыльной по два рубля в год оброку с каждого двора. С одного звена р. Дона и озера Белого брал «доброй» рыбы возов по 50–70 и больше. С других озер – Большого Дениса, Истобного, Подпольного, Говенного и Тубки – крестьяне привозили в монастырь осенью рыбу соленую и зимою – поливную. С деревни монастырь собирал к праздникам Рождества Христова, Светлого Христова Воскресения и Петрова дня – сыр, сметану, яйца и коноплю. В Избыльной Поляне на монастырь засевался хлеб – по 1, 1½ и 2 чети

на сестру и по 15–20 четей священнику с причетниками. Два верхних Форосанских юрта – Дубовый и Лучку Вязовую, а также речку Форосань монастырь отдавал на оброк рублей по 7–10 в год. «А река Форосань от устья и до верховьев в степь будет верст на 50, а по ней многие пляса, волочат рыбу неводами и запоры запирают, и звериные ловли». Но, по-видимому, монастырь неточно определил свои доходы: в том же документе, жалуясь на голышевцев, захвативших монастырские рыбные ловли, старица Ульянея говорит, что в одну зиму новоголышевцы разделили рыбы по 4 воза, а в селе у них будет больше 50 дворов. Далее читаем заключение к этой характеристике доходности вотчины: «а по Дону по реке с верхов и до казачьих городков такой погожи со всякими угожьями, озер хороших, больших и рыбных и лесов с пчелиными уметники... и сенными покосы и звериными ловли и всякими угожьями изобильно нигде нет»⁴⁸.

Итак, во второй половине XVII века условия донской колонизации сложились так, что стеснили влияние донского казачества на монастыри, возникшие в начале столетия при его ближайшем участии. Верхнее и среднее течение Дона «до казачьих городков» заселилось московскими служилыми людьми, не благоволившими к казацким монастырям, – это – с одной стороны. С другой стороны – район казачьих городков, особенно северная часть его, уже не представлял такого «поля», каким был в начале XVII века. Казацкие станицы и городки могли служить защитой и для мирного населения, а потому не было нужды выносить монастыри к северу, в местности, близкие к центру России. Явилась возможность строить монастыри среди казацкого населения. В половине XVII века и возникает первый такой монастырь – Усть-Медведицкий. Место под монастырь было отведено в 1652 году жителями Усть-Медведицкой станицы⁴⁹... Монастырь строил «бывшего (?) монастыря Чернеева священной игумен Исай, груб и недостойный, а строил своим посилием и руками, а братия были: старец Иосиф, старец Корнилий да старец Кирилла»⁵⁰. Таким образом новый монастырь получил своего первого настоятеля от старинного казацкого монастыря, – факт, подтверждающий связь монастырей, возникших при участии казаков. Под монастырь было отведено место против станицы – на правом берегу Дона, на полторы версты ниже главного рукава Медведицы. Это была площадь над Доном, с обеих сторон ограниченная горами, отчего монастырь получил название Межигорской пустыни. На строение монастыря было испрошено

разрешение у войскового Круга и благословение патриарха Никона. Начало монастырю было положено в 1665 году, а окончание постройки, точнее – окончание постройки храма, падает на 1670 г. Хотя монастырь был устроен по обещанию одной станицы, но уже с первых лет своего существования он ведался с Войсковым Кругом и пользовался вниманием войскового атамана Фрола Минаева, который, по преданию, и постригся здесь с именем Филарета⁵¹.

О первоначальной жизни монастыря сведений не сохранилось. Осталось только предание о нападении на монастырь разинцев с их атаманом Стенькою или с кем-нибудь из его подручников. Об этом событии местный историк повествует так. «Приближались к Островской станице. Пожарное зарево стояло на небе, и в темноте ночной указывало путь, по которому шли разбойники. Но пощажена была станица: здесь расположился на ночлег сам предводитель разбойников. В виду его, по ту сторону Дона, блестели золотые главы Межигорской пустыни. Новые, недавно отстроенные здания монастырские, освещаемые заревом пожара среди ночной тьмы, представляли обманутому взору Разина вид богатого монастыря, и веселили его алчную душу приманкой богатой поживы. Он отдал приказ разграбить пустынь. Хищники бросились к добыче; но сильное волнение реки остановило их на половине пути к монастырю, и сколько они ни употребляли усилий, чтобы переправиться через Дон, а принуждены были возвратиться ни с чем. Однако, неудача не могла заставить Разина отказаться от своего намерения; напротив, он решился во что бы то ни стало овладеть монастырскими сокровищами, и не позже, как на другой день. Действительно, восходящее солнце осветило Разина пред св. воротами обители. Хотя Межигорская пустынь, по преданию, была окопана рвом и обнесена валом для защиты ее от набегов разбойничьих шаек, которые в XVII в. нередко производили здесь разбои; но что значила эта защита против разъяренных, жаждущих крови и поживы разбойников? Поэтому, предав себя на волю Божию, иноки собрались в церковь и безмолвно ожидали появления страшного гостя. И он явился перед ними, но явился – мирным богомольцем. Что же было причиною внезапного изменения в Разине? Боязнь за собственную жизнь, страх суда Божьего, угрожавшего ему в ночном видении лишением зрения за дерзкое покушение на обитель; чувство собственного бессилия пред могуществом Божиим, чувство сильное, потрясающее нередко души самых бесстрашных злодеев. Ласково обошелся Разин с монахами и набожно сложил у алтаря

принесенные с собою дары – серебро и два фунта жемчуга на украшение храма. Потом удалился к бунтующим в бездействии толпам своим и, увлекаемый своей несчастной судьбой, повел их туда, где ожидал его праведный суд царский и позорный топор палача»⁵².

2. Монастыри северного Дона возникли при участии и под покровительством местного служилого населения. Мы изложим сведения об их возникновении и первоначальном быте, начиная с самых северных и переходя к югу.

Самый северный Донской монастырь – Троицкий-Лебедянский. Монастырское предание относит основание его к глубокой древности, связывая его начало с именами князя Юрия Святославовича Смоленского и атамана Тяпки. В княжение Иоанна Калиты был послан из Москвы боярин Тяпкин (или Тяпка) с данью в Орду к хану Узбеку. Соблазнившись деньгами, Тяпка присвоил их себе и, скрываясь от московских властей, избрал для своего обитания Романовские леса на берегу р. Дона. Здесь он собрал шайку вольницы и промышлял набегами. Однажды он захватил вовремя набега священника, который и поселился в городке Тяпки, отправляя в часовне молебные службы. Тяготясь шумною жизнью вольницы, священник просил отпустить его на гору, в лес, для уединенной жизни. После одного набега, удачу которого Тяпка объяснил Божией помощью, просьба священника была удовлетворена, и он в версте от городка, на поляне Романовского леса, поселился в двухэтажном каменном здании: низ был жилищем его, а верх – храмом во имя пр. Илии. Сам Тяпка, под конец жизни, удалился сюда и принял монашество; его примеру последовали и некоторые его сподвижники. После Куликовской битвы монастырь был разорен татарами. Под опустошенною Ильинской церковью поселился после того другой любитель пустынного уединения – священник или игумен Петр, к которому прибыл, неизвестный преданию по имени, удельный князь, лишенный княжества, жены и детей, – как думает местный историк, – Юрий Смоленский. Последний обстроил монастырь и здесь же скончался 14 сент. 1407 года. На этот раз монастырь существовал до 1542 г., когда монастырь снова был разграблен татарами. Монахи заперлись в ограде, не хотели сдаться и мужественно защищались. Татары осадили монастырь и сделали первый приступ, но неудачно, потому что монахи искусно защищались: они вскипятили воду, подпустили в нее муки и этою клейкой жидкостью обливали взбиравшихся на

монастырскую стену татар. Тогда татары переменили тактику: из дуба они соорудили стенобитную машину и пробили ею ограду, после чего ворвались в монастырь. Монахи были перевешаны на деревьях, имущество все разграблено, келии и ограда сожжены. Уцелели только стены церкви пр. Илии. С тех пор монастырь запустел на много лет⁵³.

Таковы предания. Частности в них легко могут опровергнуться, а самые крупные факты, вроде основания монастыря атаманом Тяпкой и устройства его Юрием Смоленским, стоят вне критики. Для научной истории можно извлечь из этих преданий только самое общее положение, без имен и точных хронологических дат – что монастырь существовал еще до XVII в., но потом разрушен, а в XVII веке устроен вновь.

Точные хронологические даты не говорят о начале монастыря в XIV–XVI вв. Эти даты определенно говорят, что монастырь возник в начале XVII века. Один документ говорит, что монастырь устроен до 131, т. е. до 1623 года – при строителях Савелии и Захарии⁵⁴. А эти строители жили в монастыре еще в 136, т. е. в 1628 году⁵⁵, – ясно, что древность монастыря не восходит глубже начала XVII века. Монастырское предание утверждает, что в начале XVII века здесь подвизался опальный боярин Федор Никитич Романов, укрывшийся от преследований Годунова; здесь он и принял иночество с именем Филарета⁵⁶. Но так как, достоверно известно, что Федор Романов постригся не по собственной воле, а по приказу Годунова⁵⁷, то это предание следует отвергнуть. Однако, какая-то связь между Лебедянским монастырем и домом Романовых была: при устройении монастыря ему были пожертвованы богослужебные книги и два зазвонных колокола царем Михаилом Феодоровичем и его матерью – инокиней Марфой⁵⁸. Быть может, это объясняется соседством монастыря с вотчиною Романовых. Монастырский историк пытается доказать близость Филарета Никитича к монастырю тем, что монастырь в его патриаршество стал приписным к патриаршему дому; но это объяснение совершенно неудачно: монастырь был приписан к патриаршему дому гораздо позже, в патриаршество Иоакима.

Основателями монастыря были строители Савелий (= Савватий), Захария и черный священник Иосиф. Вокруг них собралось небольшое братство. Частью своим иждивением, частью мирскою помощью они устроили в двух верстах от г. Лебедяни, в Романовском лесу, деревянную церковь во имя св. Троицы с

приделом во имя пр. Илии и с трапезою. Рядом с церковью выстроили колокольню. Церковной утвари и богослужебных книг в монастыре оказалось достаточное количество. Около церкви монастырь занял площадь в 40×25 сажен. Здесь стояли пять келий, житейка и отведено место под монастырское кладбище. Монастырь был обнесен стоячим тыном. Братия состояла из 5 монахов, двух бельцов, двух дьячков и пономаря.

На первых порах монахи питались Христовым именем. У монастыря не было земли; только в Лебедяни город отвел монастырю две усадьбы (15×10 и 6×5 сажен). И несмотря на такую необеспеченность, обитателей в монастыре было достаточно. Здесь проживали и мирские люди в ожидании пострижения, бывшие для монастыря даровыми работниками. Но местные власти, воеводы и приказные, стали брать этих «вкладчиков и монастырских бобылей» на свои работы. Следствием этого было то, что бобыли стали расходиться из монастыря. Братия жаловалась на воевод государю, на что последовал указ воеводам не утеснять монастырь⁵⁹.

В 1628 году монастырю была дана земля по соседству с ним – по 60 четей в поле, т. е. 180 четей или 90 десятин, на 500 копен сенокосу, т. е. 50 десятин, и 10 десятин лесу. В 1650 году монастырь владел уже 350 десятинами земли и прежним количеством сенокосу⁶⁰. В тоже время монастырю были даны на оброк в Воронежском уезде речки Девица (где монастырь построил мельницу) и Еманча. Но здесь монастырь столкнулся с местными полковыми казаками, не признавшими его прав на названные речки⁶¹. Поэтому монастырь в 1662 году просил взять у него мельницу и речки на великого государя и заменить их денежным жалованьем. 17 мая 170 года, т. е. 1662. Эта просьба была уважена, и монастырю на пропитание было указано выдавать по 200 рублей (!) из таможенных доходов на Туле⁶².

Определенная дата о Троицком Елецком монастыре относится к 1619 году⁶³, когда монастырю отведена была усадьба в г. Ельце. Отсюда ясно, что монастырь возник в начале XVII в. В 1630 году монастырю были даны земли – Старое Селище под Сусловым лесом, пустошь на р. Мечи под Рыскиным лесом, пустошь на р. Ельце – Созыкина поляна, Лепекина и Яблонова поляны. Всего монастырю было дано по 270 четей в трех полях, т. е. 405 десятин⁶⁴. Во главе монастыря стояли игумены Авраамий (под 1630 г.), Моисей (под 1646 г.), Павел (под 1658 г.) и старец Герасим (под 1670 г.). При игумене Моисее монастырь выстроил скит на Каменной горе во имя

иконы Знамения Пресв. Богородицы Курской, в котором проживало по 2–3 монаха.

Монастырь стоял за городом Ельцом на посаде в Троицкой слободе, на р. Сосне. В 1692 году в нем были две деревянных церкви – во имя св. Троицы (величиною 19×6½ сажень) и во имя свв. ап. Петра и Павла (7×4 саж.). На монастырской усадьбе стояло 10 келий. Вся усадьба, огороженная забором, занимала площадь в 44×23 саж. Под монастырем стояла монастырская слободка из 12 дворов⁶⁵.

На юго-восток от Елецкого монастыря, на Дону вначале XVII в. возник Тешевский монастырь, получивший название от реки Тешевки, впадающей в Дон. Основателями монастыря были старцы Кирилл и Герасим⁶⁶, по преданию, прибывшие сюда из Московского Сретенского монастыря. Последний был основан в память встречи чудотворной Владимирской иконы Божией Матери после нашествия на Русь Тамерлана (1392 г.). Пришельцы устроили на р. Тешевке при впадении ее в Дон пустынь в память того же чудесного события, избавившего Русь от нового погрома. Здесь, на Дону, было особенное побуждение вспоминать это событие, так как северный Дон подвергся нападению Тамерлана, который именно отсюда неожиданно ушел на юго-восток, не разгромивши центральной Руси. Так утверждались духовные связи между центральной Русью и ее юго-восточной окраиной. Естественно, что для пришельцев-москвичей занятая ими местность на Большой Московской дороге, на правом берегу Дона, была Задонскою, отчего и монастырь получил название Задонского. Но можно дать и другое, столь же естественное, объяснение этому названию. Данная местность в XVII в. входила в Елецкий уезд и от своего уездного города была Задонскою, как был и стан Засосненский.

Самое раннее известие о Тешевском монастыре находится в Елецких Писцовых книгах 1615 г. За монастырем в это время уже числилась Тешевская слободка в верховьях р. Тешевки, на монастырский жеребей приходилось пашни паханные четверть с осьминою. Рядом с монастырем поселился стрелецкий голова Филипп Иванов Тюнин, у которого было паханой земли четверть без полуосмины, да за ним же починок Тороторин, усть реки Проходни, на берегу р. Дону под Тешевским лесом на изроге, – здесь паханой земли было четь с полуосминою. В 20-х годах из части Тешевской слободки, принадлежавшей Тюнину, образовалось с. Пречистенское. При таком близком соседстве, естественны земельные

недоразумения, которые в 1626 г. привели к тяжбе между монастырем и Тюнином. А через два года (1628) Тюнин захватил у монастыря починок Елисеевский. Впрочем, этот починок был новым приобретением монастыря, который округлял свои владения без документов. Монастырю теперь уже принадлежало паханой земли 6 четей да перелогом 4 чети, да дикого поля 11 четей. В монастырской слободке Тешевке был уже полный причт из «белого попа, дьячка, пономаря; здесь же стоял двор монастырский да детенышей 5 дворов, да крестьянских дворов 6, да бобыльских 6. Паханой земли у слободки было 15 четей крестьянской и 5 четей бобыльской, да прелогом 25 четей да дикого поля 35 четей, всего по 80 четей в трех полях; сена по обе стороны р. Репца 100 коп.= 10 десятин». В 1632 году, после смерти Ф. Тюнина, игумен Прохор судебным порядком возвратил монастырю Елисейский починок. По р. Дону у монастыря были рыбные ловли, а на р. Проходне была устроена мельница. Особенную выгоду монастырю представляло его положение на большой московской дороге: это положение не только привлекало в монастырь богомольцев, но и повело к устройству при монастыре торжка, доход с которого шел на монастырские нужды. Монастырь же получал доход и с перевоза через р. Дон.

Писцовая книга 1615 г. так изображает Тешевский монастырь «Ограда древена, ворота простые затворные на монастырь. А в монастыре церковь во имя Пресв. Богородицы Сретение Владимирской иконы, а церковь поставление, и в церкви образы местные и книги и ризы и у церкви колокола и все церковное и монастырское строение двух старцев Кирилла да Герасима. Да в монастыре келий: келья черного попа Геласея, келья старца Михаила, келья старца Иева». В половине XVII в., при игумене Леониде, братии было 12 человек. – Монастырская слободка в 1628 г. имела 17 дворов, в 1658 г. 39, в 1661 г. – 58, в 1678 – 41⁶⁷.

В 12 верстах от Тешевского монастыря, вероятно, вначале XVII в. возникла Спасопреображенская Даншина пустынь. Сохранилось предание, что основатели Тешевского монастыря первоначально остановились и устроили пустынь на Даншином городище, а затем уже перешли на Тешевку. Несомненно то, что Даншина пустынь запустела еще до составления Писцовых книг 136–138 (1628–1630), почему в указанном выше предании нет ничего невозможного. Запустение монастыря могло зависеть от слишком открытого его положения на возвышенном городище, выходящем на большую московскую дорогу. Всяким «воинским людям», от участников

Московской смуты начала XVII века и воровских казаков до крымских татар включительно, монастырь мог служить приманкой. Но с другой стороны городище над большою рекой останавливало на себе внимание пустынножителей в мирное время. В половине XVII века здесь снова возникает обитель. Ее устройтелем является местный житель Артемий Иванов Лазарев, взявший себе Даншино городище в поместье и давший обещание устроить здесь монастырь. На устройство монастыря была исходатайствована благословенная грамота рязанского митрополита Моисея. Монастырю дана была земля в количестве 40 четей в поле, всего 120 ч., т. е. 60 десятин, 3 десятины сенокосу, лесу на версту в длину и $\frac{1}{2}$ версты в ширину по берегу Дона. Артемий Лазарев постригся в монахи с именем Авраамия и устроил монастырь. Но «воинские люди» сожгли монастырь. Сын Авраамия – Воин – пытался восстановить монастырь и уже исходатайствовал на это благословенную грамоту рязанского митрополита Илариона, но за смертью его это предприятие не осуществилось⁶⁸.

На 50° сев. широты, на правом берегу р. Воронежа в начале XVII в. возник Сретенский Карачунский монастырь, посвященный памяти того же события, что и Тешевский. «Образы, и книги, и ризы, и всякое церковное строенье – было делом игумена Никона. Благотворителями монастыря были донские казаки: благовестный колокол был пожертвован вкладчиком Назаром Романовым. Главная монастырская церковь была деревянная шатровая, с папертью вокруг нее. Другая церковь во имя Николая Чудотворца – с трапезой – устроена клецки. Около церквей были расположены кельи – старца Петра (очевидно, настоятеля) и три братских кельи, в которых в 1615 г. помещались 5 монахов. Монастырь был обнесен стоячим тыном. Над св. воротами была устроена башня, на которой висели три колокола. За монастырем помещался скотный двор. Уже в 1615 году монастырю принадлежало земли по 200 четей в поле, всего 300 десятин. Из этой земли на монастырь обрабатывали «детеныши» 20 четей в поле. Крестьянской пашни было 10 четей в поле. Сена по р. Дону по обе стороны от Кривоборья до Негочевского устья – 85 десятин. Лес большой хоромный и дровяной по обе стороны р. Воронежа, «вопче» с деревнями Пруцкою, Глушицами и Пекшевой.

Таким образом уже, в начале XVII в. Карачунский монастырь имел определенное устройство, значительный участок земли и начал собирать под свои стены «детенышей» – крестьян и бобылей. Судя по тому, что эти крестьяне распахивали для себя только 10 четей,

можно думать, что их было немного. Заселение только начиналось. В скором времени около монастыря образовался значительный поселок – в 54 двора крестьянских и бобыльских. Над ними был поставлен особый монастырский приказчик. Поселок имел свой причт из священника Василия, дьячка, пономаря и просвирницы. Но в 1623 г. большая часть крестьян и бобылей разбежалась, частью «от городских податей», частью «от татарские войны», т. е. очевидно от местного татарского нашествия, частью «от игумена Варсонофия»: всего оказалось 35 запустевших дворов и пепелищ. Около того же времени сгорела церковь во имя св. Николая Чудотворца, после чего при Сретенской церкви был устроен придел во имя Николая Чудотворца. Что касается владений монастыря, то к прежним прибавилось 40 четей лесу за р. Воронежем, два звена р. Дона и затон Шолохов. Наконец, под монастырем был устроен торжок⁶⁹.

После игумена Варсонофия, в документах упоминаются Феодосий (под 1629 г.) и Леонид (под 1640 г.). В начале 40-х годов монастырь снова подвергся нападению татар, опустошивших и разоривших 17 крестьянских и бобыльских дворов. В 1644 г. в монастырской слободке было только 2 крестьянских и 12 бобыльских дворов. В тоже время монастырь остался без игумена, попов и дьячков, – оставался только пономарь⁷⁰.

Под след. 1645 г. упоминается игумен Авраамий, под 1647 – старец Александр, под 1659 – Варсонофий. В монастыре было 7 монахов, а монастырская слободка состояла из 27 дворов⁷¹. Но в этом году «приходил под Воронеж крымский хан войною и монастырь их разорил, а братий всех и крестьян посекали, а иных крестьян же и жен и детей побрали в полон, а уходцов, крестьян же и детей их, только семь человек, и те одинокие»⁷². На этот раз татарскому опустошению подвергся весь уезд – разорено 100 (?) сел и 500 дворов⁷³. Монастырь оставался разрушенным «без остатку» до конца 60-х годов. Еще в 1670 г. он стоял «без пеня». Но в том же 1670 г. встречаем упоминание о строителе Гедеоне⁷⁴, под 1673 г. – Митрофане⁷⁵ и под 1681 г. – Феодосии. Впрочем монастырь не смог теперь получить надлежащего устройства. Вследствие частых разорений и других каких-нибудь причин, в него не приходили новые иноки. В 1682 году в нем проживал только один старец⁷⁶.

В 40 верстах к юго-западу от Карачунского монастыря, на правом берегу р. Дона, был расположен Семилуцкий Преображенский монастырь. Возникновение монастыря относится к 1620 году⁷⁷. Строителем его был вкладчик воронежец Василий

Струков⁷⁸. В первые годы своего существования монастырь получил местное специальное значение. Служилые люди – полковые казаки, расселенные близ Воронежа, явились и насельниками пустыни. Для них монастырь явился как бы инвалидным домом. «Полоненики, выходя из полону, раненые и увечные» были постриженниками Семилуцкого монастыря⁷⁹. Поэтому и самый монастырь получил название больничного⁸⁰. Естественно, что такой монастырь – инвалидный дом находился на иждивении местного воронежского населения. Вероятно, в 50-х годах XVII в. об этом первоначальном значении пустыни стали забывать, почему и сборы «мирской милостыни» на содержание обители сократились. Впрочем, мы высказываем это лишь как предположение. Строитель монастыря Митрофан указывает другую причину: «воронежцы служилые и жилецкие люди обедняли, а иные разошлись, и впредь питаться им нечем и одежи взять негде». При таких обстоятельствах братия прибегла к обычному источнику содержания: испросила жалованье у великого государя. До 1647 г. монастырь владел только огородною землею – Вострою Лучкой на Дону. В 1647 г. монастырю дано было на прокормление плесцо р. Дона⁸¹. Вероятно, около того же времени монастырю отдана была на оброк речка Марки с потеклями⁸². В 1661 году, по указу в. государя, положено было выдавать монастырю по 20 четей ржи, овса по томуж на год, из казенных воронежских житниц⁸³. Несколько ранее дана была земля – 40 четей по р. Ведуге⁸⁴. В 1657 году права на эту землю были подтверждены⁸⁵. В 1659 году монастырю были пожалованы рыбные ловли: р. Икорец, да на Дону затоны: Бабий, Окунев, Ведугский, Ситов, озеро Жировое с протоком. Раньше эти ловли находились на откупе у сына боярского Мины Прибыткова – по 25 р. в год. Монастырю они переданы по 26 р. в год⁸⁶.

Окрестное население недружелюбно отнеслось к владельческим правам монастыря. По-видимому, тесная дружеская связь между населением и монастырем прекратилась уже к концу 50-х годов. Когда монастырь стал получать от правительства разные угодья, холодные отношения к нему со стороны населения усилились, так как ранее эти угодья уже были заняты служилыми людьми и казаками, хотя и не были закреплены за ними формально. Выходило так, что монастырь отбивал у окрестного населения. Во второй половине XVII в. в соседство к Семилуцкому монастырю переселились черкасы, основавшие в сл. Ендовище. Эти уже совсем были чужими для монастыря, и столкновения с ними из-за

земельных владений были неизбежны. Но обнаружение этой розни и неприязненных отношений относится уже к концу XVII в.

Сравнительно с другими монастырями Придонья, Семилуцкий монастырь был беден. Он не имел пашенной земли, у него не было ни крестьян, ни бобылей⁸⁷. Поэтому и монастырские постройки были, конечно, очень непрочны. Уже в 1647 г. черный поп Карп, очевидно, настоятель монастыря, доносил, что Всемилового Спаса и чудотворного образа великомуч. Пятницы церковь старая развалилась, а новой воздвигнуть нечем⁸⁸. (Под 1653 г. упоминается строитель пустыни Кирилл⁸⁹). А за 1658 г. есть сведение, что в монастыре нет ни игумена, ни строителя, а живут в монастыре только шесть черных старцев⁹⁰. Впрочем, под следующим 1659 г. упоминается опять строитель Кирилл⁹¹, а под 1660 г. строитель Митрофан⁹². Какие были настоятели монастыря после Митрофана до 80-х годов, или он оставался настоятелем за все это время, неизвестно, как неизвестен состав братии и состояние пустыни.

Бедствия монастырей Карачунского и Даншина красноречиво говорит о том беззащитном неустойчивом положении, какое они занимали. Но эти монастыри занимали первый – правый берег р. Воронежа, второй – левый берег р. Дона. Эта местность была заселена гораздо гуще, чем левый берег р. Воронежа. К концу XVII в. на правом берегу р. Воронежа было 16 поселений с церквями – от Белоколодезя до Чертовицкого. В тоже время на левом берегу стояло только 4 села с церквями. Далее от берега, на юго-востоке, население было еще реже. Правда, в середине XVII в. здесь были устроены города – Орлов (1646) и Усмань (1650). Но, не смотря на это, к концу XVII в. на восток от Воронежа насчитываем всего только 23 селения с церквями. Главною причиной этой медленности заселения края были те опасности от набегов «воровских людей», среди которых приходилось жить новым поселенцам.

И, несмотря на эти опасности, еще в начале XVII в., задолго до основания названных городов, здесь возник монастырь – в дремучем лесу, покрывавшем берега р. Усмани. По преданию, его основателем был пчеловод. Пчеловод, по большей части, одинокий человек, даже если живет недалеко от села. Его стихия – природа да Божия работница – пчела, с которой он может говорить ему только понятною речью. В начале XVII в. это одиночество было почти полным уединением, благодаря малонаселенности края. Один из пчеловодов и поселился со своим пчельником на потоке («колодезе»), впадающем в р. Усмань. Это был Константин или, по

местному произношению, Константин. Местность, по которой протекал поток, лежала выше русла болотистой р. Усмани, берега которой были так низки, что представляли из себя почти непрерывные топи, с которыми трудно было бороться одинокому человеку. По местному преданию, Константин, ходивший за пчелами, ютившимися в дуплах деревьев, и для себя самого нашел приют в дупле громадного дерева, – гигантские размеры деревьев, сообщившие местности название Толшей, способствовали такому способу обитания. Пчельник Константина, привлеки к себе искателей пустынного жития, и сделался монастырем. Оградою его на первых порах служил плетень или тын пчельника, а кельи были если не дуплами, то незатейливыми избушками; вместо церкви на первых порах, вероятно, стояла часовня. Естественно, что монах пчеловод посвятил эту часовню памяти покровителей пчеловодства – свв. соловецких подвижников Зосимы и Савватия. Впоследствии выстроенная на месте часовни церковь тоже была посвящена их имени.

В соседстве с пустынью поселились дети боярские Пареного. Они заняли местность около Толшей еще до 1635 г.⁹³. Поселившись около пустыни Константина, Пареного сделались устроителями монастыря в обычном значении слова. Они выстроили на берегу р. Усмани монастырские здания и выделили в пользу монастыря часть своей дачи «для поминовения родителей их»⁹⁴. Вследствие этого Пареного считали монастырь своим фамильным кладбищем и даже своим владением и часто вмешивались в монастырскую жизнь. Зависимость от помещиков, конечно, была неудобна для монастыря; да едва ли был значителен и участок земли, данной ими монастырю. Но если он был и значителен, то необходимо было закрепить его за монастырем. Это закрепление произошло уже в 1684 году⁹⁵. А до того времени монастырь не чувствовал себя полным собственником данной ему земли. – Угодья его состояли из леса и топей и потому мало давали дохода братии. Испытывая нужду в содержании, монастырь ходатайствовал пред правительством о даровании ему хлебного и денежного жалованья. В 1677 г. монастырю пожаловано было по 10 руб. денежной руги из таможенных и кабацких доходов⁹⁶ и, кроме того, по 12 четвертей ржи и овса. Около этого же монастыря на Нешковом колодезе монастырь устроил мельницу. Кроме того, монастырь собирал пошлины с торжка, устраивавшегося под монастырем в праздник Преображения Господня, и с перевоза через р. Воронеж под селом Ступиным.

Находясь в глухом лесу, монастырь на первых порах не нуждался в обычной монастырской ограде, а потом окружен был деревянным забором. Здесь были устроены две деревянные церкви – во имя Преображения Господня и свв. Зосимы и Савватия. Кельи выстроены были в виде отдельных домиков – в каждом была келья и сени. Кроме того, в монастыре были отдельные постройки для трапезной, хлебни и поварни. Наконец, за р. Усманью стояли три избы для монастырских работников, смотревших за скотом и молочным хозяйством. Монастырские кельи строились на монастырский счет, но иногда и на счет состоятельных братий. Братии в 1677 году было 9 монахов и 9 причетников и трудников.

Откуда пришли первые насельники монастыря, неизвестно. Со времени основами г.г. Орлова и Усмани в монастырь стали поступать посадские и служилые люди из этих городов. С основанием этих городов положение монастыря сделалось более устойчивым. При самом основании Усмани монастырю было отведено в новом городе – против Пушкарской слободы – под двор и огород место – «для осадного времени»⁹⁷, – интересная прибавка, свидетельствующая, что монахи по временам вынуждены были бросать свой монастырь и спасаться от набегов воинских людей в соседнюю крепость. Так установилась естественная связь между городом и монастырем.

В общем состав монастыря был простонародный. Во главе ее стоял «черный поп» – строитель, избиравшийся по общему согласию братии. Также по общему согласию избирался казначей монастыря, который иногда и не носил священного сана. После старца Константина во главе монастыря упоминаются строители Иосиф – под 1646 г. и Авраамий – под 1677 годом.

Начало монашества в г. Воронеже восходит ко времени основания города (1586 г.). Но первые монахи проживали частно или строили свои кельи близ церквей. В Писцовых Книгах 1615 г. упоминается у церкви пр. Илии «на церковной земле пять келий бобыльских»⁹⁸.

Первый монастырь г. Воронежа – Успенский, возник в 1600 году. Он называется «строением царя Бориса»⁹⁹ и «строением игумена Кирилла»¹⁰⁰. Л. Вейнберг пытался доказать, что этот монастырь возник раньше – одновременно с основанием города (1586 г.). Но при ясном выражении – «строение царя Бориса» (царств 1598–1605) – это мнение следует считать ошибочным.

Монастырь был устроен на самом берегу р. Воронежа, на посаде города. Уже в начале XVII в. ему были даны значительные угодья и

права. Так, ему было предоставлено право собирать «пошлину проходную и мытную и с судов пристанища и со всякого зверя пошлину»¹⁰¹. Еще раньше монастырю дано было по 300 четей земли в трех полях, в 1674 г. у монастыря было 450 четей, в том числе 300 четей доброй земли. Из них запахивалось 50 четей (Писцов. Кн., стр. 131). Лесом монастырь владел «вопче» с помещиками – на 1 версту в длину и 1/2 версты в ширину. Монастырю принадлежали три плеса р. Воронежа, озера: Долгое, Побочное, Затонец Иван с озерками, луга за р. Воронежем и на протоке мельница¹⁰². В Чертовицком стане монастырю принадлежала земля в соседстве с землею беломестных атаманов и казаков по Долгую поляну. Наконец, в деревне Сушиловке – 50 четей земли¹⁰³ и сенные покосы¹⁰⁴.

На левой стороне р. Воронежа, почти против монастыря, в начале же XVIII в. возникла монастырская деревня, называвшаяся Заворонежской¹⁰⁵ и Клементьевой¹⁰⁶. Небезопасное положение ее на левом берегу реки заставляло думать о средствах защиты: около деревни стоял дубовый острог, на воротах которого возвышалась башня, а за острогом шли надолбы.

Положение монастыря на низменной части города, на самом берегу р. Воронежа, скоро дало себя почувствовать: полая вода разрушительно действовала на монастырские постройки. Уже в 1616 году, по словам игумена Феодосия, «в монастыре храмы развалились и кельи от полые воды погнили и ограду монастырскую вода разнесла, а алтарная стена висит над водою». В виду всего этого игумен просил разрешения перенести монастырь на более удобное место, на Старое Казарское Городище. Разрешение последовало, причем «на переселку» монастыря были пожалованы – Казарское Городище, две полянки, рыбные ловли на р. Воронеже, проток Инютин с озерами и с покосами, проток Трегубов и черный лес по обе стороны р. Воронежа¹⁰⁷.

Но монастырь не воспользовался предоставленным ему правом переселения. Двинуться с места было трудно, так как монастырь успел обзавестись не только собственно монастырским инвентарем, но и значительной слободкой. Правда, деревянная церковь («клетки») во имя Успения Божией Матери с приделом в честь Феодора Стратилата, была ветха. А колокольня помещалась под шатром на четырех столбах, и весь монастырь был обнесен дубовым тыном. Но в этих стенах стояли уже 8 монашеских келий, две житницы, хлебня, пекарня и поварня. А за монастырской стеной располагалась монастырская оброчная слободка, тянувшаяся с

нижней части города (55 дворов) и по склону горы (33 двора). Каждый двор уплачивал монастырю по два алтына в год¹⁰⁸. Переселиться на новое место было очень невыгодно. Между тем, оставшись на старом месте, монастырь продолжал округлять свои владения. Его покровителями были не только местные жители, но и донские казаки¹⁰⁹. В 1627 г. ему были пожалованы затоны Малышевский, Голышевский и Телевский¹¹⁰. В 1637 г. – дикое поле в Долгой Поляне по 20 четей в трех полях, прежде принадлежавшие Покровской церкви. Заворонежская или Клементьевская деревня разрасталась в 1629 г. в ней жили – монастырский приказчик, 8 дворов работников (пчеловод, рыболовы, скотники и проч.), один крестьянский двор, 8 бобыльских и 6 дворов пустовых¹¹¹. Для оброчной слободки при монастыре, равно как и для деревни Клементьевской и для самого монастыря, при монастыре проживал многочисленный причт. Замечательно, что с самого начала монастыря, при 13 старцах и игумене, богослужение совершал белый поп Варфоломей¹¹². А в 1629 г. монастырский причт состоял из двух священников (у одного из них было 4 бобыльских двора), трех дьячков, просвирницы, пономаря и церковного сторожа¹¹³. К 40-м годам монастырское хозяйство еще более усложнилось: здесь в особых дворах при монастыре проживали конюхи, бочарник, повар, рыболовы, хлебники, квасовар, гвоздарь, огородник, сапожник, швецы, плотники, солодовники, кузнецы, перевозчики¹¹⁴. Братия состояла из 34 лиц: игумена Сергия, трех иеромонахов и 30 монахов¹¹⁵. Приход из посадских людей к 80-м годам исчислялся уже в 183 двора. Из них крестьянских дворов было 9 и бобыльских 8. В том же приходе 10 дворов вдовьих и 32 нищих¹¹⁶. Может быть, эти дворы раньше составляли «слободку на посадке кормящих старцев», стоявшую на полугоре повыше Ямской слободки, в которой в 1615 г. было 21 двор. Там жили вдовы, убогие и увечные¹¹⁷. Во всяком случае характерно то, что значительный поселок из вдовьих и нищенских домов вошел в приход монастыря, – черта, лишняя раз доказывающая тесную связь монастыря с местным населением и сообщающая монастырскому быту полу мирской, богаделенный характер. Что касается деревни Клементьевской, то ее положение не считалось удобным. В 1654 г. игумен Алексей ходатайствовал, чтобы земля, занятая этой слободкой, была взята на великого государя, а монастырю была дана земля в количестве 150 четей в другом месте, бывшее селище Федора Плясова, рядом с Бобяковскими поместьями, под Дроновым липягом, на колодезе Головеске,

впадающем в р. Усмань. Ходатайство игумена было уважено в 1661 году¹¹⁸. Но, по-видимому, монастырь не переселил своих крестьян на новое место. Деревня Клементьевская осталась на старом месте и в 186 г., т. е. в 1678 г. в ней насчитывалось 2 крестьянских и 17 бобыльских дворов¹¹⁹. В последующее время владения монастыря увеличились приобретением мельницы на р. Девике с угодьями¹²⁰, ранее принадлежавшими Троицкому Лебедянскому монастырю¹²¹, и сенных покосов при впадении р. Девик в Дон¹²².

В 1620 г. в Воронеже был основан другой мужской монастырь – Окатовский. Поводом к его основанию послужило следующее обстоятельство. В 1620 г. на Воронеж напали «многие литовские люди и черкасы». 12 февраля воронежцы устроили удачную вылазку и побили врагов. Память избавления от опасности население «всем городом и уездом – всякие люди» обещались ознаменовать созданием храма и монастыря. А так как город избавился от опасности в день памяти Святителя Алексея, митрополита Московского, то обетный храм и монастырь и решено было посвятить имени московского Святителя и Чудотворца¹²³.

Строителями нового монастыря явились – игумены Успенского монастыря – бывший Кирилл (он же был и строителем Успенского монастыря) и его племянник игумен Феодосий. По смерти Кирилла Феодосий сделался настоятелем обоих монастырей¹²⁴. Эти строители решились теперь воспользоваться данным в 1616 г. Успенскому монастырю правом переселиться на Старое Казарское городище. Монастырь устроили на Окатовой поляне. Для нового монастыря были отданы и те угодья, которые в 1616 г. были даны «на переселку» Успенского монастыря: две полянки, плесо р. Воронежа, проток Инютян с озерами, покосами и другими угодьями, проток Трегубов и черный и боровой лес по обе стороны р. Воронежа¹²⁵. Пашни отведено было по 300 четей в трех полях.

Первым игуменом был Кирилл, бывший ранее, еще до 1616 г., игуменом Успенского монастыря и скончавшийся в 1631 или 1632 г. Под его управлением было 6 монахов; из них один – черный поп. Писцовая книга 137 (1629) года говорит, что «в церкви образа и книги и ризы, у церкви колокола и всякое монастырское строенье – игумена Кирилла»¹²⁶. Но из истории возникновения монастыря видно, что и горожане помогали монастырю своими пожертвованиями. А Переписные Книги монастыря 152 (1644) г. утверждают, что в церкви образы и книги и ризы и сосуды церковные – строенье донских казаков¹²⁷. Быть может, последние пришли на

помощь монастырю уже при перестроении храма: неизвестно по какой причине храм монастырский в 40-х годах или в конце 30-х был посвящен «Пречистой Богородице Владимирской» с приделом во имя митрополита Алексея¹²⁸.

Около новой пустыни скоро возникла монастырская слободка. Кроме гостиного двора и двора монастырского служки (приказчика?), здесь уже в 1629 г. стояло 4 крестьянских двора¹²⁹, а в 1658 г. – 9 дворов монастырских работников (скотника, бочара, хлебника, огородника, швеца, кузнеца, рыболова и плотника); 7 дворов монастырских бобылей не пашенных и 5 дворов пустых бобыльских¹³⁰. В 1676 г. в слободке было 13 дворов крестьянских и 32 бобыльских¹³¹. Кроме того, за р. Воронежем уже в 1620 г. монастырю принадлежал починок Трегубов, или деревня Рожка (Отрожка), в которой было 6 дворов детенышей и крестьян, в 1658 г. – 11 дворов, в том числе 2 пустых. В монастырские крестьяне поступили – пятницкий дьячок, пономарь Успенского монастыря и боярский сын Стародубцов¹³². В 1664 г. Трегубов починок состоял из 27 дворов; в 1667 из 30. Кроме этих монастырских поселений, приходом к монастырю в 70-х годах причислялись 61 двор посадских людей¹³³. Наконец, когда за Воронежем, на Нагайской стороне возникла Казачья слободка (Придача?), то она тоже вошла приходом к Алексеевскому монастырю¹³⁴. В виду такого большого прихода, при Алексеевском монастыре, как и при Успенском, был многочисленный церковный причт: в 1658 г. он состоял из 2 попов, 2 дьячков, пономаря, просвирницы и церковного сторожа¹³⁵; в 1676 г. причт почему то сократился: он состоял из одного попа, дьячка и просвирницы¹³⁶.

Преемником первого игумена был с 1632 г. Феодосий (Протопопов). При нем монастырь получил на оброк с 1 сент. 1634 г. Белозатонский юрт, с платою за него 23 р. оброку в год¹³⁷. Затем под 1653 и 1665 г.г. упоминается игумен Иосиф¹³⁸ (Варяинов). Под 1676 г. упоминается игумен Павел¹³⁹, и в том же году – Питирим¹⁴⁰. В это время монастырь имел уже новую каменную церковь. Грамота Рязанского митрополита Иосифа на ее построение была выдана в 1666 г.¹⁴¹, а устроена она в 1674 г. Построение каменной церкви было явлением необычайным для Воронежских монастырей XVII в. и свидетельствует о материальном благосостоянии монастыря. Главную статью дохода был богатый угодьями Белозатонский юрт (ныне села Мамоны Верхний и Нижний, Павловского уезда). Здесь были не только рыбные ловли, леса и сенные покосы, но еще

лосиные стойла, бобровые гоны, в лесах водились даже куницы¹⁴². Платя 23 оброку, монастырь не только покрывал его доходами с юрта, но еще выручал 80 руб. чистого дохода. Кроме того, монастырь имел сенокосы по р.р. Хаве и Тамлыку – на 24 стога.

Рядом с материальным достатком росло и общественное значение монастыря. В половине XVII в. он стал преимуществовать пред Успенским монастырем и его настоятели, по-видимому, бывали как бы наместниками Рязанских митрополитов.

За чертою Воронежского уезда, южнее Боршова монастыря и Форосанской вотчины Покровского монастыря, в начале XVII в. возник Лысогорский монастырь (близ с. Селявного Корот. у.). Уже в 1626 г., в настоятельство строителя Сафрония, монастырю была отмежевана земля рядом с Форосанским ухожеем. Это было еще до построений городов Урыва и Коротояка. С построением этих городов Лысогорский Троицкий монастырь оказался как раз в узле границ этих уездов и Воронежского. Вследствие этого недоразумения из-за земельных владений, возникшие между урывчанами, коротоячанами и Покровским монастырем, не могли не коснуться и Лысогорской пустыни, почему Лысогорскому монастырю тоже пришлось возбуждать ряд ходатайств о размежевании его земли от соседних владений. Сохранившийся документ, излагающий эти ходатайства и размежевания, определяет монастырские владения главным образом на правом берегу Дона. Здесь монастырь владел лесом под г. Урывом и в уезде вообще с урывчанами. Монастырская земля шла от пустыни по дороге в Урыв, с Урыва на с. Сторожевое, а оттуда вниз по течению Дона до пустыни. Это составляет значительный треугольник; но измерить эту землю было невозможно «за озерами, топиями и лесами». Кроме того, монастырю были отмежеваны на Нагайской стороне сенные покосы близ р. Хворостани – по дороге на р. Игорец – 100 четвертей – 50 десятин¹⁴³.

Документы не дают почти никаких других сведений о монастыре. Можно извлечь только имена настоятелей пустыни, ходатайствовавших об укреплении за нею земли. После Софрония (1626–1651 г.) упоминается Евфимий (1659)¹⁴⁴, Иосиф (1675), Ефрем (1676–1677)¹⁴⁵. Монастырь был малолюднен. В 1659 г. в нем было 7 братьев вместе со строителем да 4 детеныша, из которых один – дьячок Ивашко распоп¹⁴⁶.

Когда был основан город Коротояк (1647), то к его уезду и была приписана Лысогорская пустынь¹⁴⁷. И, по-видимому, отношение к ней Коротоякских помещиков было более дружелюбное, чем к

Покровской вотчине. Наоборот, Покровский монастырь относился к Лысогорскому так же враждебно, как и к коротоячанам. С течением времени, Лысогорская пустынь могла даже стать под покровительство нового города. Но во второй половине XVII в. значение этой пустыни должно было ослабеть: в Коротояке основан свой монастырь, по соседству с городом, но выше по течению Дона, на горе. В нем была устроена Вознесенская церковь с приделом в честь преп. Сергия Радонежского¹⁴⁸. В 1659 г. монастыря еще не было, а в 1675 г. монастырская церковь уже обветшала. Монастырь был основан в 1675 или 6 г.г.¹⁴⁹. Монастырь на первых порах содержался на подаяния благотворителей. Но, вероятно, подаяния эти были незначительны: монастырская церковь скоро обветшала, стала разрушаться; разрушались и монастырские постройки. Для возобновления строений монастырь испросил себе мельницу на р. Девице¹⁵⁰. А ранее, в 1675 г. монастырю была отведена земля, между селами Девицею и Песковаткой, в количестве 100 четей в поле, т. е. всего 150 десятин¹⁵¹.

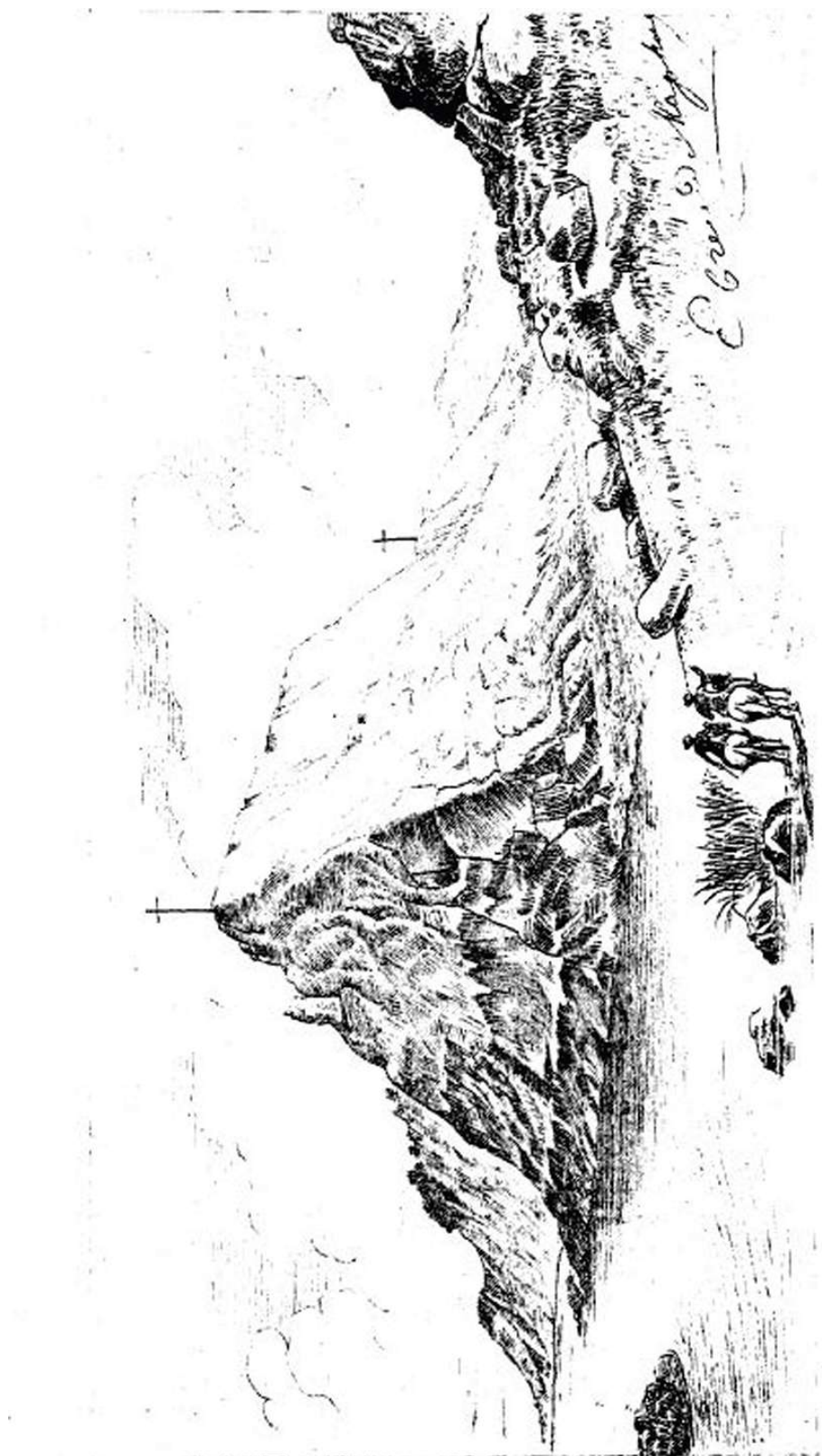
Приблизительно в то же время в Коротояке возник женский монастырь Казанский. К концу 70-х годов он был очень многолюдным: в нем было 50 сестер. Но сестры не захотели «быть в послушании у игумении и терпеть общежительного повиновения». Поэтому они разбрелись из монастыря и стали проживать у сродичей по мирским домам¹⁵².

Верстах в 15 от Коротояка вниз по течению р. Дона над правым берегом его нависает высокая шатрообразная меловая гора, называемая Шатрищем. На небольшом уступе этой горы образовался¹⁵³ один меловой столп. В нем выдолблено окно, чрез которое проникает свет в пещеры, находящиеся внутри горы. Со стороны же Дона есть еще два окна и дверь в пещеры. С другой – противоположной – стороны в пещеры ведет дверь, выдолбленная приблизительно на половине высоты горы. Эта дверь приводит в коридор, упирающийся в одно из указанных окон над Доном. Если повернуть, не доходя до этого окна, направо, то пред посетителем откроется помещение церкви, разделенной меловой стеной на алтарь и отделение для молящихся. В алтаре, за престолом, устроено горнее место, как бы для архиерейского богослужения, в древнем стиле. Из церкви ведет пещерный ход, спускающийся винтообразно к подошве горы на протяжении 200 сажен. Вероятно, прежде при подошве горы был выход (как в соседних Дивногорских пещерах).

Происхождение этих пещер покрыто мраком неизвестности. Можно думать, что он, как и соседние Дивногорские, служили не одним целям подвижничества. Быть может, первоначально они были защитой и почти неприступною крепостью – убежищем в этом опасном месте, подвергавшемся нападениям кочевников.

Когда возникла здесь пустынь – тоже неизвестно. Единственный рассказ о пустыни принадлежит восстановителю монастыря – бывшему попу Мелетию. Рассказ этот весьма много дает для характеристики донского монашества. Мелетий был попом в Ельце, откуда был переведен в Коротояк в «нужное время». Овдовевши, он лишился права священнодействовать, и был взят коротоякскими воеводами в полк. Полковую службу он нес 17 лет, терпя бедность и разные лишения и не получая никакого жалования. Состарившись и одряхлевши, он не мог снискать себе пропитание. В монастырь ему тоже нельзя было поступить, так как в монастыри без вклада не принимали. И вот в такой крайности Мелетий просит царя разрешить ему поселиться «в пустыне над рекою Доном, в меловой горе, где устроена церковь во имя Преображения Спаса нашего Иисуса Христа. Эта пустынка, рекомая Шатрища, теперь стоит пуста, без пения, разорена от воровских казаков». Мелетий просит разрешить ему постричься в этой пустынке, а на пропитание припахать земли возле той пустыни. Челобитье Мелетия было подано в 1677 году. А 24 октября 1678 года последовал указ великого государя митрополиту Михаилу Белоградскому и Обоянскому о пострижении Мелетия, с ограничением – не принимать в пустынь иных и прихожих людей без государева указа¹⁵⁴.

Других сведений о монастыре мы не имеем. Только в грамотах соседнего Дивногорского монастыря упоминается о Шатрищевском монастыре и о принадлежавшей ему земле.

Шатрище. (Снимокъ съ рисунка Е. Л. Маркова).

По правую сторону р. Дона тянется кряж меловых гор, почти без всякой растительности. Но левая, луговая сторона, перемежающаяся

частыми озерами, оживляет местность. Недалеко от устья р. Тихой Сосны, ниже по Дону, в уступе меловых гор приютился Дивногорский монастырь. Эта большая река, бегущая в 70 саженьях от обители, эти нависающие скалы и широкий простор луговой равнины – радовали сердце древних пустынножителей, как они радуют современных монахов и богомольцев, прибывающих в монастырь. Но особенную, своеобразную прелесть местности составляют так называемые Дива. Это громадные белые столпы самых причудливых форм, возвышающиеся над береговым горным кряжем. Различаются Большие и Малые Дива. Большие находятся выше впадения в Дон р. Тихой Сосны. Их было около двадцати; но с проведением под горным кряжем железной дороги началось их разрушение, в видах ограждения полотна дороги от обвалов и крушений. Теперь целыми остались только 4 столпа, остальные наполовину и более разрушены. Малые Дива находятся над самым монастырем, который от них получил свое название. Их только три; но тем не менее они придают обители своеобразную красоту, особенно один столп; на вершине его водружен крест, под самым столпом выдолблена церковь, а из нее идут длинные переходы пещер.

О происхождении каменных столпов, называемых Дивами, существует несколько мнений. Первое и пожалуй наиболее вероятное – предположение принадлежит путешественнику Гмелину (1751 г.) и повторено митр. Евгением Болховитиновым. «Фигуры сих столбов, – говорит последний, – произошли оттого, что гора, беспрестанно осыпаясь, оставляет на себе возвышенными сии груды мела, укоренившегося на кряже гор» (Описание Воронежской губернии. 1800 г., стр. 181–185). – Но такое мнение отрицается некоторыми позднейшими исследователями. Так, Майнов находит в Дивах следы искусственных сооружений древности: он заметил на вершине Больших Дивов следы постройки в виде обода, идущего вокруг вершины горы. С южной стороны этой постройки находится, по-видимому, искусственный выступ скалы. К этому Л. Б. Вейнберг делает следующие дополнения. Он указывает на расположенное над Большими Дивами Маяцкое городище, представляющее правильный квадрат приблизительно в 1600 □ сажень. В западном углу городища прежде был колодезь в 16 □ аршин. Находясь на огромной высоте, он едва ли мог служить обыкновенным колодцем. В самых же Дивах тоже, по его мнению, было множество печерок. Столпы расположены в одну линию по краю горы и ясно носят на себе следы искусственной кладки. Это, по мнению Вейнберга, остатки каменной

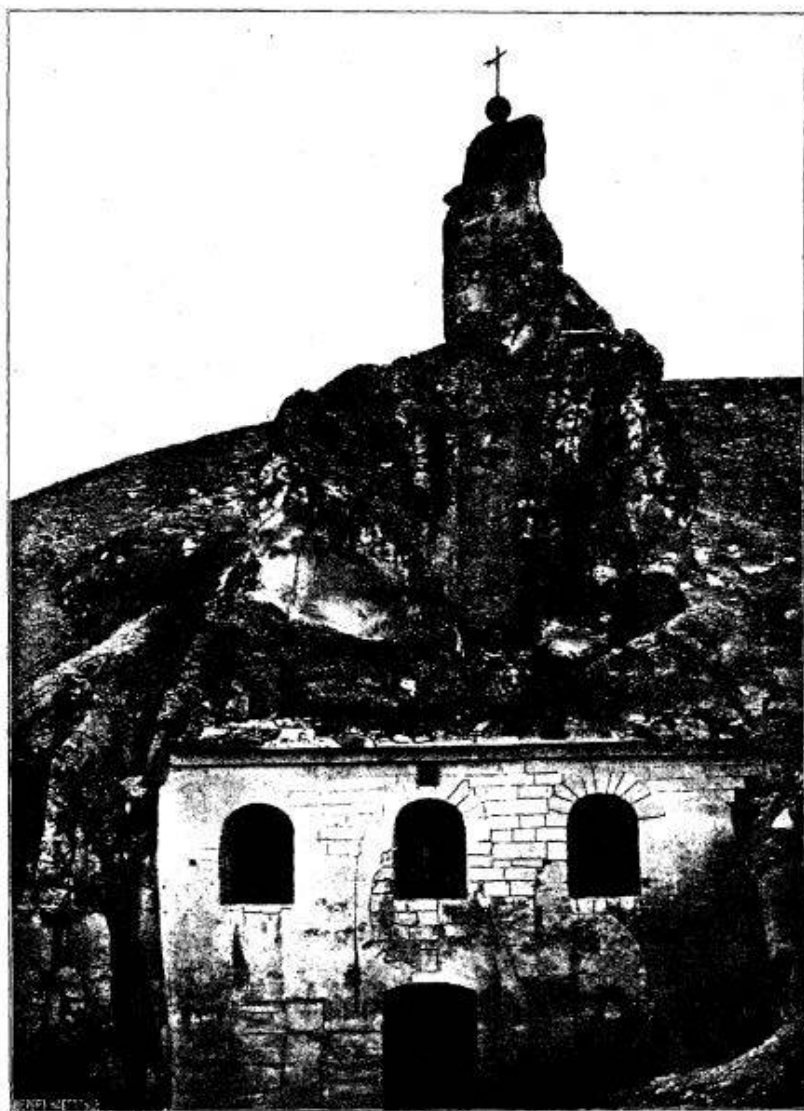
стены, некогда окружавшей и защищавшей эту гору вместе с ее обитателями. Такими обитателями, по его мнению, в древности были хазары¹⁵⁵. Совершенно иное значение Дивам придает Е. Л. Марков. «С первого невольного взгляда на Большие Дива, пока еще ни ум, ни фантазия не успели переработать непосредственных впечатлений глаза, – я инстинктивно ощутил себя у подножия каких то гигантских языческих идолов. И прежде, чем я собрал и привел себе на память все то, что я знал из книг об этих странных произведениях природы, моя фантазия художника уже живо нарисовала мне в мгновенно-вспыхнувшем беглом эскизе – картину давно минувшего времени, когда долбленные челны каких-нибудь полудиких обитателей Дона, проплывая мимо глухих лесных берегов священной для них реки, – в первый раз поражались зрелищем этих удивительных каменных великанов, загадочно белевших среди темных чащ леса и провожавших их безмолвными рядами с высоты своих недоступных круч. В детски-образной фантазии язычника-дикаря это, конечно, должны были быть сами боги, что владычествовали над опасными стремнинами реки, разбивали в бурю о камни берега их утлые суденышки и топили в омутах водоворотов не угодивших им злосчастных пловцов. Слово дивы, девы, dives, тесно сродное с deus, – во многих арийских языках имело приблизительно одно и то же общее значение божественности и только впоследствии приобрело переносное значение дивного, удивительного»¹⁵⁶.

Большие, а особенно Малые Дива, поражавшие прежних путешественников своею белизной, теперь потемнели, как бы закоптились и замшились. Кроме того, Большие Дива теперь наполовину разрушены. Года 3–4 тому назад их стали разламывать, по распоряжению железнодорожного начальства, в виду опасности обвалов и крушения поездов железной дороги, проходящей под ними. Разрушение этих загадочных памятников старины вызвало заявление со стороны М. Д. Свербеева, который просил Воронежскую Ученую Архивную Комиссию возбудить ходатайство о воспреещении этой разрушительной работы. Присутствовавший в Комиссии г. Начальник губернии П. А. Слепцов обещал принять меры к охранению столпов от разрушения. (Труды Ворон. Уч. Арх. Комиссии, в. I, ж. стр. XLVI–VII). Но уже теперь это не прежние Дива: Некоторые из них срыты на половину, у других снята вершина; в целом виде сохранилась небольшая группа близ пещерной церкви. Однако и теперь, если подходить к Дивам сверху, со стороны Маяцкого городища, то предположение Л. Б. Вейнберга покажется

правдоподобным. Дива – это, как будто, вторая линия укреплений, вторая стена, защищающая нагорное население от набегов врагов. А углубляющиеся линии, как бы разделяющие столпы на отдельные камни, приложенные друг к другу, еще более утверждают в мысли, что это гигантское сооружение – дело рук человеческих. Но это предположение быстро исчезает, когда пойдешь от Больших Див вниз по течению реки. Достаточно одного взгляда на меловой берег реки, чтобы убедиться, что строение этого берега однородно со строением столпов Див: те же углубляющиеся линии, разделяющие меловые пласты берега на отдельные глыбы, как бы искусственно приложенные друг к другу. Еще труднее допустить искусственное происхождение Див потому, что Дива разбросаны на 10-верстном расстоянии, а не под одним Маяцким городищем. Зачем было сооружать по одному столпу в других местах по течению реки? Гораздо проще видеть в этих столпах не искусственное сооружение, а своеобразное явление природы, которым впоследствии воспользовались для своих целей местные жители.

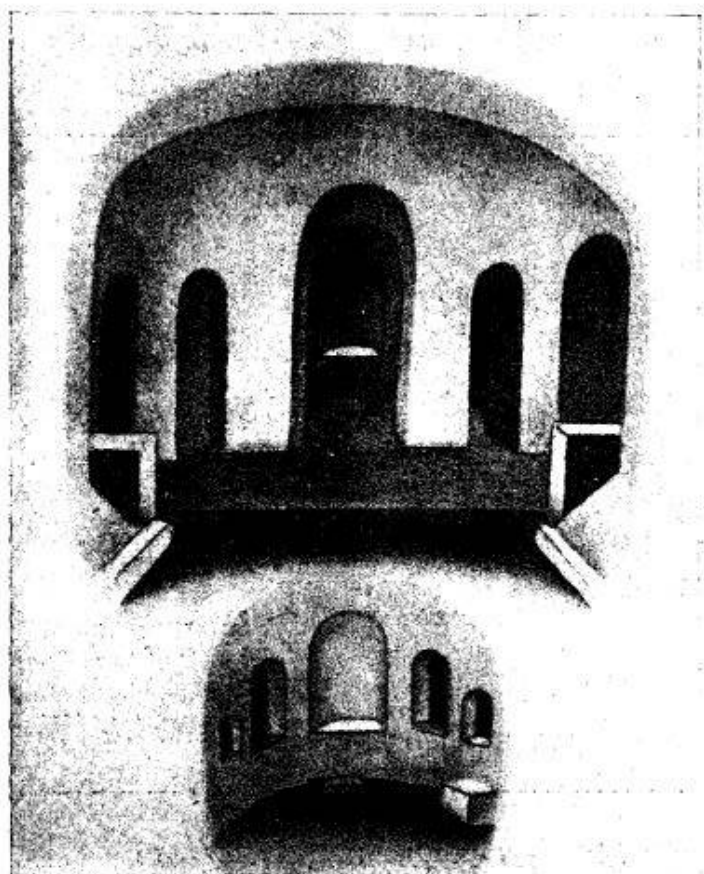
Происхождение Дивногорских пещер так же загадочно, как и происхождение Див. Если Л. Б. Вейнберг считает их, как и самые Дива, созданием Хазарского племени, то другой любитель-археолог – Д. М. Струков – относит их происхождение к первым векам христианства. Так, пещеры напоминают ему не только пещерные храмы Крыма, но даже подземные ходы и храмы христианских катакомб. Особенно остановила на себе внимание Струкова одна комната в пещерах Малых Див – в виде неправильного квадрата, суживающегося к востоку. Здесь, в передней части комнаты, находится небольшая, весьма узкая ниша, подобная тем, как думал Струков, которые в катакомбах были местом погребения мучеников и на которых совершалась литургия. По правую и левую стороны от этой ниши высечены из мела небольшие выступы в форме столов. Это и был, по мнению Струкова, древнейший храм в Дивах, основание которого он относит к первым векам христианства. Свое предположение Струков хотел обосновать научными соображениями и новыми изысканиями в Дивах. Но смерть прервала его работу. В 1902 году с бумагами Струкова, переданными в Румянцевский Музей, познакомился М. И. Трунов, прочитавший на основании их доклад о Дивногорских пещерах в Воронежской Ученой Архивной Комиссии. Но смелое предположение Струкова не нашло себе сочувствия среди местных археологов¹⁵⁷. А когда тот же доклад был предложен для XII Археологического Съезда в Харькове, то даже не

был одобрен к прочтению в заседаниях Съезда, очевидно, потому, что научность сообщения здесь была подвергнута еще большему сомнению.

Дивногорская пещерная церковь (внешний вид).

© 2015 "Научное наследие России"

Дивногорский монастырь: Пещерный храмъ въ 2 верстахъ на западъ отъ монастыря: 1) вверху внутренній видъ храма, 2) внизу — алтаря. (Снимокъ, сдѣланный М. П. Труновымъ съ чертежа Д. М. Струкова, хранящагося въ чертежномъ отдѣлѣ Румянцевскаго музея.

© 2015 "Научное наследие России"

Предположение Струкова опирается на такие неопределенные данные, что лишает возможности говорить прямо за или против его. Когда ходишь по длинным коридорам пещер, расположенных в Больших или Малых Дивах и в Шатрищи, то не можешь допустить

мысли, чтобы эти пещеры были вырыты ничтожною горстью монахов половины XVII в., – для этого нужны были толпы народа. И самый тип пещер переносит мысль к временам давно минувшим. Но, ведь, можно с вероятностью допустить, что эти пещеры были вырыты не в одно время, а в течение нескольких столетий. Даже в XIX веке копанье пещер продолжалось и весьма усиленно, а в таком случае размеры пещер уже перестают быть удивительными. С другой стороны, тип пещерных храмов мог быть заимствован Дивногорскими пещерокопателями и в позднейшую эпоху по подражанию не только катакомбам первых веков, но и пещерам Киевским. Возникновение монастыря в связи с переселением на Дон приднепровских казаков делает это подражание Киевским пещерам весьма вероятным. В XIX же веке местное население неоднократно в прошениях к Епархиальному Начальству указывало на зависимость Дивногорских пещер от Киевских.

Когда возникла здесь обитель? По-видимому, не ранее XVII века, так как ранее самая местность была не только не заселена, но и предоставляла дорогу (Калмиусскую сакму), по которой постоянно бродили татары, тревожившие окраины Русского царства. Только в XVII веке Русское правительство устраивает здесь ряд городов, острогов и сторожевых пунктов, к числу которых принадлежали – Коротояк, расположенный на Дону, в 7 верстах от Малых Див (основан в 1646 году) и Острогожск, основанный на р. Тихой Сосне, в 18 верстах от Малых Див – в 1652 году. Ниже мы увидим, что и после того жители этих мест были в постоянном страхе от татарских набегов. Впрочем, некоторые урочища, вроде Маяцкого городища, расположенного над Большими Дивами, и курганы с остатками погребения – свидетельствуют о том, что здесь в древности, задолго до XVII века, были поселения; но когда они стерты с лица земли, до сих пор остается загадкой. Во всяком случае, уже в конце XIV века эта местность представляла безлюдную пустыню. Об этом свидетельствует Игнатий, спутник Московского митрополита Пимена, путешествовавшего Доном в Константинополь в 1389 г. «Бысть же, – говорит он, – путное шествие печально и унынливо: бяше бо пустыня зело, не бяше бо видети тамо ни града, ни села,... точию места пустошь все и не населено; не бе бо видети человека, точию пустыня велия и зверей множество». Скука и уныние путников рассеялись на время только при виде каменных столпов. «Приплыхом к Тихой Сосне – видехом столпы белы; дивно ж и красно стоят рядом, яко стоzi малы, белы ж и светлы зело, над рекою, над Сосною».

Второе упоминание местности находим под 1501 г.¹⁵⁸. Третье под 1637 годом. Но и под этим годом, в определении владений, данных Коротоякским казакам, встречается только упоминание Больших и Малых Див¹⁵⁹, но нет даже намека на существование монастыря. Между тем, упоминание о монастыре было бы неизбежно при перечислении урочищ, особенно при упоминании Див, если бы монастырь существовал. Правда, народное предание относит основание монастыря в неопределенную даль, а историки, писавшие об этом монастыре, считали временем основания монастыря то XV, то XVI, то XVII столетие¹⁶⁰.

Народное же предание, занесенное в исторические описания монастыря, считает основателями обители иноков Ксенофонта и Иоасафа, которые первые остановились в горном уступе и начали рыть пещерную церковь в столпе. Это предание до сих пор разделяется окрестным населением, которое на первой странице в своих поминаниях и теперь часто записывает имена иноков Ксенофонта и Иоасафа; а могилы их указываются направо от пещерной церкви. Но откуда пришли эти иноки и когда они здесь жили, на это нет никаких указаний не только в письменных памятниках, но и в народном предании. Можно только думать, что если монастырь существовал до половины XVII века, то он почему-нибудь был упразднен к этому времени, так что новым любителям пустынного жития пришлось «строить монастырь вновь»¹⁶¹. Такое новое строение обители совершилось в 1653 году.

Около этого времени совершилось переселение на свободные донские степи приднепровских казаков, бежавших с родины от польско-католического гнета. Одна партия этих казаков испросила себе у Московского правительства разрешение поселиться по реке Тихой Сосне и занять новостроящийся город Острогожск. Это совершилось в 1652 г. Нет сомнения, что с казацким полком бежали из Приднепровья не только священники¹⁶², но и монахи, испытывавшие едва ли не большее преследование от поляков, чем сами казаки. Вот эти иноки-малороссы и сделали основателями Дивногорского монастыря. Во главе их стоял игумен Гурий. «В 161 (т. е. 1653) году, писал он царю Алексею Михайловичу, построили они в Дивных горах монастырь вновь и церкви поставили и кельи и ограду около монастыря учинили своими трудами». При самом же основании монастыря были устроены две церкви: одна во имя Успения Пречистой Богородицы «выбита в камени в столбе у горы, а на берегу реки Дона – церковь великого Чудотворца Николы».

Монахов в ново устроенной пустыни было 15 человек; кроме того, были бельцы¹⁶³.

Жизнь братии только что возникшего монастыря сопряжена была с большими трудами. Братия избрала для монастыря это место по его сравнительному удобству. Впадина, образовавшаяся в горном кряже, укрывала монастырь от непогоды, а соседство Дона и Тихой Сосны облегчало пути сообщения и сближало монастырь с Острогожском, в уезд которого входил монастырь. Но при всем том оставались громадные затруднения при устройстве монастырской усадьбы. Устроиться у самого подножья горы было невозможно, так как весеннее половодье затопляло не только приречный луг, но и подступало к горе. Луг, расстилающийся под горою, высыхает только к концу мая. Поэтому братия и избрала местом для церкви один из столпов (Див), стоящих на значительной высоте, приблизительно на 2/3 всей высоты мелового кряжа. В этой то естественной постройке, с виду отчасти напоминавшей храм, монахи и выдолбили пещерную церковь, если не нашли уже готовой пещеры – остатка какого-то старинного поселения. В виду того, что пещеры здесь составляют не одну церковь, но расходятся от нее в виде коридоров, а ещё более – в виду того, что подобные же пещеры открыты и при Больших Дивах и в Шатрище, – естественно предполагать, что братия остановилась здесь, между прочем, и потому, что нашла здесь готовые пещеры, может быть – незначительные. Монахи расширили и приспособили их не только для церкви, но и для братских келий. Но весьма возможно и то, что монахи вновь вырыли эти пещеры. Они пришли из Приднепровья, полного рассказами о святых Киевских пещерах. Мысль образовать здесь, в вольном изгнании, подобие Киевских пещер, была не только возможна, но и весьма вероятна. А вид этих пещер еще более наводит на эту мысль. Это в сущности те же Киевские пещеры, только более упрощенные. От пещерной церкви идет, на протяжении 56 сажень, коридор, весьма неровно, то поднимаясь, то опускаясь, и выходит наружу недалеко от церкви. Из этого коридора идет разветвление, спускающееся вниз, к берегу р. Дона. В конце главного пещерного хода, или – лучше – в начале другого входа, сохранились помещения для жилья – келии. Можно представить себе, сколько нужно было положить труда, чтобы устроить этот монастырь!

Постоянное жительство в пещерах было почти невозможно. Сырой, душливый запах извести вынуждал иноков подумать о другом, более удобном помещении. Поэтому, при самом же

основании монастыря, братия выстроила другую церковь, под горою, во имя Николая Чудотворца. Пожар истребил эту церковь, после чего на ее месте была устроена (в 1658 г.) церковь во имя Успения Богоматери, а пещерная освящена во имя Иоанна Предтечи. Здесь же, внизу, братия выстроила келии и обнесла монастырь оградой. Но для этого предварительно нужно было срезать часть горы (53×41 саж), так как меловой кряж здесь почти нависает над лугом¹⁶⁴.

Между тем и пропитание давалось братии недаром. Правда, казаки, поселившиеся в Острогжске и его окрестностях, помогали своим землякам монахам. Но, вероятно, эта помощь не была значительною, так как сами казаки, устраиваясь на новом месте, нуждались во многом. Поэтому основатель монастыря игумен Гурий и его преемник Андроник обращались с неоднократными просьбами о материальной помощи к Московскому правительству. «А помощь нам в строенье и подаяния ни от кого нет. И государь пожаловал бы нас, велел бы дать нам в Коротояке город из своих государевых житниц на пропитание хлеба, как ему государю Бог известит. И великий государь Алексей Михайлович новочеркасского Острогжского Успенского Дивногорского монастыря игумена Гурия с братией пожаловал – велел им своего государева жалованья хлебной милостыни давать в Коротояке из своих государевых житниц по 10 четвертей ржи, овса по тому ж на год». В то же время монастырю было пожаловано по 10 р. денежного жалованья в год¹⁶⁵.

Преемником игумена Гурия был поставлен игумен Андроник. Он принадлежал к числу первых иноков-строителей монастыря и получил поставление в игумена в 1658 году, по приказу местоблюстителя патриаршего престола Питирима, митрополита Сарского и Подонского, – от Вятского епископа Александра. И при нем пустынь продолжала испытывать материальную нужду. Поэтому игумен, вместе с монастырским вкладчиком, Острогжским полковником Иваном Дзинковским, обратился с новым челобитьем к царю Алексею Михайловичу. «Прокормиться нам, богомольцам твоим, и монастырские нужды построить нечем, место пустынное и от городов далече. Милостивый великий государь! пожалуй нас богомольцев и холопа своего (т. е. И. Дзинковского), для нашего иноземчества и за мою, холопа твоего, службишку, вели к той пустыни для строения монастыря и на прокормление нам, богомольцам твоим, на р. Тихой Сосне, пониже Маяцкого городища, против монастыря и близко устья Сосны построить мельничный амбар своим заводом, и покос, что подле того же лука»¹⁶⁶.

Челобитчики выясняли далее, что новая мельница и покос, по своей близости к монастырю, были бы очень удобными угодьями. И эта просьба была удовлетворена¹⁶⁷.

Таким образом новый монастырь получил теперь небольшие средства для своего дальнейшего существования. Но его положение близ Калмиусской сакмы, по которой совершались частые набеги на Русь татар, делало его существование небезопасным. Монастырь, действительно, скоро испытал все неудобство этого положения. «К тому монастырю, показывал один из братии, учили (начали) быть татарские приходы частые и монастырю (причиняется) разорение беспрестанное». Эти частые нашествия татар имели своим следствием то, что при третьем игумене – Тихоне в 1671 году, часть братии не выдержала беспокойной жизни и бежала из монастыря. Они удалились к западу от Дона, в пределы нынешней Курской губернии, в местность, лежавшую между ново построенными тогда городами Суджею и Миропольем. Здесь над рекою Пслом, на старом городище, «что слово Девичий монастырь», они построили новый монастырь и церковь во имя Николая Чудотворца. Таких выходцев из «Див-монастыря» было пять: иеромонахи Феодосий, Лаврентий, Кесарий, Памва да старец Никодим¹⁶⁸.

Но не вся братия ослабела в борьбе с опасностями. Если состав всей братии в это время, как и при основании монастыря, исчислялся в 15 иноков, то оставшихся в «Див-монастыре» было 10 человек, кроме бельцов, о которых совсем не упоминают основатели Миропольского монастыря. Во главе оставшихся стоял игумен Тихон – Около того же времени монастырь выдержал новую опасность: рядом с ним, на Дивьих горах, произошло сражение между Фролкою Разиным и царскими войсками. Победа осталась за царскими войсками. Судя по тому, что к мятежникам примкнул благодетель монастыря, Острогжский полковник И. Дзинковский, трудно решить отношение к Разинцам монахов дивногорских. Но, конечно, они не были в числе мятежников, потому что тогда их постигла бы такая же кара, как и всех, примкнувших к разинцам. Как бы то ни было, а постоянная опасность то от татар, то от «воровских людей» (т. е. от противников Москвы) – заставляла братию быть настороже и запасаться нехитрыми средствами обороны¹⁶⁹. Монахи в случае опасности могли укрываться в своих пещерах, имевших несколько выходов. А на монастырской колокольне, рядом с тремя небольшими колоколами, были утверждены «две пушки железные, шмурувница турецкая железо и пушка медная»¹⁷⁰.

Игумен Тихон в течение своего настоятельства озаботился новыми приобретениями для монастыря. В 1674 г. он исходатайствовал у великого государя жалованную грамоту на построение мельницы на р. Потудани, «пониже Потудонского моста, что ездят с Коротояку на Урыв, промеж лесу или где приищется порозжее место». Мельница была выстроена о 4 камнях, с толчеею в 5 ступ¹⁷¹. В 1684 году игумен Тихон ходатайствовал о даровании монастырю третьей мельницы – на р. Тихой Сосне, на Песках повыше города Острогжска, против церкви Михаила Архангела. Эта мельница была выстроена еще в 1670 г. полковником Иваном Дзинковским, полковым писарем Маркою Жуковцевым и сотником Василием. Но когда в 1671 году Дзинковский был казнен за свое участие в бунте Разина, то мельница была отобрана на великого государя и отдана на оброк кадашевцу (с Кадашево под Москвой) И. Кожевникову с платой оброку по 23 рубля в год. Теперь, по ходатайству игумена Тихона, эта мельница была отдана монастырю, но выдача монастырю денежного и хлебного жалованья была прекращена¹⁷². В 1686 г. игумен Тихон просил у великого государя пожаловать монастырю 2 десятины земли для устройства мельничного двора и для выгона лошадей; а вместе – разрешить пользование городским общим лесом. Просьба игумена была удовлетворена¹⁷³. В Острогжске же, на реке Мерине, монастырю была пожертвована мельница о 2 камнях вдовою полковника Буларта¹⁷⁴.

Для монастыря были наиболее удобны и выгодны такие угодья, как мельницы, потому что они давали чистый доход, не требуя рабочих рук. Поэтому на первых порах монастырь так усиленно и ходатайствует о пожаловании ему мельниц. Напротив, земельные владения тогда мало давали дохода, при отсутствии рабочих рук, а поэтому братия на первых порах не обнаруживала желания завладеть значительными земельными участками. Правда, при игумене Андронике, в 1663 году монастырю дана была лука в устье р. Тихой Сосны. Но владение этой лукой было очень затруднительно. Несмотря на то, что это луговое пространство отмечено за монастырем в строельных и межевых книгах, на него же предъявляли свои права соседние коротоячане. Чтобы объяснить этот спор из-за земли, необходимо помнить общие условия тогдашнего надела землями по р.р. Дону и Тихой Сосне (См. гл. I). После 1646 года коротоячане были испомещены по р.р. Дону и Тихой Сосне. Но вот в 1652 году на Тихой Сосне возникает новый город –

Острогожск, с населением малороссийским. Правительство наделяет это пришлое из Приднепровья население землями по р. Тихой Сосне, а коротоячанам отводит земли выше по Дону, по соседству с владениями Боршева и Воронежского Покровского монастырей. Но естественно, что многие коротоячане продолжали считать себя собственниками земель по р. Тихой Сосне. Отсюда возникают земельные тяжбы, обострившиеся племенной рознью населения. Дивногорский монастырь, возникший почти одновременно с Острогожском и основанный тоже малороссами, принимал участие в этих тяжбах. На его землю в устье р. Тихой Сосны заявил свои права коротоячанин Аггей Филатов с товарищами. Они не признали меж и граней монастырской земли: вырубили деревья, на которых были насечены грани, и вырыли межевые столбы. С этими посягательствами на землю пришлось бороться уже преемнику игумена Тихона – архимандриту Амвросию. По его челобитью, для решения спора, Острогожский стольник и воевода Иван Павлов отправился на устье Тихой Сосны, предварительно потребовав от коротояцкого воеводы высылки на спорную землю документов, а также и самих коротоячан, заявляющих свои права на землю. Но Коротояцкий воевода Дмитрий Воейков не выслал документов, а коротоячане не выехали для решения тяжбы. Поэтому спор был решен при наличии только представителей от монастыря и, конечно, в пользу монастыря (10 Июля 1699 года)¹⁷⁵.

В административном отношении Дивногорский монастырь первоначально входил в Патриаршую область. Следом этой зависимости служит сохранившаяся грамота о поставлении игуменом монастыря Андроника¹⁷⁶. С открытием Белгородской епархии – в 1666 году, монастырь, как и весь Острогожский уезд, вошел в состав этой новой епархии. Неизвестно, в чем выражалось влияние на монастырь патриаршего и митрополичьего управлений, кроме, конечно, поставления для монастыря настоятелей и иерархических лиц. Можно думать, что удаленный от епархиального управления, Дивногорский монастырь жил почти самостоятельно, не подлежав строгому надзору патриархов и митрополитов. Такое положение дела продолжается до 1699 года, когда Дивногорский монастырь, как и весь Острогожский уезд, был приписан к епархии св. Митрофана, первого епископа Воронежского.

Несколько лет спустя после Дивногорского в Острогожске возник монастырь девичий. До 1659 года этого монастыря не было, как благоустроенной обители: на запрос 166 (1658 г.) о количестве

монастырей и церквей в уезде, из Острогожска отвечали, что «в Острогожске в городе и на посаде монастырей нет», только в уезде есть Дивногорский монастырь¹⁷⁷. Но за тот же год есть указание, что в Острогожске проживали монахини – «переезжие киевские черницы»¹⁷⁸. Можно думать, что эти черницы на месте прежнего обитания острогожских черкас составляли общину, и теперь, когда черкасы устроились в Острогожске, перешли сюда. Во главе их стояли черницы Евдокия и Фекла. Острогожский полк был для них покровителем и ходатаем пред правительством. Полковник Иван Дзинковский отказал монастырю землю пашенную и сенные покосы на р. Мерине и потоке¹⁷⁹ и хранил у себя жалованные грамоты, данные монастырю¹⁸⁰.

Монастырь был посвящен великомуч. Параскеве-Пятнице. Он был довольно многолюден – до 40 стариц – и имел общежительное устройство. В 70-х годах за монастырем укрепляются разные угодья и руга. В 1673 г. за монастырем утверждена (при игумении Таисии) пашенная земля и сенные покосы за р. Марином, подле дороги из Острогожска в Ольшанск. В 1674 г. монастырю дано 25 десятин сенных покосов Ивана Горелкова, убитого во время бунта 1671 г.¹⁸¹. В 1684 г. монастырь получил 5 р. руги из таможенных доходов и по 40 четвертей ржи и овса. В 1684 г. игуменья Елизавета испросила в безоборочное владение мельницу на р. Потудани, выше с. Песковатого, с которой раньше взималось по 4 р. оброку¹⁸²; а так как коротоячане не позволяли рубить лес и возить землю для устройства этой мельницы, то игуменья испросила по берегам р. Потудани две десятины земли¹⁸³. Кроме того монастырь пользовался половиною дохода с воскобойни, устроенной на подворье Дивногорского монастыря. А в 1686 г. восковой промысл отдан одному девичьему монастырю со взиманием с него 1 руб. оброку¹⁸⁴.

С 1681 г. монастырь стал испытывать стеснения от посадских людей и воевод. Как сказано выше, в это время разбрелись монахини из Коротоякского Казанского монастыря. Четыре из них пришли в Острогожск. Здесь воевода «для своя мзды» пустил их в Пятницкий монастырь. Они явились сюда со своими сыновьями, внучатами и сродниками; устроили кельи и стали проживать, во всем сопротивляясь монастырскому общежительству. А их родственники производили в монастыре бесчинства. В тоже время в монастыре поселились семь семей мирских людей. Разобравши монастырскую ограду, они построили свои дворы, стеснивши монахинь и внесши расстройство в монастырскую жизнь. В тоже время монастырю

перестали выдавать жалованье. После наведенных справок, подтвердивших, что монастырь беден, великие государи пожаловали монастырю ругу, игуменье – по полтине денег, по 3 четверти ржи и овса; 20 старицам – по 8 алтын 2 деньги и хлеба, по 2 четверти ржи и овса. Поселившихся четырех стариц Коротоякского монастыря и семь мирских семейств приказано выселить из монастыря. Но, несмотря на этот приказ, Острогожский воевода Иевлев «не свел» мирян из монастыря. На новое челобитье игуменьи, с обвинением Иевлева во взяточничестве, последовал вторичный приказ выселить мирян¹⁸⁵.

Таким образом, Острогожскому девичьему монастырю покровительствовали родственные черкасы, но утесняли служилые люди. Был, впрочем, случай утеснения монастыря черкасом. Острогожский полковник Иван Сас причинил убыток монастырю, устроивши свою воскобойню¹⁸⁶; но этот полковник вообще плохо поддерживал общенные интересы черкас, заботясь более о личной выгоде, за что вызвал с их стороны неудовольствие.

Мы собрали и изложили документальные сведения, какие нам удалось отыскать, воспользовались и немногочисленными преданиями, заслуживающими доверия. Сведения эти довольно скудны и на основании их нельзя дать истории каждого монастыря в отдельности. Но отдельные штрихи и статистические даты в своей сложности дают возможность составить общее представление, как о строе придонского монашества, так и о его значении для местного населения.

Обычно придонский монастырь возникает почти одновременно с утверждением в местности оседлого русского населения. Монастырь – это небольшой поселок. В центре его стоит деревянная церковь с незатейливой церковной утварью. Близ церкви устроены 4–5 келий-изб. Вокруг поселка деревянный забор или стоячий тын, имеющий против церкви «святыя ворота», над которыми возвышается башня для колоколов, а иногда вместе с колоколами и для пушек. За забором расположена слободка из дворов монастырских крестьян, бобылей и работников; здесь же стоят дворы священников и причетников. Так монастырь сливался с приходом, и являлось нечто среднее между мирскою и отшельническою жизнью.

Во главе монастыря стоит настоятель – чаще черный поп с именем строителя, иногда два строителя вместе, иногда игумен и очень редко – архимандрит. Под его управлением состоит малочисленная братия человек в 6–15; весьма редко – в женских

монастырях – число братии доходит до 40 –50. Здесь же живут бельцы-трудники и вкладчики. В монастырь принимают только с вкладом, который частью обеспечивает содержание монастыря.

Устройство монастыря общежительное. Но это – своеобразное общежитие, далеко отступающее от уставного. Оно нарушается и строителями, и братией, и покровителями-мирянами, особенно последними. Миряне часто являются в монастыре хозяевами; устраивают здесь торжки, иногда даже разламывают монастырские стены, чтобы на монастырской земле выстроить себе дома. И эти поступки находят себе защиту в воеводах и приказных, для которых не кажется странным поселение в монастыре мирских людей. Так бывало тогда, когда население и власти не были расположены к монастырю. Немногим лучше было положение дела, когда население покровительствовало монастырю. Тесная связь мира с монастырем законна и полезна и для мира, и для монастыря только в том случае, когда ограничивается взаимным служением, которое выражается для монастыря в его нравственном воздействии на мир, а для мира – в материальной помощи монастырю, в обеспечении предметами первой необходимости тех иноков, которые почему-либо лишены возможности снискать себе пропитание своим трудом. Но когда помощь мирян делает монастырь богатым владельцем и тем налагает на него заботы хозяйственного характера, отвлекая от иноческих подвигов, – тогда эта помощь вредна монастырю. Еще более вреда и расстройств в монастырском строе замечается там, где покровители миряне вмешиваются во внутренний строй и распорядки монастырской жизни. И то и другое обнаружилось в жизни придонских монастырей. Правда, говоря относительно, придонские монастыри были несравненно беднее монастырей центральных и северных. Однако и у них были вотчины, и их земли тянулись на десятки верст, а это втягивало их в чисто мирские интересы – до того, что интересы духа отступали на задний план. А если судить о монастырском быте только по письменным документам, сохранившимся в разных архивах, то получается впечатление, что интересы подвижничества совсем подавлены были хозяйственными заботами. Из-за этих забот они не только вступают в сношения с местными и центральными властями, но и вступают с соседним населением в открытую борьбу, которая выражается не в одних судебных тяжбах, но и в вооруженных столкновениях.

Чувствуя над собою надежную охрану и защиту со стороны мира, монастырь не всегда подчинялся церковной власти. Это

обстоятельство осложнялось тем, что край еще не вошел в сферу правильного церковно-административного воздействия. В первой половине XVII в. только Елецкие и Воронежские монастыри числились в Рязанской Епархии. Но за отдаленностью от Переславля Рязанского, и эти монастыри свою зависимость выражали только испрошением благословенных грамот на построение церквей, посвящением монастырских ставленников в священный сан да уплатою дани в митрополичий казенный приказ. Среднее и нижнее течение Дона числилось в Патриаршей области; но здесь влияние епархиального владыки – патриарха затруднялось еще более отдаленностью от Москвы. С открытием Белгородской епархии (1667 г.) часть рассматриваемого района (по р. Тихой Сосне) вошла в состав этой новой епархии. Здесь епархиальный центр был ближе; но заметного влияния белгородского владыки на церковную жизнь Острогожского уезда не замечается. А, кроме того, некоторые местности оказываются в каком-то неопределенном положении: таков был, напр., Коротоякский уезд. Из монастырей в самом неопределенном положении был Лысогорский, оказавшийся между Воронежским, Урывским и Коротоякским уездами.

Неудивительно, после всего этого, что монастыри и монахи находили более удобным и по церковным делам обращаться не к отдаленной или маловлиятельной епархиальной власти, а к близкому и сильному светскому правительству. Даже просьба о безвкладном пострижении в монастырь направляется к великому государю чрез Разрядный Приказ.

Местный власти, воеводы и приказные, хорошо понимали эту слабую сторону в положении монастырей и пользовались ею. Они могли поселять в монастыре мирских людей, брать монастырских трудников на свои работы. А в том случае, когда они благоволили к монастырю, они могли защищать его от епархиальной власти. В 1629 г. жаловался на воронежских воевод рязанский архиепископ Антоний великим государям Михаилу Феодоровичу и патриарху Филарету Никитичу. «Посылал я на Воронеж своих детей боярских трижды в Боршов монастырь но игумена Симеона – давать в великом духовном деле, и ваши государские стольники и воеводы Воронежа города Степан Иванович Великанов да Степан Федорович Стрешнев того игумена Симеона в великом духовном деле моим вашева государева богомольца детям боярским на поруки давать не дали и тому игумену ко мне в Переславль ехать не велели»¹⁸⁷.

Особенно положение делалось запутанным в тех монастырях, которые пользовались покровительством донских казаков. Последние ведали монастырские дела в своем войсковом круге и не считали монастыри подчиненными церковной власти. Когда же нужно было исходатайствовать монастырю какое-нибудь угодье, то они сносились с высшею светскою властью не чрез епархиальное начальство, а чрез Посольский Приказ.

Но, как ни много было неурядиц в монастырской жизни, придонские монастыри XVII века представляли крупную культурную силу. Выше уже указано, что монастыри со своим полу мирским характером имели крупное благотворительное значение, являясь как бы инвалидными домами и богадельнями для населения, еще не вполне осевшего и устроившегося в новом крае. Но, кроме этого, монастыри имели большое значение колониционное и религиозно-нравственное.

Монастыри на протяжении всей христианской истории возникают в местах особенно живописных. Русские монастыри в этом отношении заслуживают особенного внимания. Живописные горы, дремучие леса, реки – вот где ютились русские обитатели. Но, кроме красот природы, монахи как будто чутьем угадывали выгоду местоположения. Выбирая место для монастыря, он останавливался там, где сама природа могла дать ему пропитание. Без хозяйственного инвентаря, с одинокими рабочими силами, он не надеялся на скорую культуру земли. Поэтому он более ценил продукты рек и лесов, дающиеся и одиноким силам. Здесь он действовал наверняка. Но он в тоже время угадывал, где возможна в будущем культура земли, куда придут землепашцы, и потому вокруг монастырских стен оказывалась плодородная земля, на которую шел землепашец, делавшейся крепостным у монастыря. А. если не было поля вблизи, или – если оно было уже занято, монастырь намечал себе угодье в другом месте и выпрашивал его себе на пропитание. Придонье в этом отношении не представляло исключения, а выразительно подтверждало общее правило. Если смотреть на карту Придонья в XVII веке, то выгодное положение монастырей и их угодий невольно бросится в глаза. Двадцать монастырей занимают лучшие угодья. Из них Тешевский сидит на большой московской дороге, у перевоза через Дон. Успенский собирает торговую и мытную пошлину с товаров, идущих р. Воронежем вниз на Дон и вверх к Москве. А вместе с Алексеевским он владеет всеми почти приречными угодьями у города: у Старого Казарского Городища до

теперешнего шлюза, верст на 15. Боршов занял границу оседлости до половины XVII в. и, укрепившись, взял в свои руки русло Дона с прилегающими лесами, покосами и лугами – на 8 верст по течению, а ниже верст на 25 по течению завладел богатейшим плесом р. Дона с озерами, затонами, лугами, лесами. Между этими двумя участками в Дон вливается р. Хворостань; – она вся на 50 верст течения отдается Покровскому женскому монастырю. Насколько верно здесь было чутье монахинь, об этом говорит теперешнее население этого края. Почти непрерывно, по обе стороны реки, тянутся большие села и деревни: Красный Лог, Запрудское, Верейское, Можайское, Данково, В. и Н. Марьино, Рождественское, Тресоруково, Дмитриевское, Почечское, Давыдовка, Дракино, Машкино, Бодеевка, Хворостань (монастырская деревня Избыльная). Вслед за Богатым Затонем начинаются угодья Дивногорского монастыря, занявшего устье Тихой Сосны и как бы сторожившего торговые обороты Сосны и Дона. Еще ниже, на границе теперешнего Павловского и Богучарского у.у., лежит Белый Затон с богатейшими угодьями. Теперь там – многолюдные села Верхний и Нижний Мамоны.

Монастыри являлись только починками, около которых начиналась земледельческая жизнь. Сами они не были землепашцами. Только привлеки под свои стены «детенышей», крестьян и бобылей, они делались землевладельцами. Но и тогда земля распахивалась только на пропитание крестьян и братии, – для сбыта хлеба на сторону земля не обрабатывалась. Даже количественно пашенная земля точно не всегда определялась, частью за невозможностью измерить ее, а быть может и потому, что только землею некоторые монастыри не дорожили, считая ее мертвым капиталом. Так, владенья Покровского монастыря измерены и обмежеваны со всею тщательностью, но количество пашенной земли в них не обозначено. Это количество определено из 20 у 11 монастырей, в общей сложности равняясь 4387 десятинам в трех полях, но из этой земли, судя по документам, земля обрабатывалась, десятин по 10–20 на крестьян и братию, лишь в немногих монастырях. Количество монастырских крестьян также было не велико. Да и с них монастырь охотнее брал оброк – рыбою, молочными продуктами, маслом и т. п. Поэтому и в своих угодьях монастырь пока ценил больше всего рыбные ловли, сенные покосы, а также мельницы, перевозки, торжки, так как все это без обилия рабочих рук давало чистый доход. Что касается казенного хлебного и денежного жалованья, то оно выдавалось немногим беднейшим

монастырям; но и тогда оно шло взамен безоброчных угодий, которые облагались в таких случаях оброком.

Если колониционное значение монастырей в XVII в. несомненно, то гораздо труднее установить характер и размеры религиозно-нравственного их влияния. Монастыри на Дону возникли тогда, когда монашество в русском обществе сделалось любимым традиционным явлением. Монастырь появлялся везде, где бы ни началась русская колонизация. Как явление традиционное и потому давно сделавшееся привычным и будничным, монашество давно потеряло позицию новизны и молодого увлечения. Его принимают далеко не одни исключительные натуры, одушевленные одною мыслью послужить Богу; нет, оно – удел и золотой середины, ищущей в монастыре сравнительного покоя под старость от треволнений мирской жизни. Что донские монастыри создала традиционная любовь к монашеству, это несомненно: достаточно припомнить многострадальную судьбу Даншина и особенно Карачунского монастыря, чтобы признать, что в эти монастыри влекло не «прохладное житие», а желание жить для Бога. Но эта жизнь протекала, по-видимому, ровно и обычно, как обычные, серединны были сами постриженники монастырей.

Когда современный путник посещает Александро-Невскую или Троице-Сергиеву Лавру, то он не может увидеть, убедиться воочию, какие работы исполняют монахи и исполняют ли какие-нибудь. Личный труд монахов закрыт от посетителей этих монастырей. Но когда тот же путник посетит Валаам и увидит работы монахов на лугах и огородах, побывает в каменотесной, иконописной, швальне, сапожной и др. мастерских, – тогда вопрос о труде монахов не возбудит никаких сомнений. Какое впечатление вынес бы в этом отношении от донских монастырей путешественник XVII века? Монастырские работы выполнялись наемными работниками, бобылями и крестьянами. Даже нужды ежедневной жизни – изготовление пищи, питья, шитье одежды и обуви, ловля рыбы на ежедневный обиход – удовлетворялись теми бобылями, которые составляли монастырскую слободку. Церковно-богослужебные нужды и те не всегда отправлялись монахами, так как при монастыре жили белые священники и причетники. При таком положении дела вопрос о труде монахов остается открытым, по крайней мере, относительно более крупных монастырей – г. Воронежа и Боршева. Мелкие монастыри, особенно женские, не имевшие средств содержания, конечно, питались своим трудом и Христовым именем.

Насколько население ценило даже такое, так сказать, будничное монашество, об этом говорят следующие статистические выкладки. В настоящее, время на 2½ миллиона населения Воронежской Епархии приходится около 200 монахов и монахинь и около 1400 послушников и послушниц, – эти цифры до некоторой степени определяют тяготение к монашеству населения. Попробуем тот же прием приложить к оценке придонского монашества XVII века. Но за то время этот прием может дать основание к более широким выводам. То было время, когда только начиналась правильная колонизация края. Следовательно, указанный прием дает основание заключать не только о степени тяготения нового населения к монашеству, но и о колонизационном значении монастырей. А отмеченный полу мирской характер монастырей, делавший их и приходскими церквями, покажет, насколько они удовлетворяли общим религиозным потребностям православного населения. Затруднение состоит лишь в том, что о населении среднего и нижнего Дона за XVII столетие нельзя иметь точных сведений, – так неустойчиво было это население, так плохо еще оно поддавалось регистрации. Поэтому для предполагаемых выводов мы возьмем, для примера, лишь Воронежский уезд, обнимавший теперешние уезды – Воронежский и части уездов Задонского, Землянского, Нижнедевицкого и Коротоякского. Площадь, занимаемая уездом, равнялась приблизительно 7200 кв. верст (120×60). На этом районе в 1615 г. был один город Воронеж с 8 приходскими церквями и 19 сел с церквями. Следовательно, всего в уезде было 27 приходских церквей. Но эти 27 приходских церквей не удовлетворяли религиозных потребностей края, в то время в уезде было 4 атаманских слободы, 8 селец, 19 деревень, 8 починков и 3 слободы, т. е. 42 населенных пункта, кроме г. Воронежа, с 850 дворами. Монастырей в уезде было 3 мужских и 1 женский. В 1676 году было 15 приходских церквей в г. Воронеже и 39 церквей в уезде при 996 дворах. Монастырей было 7. Таким образом в 1615 г. один монастырь приходился на 9 приходов и на 283 мирских двора и, если предположить на каждый двор по 5–10 человек, на 4250–8500 человек населения. А в 1676 г. один монастырь приходился на 8 приходов, на 142 двора и на 1420 человек населения. В настоящее время (по переписи 1897 года) православное население Воронежской губернии равняется 2531253 при 914 приходских церквей и 18 монастырей. Следовательно, теперь каждый монастырь приходится на 50 приходских церквей и на 140 тысяч населения.

Если принять во внимание эти цифры, то окажется, что процент монашествующих к населению и, следовательно, тяготение населения к монашеству было в 6 раз благоприятнее, чем в конце XIX века.

Но значение донских монастырей XVII в. окажется еще более внушительным, если обратить внимание на то, что эти монастыри служили не одним целям отшельничества, а и непосредственно церковно-религиозным нуждам окрестного населения. При 27 приходских церквях – 3 монастыря и при 54 – 7 монастырей в одном Воронежском уезде – эти цифры определенно говорят, какую службу несли монастыри для края. Все они были и приходскими церквями. Некоторые имели при себе и белый причт для своих монастырских слободок. А монастыри Успенский, Акатово-Алексеевский и Семилуцкий, кроме того, были приходскими храмами в самом тесном значении этого слова.

Таково значение всех вообще придонских монастырей. Это ровное, обычное, так сказать будничное служение краю. Поэзией подвижничества, увлекающей население и настраивающей его жизнь на высокий тон, как мы уже сказали, придонские монастыри вообще не отличаются. Исключение составляют загадочные Дивногорские и Шатрищевские пещеры, свидетельствующие о религиозном порыве и увлечении. Если эти пещеры и не были вполне созданием монахов, то одно продолжение пещерокопательства, устройство в пещерах церквей, срезание горы для устройства монастыря первобытными заступами и жизнь на этих урочищах, в темноте и сырости, при постоянной опасности от воинских людей, – говорит о высоком подвижническом настроении. А главное – эти памятники духа говорят о традиционной связи между донским и днепровским монашеством. Любопытно, что до сих пор в окрестном населении живет фантастическая легенда: будто Шатрищевские пещеры, винтообразно спускающиеся к подошве горы, не оканчиваются у подошвы, а идут ниже русла Дона, пересекают потом реку под руслом поперек и идут до Днепра (!), т е до киевских пещер. Не трудно понять, как перешли на Дон приднепровские традиции, если припомнить, что устроителями Дивногорского монастыря были приднепровские черкасы. С тех пор пещерокопательство сделалось традицией местного подвижничества. И до сих пор во многих местах епархий очень популярен этот подвиг, создавший множество пещер, чему способствует и обилие в местности меловых гор.

Св. Митрофанъ, первый Епископъ Воронежскій.

Снимокъ съ изображенія, исполненнаго Л. Г. Соловьевымъ. Оригиналомъ служило изображение, сдѣланное И. В. Шевцовымъ и въ настоящее время находящееся въ покояхъ Воронежскаго Архіерейскаго Дома.

© 2015 "Научное наследие России"

Глава III. Положение донских монастырей при Святителе Митрофане (1682–1695)

Содержание. Общее замечание о значении административной деятельности св. Митрофана для Донского края. Личность Святителя. Отношение его деятельности к распоряжениям светского правительства – Важнейшие административные распоряжения о монастырях из времени правления Св. Митрофана: 1) закрытие или приписка к Архиерейскому Дому монастырей: Успенского, Карачунского, Боршева и Даншина; открытие монастырей Елецкого на Каменной горе, Коротоякского Вознесенского и Битюцкого. Монастыри Придонья, не вошедшие в Епархию Св. Митрофана. 2) Борьба Святителя со своеволием монастырей и с незаконными притязаниями на управление ими со стороны местного населения: факты из истории Толшевского, Покровского и Боршева монастырей. 3) Стремление Святителя ввести строгую отчетность и правильное распределение монастырских сумм: факты из истории монастырей – Покровского, Успенского и Дивногорского. 4) Заботы Святителя о материальном благосостоянии монахов и монастырей. Его грамоты Усть-Медведицкому и Лысогорскому настоятелям относительно поддержания внутреннего монастырского строя. – Состояние монастырей к концу правления св. Митрофана (1702 г.): их внутренний строй, их материальное обеспечение и монастырское хозяйство.

Управление Воронежской Епархией св. Митрофана составило эпоху не только в церковной, но и в гражданской истории Донского края. Это было время, когда неустойчивая, зыбучая этнографическая почва, состоявшая из служилых людей, высланных сюда правительством, беглых крестьян, спасавшихся от московских стеснений, воровских и не воровских казаков и днепровских черкас, не вынесших польского гнета, – постепенно подводилась под общие устои московской государственной жизни. Пора обособленности, раньше законная, вызывавшаяся украинским положением Придонья, кончалась, так как Придонье переставало быть Украиной. Конец XVII века и оказался концом этой особенности. Конечно, прежде всего, над этим трудилась гражданская власть; но и церковная шла согласно со светскою. Самое учреждение Воронежской епархии было вызвано частью церковными, частью гражданскими соображениями, и инициатором в этом деле был царь, желание которого было

выполнено Московским собором 1681–2 года. Деятельность первого Воронежского Святителя, в церковной сфере, и была направлена к урегулированию местной жизни, искоренению ее анти канонических порядков и смягчению грубых нравов полудикого населения. Так продолжалось до конца жизни Святителя.

Его детство и юность протекли в царствование Михаила Феодоровича; но первая половина его зрелой, сознательной жизни и деятельности падает на царствование Алексея Михайловича. Родиной его была Владимирская епархия, где он выступил сначала на общественное служение в качестве приходского священника; овдовевши, лет сорока он поступает в общежительную Золотниковскую пустынь, а затем, после трехлетнего пребывания в ней, назначается настоятелем Козьмина-Яхремского монастыря, по желанно братии и крестьян последнего. Отсюда, спустя 10 лет, он переводится на место настоятеля в Макарьев Унженский монастырь, уже по изволению патриарха Иоакима. Вот сухой формуляр Святителя, который можно несколько оживить только вспомнив «смуту» тогдашней эпохи, ознаменовавшейся возникновением раскола, московскими соборами, народными политическими волнениями. Священник, монах, а потом игумен в центральной русской епархии не мог безучастно относиться к этой смуте: если он не принимал в ней заметного деятельного участия, то она постепенно вырабатывала из него того деятеля, каким он явился впоследствии. Но то обстоятельство, что в Унженский монастырь он переведен по изволению патр. Иоакима, дает основание, если не утверждать, то предполагать, что Яхремский игумен уже выделился из ряда других своею жизнью и административною деятельностью.

Макариев Унженский монастырь во вторую половину XVII века был одним из выдающихся. Имея земли и крестьян в 81 поселении, он, кроме того, привлекал богомольцев своею святынею, останками своего основателя, тогда еще не канонизованная, преп. Макария Унженского и Желтоводского Чудотворца. Эта святыня привлекла к нему внимание новой царствующей династии, благотворившей обители и интересовавшейся ее жизнью. Последнее обстоятельство, в связи с зависимостью монастыря непосредственно от патриарха, а не от местного епархиального архиерея, – выдвигало Унженского игумена, делая его известным лично и царю, и патриарху. Настоятельство игумена Митрофана все протекло в царствование Феодора Алексеевича. Молодой государь не только интересовался обителью, но собирался лично посетить ее, чтобы поклониться

мощам новоявленного тогда чудотворца. Болезненность царя делала немислимою эту продолжительную поездку; но она хоть отчасти возмещалась неоднократными приездами из монастыря братии и игумена со святою водой от мощей преп. Макария. Такие приезды должны были иметь важное значение для монастырских властей и, прежде всего, для самого игумена. Становясь лицом к лицу с представителями государства и церкви, игумен мог убедиться в высоких нравственных качествах последних царей, а вместе с тем ознакомиться с теми неодолимыми препятствиями, какие они встречали на пути своей созидательной работы. Придворные интриги, раскольническая смута, экономические неурядицы, – все это не могло не оказать влияния на игумена, заявившего себя выдающимся администратором двух монастырей. Современные события должны были воспитать в нем убеждение, что для успеха созидательного дела необходима авторитетная власть, и что подчинение власти необходимо для блага народного, каков бы лично ни был представитель этой власти.

Но вот макарьевский игумен вызывается на московский собор 1681 года, т. е. на тот самый, который обсуждал меры к устранению церковных нестроений. Школа церковно-государственного воспитания для него продолжается, теперь опытный игумен должен был принять непосредственное участие в обсуждении общенародных вопросов. Царь Федор, по меткому выражению Соловьева¹⁸⁸, как бы спешил со своими реформами, будто предчувствуя близкую смерть. Он умер 27 апреля 1681 года, наметивши, но не осуществивши своих мероприятий. После него обстоятельства сложились так, что государственные нестроения выразились в открытой и весьма резкой смуте, ознаменовавшейся кровавою борьбой Нарышкиных и Милославских, жестокими стрельецкими волнениями, открытыми бунтами раскольников, добившихся публичного состязания с православными в Грановитой Палате. В это время игумен Митрофан только что был возведен в сан первого Воронежского епископа, но проживал в Москве и был очевидцем всех этих волнений. Официальные записи упоминают сухо, что во время коронации он подносил патриарху корону для возложения на главу молодого царя Петра и присутствовал на состязании с раскольниками в Грановитой Палате, вместе с известным Афанасием, тоже только что возведенным в сан епископа Холмогорского. Но эти сухие даты легко оживить, припомнив те ужасы тогдашней московской жизни, которые делали невозможным спокойное, а тем более равнодушное,

к ним отношение. Даже теперь, перечитывая рассказы об этих ужасах, содрогаются или от негодования, или от сострадания, – что же должны были чувствовать современники? Если мальчик-царь Петр, бывший очевидцем стрелецкой резни, обрушившейся на его родичей, на всю жизнь получил нервное потрясение¹⁸⁹, то что должны были испытывать убеленные сединами московские обыватели, видевшие лучше и понимавшие вернее всю опасность переживаемого момента.

Событии Живонауа
 ныа троицы и прпавнаго бж
 мжаріа 7890 тавоцх уне жи
 соотмнтра а҃теме мнра а
 ннъ аврамыи варѣ ошчѣнъ
 епископъ воронѣжскъ вса сн
 дѣтиснѣа прие мѣ и прп
 сахъ свогрѣшѣхъ лѣтѣхъ
 индикта. ѿ мѣа априлѣа во

Собственноручная подпись св. Митрофана подъ архіерейскимъ
клятвеннымъ обѣщаніемъ при хиротоніи во епископа.

Сборн. Москв. Синод. библиотекѣ № 1044.

35 "научное наследие России"

Да, тяжелое это было время: но оно воспитывало убежденных сторонников гражданского порядка, верноподданных, понимавших, что без единой священной власти царя русская жизнь может быть только делом случая, а общественное благополучие — только

игрушкой своекорыстных людей. И св. Митрофан за все свое 20-летнее правление Донскою Украиной был неизменным борцом за власть гражданскую и церковную, как за верное ручательство мирной жизни и благотворной деятельности.

Сын великороссийской церкви, получивший подготовку к административной деятельности в выдающемся монастыре, св. Митрофан посвятил свою деятельность на практическое осуществление «чина» в церковной жизни, употребляя для этого обычные средства. Уставное богослужение при кафедральном соборе, в соединении с постоянными заботами об украшении собора¹⁹⁰, и неустанная церковно-строительная деятельность¹⁹¹ в связи со строгим отношением к епархиальному духовенству, – вот эти меры, которые на протяжении всей русской церковно-исторической жизни оказывали самое могущественное действие на народную массу, влияя сильнее учительного слова, мало доступного простолыдину. Но помимо церковного строительства, Святитель завел при своей кафедре тот уклад жизни, который являлся олицетворением старорусского идеала.

Лично для себя Святитель довольствовался самым необходимым. Его свитки шились из синей крашенины, одеяло – из овчин, крытых пестрою крашениною, подушки в крашенинных наволоках, теплая ряса из черных курпьяков. Его келейная столовая посуда – «оловянные стаканы», «зеленые горшечки» и т. п. Его стол самый невзыскательный, почти без всяких прибавлений к обычному содержанию монашествующей братии. За три года, 1699–1703, вино покупалось кроме царских приемов, только два раза, но и то делалось для «архиерейских столов», т. е. для приема гостей¹⁹². И несмотря на такую скромность и даже бедность домашнего обихода, Святитель не оставил после себя сбережений, о чем заявил и в своем «Духовном Завещании», «а келейных моих денег у меня нет»¹⁹³. Отсутствие личных сбережений при скромности домашнего обихода объяснимо только в том случае, если допустить расходование сбережений на дела благотворительности. Народная молва действительно сохранила память о св. Митрофане, как о щедром благотворителе, помогавшем и нищей братии, и острожникам, и бедным монахам. Праведный епископ, благотворивший по-христиански, не оставил никаких записей о своих личных даяниях. Характер его благотворительности можно восстановить на основании любопытных записей о расходах архиерейского дома. Кроме постоянных записей о раздаче денег

нищим из средств архиерейского дома, записей, говорящих о привычном подаянии, есть много весьма любопытных записей, свидетельствующих, что святитель близко входил в нужды нищеты, которой так много было в Донской Украине. В своей архиерейской Крестовой Палате святитель устраивал для нищих «столы», во время которых трапезовавшим раздавались деньги¹⁹⁴. Ежегодно для воронежской голытьбы на средства архиерейского дома покупались тулупы, зипуны, кафтаны и холстина на рубахи. «Служилым неимущим людям и нищим» раздавался зерновой хлеб¹⁹⁵. Но особенно трогательна забота святителя об усопших. Опять-таки эта забота прочно засела в народной памяти и занесена была в житие Святителя по преданию. Теперь же и эта черта находит яркое подтверждение в документальных данных. В сознании праведного Святителя не было резкого разграничения живых и усопших в вере: все они вызывали в нем чувство любви и пастырского попечения, выражавшегося в молитве пред Творцом живых и мертвых. «Помяни Господи, читаем мы в «Синодике», сохранившемся от его времени в кафедральном соборе, – помяни Господи души и тех, в ново построенной воронежской епархии при первопрестольном преосвященном Митрофане, епископе Воронежском, скоропостижною смертью умерших, преставльшихся и утопших без покаяния и без причастия, без отцов духовных, которые имена их написаны в казенном Архиерейском Приказе в челобитной родственников их, такожде которые написаны ж в той епархии в городех скоропостижною смертью преставльшихся и утопших без покаяния и без причастия и без отцов духовных, и сотвори им, Господи, вечную память и подаждь им царство небесное и оставление грехов»¹⁹⁶... Но усопшие вызывали в милосердом святителе не одни только молитвенные чувства. Иногда их не на что было и похоронить. Тогда святитель снабжал их последним пристанищем и одеянием, так же как бедняков живых оделял рубахами и зипунами: святитель покупал целые партии гробов (иногда до ста) «в раздачу неимущим», или холста «на саван умершему» или вообще давал деньги на погребение¹⁹⁷.

Почти рядом с архиерейским домом стояла тюрьма. Это соседство вызывало особый род благотворительности Святителя. В великие праздники он лично посещал тюремных сидельцев и раздавал им милостыню. Воронеж в этом отношении представлял особенно широкое поле для благотворительности: в воронежских тюрьмах сидели не одни только местные преступники, так как

воронежская тюрьма была этапным пунктом, в котором временно содержались ссыльные из других городов в низовые донские города, особенно в Азов. И среди этих «сидельцев» Святитель был известен своею благотворительностью, и потому они обращались к нему с челобитьями о помощи. Такие челобитные иногда покрывались многочисленными подписями¹⁹⁸. Вот одна из таких челобитных «Государю Преосвященному Архиепископу бьют челом бедные и беспомощные заключенные тюремные сидельцы солдаты Яков Калмык, Семен Дуров. Посланы мы, государь, по указу великого государя с Москвы в ссылку в Азов, а ныне, государь, сидим мы на Воронеже в остроге в тюрьме, и правят братией на нас влазная и бьют за влажная нас на правеже беспрестанно, а влазнава нам заплатить нечем и помираем голодной и холодной смертью: платья никакого у нас нету. Государь, милосердый Преосвященный Архиепископ Митрофан! Будь милостив и жалостлив до нас до бедных и невольных заключенных, окуп нас, государь, влажным, чтоб нам с голоду и с холоду напрасно не помереть, а мы, государь, за тебя о душевном спасении твоём вечные богомольцы. Государь, Преосвященный Митрофан, смилуйся!»¹⁹⁹. Так как посещения тюрем и раздача «сидельцам» подавания были обычным делом святителя, — они входили, так сказать, в расписание праздничного его времени, — то необходимо предположить, что они соединялись со словом увещания и назидания. Можно представить себе значение этих «праздничных визитов» для тех многочисленных партий ссыльных, которые уходили на далекий Азов с благодарной памятью о милосердом Святителе и разносили эту молву по Украине: эти деньги на «влажное», эти алтыны и рубли в праздничные дни «сидельцам» были красноречивейшею проповедью христианского милосердия, привлекавшею население к первому украинскому Святителю более, чем разные административные распоряжения.

Но и этим не ограничивалась благотворительность св. Митрофана: он не забывает о нищей братии и во время обзрений епархий: «взято в келью архиерейскую, читаем мы в приходо-расходных книгах, казенных денег сто рублей (по нынешнему счету около 1700 р.) для раздачи в милостыню погорелым и по тюрьмам и по богадельням и по приказам, и нищим, убогим и ссыльным всякого чину людям и в раздачу ж в шествие архиерейское мужских и женских монастырей монахам и монахиням, где архиерей епархии своей в городех бывает»²⁰⁰.

Но этот милосердный Святитель был и выдающийся администратор. Он подготовился к архипастырскому служению не только своим священническим служением, но и монашеским послушанием и настоятельством в монастырях. Он жил в царствования Алексея и Феодора, когда окончательно сложился идеал в Руси, в борьбе с разными ее врагами и отщепенцами. Он был очевидцем кровавой стрелецкой смуты 1681–2 г.г., и вышел из нее убежденным сторонником московской государственности, как условия общественного благоденствия. Поэтому он и явился на Дон неуклонным проводником этого порядка. Но его строгие распоряжения не волновали народную массу, так как шли рядом с его любвеобильною благотворительностью. В этом отношении Воронежский Первосвятитель повторял деяния великих Московских Святителей. Донская Украина XVII в. дождалась, таким образом, своего устроителя, и первый Воронежский Святитель с таким же правом может считаться строителем Украины, с каким усвоится имя строителей Русской земли Свв. Митрополитам Петру, Алексию и Ионе. И эти последние не блистали ученостью, не боялись свои послания составлять по старым образцам, лишь приспособляя эти образцы к нуждам своего времени. Таков был и св. Митрофан. Это был не глубокомысленный теоретик, поражающий высотой своего богословствования, а трезвый практик, сознававший, что его епархия нуждается в той золотой середине, которая называется мировоззрением здравого смысла. «Изрядство», «жительство в чистоте, святыни и покаянии», – вот его заветы пастве: «мудрии бо мужи подобственне на сие вещаша всякому человеку:

Употребил труд, храни мерность, – богат будеши.

Воздержно пей, мало яждь, – здрав будеши.

Твори благо, бегай злого, – спасен будеши.

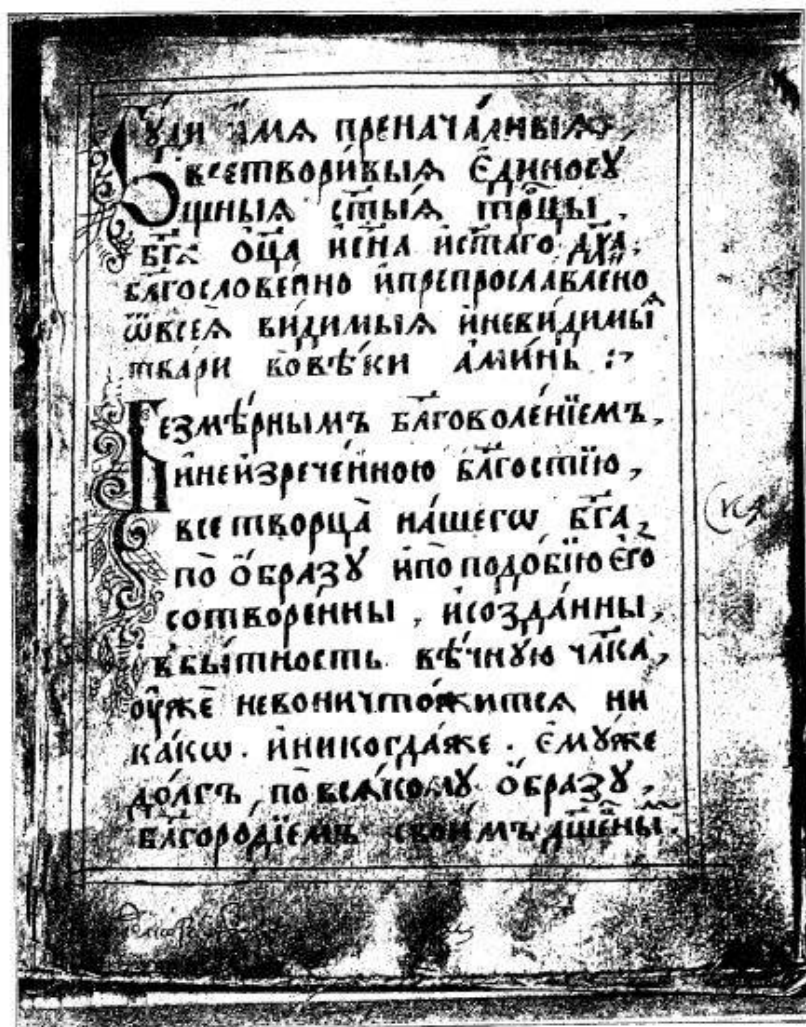
И сицевым образом в правду всякому в души и теле спасение от Господа Бога готово, временное и вечное, имство благополучное и продолжение лет во здравии».

В частности, такой администратор должен был принести громадную пользу придонским монастырям. Со своим практическим тактом первый Воронежский Святитель хорошо мог понять и оценить особенности местных монастырей. Теоретик посмотрел бы на них очень мрачно и начал бы крутую, но бесполезную ломку их своеобразного уклада. Архипастырь-практик, напротив, не посягнул на общий полумирской характер монастырей. Он не увидел беды в том, что монастыри были и приходскими церквями, и инвалидными

домами, что в них не выдерживались ни строгое общежитие, ни особножитие. Он только постарался ввести в монастырской жизни строгий порядок, чин жизни и уничтожить такие особенности, которые решительно вредили не одним монастырям, но и мирянам.

Таким образом, монастыри и при нем оставались полумирскими в том смысле, что их обитатели не были вполне отшельниками из мира, но они постепенно освобождались от гнета мирян и подчинялись законной административной власти Воронежского епископа.

И при Св. Митрофане местные монастыри подвергались стеснениям от своих соседей – посадских людей, помещиков, полковых казаков и черкас и вступали с ними в тяжбы. Так, Семилуцкий монастырь подвергся преследованиям от новых соседей-черкас сл. Ендовища. Они захватили часть монастырской земли, называвшейся Гнилым Логом, а когда в 1688 г., по жалобе строителя Аарона, предположено было новое размежевание старых земель, то черкасы не только не пошли на межевание, но не допустили и межевщиков.

Первый листъ Духовнаго завѣщанія св. Митрофана.

35 "научное наследие России"

Собравшись в количестве 200 человек «нарядным делом» с ружьями, пищалями, пистолетами, саблями, копьями, с дубьем и цепями, они, после выслушания государевой грамоты о межевании, заявили, что побьют межевщиков до смерти, если те приступят к

делу. Не мирными стали отношения к монастырю и соседних полковых казаков, которые раньше были покровителями монастыря. Спор начался из-за перевоза через р. Дон. «Тот перевоз, говорили полковые казаки, построили прадеды и деды и отцы их и изстари на их казачьих землях для перевозу в город на караул и смотров и для служилых людей и скорых гонцов. И на том перевозе по воеводским памятям для беглых людей на Дон и для заповедных товаров стоят они на карауле по 12 человек»²⁰¹. В 1688 г. этот перевоз, по челобитью строителя Аарона, отдан монастырю. Вместе с этой передачей должно было пасть сторожевое значение перевоза. А между тем обязанности полковых казаков были прежние. Новый владелец перевоза, конечно, стеснял их. «И как они казаки бывают на Воронеже для великих государевых дел, и перевозчики их не перевозят для своих прихотей и стоят они на берегу многое время, и за то им от воевод чинятся убытки большие». В виду этого казаки просили правительство возвратить им перевоз. Но так как они не могли подтвердить своих прав на него, так как по писцовым книгам 1643 г. прилегающая к перевозу земля и сенные покосы принадлежали монастырю, так как, наконец, казакам дано достаточное количество земли, – то они получили отказ. Только перевозить их по служебным делам приказано безмездно.

Продолжалась тяжба у Покровского и Боршова монастырей с коротоячанами, урывчанами и костенцами. Начались распри между коротоячанами и Дивногорским монастырем.

Эти бытовые явления, не представляющие по существу чего-либо нового сравнительно с предшествующим периодом, не подлежали епископскому суду, и мы не знаем, как относился к ним св. Митрофан. Только в одном случае он выступил открыто защитником монастырских интересов. Это было по поводу земельных столкновений Алексеевского Акатова монастыря с жителями г. Орлова.

Власть епископа простиралась на церковное положение монастырей, и в этом случае св. Митрофан имел для донских монастырей большое значение.

Прежде всего, он не мог не обратить внимание на малолюдность монастырей. Стоя на формальной только почве, выполняя предписания соборов 1667 и 1681 г.г., он должен был закрыть едва ли не большую часть их, сведши монахов в немногие, но многолюдные монастыри. Но св. Митрофан этого не сделал. Оставивши малобратственные монастыри в прежнем положении, он

закрыв лишь те из них, которые совсем не отвечали своему назначению. Такими он признал Карачунский монастырь и Даншину пустынь. Не раз закрывавшийся и раньше, Карачунский монастырь ко времени вступления св. Митрофана в епархиальное управление оказался совсем без братии: «Карачунский монастырь – место пустынное, писал о нем св. Митрофан, – а в том монастыре один старец». Имеет в виду, с одной стороны, это запустение, а с другой стороны – указывая на бедность своего Архиерейского Дома, Святитель исходатайствовал у патр. Иоакима в 1683 году приписку этого монастыря «в доме Пресвятыя Богородицы, в домовую всякую нужду и ему епископу с домовыми людьми на пропитание»²⁰².

В 1686 г. упразднен был таким же образом Боршев монастырь. Мысль о приписке этого монастыря к Архиерейскому Дому была высказана еще до учреждения Воронежской Епархии, в 1678 году, когда вырабатывалась «Роспись городам и монастырям с означением, где быть епископом, в которых монастырях жить»²⁰³. Кроме этого, Боршев монастырь тоже оказался без монахов, после разгрома его, последовавшего за самоуправство казаков и монахов (о чем речь ниже).

В конце XVII в. закрыта Даншина пустынь. Ее, впрочем, не было и вначале правления св. Митрофана. Только в 1696 году на запустевший монастырь обратил внимание архимандрит Московского Донского монастыря Антоний. Он подал челобитье великому государю о пожаловании Даншина городища Московскому Донскому монастырю под строение монастыря и под селитьбу беглых их крестьян, что ныне живут за разными помещики в Елецком уезде». В тоже время внуки строителя монастыря Авраамия, считавшиеся естественными владельцами городища, заявили, что они «о той земли не челобитчики». В виду этого Даншино городище в августе 1696 года царской грамотой было передано во владение Донского монастыря. Богатый монастырь, очевидно, думал основать здесь своего рода колонию, для распространения своих вотчинных владений. Быть может его соблазнял пример Троице-Сергиева монастыря, который уже имел в Елецком уезде свои вотчины²⁰⁴.

Восстановление монастыря пошло быстро. Уже в следующих 205–206 (1697–1698 г.г.) пустынь существовала. В строители был прислан из Донского монастыря от архим. Антония старец Дамаскин. В скором времени около него стала собираться братия. В 1698 г. постригся в пустыни старец Филарет; в 1699 г. сюда перешел из Козловского монастыря старец Филипп, «для того что в том

Троицком монастыре вкладу было дать нечево»; в 1698 г. вступил в братство старец Вассиан, родом из Ельца, посадского отца сын; в том же году – старец Нифонт, родом из Елец. уезда, «с версту от той пустыни, из дворян», – старец Евфимий – из Лебединской Яблоновой пустыни, «для того что было ему в той Яблоновой пустыни вкладу дать нечего». Сюда же пришел из с. Ксизова трудник Артюшка Лукьянов, прослуживший 30 лет в военной службе. Наконец, в Даншину пустынь пришел в феврале 1699 г. трудник Исачко Ефремов Платонов из приписного в Донском м. Шаровского монастыря Белевского уезда, с. Стряпнова крестьянский сын; а из галичских крестьян приписного Железноборовского монастыря из дер. Лукиной был прислан начальством Донского монастыря конюх Ивашко Федоров сын Федоров. Таким образом, на монастырском погосте поселилось всего 9 человек. Кроме того, уже в 1699 году на монастырской земле оказалось 17 дворов крестьян. «А те де крестьяня на тое их землю приходили и селились из разных городов, а сказывались вольными, а крепостей на тех крестьян в пустыне и на Москве в Донском монастыре у архимандрита Антония никаких нет». Итак расчёт Донского монастыря вполне оправдался: в каких-нибудь два года маленькая монастырская колония уже успела стянуть к своим владениям значительный поселок.

Самая пустынь помещалась на городище, т. е. на возвышенном берегу р. Дона. Здесь старец Дамаскин устроил часовню в две сажени длины и покрыл ее досками «пошатровому». «А в ней Божия милосердия сброс Преображение Господне штилистой в створном киоте, на правом затворе оброз Рождества Пресв. Богородицы, а на оброзе и на затворах 13 венцов серебрянных вызолоченных, а тот оброз и затворы писаны на золоте. Оброз Преображение Господне писан на золоте штилистой, невокладе, оброз Рождество Пресв. Богородицы писан на золоте штилистой. Да церковной утвори: крест животворящей благословенной писан на кипарисе, ризы отласные цветные, травы красные по белой земле, оплечье камка красная... кругом того оплечья обложены круживом, одно серебрянное плетеное згородами, другое золотое гладкое, круг подолу обложены красным отласом. Патрахиль лудановая, песочной цвет, ветха, с круживом шелковым. Кадило медное резное кубчатое зеленой меди. Чаша медная луженая, что светят воду. Да книг – св. Евангелие московской печати укрыто цветным отласом, травы красные по белой земли, евангелисты черные, триод цветная черниговской печати, шестоднев московской печати, часослов

большой московской печати, ермологии, служебник, печатные ж, книга житие и служба Александру Свирскому вполдсть писана полууставом, книга житие и служба преп. отцу нашему Феодору, иже во обители св. Савы, вполдсть, писана полууставом».

Около часовни были расположены братские келии. Строитель Дамаскин и старец Вассиан занимали по отдельной келье; старцы Филиппе, Нифонте и Евфимий жили в одной келье. Трудники проживали в хлебне, к которой был прирублен пристен для скота. Против хлебни помещался погреб с погребницей, а над погребницей была устроена клеть с досчатым чуланом; позади погреба – двойной сарай в 4 сажени (длины и ширины). Здесь же на городище была устроена конюшня (2×1½ саж.).

Таким образом, усадьба пустыни была застроена незатейливыми постройками, удовлетворявшими невзыскательную братию на первое время. В будущем предстояло еще много строительной работы. Прежде всего, нужно было выстроить церковь. И эта постройка была уже начата: для церкви был подготовлен сруб в 16 венцов (3×3 саж.), но он еще стоял непокрытым. Пустынь была обнесена кругом деревянной оградой, состоявшей из 41 прясла, по полутрети сажени в каждом, след. в окружности она имела 103½ сажени. В ограде было трое ворот: одни – святые «створные» большие, другие около них – об одном затворе, эти ворота выходили в сторону, противоположную от реки. Третьи ворота большие задние выходили к р. Дону. Такова была Даншина пустынь в 1699 году.

В 1699 году последовал запрос великого государя, по какому указу устроена эта пустынь. Неизвестно, сам ли Петр обратил внимание на пустынь во время одной из своих поездок по большой московской дороге, проходившей близ монастыря, или ему указали на нее другие. Но весьма вероятно, что первый напомнил ему о пустыни св. Митрофан, который, нуждаясь в средствах содержания архиерейского дома, просил расположенного к нему государя пожаловать ему вотчинные земли. Ответом на это прошение послужила приписка к Воронежскому Архиерейскому Дому монастырей Боршевского, Карачунского и Даншина. О дальнейшем состоянии пустыни нужно искать сведений в связи с историей Архиерейского Дома. Здесь можно лишь заметить, что пустынь не составляла сколько-нибудь значительной вотчины. В нашем распоряжении есть подробная ведомость о монастырях и их вотчинах Ворон. Епархии за 1702 г. Вотчина Даншиной пустыни там даже и не упоминается, – знак, что фактически ее и не было.

Если Святитель считал нужным закрывать монастыри, не отвечавшие своему назначению, то он прилагал все свое старание к поддержанию монастыря в том случае, когда считал его нужным для своей паствы. Особенного внимания заслуживает отношение Святителя к Елецкому женскому монастырю.

В самом начале своего правления, еще по дороге из Москвы в Воронеж остановившись в Ельце. Святитель обратил внимание на бедственное положение подошедших к нему под благословение черниц. Удивленный их присутствием в Ельце, в котором он не предполагал существования женского монастыря, он стал расспрашивать их об образе жизни и средствах содержания и узнал, что они живут по мирским домам, питаются мирским подаванием, а на Божественную службу ходят в монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, т. е. в скит мужского Елецкого Троицкого монастыря. Видя, что они живут «не по иночески, с великою нуждою», «волочась по разным церквам», Святитель решил дать их общине правильное монастырское устройство. Но так как «строить монастырь было негде», то он признал законным отделить часть земли от угодий мужского монастыря. Обративши внимание на то, что монастырский скит (Рождественский, или Знаменский) на Каменной горе, церковь которого часто посещали черницы, стоит в лесу, он решил отдать его под новый женский монастырь, тем более, что здесь проживало монахов «человек по два по три, а иногда за скудостью скит бывал впусе». Мотивы для упразднения скита были те же, которые привели к приписке Карачунского монастыря: пустота монастыря – с одной стороны и нужда в его угодьях (для Архиер. Дома или для женского монастыря) – с другой. Итак, упразднивши скит и повелевши скитским старцам «быть в братстве в Ельце в Троицком мужском монастыре», Св. Митрофан «велел старицам быть в общем жительстве на Ельце в монастыре Пресвятой Богородицы». Новому же монастырю Святитель отдал и скитскую землю в количестве 10 десятин. К этому еще следует прибавить одну справку из постановлений Московского собора 1681–1682 годов: «Женского пола, который бесчинно постриглись вне монастыря, в домах своих, и теперь ходят по мирским домам и садятся по улицам и переулкам, просят милостыню, для таких стариц каждый архиерей должен построить по монастырю насчет какого-нибудь мужского монастыря с вотчинами (потому что девичьих монастырей мало с вотчинами и прокормиться без вотчины в монастырях нечем), и выбрать к ним из женщин стариц добрых, кому над ними начальствовать»²⁰⁵. И

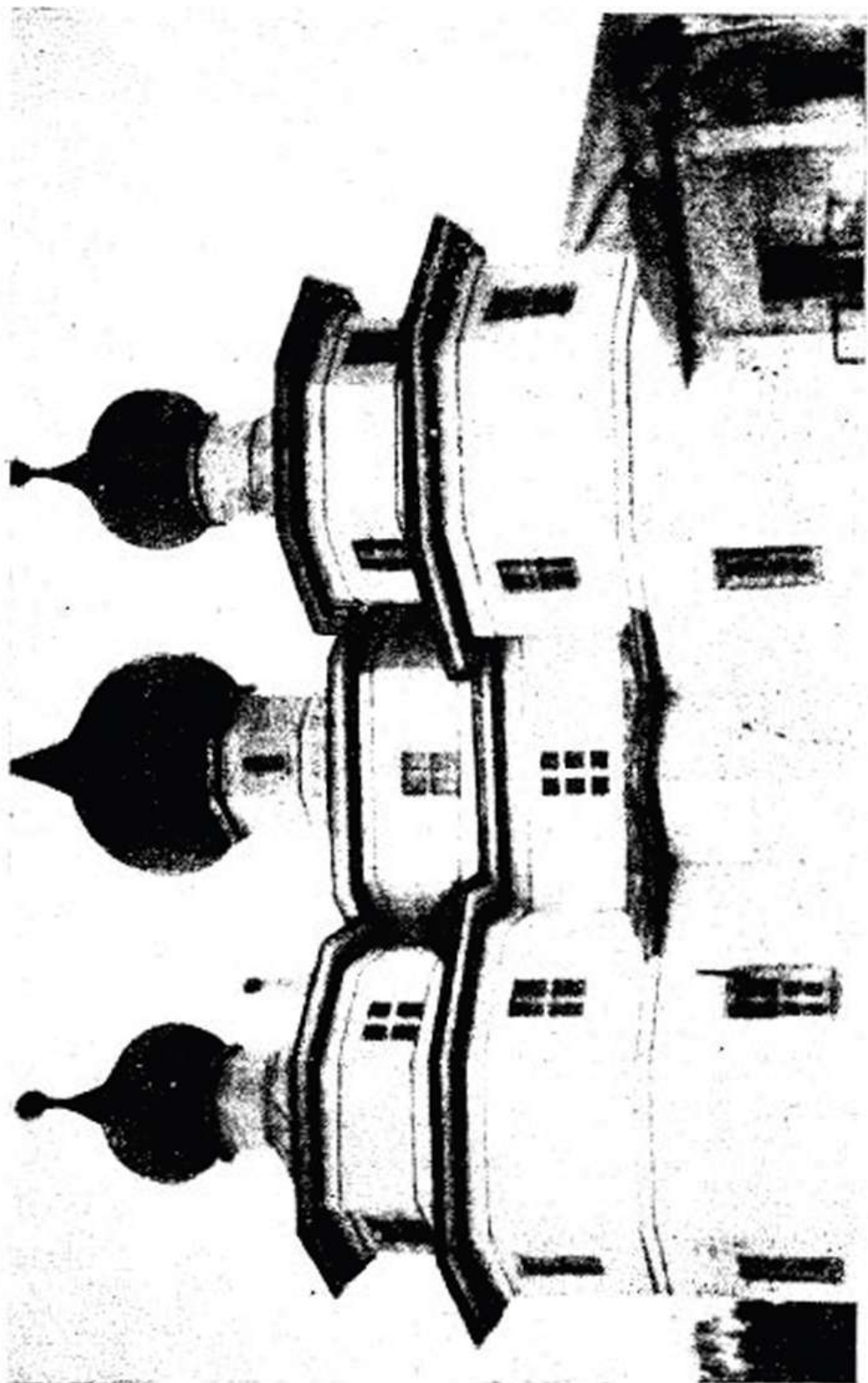
новизна соборного постановления, и новизна епископствования Св. Митрофана, и сходство самых выражений собора и Святителя относительно стариц, ходящих по мирским домам, и наконец основание женского монастыря насчет мужского, – все заставляет думать, что Св. Митрофан в этом своем распоряжении явился проводником соборного решения. 3 авг. 1685 г. грамотою на имя Елецкого воеводы Н. Р. Городецкого, за монастырем утверждено 30 десятин земли (по 10 д. в поле), принадлежавших Троицкому м-рю, с тем однако, чтобы «вместо той земли Троицкого м-ря игумену с братией 20 же четвертей дать в Елецком уезде из порожних земель где приищется. Но мужской Елецкий монастырь не думал считать епископское распоряжение законным. Указывая на то, что епископ упразднил скит и основал вместо него женский монастырь «собою», «без указу великих государей», игумен Троицкого монастыря Иоасаф с братией из того монастыря их, стариц, сбивал и не давал им владеть землею». Тогда на защиту женского монастыря опять выступил Св. Митрофан. В 1689 году когда Св. Митрофан был в Москве, игумения Иулита «приволоклась» к Москве бить челом о своих монастырских нуждах и просила Святителя подать их челобитье о земле в. государям. Святитель подал и свою и монастырскую челобитные великим государям, прося утвердить за монастырем 10 десятин в поле земли (всего 30 дес.) «на прокормление попам и причетникам и им старицам, чтобы им из того монастыря врознь не разбрестись». 3 мая 1689 года земля утверждалась за монастырем.

Почти одновременно с Елецким Богородицким возник женский монастырь в г. Усмани. Об участии в основании этого монастыря Св. Митрофана мы не имели сведений. Вероятно, он возник так же, как другие женские городские монастыри. К 1690 году монастырь собрал до 50 сестер. И тогда же, по челобитью строительницы Марины, монастырю дано было жалованье – ржи и овса по чети на человека, да попу две четверти, дьякону полторы четверти, пономарю да сторожу по чети, – из наличного сборного хлеба.²⁰⁶ Но по росписи 1691 г. состав монастыря был менее людный: в монастыре были: священник Стефан, строительница Марина, казначея Елена, 10 стариц, 6 вдов, пономарь и сторож²⁰⁷, – всего сестер 18 и причта – 3 лица. В 1699 году монастырю была отведена земля под г. Усманию – в количестве 9 десятин, из которой в чети положены только по 2 чети в трех полях, т. е. всего 3 десятины. Тогда же монастырю дана земля

рядом с усманскими санными покосами по р. Усмани – в количестве 40 четей в поле, т. е. всего 60 десятин.²⁰⁸

В начале своего правления Св. Митрофан, быть может, не простирает своего влияния на жизнь Усманского женского монастыря: припомним, что Усмань был спорным городом, принадлежавшим не то к Рязанской, не то к Воронежской епархии, и именно усманцы со своим духовенством отрицали власть Св. Митрофана. Но к концу своего правления Св. Митрофан, несомненно, имел в своем ведении Усманский женский монастырь. Между

прочим, он приказал в 1703 г. 14 ноября, т. е. за несколько дней до своей кончины, чтобы строитель Толшевского монастыря Антоний еженедельно или раз в две недели посылал черного священника в Усманский женский монастырь для исповеди и причастия Св. Тайн болящих монахинь²⁰⁹. Святитель знал бедность монастыря и лично помогал ему. В «Книге расходной всякому домовому архиерейскому хлебу» за 1702 г. мы находим следующие отпуски: «выдано Усмани города строительнице с сестрами четверть ржи»; в другом месте: «по приказу преосвященного епископа, послано в Карачунской монастырь осьмина овса, а тот овес из того монастыря послать на Усмонь в девич монастырь.²¹⁰

Церковь с. В.-Тишанки, Бобров. у., перенесенная изъ упраздненнаго Битюцкаго монастыря.

В конце XVII века возник монастырь Битюцкий на устье р. Тойды. Земля, на которой возник этот монастырь, была отдана в оброк землянцам Сергею и Петру Плотниковым с товарищами.

Основателем монастыря был черный старец Иоанн. Братия первоначально не имела даже часовни. Им хотелось устроить монастырь на р. Битюге во имя Живоначальной Троицы, а так как эта земля отдана была названным землянцам, то иноки и обратились к их покровительству. Плотниковы с товарищами «поступились» им «на строенье монастыря» местом у устья р. Тойды в борку, да на пропитанье им землею и санными покосами вниз по р. Тойде – 5 десятин, на что «дали за своими руками крепость». Не ограничиваясь этим, Плотниковы выступили ходатаями за черных старцев пред Св. Митрофаном: они просили у него разрешения «церковь Божию воздвигнуть и монастырь построить». Благословенная грамота на то и другое («монастырь заводить вновь и на церковь Божию лес ранить и строить церковь Божия новая во имя Живоначальныя Троицы») дана Св. Митрофаном 11 февраля 7207 года²¹¹.

Как устроен монастырь, каков был его состав и внутренний быт, у нас нет сведений.

Местности, лежащие в верховьях Дона, не вошли в епархию Св. Митрофана. Но мы должны отметить положение в них монашества, так как, не входя в Воронежскую епархию, они составляли часть Донской Украины. В гл. II сказано о возникновении Троицкого Лебединского монастыря.

В каком году этот монастырь приписан к патриаршему дому неизвестно; но, по-видимому, в патриаршество Иоакима. Монастырь потерял самостоятельное значение, а стал патриаршею вотчиной. В то же время владельческие права московского патриарха распространились и ниже по Дону. Именно 11 февраля 7194 (1688) года патриарху Иоакиму была отказана пустошь, что был починок Студенецкий, с землею, мельницей и всякими угодьями.²¹² Владения Лебединского патриаршего монастыря теперь сливаются с новыми владениями патриаршего дома. Кроме пожалованной Студенецкой дачи, они увеличиваются частною сделкой с боярскими детьми Радугиными и Ореховыми, уступившими патриаршему дому 147 четвертей земли.²¹³ Студенецкая дача, населенная крестьянами, получила название села Патриаршего (ныне в сев. части Задонского уезда. Воронеж. губ).

Одновременно с началом вотчинного владения на Дону московского патриарха и Троице Сергиев монастырь приобретает земельные участки на северном Дону. Монастырь в конце XVII и начале XVIII в. приобретает деревни Озерки, землю в с. Ищеине на

25 четвертей (за р. Мечею), село Копыл, деревню Колыванову, мельницу на речке Сласке, села Манаенки, Красное, деревню Слободку – Возгивая тож, Логутну – Медведево тож и Чусмову – с пустошами.²¹⁴

В начале 90-х годов в г. Лебедяни возник женский Красногорский Преображенский монастырь. История возникновения этого монастыря совершенно такая же, как и, монастырей Елецкого, Коротоякского и Острогожского. До построения монастыря неподстриженные монахини «скитались меж дворы и питались Христовым именем от мирского подаяния, а иные жили в мирских домах у своих свойственников». В 1692 г. все лебедянцы просили патриарха Адриана дать благословенную грамоту на построение монастыря. По благословию патриарха монастырь построен во имя Преображения Господня. Но на первых порах монастырь был очень беден «По премногой скудости св. икон и всякой церковной утвари, книг, риз и колоколов строить было нечем и покупать не на что», и монахиням на пропитание хлеба и одежды взять негде и из монастыря для сбора подаяния на прокормление выйти не в чем». Строительница Марфа просила в. государя отдать монастырю сбор с г. Лебедяни и с уезда оброчных окладных денег с р. Дону по 12 рублей по 3 алтына по 2 деньги, да с лавок и с полок и с кузниц по 2 р. 14 алт. Монастырь согласился сверх того еще уплачивать по 3 алт. по 2 деньги оброку. Просимые оброчные статьи даны были монастырю.²¹⁵

Перейдем теперь к мероприятиям Святителя относительно строя монастырей епархии. Эти мероприятия сводятся к борьбе с самочинием монахов и мирян в отношении к монастырям и подчинению монастырей епископской власти. Расскажем несколько случаев из жизни Толшевского, Покровского и Боршева и Алексеевского монастырей.

Когда Св. Митрофан вступил в управление Воронежской епархии, то между другими духовными лицами явился к нему строитель Толшевского монастыря черный поп Авраамий с благословенной грамотой рязанского митрополита Иосифа на устройство монастырской церкви 188 (1680) года, при чем Толшевский монастырь был помечен в Воронежском уезде. И явка Авраамия, и запись монастыря в Воронежском уезде (особенно, конечно, последнее обстоятельство) оставляли вне всякого сомнения, что монастырь должен подчиняться св. Митрофану. Когда Авраамий скончался, то по заручной челобитной всей монастырской братии Св.

Митрофан поставил в настоятели той же пустыни старца Антония. Но такое подчинение монастыря Воронежскому епископу не нравилось некоторым из братии; не угодно было оно и усманцам, которые привыкли считать монастырь как бы своим. Особенно восставал против подчинения монастыря Св. Митрофану усманский кабацкий откупщик дьякон Фома Годовиков со своим отцом новопостриженным в Толшевском монастыре старцем Питиримом. К ним присоединились и некоторые другие монахи, «хотя жить не по мирскому и не по иноческому чину, и ездить бы им на Усмонь из той пустыни по своей воле к детям своим беспрестанно, и чтобы быти и отписатца в Рязанскую епархию к Усмани городу, а в Воронежской епархии не быти для того, что от Воронежа самое близкое место, только от Воронежа в пятнадцать (?), а от Резани Усмонь в пятисоте верстах». Вместе с усманским поповским старостой и с усманскими жителями Фома явился в монастырь и объявил, что по указу преосвященного Павла Рязанского пустынь со всем строеньем велено отписать в Рязанскую епархию; за Воронежского епископа Митрофана Бога молить и слушать его они ни в чем не велели. При этом происходили ругательства и бесчиния в монастырской ограде, брань скверными словами, направленная против не поддавшихся на эти речи, продажа лошадей в монастырской ограде, пьянство и т. п. Против этих посягательств на власть Воронежского епископа восстал строитель Антоний: но его протест не только не имел значения, а лишь раздражил бесчинников. Однажды, приехавши в монастырь, они схватили строителя, связали его, положили в телегу и увезли неведомо куда. Теперь бесчиние в монастыре усилилось. Монахи умирали без покаяния, начальства не было. Старец Питирим, забравший теперь власть в свои руки, отобрал у казначея ключи от монастырской казны. А Фома Годовиков со многими усманцам наезжали в пустынь «нарядным делом с ружьем и с бердыши и по кельям ходили и монастырскую и братскую всякую рухлядь пограбили и у строительской кельи кровлю разломали и братию с монастыря всех разогнали и скитаютца они на Воронеже меж дворы». Так как Св. Митрофану было известно, что рязанский архиепископ действительно продолжает считать Толшевский монастырь подчиненным ему, а не Воронежскому епископу, то решить возникшее недоумение и положить конец беспорядкам своею властью он не считал возможным, а обратился за таким разрешением к московскому патриарху²¹⁶. Последний решил дело в пользу Св. Митрофана, и после того Святитель ведает эту пустынь

наряду с другими Воронежскими монастырями, не встречая никакого противодействия своей власти. Так как беспорядки в монастыре происходили во время конской ярмарки, и, в частности, вышеупомянутый Годовиков был «кабацкий откупщик», то Св. Митрофан запретил торговлю вином около монастыря во время торгова²¹⁷. К концу своего правлений Св. Митрофан вполне подчинил монастырь своей власти. И г. Усмань уже находился в его введении. Св. Митрофан посылал туда в девичий монастырь очередных духовников из Толшевского монастыря. Однако он не требовал от монахов строгого общежития. Старые предания о свободном монашестве еще не вымерли. К концу XVII в. монахи уходят из монастыря за подаянием в Воронеж, а более пустыннлюбивые удаляются в уединение. И, по-видимому, местом уединения таких монахов продолжают служить пчельники²¹⁸.

Покровский девичий монастырь, как уже выше сказано, испытывал затруднения частью от нарушения порядков общежития, частью от вмешательства в его жизнь донских казаков. Произвол настоятельница раньше приводил монастырь почти к полному упразднению²¹⁹. При Св. Митрофане этот произвол обнаруживался в бесконтрольном распоряжении монастырскими доходами. В 1699 году монастырский поп Петр бил челом Св. Митрофану, что вклады в монастырь, рубля по три и по четыре с каждой вновь постригаемой, «игуменья Ирина с сестрами промеж собою делят по кельям, а в церковь Божию ничего не дают; да также кои старицы мрут, а их кельи остаются, и они отдают свойственникам их, а иные сами продают, и те деньги по себе ж берут, а записки никакой приходу и расходу не записывают исстари и ныне не хотят; да также кои вотчинные угодья отдают на откуп, из тех денег не дают же на церковное строение». Между тем в 1699 году монастырь устроил за городом, за Пятницкими проезжими воротами, часовню для сбора всякого подаяния, и при прежних порядках представлялся новый повод для личного обогащения игуменьи с сестрами и для подрыва общего благосостояния монастыря, церкви и причта. Поэтому о. Петр просил Святителя завести в монастыре приходорасходные книги²²⁰. В ответ на эту челобитную последовал указ Св. Митрофана об учреждении должности монастырской казначеи, которая должна назначаться по общему выбору сестер, «и ей казначее примать сборные всякие и часовничные и вотчинские деньги с запискою»²²¹. Этот указ епископа почти совпал по времени с государевым указом о представлении в Приказ Большого Двора приходо-расходных книг

«по вся годы» (1700 г.). Игуменья Ирина в ответ на этот последний указ обратилась с челобитной к великому государю, в которой просила освободить Покровский монастырь от представлений прихода-расходных книг на том основании, что у них «за скудостью великою и книг приходных и расходных нет, а которые деньги дают им на милостыню, и те деньги дают им по рукам». Грамотой великого государя монастырь освобождается от представления прихода-расходных книг только в том случае, если за ним нет крестьянских и бобыльских дворов, оброчных статей и никаких доходов; в противном случае указ об обязательном представлении прихода-расходных книг сохранял свою силу и для Покровского монастыря²²². А так как и крестьяне и угодья числились за монастырем, то прихода-расходные книги были вытребованы, и таким образом мероприятие епископа, подтвержденное светскою властью, возымело силу.

Еще гораздо ранее этого дела Святителю пришлось обратить внимание на порядки управления в Покровском монастыре по поводу вмешательства в это управление донских казаков. Мы расскажем это дело со слов монахинь, заинтересованных в обелении своих порядков, – такой рассказ покажет нам, чего сами они не могли отрицать в строе своего монастыря. В 1685 году после Светлой недели игуменья Ульянея послала старицу Каптелину да с нею свою родную сестру старицу Домнику на Дон в Войско к казакам для милостыни на церковное строенье, с ведома преосвящ. Митрофана. Да с ними же старицами игуменья (уже, очевидно, без ведома епископа) послала челобитную великим государям, что де их вотчиной – Форасанью – завладели коротоячане и чинят им обиды. Эту челобитную игуменья велела подать в Войске атаманам и казакам для того, что великие государи их казаков жалуют и по их войсковому челобитью спорные земли Боршева и Чернеева монастыря разведены (в пользу монастырей). Игуменья просила или защитить монастырь от коротоячан, или взять вотчину на себя, государей, а им в монастырь давать ругу. Содержание челобитной было подсказано игуменье самим войсковым атаманом, незадолго перед тем бывшим в Покровском монастыре, в свой проезд с Москвы на Дон. Посланные на лодке отправились по Дону и с верхнего Донецкого городка до Черкаска по городкам с иконою собирали милостыню. Поданная ими в Черкасске челобитная к войску вызвала челобитье со стороны войска к великим государям о защите монастыря от обид коротоячан. Но последнее вызвало резкий ответ из Москвы. В грамоте войску великие государи

требовали, чтобы донское войско «впредь в такие дела не вступалось, потому что такие дела им не надлежат и наперед сего атаманы и казаки старые никогда в такие дела не вступались, а буде какое дело есть того монастыря у старице и они б били челом им, великим государям, на Москве сами и против их челобитья в чем пристойно их, государевой, указ учинен был». «А об игуменье того монастыря и о тех старицах, которые из того монастыря были по Дону в войску, послать великих государей грамоту на Воронеж к воеводе или на Коротояк, велеть их тотчас прислать к Москве с провожатыми на их подводах». После допроса, игуменья Ульянея была сослана в Новгородский Тихвинский монастырь с тем, чтобы «держать ее в том монастыре и кормить монастырскою пищею против рядовых стариц, а с монастыря ее никуда не пускать»²²³.

Как видно из изложенного, рассматриваемое дело носило, прежде всего, гражданский характер; это был эпизод из истории казачьих привилегий. Когда-то, в начале и в середине XVII века, донское казачество пользовалось большою свободой в своих челобитьях, и его заступничество за монастыри Чернеев, Боршев и Покровский увенчивалось полным успехом: труды и раны этого казачества на защиту стенной окраины были очень памятливы, и правительство находило полезным поощрять казаков, чтобы тем усилить их служебную ревность. Теперь времена изменились. Если Черкасск и весь нижний Дон еще продолжал быть окраиной государства, то нынешняя Воронежская губерния вошла в состав обычных провинций государства и подчинялась общим узаконениям, ведаясь в правительственных учреждениях наравне с другими частями государства. С этой точки зрения челобитье донского войска за Воронежский монастырь являлось преступлением противогосударственным. Но параллельно с этим в нем был и элемент противоцерковный: монастырь должен был возбуждать ходатайство пред московским правительством чрез своего епархиального архиерея, а не чрез светские органы власти, даже если бы они пользовались особыми правами. Таким образом, резкая отповедь донскому казачеству, будучи выражением торжества московской власти и уничтожения привилегий донского казачества, в тоже время служит утверждением прав епархиальной власти Воронежского первосвященника.

Судя по сохранившемуся документу, содержание которого мы только что изложили, ничего нельзя сказать о личном участии Св. Митрофана в рассмотренном деле. Можно считать несомненным

лишь то, что он сочувствовал правительственному решению. Это особенно ясно из отношения Святителя к другому монастырю, пользовавшемуся покровительством донских казаков, – к монастырю Боршевскому. К изложению взаимных отношений между этим монастырем и епархиальной властью мы теперь и перейдем.

29 сентября 1683 года строитель Боршева монастыря Савватий Картавец подал Св. Митрофану челобитную, в которой доносил, что в Боршеве монастыре живут донские казаки три человека и, будучи в монастыре, у коротоякских детей боярских села Верхней Голышовки скотские стада отогнав, им же, детям боярским на выкун давали, а иную скотину себе оставили и овец стригли сами и дьячков заставляли и многим боршевским жителям ту скотину отдавали. – 7 ноября того же года подал Св. Митрофану челобитную Петрушка Митрофанов. В 1677 году он женился во двор к боршевскому крестьянину к Потапке Тарлину на дочери его девке Анютке. При этом он провел к тестю и свои «животы». Но тесть выгнал его с женою со двора «без животов». Н он, Петрушка, толкался межи дворов три года, после чего снова пришел к тестю и прожил у него один год. Теперь тесть прогнал его одного «без животов» и без жены. Обиженный просил, чтобы Св. Митрофан велел «тестя его и с дочерью, а с его женою, поставить и в том допросить». Святитель для разбора дела послал к игумену Корнилию пристава – «о высылке того крестьянина». Но пристав, возвратившись обратно, донес епископу, что игумен Корнилий без ведома строителя и донских казаков того крестьянина с дочерью «отдать не смеет», а донские казаки, восставшие против высылки крестьянина, угрожали ему побоями, если он пойдет на суд к епископу. В тоже время обнаружилось, что подсудимый, бросивший свою жену, живет с другой незаконно. На требование Святителя к игумену представить виновного на суд, «января 11 донские казаки Василий Иванов, Иван Степанов, Иван Афанасьев, которые в то число в том монастыре жили, того крестьянина пристава не дали, а дали ему пристава сказку за рукою, что де они донские казаки без войскового указу и до приезде с Москвы войскового атамана Ивана Семенова того крестьянина с дочерью отдать не смеют». – В 1685 году пошел на Дон в казачьи городки в дощенике из того монастыря казначей старец Иосиф без ведома епископа. Этот факт повел к последнему столкновению епископа с монастырем и его заправилами. В отсутствие казначея игумен Корнилий, нуждаясь в свинце «для церковного строения», взял его из кельи бывшего строителя

Савватия, ключ от которой хранился у вышеупомянутого казначея Иосифа. Это и послужило поводом к волнениям в монастыре. Игумен говорил, что он разбил окно в келье Савватия с братского совета. Но братия отрицала верность этого показания и восстала против самоуправства игумена. Против игумена восстали и казаки, приезжавшие в монастырь, по дороге из Москвы, в отсутствие игумена. Во главе с Иудой Ивановым, они заставили монахов писать на игумена челобитную донскому войску. Угрожая побоями, они приказали писать челобитье дьячку Ваське Попову. Вот текст этой любопытной челобитной: «Государем атаманом молодцем, Фролу Минаеву и всему великому войску донскому бьют челом – извещают богомольцы ваши Воронежского уезда Троицкого Боршева монастыря казначей старец Дорофей и вся братия (старцы: Дионисий, Авраамий, Никодим, Киприан, Симон, Антоний, Авдей, Иев), трудники бельцы (Афонька Иванов, Илюшка хлебник) – того ж монастыря на игумена Корнилия да на старца Филагрия да на бывшего коротояцкого подьячего на Павла Сергеева. В прошлом, государи, во 193 году он игумен Корнилий с ними старцем Филагрием да с Павлом Сергеевым выбили окно у Саватеевой комнатки и были в ней троя и побрали в ней всякие письма и рухлядь, а что они брали за письма, и мы того не ведаем. Государи атаманы молодцы, Фрол Минаевич и все войско Донское! пожалуйста нас богомольцев своих, велите, государи, челобитье наше и извет записать, чтоб нам от такова их умыслу и разоренья в конец не погибнуть Государи, смилуйтесь». Игумен Корнилий, приехавший уже после отбытия из монастыря Иуды Иванова, увезшего челобитье, узнал о происшедшем от дьячка, писавшего челобитье, который поспешил подать «изветную челобитную» Св. Митрофану. Со своей стороны жаловался на монахов и игумен Корнилий со старцем Филагрием, утверждая, что они не брали никаких писем из кельи Савватия, а только взяли свинец «для церковного строенья». Наконц, к Св. Митрофану обратился с челобитьем и монастырский вкладчик Павел Автомонов Сергеев: он написал, что казначей старец Дорофей «учинился великих государей указу противен и непослушен и говорил за трапезою, будто он Павел (получивший указ великих государей и благословение Св. Митрофана на пострижение в Боршевском монастыре) написал указ своею рукою. 10-го сентября 1685 года Святитель отправил в Боршев монастырь игумена Воронежского Алексеевского монастыря Иоасафа, Рождественского (г. Воронежа) попа Гаврила, Коротояка города Предтеченского попа Герасима про

все статьи разыскать и допросить вправду». Во время допроса обвиняемые показывали следующее. Дьячок Васька Попов: «написал он челобитную к донскому войску по веленью старцев казначея Дорофея, Дионисия и Иева да по велению донских казаков Юды с товарищами, а заставили его написать челобитную старцы и казаки, сильно угрожая боем, а велели они ему в той изветной имена написать всех старцев и бельцов поименно, которых в то число и не было, а что в той челобитной написано, он не упомнит, а слово в слово такую ж черную изветную его руки челобитную взял у него игумен Корнилий. А как он игумен Корнилий и старец Филагрий и Павел Автомонов в Саватееву келью ходили, а его в то число не было, и что из той кельи взяли, не видал и не ведает. И тое изветную челобитную за руками взял атаман Юда Иванов на Дон, а к той изветной прикладывали руки того монастыря черный пон Боголеп вместо себе, а старец Киприан вместо себе ж, а дьячек Еремка Лукьянов вместо себя и вместо бельцов Афоньки Иванова, Илюшки хлебника». Старцы – казначей Дорофей, черный поп Антоний, старцы Дионисий, Киприан, Антоний Никодим и Иев на допросе порознь показали. В сентябре 1685 года игумен Корнилий спрашивался у казначея с братией, чтобы пойти бывшего строителя Савватия в келью за свинцом на церковное строение, а они ему ничего не сказали. И 9 сентября в тот монастырь приезжали донские казаки Юда Иванов с товарищами и велели они казаки старцам с угрозою написать изветную челобитную..., и они старцы все и те казаки заставили написать челобитную дьячка Ваську Попова атаману Фролу Минаеву с товарищами, что де без братского ведома в строителя Саватея келью, отбив окно, сажали дьячка Микишку Васильева и он де Микишка тое келью отпер и в той кельи они (игумен, старец Филагрей и Павел Автомонов) были и вынесли полпуда свинцу, и тот свинец исшел на церковное строение...., а иных никаких писем кроме того не видали. Кроме показанного они ничего не ведают, что есть в келье Савватия: «потому что та келья приказана старцу Иосифу, который ныне на Дону». Послали же челобитную к казакам, а не к великим государям «потому, что они (казаки) тот монастырь называют своим строеньем». Непослушания он, казначей, не чинил и в трапезной таких слов не говорил, что будто Павел Автомонов указ написал своею рукою. – Старцы Арсений, Авраамий и Никодим показали, они ничего не ведают о деле, писать челобитную и руки вместо себя прикладывать не велели, потому что Арсений был на пасеке, Авраамий и Никодим не

выходили из кельи за старостью. – Дьячек Еремка Лукьянов показал: «угражая боем», казаки велели ему подписаться под челобитной вместо всех бельцов-трудников «безымянно». Трудники подтвердили последнее показание. – Ознакомившись со следствием, Св. Митрофан решил довести о деле до сведения великих государей, а пока «вышеперечисленных старцев и дьячков велел дать на поруки с записями, чтоб им до указу великих государей никуда не съезжать и не бежать». «А ведомо мне учинилось, писал в заключение своей челобитной к великим государям Св. Митрофан: с того числа, как подал того монастыря игумен Корнилий изветную челобитную, и того, государи, монастыря братию и монастырских крестьян во всяких духовных и челобитчиков делах от донских казаков мне, богомольцу вашему, ведать невозможно». В ответе на это челобитие Св. Митрофана последовал строгий указ великих государей, определявший наказания всем, замешанным в подачи челобитной. Относительно старцев: казначея Дорофея, Боголепа, Антония, Дионисия, Авдея, Иова, Антония, Киприана и Никодима определено: «учинить им монастырское смирение – бить плетями или шелепы нещадно и сослать их в вологодские монастыри под начал безповоротно и держать их в тех монастырях в монастырской работе, кто какую понести сможет. А дьячку Еремке Лукьянову за его воровство, что он вместо монастырских работников руку приложил без их ведома, учинить наказание – на казле бить кнутом нещадно и сослать в ссылку на Холмогоры с женою и с детьми на вечное житие и написать в стрельцы. И тех старцев из тех монастырей не выпускать и для монастырских дел по селам никуда их не посылать, также и дьячка Еремку с Холмогор никуда не отпускать и для дел не посылать, а для ссылки прислать с Воронежа к Москве с приставы и с провожатыми. А бывшего строителя Савватия в кельях рухлядь его всю переписать, а писем пересмотреть, нет ли каких причинных писем, и той рухляди роспись и причинные письма прислать к Москве в Розряд за руками тех людей, кто у того дела будет. А казначея старца Иоасафа, который поехал с Воронежа на Дон без его епископа ведома, как он с Дону на Воронеж приедет, и его потому ж прислать к Москве в Розряд с приставом и с провожатым. А донских казаков Ваську Иванова, Ивашку Степанова, Ивашку Афанасьева из Троицкого Боршева монастыря выслать на Дон, и впредь в том монастыре донским казакам никому не быть. А дьячку Ваське Попову, который тое челобитную писал, сказать, что он за такое свое воровство повержен смертные казни и великие государи

пожаловали на милость положить смертью его казнить наказанья ему учинить не велели, для того, что он про тое воровскую челобитную известил сам, и дать его на поручьи, что ему впредь таких и иных никаких воровских писем не писать, и отослать его, Ваську в Севеск с женою и с детьми и быть ему в съезжей избе в подьячих, будет его приказное дело будет, а будет столько его не будет, и ему писать ни площади и кормитца тою своею работою». Осмотр рухляди строителя Савватия не подтвердил предположения о «причинных» письмах. На представленную опись имущества Савватия последовал приказ великих государей: книги отдать в монастырскую соборную церковь, рухлядь продать и деньги передать игумену с братией²²⁴.

Так произошел почти полный разгром Боршева монастыря, в котором остались только игумен Корнилий, старец Филагрий и Павел Автономов, покорные Воронежскому епископу и противники власти донских казаков. Однако этим дело не кончилось. 9 февраля 1686 года последовала память из Розряду в Государственный Посольский Приказ о приписке в доме Пресвятые Богородицы Воронежской епархии Троицкого Боршева монастыря. Естественно рассматривать эту приписку монастыря, как следствие вышеизложенных событий: монастырь, оказавшийся при трех братьях, включая сюда и игумена, уже терял значение монастыря, а остававшиеся при нем вотчины могли только служить приманкой для казаков, если бы монастырь сохранил к ним прежнее отношение. Такая причина приписки монастыря прямо указывается в Дневнике Гордона 1696 г.: «Монастырь этот принадлежал прежде донским казакам, но за какую-то их провинность, случившуюся за несколько лет пред тем, был у них отобран, причем монахам оставлено пожизненное содержание по прежнему окладу. Теперь монастырь этот принадлежит к епархии Воронежского епископа»²²⁵. Так закончил свое существование этот монастырь, а вместе с ним закончилось в Воронежском крае и законное влияние донских казаков – на дела епархиального правления. Впрочем, в грамоте о приписке монастыря к Архиерейскому дому отношение к казакам более снисходительное, чем в только что изложенном приказе, определявшем: «впредь в том монастыре донским казакам никому не быть». В новой грамоте мы читаем: «а донских казаков за их многие верные давние службы, которые по желанию своему похотят в том монастыре постритца пожаловали мы, великие государи, велели их в тот монастырь принимать и постригать и кормить братскою пищею против того ж, как напред сего было, также которые похотят по обещанию своему в тот

монастырь дать какой вклад на церковное и на монастырское и на всякое строенье, принимать и записывать то в кннги впредь для ведома, чтоб родственникам их и иным казакам было на память. А которые казаки приедут с Дону в тот монастырь для молений, и их в том монастыре потому ж покоить и поить и кормить, а больше трех дней в монастыре никого казаков не держать»²²⁶. Смысл последних слов особенно ясен при сопоставлении с предшествующим делом.

В дополнение к изложенным фактам следует отметить распоряжения Святителя относительно правильного распределения денежных доходов между братией в Ворон. Успенском монастыре²²⁷ и ведения правильной отчетности в приходе и расходе Дивногорского монастыря²²⁸.

До сих пор мы излагали такие события из истории донского монашества, в которых обнаружились заботы Св. Митрофана о водворении в монастырях правильного устройства, когда монастырский строй нарушался или самими монахами, или мирянами. Но наш очерк был бы односторонним, если бы мы не отметили деяний и мероприятий Святителя, доказывающих, что он был не только представителем закона и власти, но и любвеобильным пастырем, входившим во все, даже мелкие, нужды тех монастырей, которые своими внутренними нестроениями вызывали его нерасположение.

Приходо-расходные книги архиерейского дома при Св. Митрофане сохранили характерные рубрики расходов, среди которых читаем между прочим: «взято в келью архиерейскую казенных денег сто рублей» для раздачи в милостыню погорелым и по тюрьмам и по богадельням и по приказам и нищим, убогим и ссылочным всякого чина людям, и в раздачу же в шествие архиерейское мужских и женских монастырей монахам и монахиням, где архиерей епархий своей в городах бывает»²²⁹. Черное духовенство обращалось лично к Св. Митрофану за помощью в разных своих нуждах: 10 марта 1700 г. дано Усман. дев. монастырю 3 алт. 2 д. «на новокупленную книгу»; 20 апр. 1703 г. – 8 алт. «на книги»; 29 окт. 1702 г., по указу Святителя, дано старицам Острогж. Пятн. мон. 5 р. «на погорелое место»; 26 авг. 1703 г. 5 р. «на церковное погорелое место и на пропитание»; 13 сент. 1703 г. 3 р. «на монастырское строение и на городьбу» Корот. дев. монастырю, ради их скудости²³⁰. Таже черта – забота о материальном довольствии монахов и монастырей – подтверждается тем, что большая часть царских жалованных грамот монастырям падает на

его правление епархией. Наконец, эта же забота выражается в некоторых частных отписках Святителя. Так, в июне 1684 года Святитель писал игумену Лысогорского монастыря Серапиону: «били челом нам, преосвященному епископу, Покровского девича монастыря игуменья Ульянея с сестрами: «по указу де великих государей и по грамоте велено стольнику и воеводе Осипу Алексеевичу Нормацкой»²³¹.

Более общий характер имеют те грамоты Святителя, в которых он дает уроки иноческой жизни. В настоящее время известны две такие грамоты: Устьмедведицкому игумену Исаии и Лысогорскому игумену Серапиону. Вот извлечения из этих памятников. «Благословение преосвященного Митрофана, Епископа Воронежского, Межигорской пустыни, Преображенского монастыря игумену Исаии с братией – благодать, милость, мир от Бога Отца нашего, Иисуса Христа и помощь Пресвятой Богородицы и всех святых молитвы и нашего смирения благословение с вами да есть и буди». «А жить бы вам между собою в любви и в церкви Божией, всяка Божественная служба служить по правилам святых апостол и св. отец и по уставу, и петь единогласно и не мятежно; а забывателей закона Божия и богохульников и раскольников св. Церкви отнюдь вам не слушать»²³². Во второй грамоте (уставной) наставления изложены несколько подробнее. «И тебе б, строителю, читаем в этой грамоте, смотреть чтоб черные старцы и трудники монастырские к церкви Божией, к вечерням, к утрням и к литургиям и ко всякому церковному пению приходили без лености по вся дни, а наипаки в воскресные дни и в господние праздники; также и в кельях своих монахи молитвы и поклоны, елико по силе своей, творили и в год по вся посты, чтоб они постили и к покаянию приходили по вся посты»... «Да ему ж строителю смотреть, чтоб из оного монастыря монахи были неисходны и иных монастырей монахов никого к себе не принимать разве великия каковы ради нужды, с писанием того монастыря начального, из которого он пришел»²³³.

Таковы были взаимные отношения между первым воронежским Святителем и подчиненными ему придонскими монастырями. Требование подчинения епархиальной власти и введение самых элементарных правил монастырского общежития, – вот основные требования Св. Митрофана от монастырей. Повторяем – введение элементарных правил общежития, а не строгого общежительного устава, к выполнению которого донские монастыри не были подготовлены предшествующей историей. Полумирской характер

монастырей, выражавшийся в поступлении в них инвалидов и нуждающихся вдов, а также определение государевой руги не только на монастыри, но и на отдельных монахов, почти неизбежно делали в это время монастыри особножитными. Монахи сходились вместе в церкви на молитву. Но трапеза по-видимому была общею уже не во всех монастырях, а только в тех, где монахи не получали лично денежной и хлебной руги или почему либо лишались доходов. Мы воспользуемся в подтверждение этой мысли с Переписными книгами Воронежской Епархии монастырским вотчинам 1702 года», хранящимся в делах Монастырского Приказа²³⁴. Время составления этих книг совпадает с концом правления Св. Митрофана, и потому этот документ может быть показателем состояния монастырей при этом Святителе.

В Алексеевском монастыре братия получала жалованье рубля по 2, по 3 на человека в год. «А как стали строить каменную церковь, и с того времени братии жалованья давать не стали за скудостью и за малым денежным доходом. Питаются за общею трапезою». В Успенском и Покровском монастырях, как уже указано выше, монашествующие получали жалованье, и забота Святителя была направлена не на его отмену, а на правильное распределение между монашествующими. Требование вкладов при поступлении в Покровский монастырь свидетельствует о том же особножитии. Наконец, о том же говорит упоминание «Переписных книг», что монастырские крестьяне привозят дрова только в хлебню, «а сестры дрова покупают в свои кельи на свои келейные деньги и на подаянные милостинные деньги», хотя дальше и сказано, что в 1702 г. «денежного жалованья сестрам годового ничего нет, питаются за общею трапезой». Братия Семилуцкого монастыря «годового жалованья получают по полтине человеку, строителю рубль». В Троицком Елецком монастыре «жалованья братии нет, питаются за общею трапезой», но дрова возят крестьяне своею развыткою в хлебню и на квас, «а по кельям братия дрова покупают от своих трудов и что мирские люди дают в милостыню». В Тешевском монастыре жалованья «из монастырской казны идет: игумену 2 рубля., 2 черным попам по 40 алтын, дьякону 20 алтын, 10 монахам по полтине, 5 монахам да 3 трутникам по 10 алтын. Хлебного жалованья нет, питаются за общею трапезой. В Коротоякском Казанском монастыре в 192 году положено государева жалованья: игуменье полтина денег, ржи и овса по 3 четверти (всего 6), 24 старицам по полу-полтине и ржи и овса по 2 четверти (4). В

Острогжском Пятницком монастыре дрова в кельи покупают на свои деньги. В Белоколодском Преображенском монастыре «братии годового жалованья по 2 гривне». О жалованьи Усманскому девичьему монастырю нет упоминания в Переписных книгах, но оно было определено жалованною грамотою великих государей 201 (1693) года – ржи и овса по четверти. Таким образом, официальный документ 1702 г. дает прямые указания на то, что из 15 монастырей края в 10 монашествующие получали жалованье и исправляли свои келейные нужды на келейные же деньги, т. е. в них не соблюдалось основное требование монастырского общежития. О других монастырях или прямо говорится, что жалованья братии в них нет (Елецкий женский, Лысогорский), или оно определено монастырю вообще, а не лично каждому монаху (Толшевский, Дивногорский). Но из этого еще нельзя заключать, что в этих монастырях господствовало строгое общежитие; быть может, и в этих монастырях братия получала жалованье, но домашним способом, не заявляя об этом официально. И за этот период обращает на себя внимание тот факт, что при исчислении многочисленных статей монастырских угодий нет речи о том, чтобы монахи сами общими силами извлекали из них выгоды, – везде, напротив, говорится, что монастыри и распахивают землю, и косят сено, и возят дрова и т. д. частью наемными работниками, а главным образом своими монастырскими крестьянами и бобылями. Единственное исключение составляет Толшевский монастырь, о котором сказано, что монахи кормятся своими трудами, что они сами пашут землю и косят сено.

В материальном отношении большинство донских монастырей и в это время были обставлены далеко не блестяще. Деревянные церкви с самою простою утварью, деревянная изгородь вместо каменных стен вокруг монастыря, самые незатейливые избы кельи – вот обычные черты, повторяющиеся в описании донских монастырей этого времени. А между тем эти монастыри располагали такими естественными богатствами, при которых могли считаться солидными вотчинниками. Им принадлежали большие пространства и земли и лугов по Дону, многочисленные рыбные ловли и в реках и в озерах, леса, мельницы, перевозы, пчельники, воскобойни. Мы попытаемся изобразить в таблице эти естественные богатства монастырей к концу XVII века.

	Количество земли въ четвертяхъ.	Сѣннаго покосы въ копнахъ.	Рыбныя ловли въ сколькихъ мѣстахъ	Мельницы	Перевозы.	Пчельникъ	Крестьянскихъ дворовъ.	Т о р г и.	Сколько распах- нуется земли	Количественный составъ братіи
Троицы Лебежанский .	700	50	2	1	—	—	—	—	—	?
Красногор. Лебедян .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	?
Успенский	810	200	5	1	1	—	18	—	16	} 14
Алексѣевскій	300	700	1	—	1	—	16	—	16	
Покровскій	270	—	7	1	—	—	30	—	—	31
Семилуцкій	20	100	10	1	1	—	—	—	20	8
Толшевскій	425	—	—	1	1	1	—	1	10	15
Владѣя Троицкій . . .	322	200	—	—	—	—	25	—	16	13
Влад. на Камен. горѣ .	20	—	—	—	2	—	1	—	10	27
Тешевскій	381	450	2	1	1	—	34	1	10	12
Лысогорскій	130	360	5	—	—	—	—	—	6	5
Дивногорскій	300	500	1	5	—	4	—	—	4	15
Острогъ Пятницкій . .	20	90	—	—	—	—	—	—	12	18
Вѣлокозодскій	—	—	—	1	—	—	—	—	—	7
Усманискій	?	—	—	—	—	—	—	—	—	17*)
Коротъ Вознесенскій .	—	—	—	1	—	—	—	—	—	3
Коротъ Богородицкій .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25
Витюцкій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
	3718									
	× 8									
Всего . . .	11154	2650	33	13	7	4	124	2	120	215

*) Колич. сестеръ не обозначено, въ 1690 г. было — 17.

Конечно, эта таблица дает далеко не полное представление об имуществе монастырей. Сюда совсем не вошли леса, которые были во владении 8 монастырей. Рыбные ловли указаны только количественно, но каковы они были по своему качеству, таблица сказать не может. А между тем некоторые ловли были очень значительны, да и не одни только ловли. Дон в своем верхнем и среднем течении и его притоки: Сосна, Воронеж, Усмань, Девица, Потудань, Форасань и др., на десятки верст был занят угодьями монастырей. Однако и вышеприведенная таблица будет достаточно выразительна, если мы сопоставим ее с другою, определяющею количественный состав монастырской братии за то же время. 11154 четверти, т. е. 5577 десятин земли на 215 монахов, это средним числом дает одной земли 53 четв. или 26 десятин на одного монашествующего. Если прибавить сюда minimum 2600 копен сена, т. е. 260 десятин луга, 13 мельниц, 31 рыбных ловель, 7 перевозов и 124 крестьянских двора, а также денежное и хлебное жалованье, то можно будет признать донские монастыри если не богатыми, то состоятельными. И однако, как сказано выше, обстановка их была очень не прихотлива и часто скудна. А если верить постоянным

челобитьям самих монашествующих к великим государям, то придется признать их нищенствующими. Последнее, конечно, нужно принимать с очень большими ограничениями, однако, в общем бедность монастырей несомненна.

Не должно забывать, что все перечисленные земли и угодья утверждены были за монастырями юридически, но далеко не все находились в их фактическом владении. Служилое население и в конце XVII века продолжало смотреть на монастырские земли и угодья, как на «дикое поле», и потому «насильством» захватывало их, это испытали монастыри: Алексеевский (с Успенским), Покровский, Семилуцкий, Троицкий, Богородицкий, Тешевский, Лысогорский, Острогжский, Пятницкий. Насколько сильно тормозили эти посягательства соседей хозяйственное дело монастырей, об этом хорошо свидетельствует один факт. Покровский монастырь *de jure* продолжал владеть вотчиною на Дону, при впадении в него реки Форасани, и этою последнею на всем ее течении²³⁵. Однако, нескончаемые тяжбы с соседями были так тяжелы и разорительны, что монастырь просил всероссийского патриарха сделать монастырь приписным, т. е. выражал желание лучше потерять свое самостоятельное существование и обратиться в вотчину патриаршего дома²³⁶. А когда в этом было отказано²³⁷, то он просил уже великого государя взять его вотчину «на себя», заменивши ее обычным хлебным и денежным жалованьем²³⁸. Но и в этом монастырю было отказано.

Относительная бедность монастырей будет еще более понятна, если мы обратим внимание на то, что их богатства были естественными, но не возделанными. Их земля и к концу XVII в. была «диким полем». Разница состояла лишь в том, что теперь монастыри определяют количество «доброй» земли. Но полевое хозяйство было в зачаточном состоянии. Собственно на все монастыри распахивалось только 120 четвертей в трех полях, что составит немного более одного процента всей земли, принадлежавшей монастырям. Правда, значительная часть земли распахивалась монастырскими крестьянами для их собственных нужд, хотя далеко не все монастыри владели крестьянами. Но, во всяком случае, в этом уже не выражалось собственно монастырское хозяйство. Однако и за вычетом этой крестьянской земли, «дикого поля» оставалось еще очень много. Напр., у Толшевского монастыря, не имевшего крестьян, такой земли оставалось 1215 четвертей или 607 десятин в трех полях. А о земле Дивногорского монастыря

сказано, что из нее распахано 2 десятины, причем прибавлено: «хотят заводить хлеб сеять». Можно бы эту фразу, с некоторыми ограничениями, сказать и обо всех донских монастырях: владея значительными земельными участками, они владели почти мертвым капиталом, еще только «хотели заводить хлеб сеять»²³⁹.

Не видно в этом отношении заметного движения вперед, в смысле расширения площади землепользования. У некоторых монастырей не было для этого рабочих рук. У других были в распоряжении монастырские слободки; но состав их постоянно колебался, часто крестьянские и бобыльские дворы пустовали. В украинном месте сбродное население легко переменило места жительства, и нужно было явиться хозяину-капиталисту, чтобы привлечь к себе постоянное крестьянское население. Таким хозяином явился Патриарший Дом, овладевший целым рядом сел и деревень. Бедные украинные монастыри и в конце XVII в. не могли связать с собою прочными связями крестьянское население, и понятно, что монастырские слободки населялись крестьянством, малопригодным для постоянной крестьянской работы. Перечитавши списки крестьянских дворов Тешевского монастыря, С. Н. Введенский приводит из него любопытные фамилии: Васька Кривобок, Данилка Воров, Панька Голошуб. Это донская голытьба. Пусть это только часть монастырского крестьянства, но и она вносила разлагающее влияние на крестьянский быт.

Насколько плохо шло полевое хозяйство, это хорошо выяснил С. Н. Введенский относительно Тешевского монастыря, на основании «Сказки Тешевского игумена Трифона» 1702 г., Приходо-Расходных Книг монастыря 1704 г. и выписи на монастырскую вотчину 1696 г. Его выводы мы и приведем полностью, так как они приложимы и к другим Придонским монастырям.

«Из 30 десятин ежегодно засевались рожью 10 д., в яровом поле 7 д. шли под овес и 3 под гречу. Рожь давала в ужине с десятины по 6 копен, а в умолоте из копны средним числом по осмине. Овес становился по 9–10 копен на десятине, на умолоте, по четверику (?) из копны: гречиха – в ужине по 6 копен, а в умолоте по осмине из копны. Подводя теперь общий итог хлебных поступлений за год в монастырь, мы получаем 30 четвертей ржи, 63–65 четвертей овса, 9 четвертей гречихи. Чтобы определить чистый доход, из этой суммы надо исключить затраченные семена. По имеющимся сведениям о сельском хозяйстве в Елецком уезде конца XVII в. густота посева ржи на десятину равнялась 1 четверти ржи и 3 четв. овса²⁴⁰.

Соответственно этим цифрам, монастырь должен был затратить на посев около 15 четвертей ржи и 28 четв. овса. Относительно густоты посева гречихи точных сведений мы не имеем, а потому можем руководствоваться современной практикой степной полосы России, где на десятину засеивается гречи приблизительно осмина²⁴¹. На три десятины получаем 1 четв. гречихи, а из 9 четв. умолота – 7 четв. чистых. Итак, в пользу монастыря оставалось всего 15 четвертей ржи, 35–37 четв. овса и 7 четв. гречи. Если взять эту цифру хлебного дохода в отношении к общему количеству земли за монастырем, то придем к выводу, что полевое хозяйство давало монастырю очень бедный результат. Чтобы получить указанный сейчас хлебный доход, монастырь должен был отдать в руки своих крестьян около 100 десятин земли, или приблизительно по 30 д. в каждом поле. Следовательно, обработка каждой десятины земли при своих семенах обходилась монастырю приблизительно во столько, сколько стоили ему 3 десятины. По местным ценам в 1702 г. четверть ржи стоила 16 коп.; овес стоил столько же²⁴². По этому счету мы получим за 15 четвертей ржи 2 р. 50 к., за 35 четв. Овса – 5 р. 60 к. Цены на гречиху в то время нам найти не удалось. Но если даже в виду слабой урожайности гречихи (в общем) мы приложим ее по цене в 3 раза выше ржи, то за 7 четв. получим 3 р. 60 к.. Складывая эти цифры (2 р. 50 к. + 5 р. 60 к. + 3 р. 60 к. = 11 р. 70 к.) и переводя стоимость денег того времени на наши деньги, получаем около 100 р. Если теперь предположим, что монастырь для получения такого дохода не засеивал бы землю, а всю сдавал бы внаймы, то на 130 д. всей распаханной земли получим очень низкую арендную плату, около 10 к. или около 1 р. на наши деньги за десятину. Ясно, что при невозможности извлекать из полевого хозяйства достаточную выгоду, монастырь ценил свою «добрую землю» очень низко».

При более правильной постановке сельского хозяйства, могли бы получиться и другие результаты. За то же время, когда бедные монастыри почти не могли извлечь пользы из своих земельных владений, Боршевская и Карачунская вотчины Архиерейского Дома давали последнему следующее количество хлеба. Боршевская: ржи – 8 четв., ржаной муки – 233 четв. 2 чк., ситной муки – 50 четв. 4 чк., решетной муки – 3 четв., ржаных сухарей – 6 четв., ситных сухарей – 8 четв. и чк., решетных сухарей – 2 четв., ячменю – 96 четв., ячного солоду – 8 четв., овса – 19 четв. 4 чк., овсяной муки – 16 четв., гречных круп – 11 четв., гречной муки – 4 четв., хмелю – 50 четв., всего 604 четв. 3 чк. Карачунская: ржи – 170 четв. 4 чк., ржаных

сухарей – 6 четв., пшена–8 четв., овса – 332 четв. чк., ячменю 36 четв., ржанных сухарей 6 четв., всего 565 четв. и чк.²⁴³. Но ни один еще монастырь не получал таких хлебных доходов. Все они ценили, поэтому гораздо более другие источники содержания, дававшие доход и при небольшом количестве рабочих рук. Мельницы, торжки, перевозки – вот что давало чистый доход бедным придонским монастырям. Но на эти доходные статьи в конце XVII и начале XVIII в. была наложена тяжелая рука царя Преобразователя.

Глава IV. Перемены в положении придонских монастырей, происшедшие под влиянием Петровских преобразований (1695–1764)

Содержание. Отношение к донским монастырям правительства Петра I и его преемников. Ограничение их имущественных прав. Прекращение выдачи жалованья, отобрание угодий. Несение государственных повинностей. Воспрещение постригать монахов. Соединение малобратственных монастырей.

Положение вновь возникших монастырей. Азовский-Донецкий монастырь. Мигулинский, Кременецкий, Усть-Медведецкий монастыри. Отношение к монастырям донского казачества. Отношение к ним Воронежских епископов. Светские экононы монастырей Войска Донского.

Земельные споры монастырей с окрестным населением. Земельные владения монастырей. Монастырские вотчины и их управители. Доходы и расходы монастырей.

Внутренний быт монастырей. Положение настоятелей и права братии. Отношение монастырей к просветительным запросам времени. Невысокий средний уровень монашества. Неблагоприятное влияние эпитимийцев. Недостаток достойных кандидатов на иеромонашеские и иеродиаконские места. Численный состав монастырей, как показатель их уровня. Оскудение и закрытие некоторых монастырей до 1764 года.

До конца XVII в. монашество в России представляло учреждение, покровительствуемое государством. Хотя правительство по временам пыталось утилизировать это учреждение, но в общем оно признавало монашество, как и церковь вообще, независимым. Со времени Петра I происходит крутой перелом в самых взглядах правительства на церковь и монашество. Их самостоятельное значение сначала практически, а потом и теоретически отрицается, и в глазах правительства они получают лишь служебное значение для государства. И церковь вообще, и монашество в частности должны нести службу государству, – в противном случае существование их, как учреждений с имущественными правами, не имеет оснований. В частности, существование монастырских земель и вотчин совершенно незаконно, если монастыри не несут государственных

повинностей, – тогда имущества монастырей являются «тунегиблемыми», тогда монахи «поедают чужие труды».

Выходя из таких взглядов. Петр I привлек русские монастыри к отправлению государственных повинностей и запрещал приобретение монастырями новых земельных владений. С наличных земель монастырям было положено определенное жалованье, с тем, чтобы остальные доходы шли на государственные нужды, а для контроля над монастырским хозяйством в 1701 году был восстановлен Монастырский Приказ. В течение первого десятилетия своего существования (1701–1710) Приказ произвел в церковных имениях подворную перепись²⁴⁴, установившую норму доходов и расходов монастырей. Результатом этой переписи была «Табель 1710 г.» Богатые монастыри после этого получают из своих доходов определенное жалованье²⁴⁵, а бедным, к которым причислены и придонские монастыри, оставлены их вотчины.

В 1715 г. на убылые порции монахов велено помещать не имеющих пропитания отставных и увечных военных чинов, раскольников, сумасшедших и преступников; Монастырский Приказ ведает богадельни, типографии, школы и проч.

В конце своего царствования Петр выразил свой утилитарный взгляд на монастыри в известном – «Объявлении, когда и какой ради вины начался чин монашеский и каковой был образ жития монахов древних и как нынешних исправить?». Здесь монастыри признавались только, как места уединения и как школы для приготовлений избранных монахов к высшим духовным должностям.

Под влиянием такого взгляда, монашество и монастыри должны были сократиться количественно. Указом 1723 года запрещалось даже пострижение новых монахов, а на убылые места повелено было помещать в монастыри инвалидов, нищих, калек. В том же году издано повеление упразднить «малобратственные» монастыри, сводя их вместе – так, чтобы в каждом монастыре было не менее 30 монахов. Монахи обязаны были заниматься каким-нибудь трудом. 24 января 1724 года Петр В. дал Св. Синоду собственноручный указ: «надлежит перво ведать во всем государстве, сколько остается денег и хлеба, за осмигривенными, у монастырей, дабы по тому разложить где сколько содержать нищих и сирот и монахов, им служащих и для службы Божией, также училища, яко семинарии и прочие»²⁴⁶.

Учреждение Св. Синода не улучшило положений монашества, так как и Синод, как учреждение прежде всего государственное,

обязан был следить за проведением в жизнь монастырей новых правительственных взглядов. И в Духовном Регламенте были проведены те же взгляды, какие выработались у Петра ранее учреждения Синода. После Петра I началась реакция против его реформ, и в этой реакции видное участие приняли монахи, желавшие повернуть монастыри к их прежнему привилегированному положению; но эта реакция была кратковременной и потому ничего существенно нового в положение русских монастырей внести не могла. Следует разве отметить отмену закона 1723 г. о сведении малобратственных монастырей. С воцарением Анны Иоанновны взгляды правительства на монастыри сделались еще более неблагоприятными, чем при Петре I. Во главе церковного правительства стоял Феофан Прокопович, автор «Объявления» и «Духовного Регламента». В главе светского правительства стоял Бирон, с его полною нетерпимостью и презрением к Православной церкви вообще и монашеству в частности. Монастырям снова было запрещено приобретать каким бы то ни было способом землю (25 окт. 1730 г.). Вновь воспрещается постригать в монастыри кого бы то ни было, кроме вдовых священников и отставных солдат; наличных монахов повелено переписать (1732) и постриженных вопреки указам – расстригать и отдавать в солдаты. Положение монастырей сделалось настолько затруднительным, что в 1740 г. Синод выразил опасение, что при дальнейшем применении этих указов монашество и совсем может прекратиться на Руси. После Анны Иоанновны (†1740) монахи должны бы были почувствовать облегчение, так как набожная имп. Елизавета Петровна любила посещать монастыри и лично оказывала им разные милости. Но утилитарный взгляд на монастыри настолько прочно утвердился в правительстве, что эта личная благосклонность императрицы, при ее общем невмешательстве в правительственную политику, не принесла монашеству существенной пользы. И в это именно царствование уже готовилась та реформа, которую осуществила Екатерина II, – секуляризация церковных и монастырских имуществ²⁴⁷.

Эти общие правительственные распоряжения могли бы не быть особенно чувствительными для придонского монашества, так как земельные владения донских монастырей, говоря относительно, были очень малы. Но так как сам Преобразователь некоторое время прожил в Придонье, то от его внимания не ускользнули и эти бедные монастыри. Отличительная особенность Петровских распоряжений – их практический характер. Петр действовал не по заранее

начертанной программе, а по мере нужды, – программа же вырабатывалась уже после, как вывод из ряда практических распоряжений. И в данном случае, еще задолго до выработки программы, уже в первые годы своего единоличного управления, Петр столкнулся с донскими монастырями и привлек их на государственную службу. Это была горячая пора судостроительства и азовских походов. От Ельца, мимо Тешевского монастыря, на Воронеж потянулись ратные люди, царские посланцы и приближенные. Здесь же неоднократно проезжал сам Царь. Монастыри приютившиеся близ большой московской дороги, не мигли не почувствовать этого нового движения: они должны были помочь ему своими средствами или угодьями. Далее – Воронеж. Здесь кипела напряженная работа. У стен древнейшего Успенского монастыря устроена корабельная верфь. Близ нее по склону горы скоро возникли немецкие слободки с кирками. Старый уклад русской жизни встретился с новым – «немецким». Суэта строительной работы, шум и брань мастерового люда, презрение «немцев» к русскому благочестию вообще и к монашеству в особенности – должны были совершенно выбить из привычной колеи успенских монахов. Здесь уже не могло быть компромиссов, резкий разрыв был неизбежен. С другой стороны этот небогатый монастырь с его городской и заречной слободками могли казаться совершенно неуместными царю. Место, занятое монастырем, было так нужно для разных практических построек и для квартир царской свиты, что вопрос об упразднении обители возникал сам собою²⁴⁸. Другой – женский монастырь Покровский был расположен неподалеку на склон горы и потому тоже был неудобен, и его пришлось хотя не упразднить, то переселить на противоположную часть города. А затем и этот женский монастырь и мужской Алексеевский были привлечены к отбыванию повинности, связанной с корабельным строительством. Далее, на пути из Воронежа по Дону лежавшие монастыри привлекаются к той же повинности. Их вольности, значительно уменьшенные в церковном отношении деятельностью Св. Митрофана, в гражданском отношении упраздняются этой близостью царского шатра в Воронеже и постоянною нуждою царя в деньгах, требовавшею все новых и новых налогов на имущества, кому бы они ни принадлежали. Только на нижнем течении Дона не сказалась эта общая политика Петра. Монастырь Донецко-Азовский даже получает новые привилегии; но это тоже вызывалось практической нуждою, – после Булавинского бунта, наказавши

мятежников, нужно было создать надежный оплот государственности. Привилегии монастырям здесь были практическим средством утвердить русскую государственность. Здесь выразился именно практический характер мероприятий Петра I, как и в пожалованиях Св. Митрофану, не как епископу-монаху, а как сотруднику Царя: преемники св. Митрофана уже не пользуются этими привилегиями.

После этого становятся понятными приводимые ниже официальные данные о материальном состоянии монастырей при Петре.

Прежде всего, монастыри лишаются хлебного и денежного государева жалованья, определенного им ранее. Официальной отмены этого жалованья они не знают, а только в своих отчетах утверждают, что жалованье им перестали платить. Это случилось, по Переписным книгам 1702 года, около 1695–1696 г.²⁴⁹ Остался на жалованье только один Коротоякский женский монастырь; но у этого монастыря не было никаких других доходов, тогда как другие пользовались и пашенною землею, и угодьями, и потому, с правительственной точки зрения, являлись бременем для казны. Но так как и прежде на хлебном и денежном жалованье было только четыре монастыря (Толшевский, Усманский, Острогожский женский, Коротоякский женский), то прекращение выдачи жалованья не так резко бросается в глаза, как лишение монастырей доходных угодий, в роде рыбных ловель, перевозов и мельниц. Такое лишение началось со времени прибытия Петра в Воронеж. Рыбные ловли и перевозки, по-видимому, отбирались «без волокиты», быть может, по одному словесному приказу царя. В тоже время монастыри, стоявшие на большой Московской дороге, должны были ставить подводы под служилых людей, а Воронежский женский – содержать казенных рабочих лошадей до первого требования.

Древнейший Успенский монастырь, лишившийся своей мельницы на р. Девице, отданной св. Митрофану, больше всего надеялся на доход с перевоза через р. Воронеж против города. «С того перевозу в прошлых годах до азовской службы собиралось в год рублей по 30 и больше. А как началась азовская служба и по указу великого государя на Воронеже учинилась корабельная пристань, и с того времени с того перевозу приход малой, в год рублей по 15 и по 16, для того что на том перевозе переезжают ратные и рабочие и плотники и всяких иных чинов люди, которые бывают у того корабельного дела во всяких работах, без перевозного платежа, и

промеж тех людей и иные посторонние многие всяких чинов люди проезжают безденежно»²⁵⁰. Значительный доход монастырю доставляла мельница на р. Воронеже на Инютином протоке, на которой «посацкие люди малывали всякий хлеб в донской отпуск подрядом на деньги. А ныне с той мельницы денежного приходу стало малое число, потому что с прошлого 1701 году с сентября месяца, по указу великого государя, построена под г. Воронежем его великого государя мельница на р. Воронеже да две ветряные жерновые мельницы, и те хлебные подряды Воронежских посацких людей мелют на тех великого Государя мельницах». Прекратился и доход с рыбных ловель под Воронежем, «потому что учинилась корабельная пристань и в тех озерах ловят рыбу ратные всяких чинов люди и чинится толока великая». А так как земля почти не давала монастырю дохода, то монастырь лишался, т. о., почти совсем средств содержания. Одновременно с этим самое существование его было признано неудобным, по близости к верфи. Поэтому, конечно, Петр и издал распоряжение упразднить его, переведши монахов в Алексеевский монастырь.

Воронежский Покровский монастырь жаловался на стеснения другого рода. В 1697 году «взяты у них на государевы работы к корабельному делу бобыли и с лошадьми и с того числа и по се число (29 августа 1698 г.) работают без съезду и лошадьми опали и обмерли». В 1698 г. «отданы на прокорм до его, великого государя, указу беглых людей, которые бежали от государева стругового дела из бору с пристаней,... 34 лошади самые худые и скорбные и старые, и с того числа тех лошадей мы кормили с великою нуждою, и в нынешнем году пало 15 лошадей, а попадали те лошади от великой скорби, потому как отданы нам из бору были самые худые и старые, скорбные и выбитые»²⁵¹. Кормить и караулить этих лошадей некому, «а ныне с великою нуждою кормят и караулят у них в деревне малые ребята и жены их» (?). Поэтому монастырь просил «для их скудости перевести (лошадей) к иным к кому пристойно», соглашаясь оставить на работе своих бобылей. Просьба о переводе лошадей была уважена²⁵². Но в скором времени монастырь испытал беспокойство более серьезного характера. Вероятно, по тем же соображениям, по каким был упразднен Успенский монастырь, а отчасти и вследствие тесноты монастырской усадьбы близ «города», монастырю в 1702 г. разрешено было перейти на другой конец города²⁵³, где он находится и теперь. — Семилуцкий монастырь лишился своих лучших рыбных ловлей как на Дону, так и в девяти

принадлежащих ему озерах. «В тех озерах они себе про монастырский обиход рыбы не ловят, потому что в тех озерах, «по указу великого государя по памятям из приказу адмиралтейских дел ловят рыбу вживность на великого государя». – Толшевский монастырь потерпел ущерб на перевозе под селом Ступиным, которым пользовался с 1675 года. С 1698 года «денежного сбора с того перевозу ничего нет, для того что на той Ступинской пристани стоят великого государя корабли и на том перевозе возят государевы всякие лесные припасы и ездят работные люди все безденежно». Та же участь постигла перевоз Тешевского монастыря: «на тот перевоз надлежит проезжая большая московская дорога и через тот перевоз переезжают едучи с Москвы на Воронеж и с Воронежа к Москве со всякими великого государя полковыми припасы и служебные всяких чинов люди, а перевозного с них не емлют, а меж служилых людей и промышленные многие люди переезжают безденежно». Даже беднейший Елецкий монастырь на Каменной горе испытал близость государева двора и его мастеровых: в 1688 г. ему был дан на р. Быстрой Сосне мост, с которого монастырь получал рублей по 15–16 в год дохода. Но в 1702 году елецкий воевода «монастырю от моста отказал для проезду государевых всяких полковых припасов и ратных всяких чинов людей». Белоколоцкий монастырь потерпел убыток на мельнице: «потому что сверху той мельницы на той же речке Бель-Колодезе построены заводы железные, и к делу пушечного литья и молотового дела тое воду на тех заводах на плотине набирают и во время пушечные и всякие железные работы пускают вдруг, и от того той их монастырской мельнице чинится поруха великая, прорывает плотину в месяц по-дважды и по-трижды»²⁵⁴. Несколько позже ограничения коснулись Дивногорского монастыря. В описи монастыря 1715 года уже не упоминаются мельницы при впадении р. Тихой Сосны в Дон и на речке Мерине, а о самой доходной Песковатской мельнице в г. Острогожске опись 1715 года прямо говорит, что «та мельница взята на великого государя»²⁵⁵. Коротоякская мельница в 1707 г. была отобрана на имя гр. Ф. М. Апраксина²⁵⁶, а впоследствии за нее монастырь вынужден платить оброку по 50 р. в год²⁵⁷.

Таким образом о 12 монастырях Придонья известно из официальных данных, что они подверглись стеснениям и материальным лишениям вследствие наплыва военных и мастеровых людей, наводнивших Придонье по приказу Петра и для устройства флота.

При таких стеснительных условиях монастыри с трудом могли поддерживать свой прежний строй. Между тем им предстояло испытать еще новые испытания. В начале 20-х годов произошла первая ревизия монастырей. В 1722 г. Св. Синод потребовал от монастырей точных справок о времени оснований их. Требование это мотивировалось тем, что в между патриаршество (1700–1721 г.г.) было настроено много монастырей без указов и без нужды, почему такие монастыри подлежали закрытию. В северном Придонуе таких монастырей не было. Но монастыри Придонуя поплатились по другому случаю. Они принимали в свои стены «пришлых людей», не показанных в подушном окладе. За них монастыри в 1722 г. обязаны были уплатить восьмигривенный подушный оклад. Азовская губернская канцелярия требовала такой уплаты даже с малолетних и бежавших из монастырей. А так как в 1723 г. было запрещено постригать в монашество «не из указных чинов» (согласно Духовному Регламенту), то монастыри, не выполнявшие это распоряжение, подверглись чувствительному штрафу и за таких монахов. С постригавших за каждого постриженного «не из указных чинов» бралось по 10 р. штрафа, а кому нечем было платить штраф, тех, лишив начальства и иеромонашества, ссылали под начал в другие монастыри. Сохранились сведения о Толшевских строителях Никифоре и Корнелии: первый в 1728 г. постриг 4 монахов, второй – в 1732 г. трех; кроме того в 1724 и 1732 г. пострижены две монахини Усманского монастыря Толшевским иеромонахом Пахомием. Иеромонах Никифор в 1737 г. за пострижение трех монахов уплатил 30 р. штрафу²⁵⁸. Донецкий архим. Иоасаф уплатил 140 р.²⁵⁹. Когда для расстрижения монахов не из указных чинов приехал в Донские монастыри Дивногорский архимандрит Варфоломей, это вызвало протест со стороны Донского Войска. Атаман Флоров, старшина и все Войско Донское просило не расстригать монахов: некоторые из них пострижены в монастыри из заслуженных, престарелых и раненых отставных казаков казачьих городков, с общего отпуска станиц; о недаче им отпусков для пострижения в чернецы запретительных указов они ни от кого не имели и не имеют; поименованные монастыри состоят на пропитании их ведомства, и наконец Высоч. указом 28 янв. 1723 г. на убылые места в монастырях велено постригать именно отставных солдат, а не иных лиц. Результат этого ходатайства неизвестен²⁶⁰.

Но особенно тяжело должен был отзываться на строе монастырей указ 1723 г. о соединении малобратственных

монастырей. Почти каждый из придонских монастырей, по смыслу этого указа, должен был бояться за самое свое существование, так как среди них не было таких, в которых было бы 30 братий. Мы имеем сведения, что Семилуцкий монастырь велено было перевести в Толшевский. Но, по просьбе Семилуцкого строителя Дамиана с братией, это распоряжение было изменено: Семилуцкой братии разрешено было перейти в Дивногорский монастырь. Монастырскую же церковь с утварью и ризницей отдать приходскому Семилуцкому попу, определивши ему «монастырской пашенной земли по его сказке неоскудно, а остатную пашенную того монастыря землю и сенные покосы, рыбные ловли и мельницу и проч. угодья, кроме строительных и братских келий и скота и лошадей, птиц, пчел и пастбы, за дальностью от Дивногорского монастыря, приписать к Преображенскому монастырю, что в Толшах»²⁶¹.

В тоже время должен был соединиться с Толшевским и Белоколоцкий монастырь. В 1724 г. Толшевский строитель Никифор явился в Белоколоцкий монастырь, описал все имущество и все его взял, а затем и братию перевел в Толши. Тогда на защиту Белоколоцкого монастыря выступили окрестные жители. Указавши на то, что Белоколоцкий монастырь «из древних лет построен был обещанием и вкладом дедов и отцов их и ими просителями», что в этом монастыре «строитель и братия в пище и во одежде никакой нужды не имели (понеже земель, сенных покосов, рыбных ловель, хлеба и скота и пчел во оном монастыре имелось довольство), и что наконец монахи Белоколоцкого м-ря желают возвратиться на старое место, а из Белоколоцких жителей есть желающие постричься в прежнем монастыре, – жители просили Воронежского епископа восстановить Белоколоцкий монастырь. А так как в 1726 году Св. Синод отменил указ 1723 г., поручивши надзор за монастырским благочинием «рассмотрению» архиереев, то в 1732 году Преосв. Иоаким дал указ о восстановлении Белоколоцкого монастыря»²⁶².

Между тем опасность закрытия грозила и Толшам. После переведения Белоколоцкой братии, в Толшах оказалось только 29, а не 30 монахов. Чтобы достигнуть узаконенной нормы, следовало перевести в Толши и братию Воронежского Алексеевского монастыря. Но это не так легко было сделать, как с братией Белоколоцкого монастыря. Настоятель Алексеевского монастыря, живя в Воронеже, вероятно, имел вес в епархиальном управлении и потому не только сумел отстоять свой монастырь, но даже посягнул на существование Толшевского монастыря. Несмотря на то, что в

Алексеевском монастыре было только 7 братий, епархиальное начальство отменило свое прежнее постановление и распорядилось перевести в Алексеевский монастырь всю братию Толшевского монастыря. Не надеясь на свою силу пред Воронежским архиереем, строитель Никифор обратился с челобитьем в Московскую Синодальную Канцелярию. Изложивши в прошении ход дела, он указывал на то, что положение Акатова монастыря чрезвычайно неудобно, «понеже стоит среди града и торжища и в стене монастырской имеется Его Императорского Величества кабак, и в том Акатове монастыре церковь Божия одна и служат в ней советские попы и дьяконы и дьячки и пономари советские ж и жительство имеют оные попы и дьяконы и дьячки и пономари в домах своих с женами своими и детьми, понеже к оной церкви прихожан имеется купеческих и разных всяких чинов людей града Воронежа дворового числа с полтора ста дворов». Напротив того, Толшевский монастырь стоит в весьма удобном месте, от мира удален, наделен всякими угодьями, имеет две церкви, в которых служат три иеромонаха и два иеродиакона. И хотя монастырь не получает казенного жалованья, однако своею землею и трудами братии может прокормить до ста человек²⁶³. Монастырь остался на месте – не вследствие приведенного ходатайства, а вследствие общего Синодального распоряжения от 9 мая 1726 г., которым управление монастырями и решение вопроса об их упразднении или оставлении в прежнем виде предоставлено было епархиальной власти, которая и не дала хода начатому соединению малобратственных монастырей²⁶⁴. – По силе того же указа 1723 г. в Лебедянский Троицкий монастырь был переведен Веневский монастырь в 1725 г.; но затем 23 февраля 1727 г. снова выведен на свое место²⁶⁵. Вероятно по силе указа 1723 г. о малобратственных монастырях, был упразднен Вознесенский Коротоякский монастырь, а ризница и прочее имущество его передано в близ лежавшую Лысогорскую пустынь²⁶⁶.

Мы не имеем сведений о том, как отозвался указ о малобратственных монастырях на других обителях Придонья. Но по аналогии с рассказанными случаями можем заключать о том переполохе, какой он возбудил во всех монастырях, оказавшихся «малобратственными».

В течение второй четверти XVIII века придонские монастыри не испытали существенных перемен ни к лучшему, ни к худшему. А при скудости сохранившихся о них архивных сведений, нет возможности

определить и то, как применялись к ним общие распоряжения правительства о монастырях. Суровые распоряжения правительства Анны Иоанновны должны были особенно стеснить монашествующих. Мы уже видели, что взыскания за нарушения указа 1723 г., воспрещавшего постригать не из указных чинов, стали применяться в это царствование. Всего с 1732 по 1737 г. в Воронежской Епархии подлежало расстрижению 57 монахов: из них 3 игумена, 40 иеромонахов, 14 иеродиаконов. По многочисленности подлежащих расстрижению Воронежская Епархия занимала четвертое место (после Киевской – 157 монахов, Синодальной области – 87 и Белгородской – 69). Впрочем, исполнение этого указа опять затянулось, и неизвестно, сколько в действительности было расстриженных²⁶⁷.

Приведенные сведения касаются придонских монастырей, уже существовавших до Петра I. Эти монастыри теперь испытывали наибольшие стеснения со стороны светского правительства. Но кроме них за рассматриваемое время возникло несколько новых монастырей, которых указанные стеснения или не касались совсем, или касались только отчасти. Это монастыри среднего и нижнего Придонья.

Со времени св. Митрофана привилегии донского казачества в пределах его епархий уничтожаются. Но за пределами Воронежской Епархии они еще остаются. И там правительство пока еще бессильно ввести строгую регламентацию в церковные порядки. Население само заботится об удовлетворении своих религиозных нужд. Само же оно организует монашеские общины и наделяет их средствами содержания. Так возникли и некоторое время существовали монастыри – Донецкий, Мигулинский, Кременский и Азовский. Из них Азовско-Донецкий возник при деятельной помощи правительства, а Мигулинский и Кременский – усердием казацкого населения.

Донецкий монастырь возник в самом конце XVII в. (одновременно с Троицким Битюцким). Строителем его был иеромонах Иоанн. В 1698 году, по благословению Св. Митрофана началась в пустыни постройка Успенской церкви. Но так как в след. 1699 г. местность, занимаемая пустыней, отошла в Тамбовскую Епархию, то освящение новой церкви произошло по благословению Тамбовского епископа Игнатия²⁶⁸.

Почти одновременно с Донецкою пустыней возник монастырь в Азове. Еще ранее, в 1593 г., была попытка устроить некоторое подобие монастыря в Черкасске, для воинов-инвалидов. Теперь

естественно было ожидать, что и в ново завоеванном Азове явятся русские люди, для которых монастырь есть традиционное обнаружение благочестия. А правительство сочтет нужным поощрить это дело и в религиозных, и в политических соображениях.

«Монастырь основан был в 1696 году во взятой у Турок Петром В. 1696 г. июля 19 крепости Азове, при находившейся там издавна церкви Иоанна Предтечи, или достовернее сказать, во имя найденного там по взятии сей крепости образа Иоанна Предтечи; ибо по сему образу заключено, что там исстари были христиане и имели церковь²⁶⁹. Е. Болховитинов утверждает, что монастырь был «построен Петром Великим». Это наводит на сопоставление Азовского монастыря с Воронежским Успенским – «строением царя Бориса». «На одном большом колоколе, находившемся в сем монастыре до 1747 года, была след. надпись: «колокол лит 7204 года ноября в 1 день, во славу Всемогущего в Троице Святей славимого Бога повелением Благочестивейшего Великого Государя Царя и Великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России Самодержца и многих Государств и земель восточных и западных и северных Отчина и Дедича и Наследника и Государя и Обладателя, вылит сей колокол и при нем прочие шесть колоколов в завоеванной Его Великого Государя города Азова, которой от войск Его Великого Государя взят из под владения Салтана Турецкого Мустафы в прошлом 7204 году июля 19. В монастырь Честного Славного Предтечи и Крестителя Иоанна, в честь имени Его Святого, во благочестие же и радость православным христианам, а на посрамление нечестивым Магометанам» (Болховитинов. Описание Воронеж. Губ., стр. 175). И в дальнейшем покровительство светской власти Азовскому монастырю было необычайное. 25 февраля 1697 года строитель обители старец Алексей с братией получил из Пушкарского Приказа хлебное (по 25 четвертей ржи и овса) и денежное (по 30 р. в год) жалованья²⁷⁰. В 1700 г. (13 марта) монастырю был отдан остров «промеж рек Каланчи и Кутермы под сенные покосы и р. Кутермы для рыбной, птичьей и звериной ловли. Среди самого города был отведен участок земли «среди торгу под часовню» (66×55 саж.), а под загородный двор и на огород место в устье р. Дона (73×45 саж.), место для конского двора²⁷¹. Не смотря на протест донского атамана Фрола Минаева, просившего «не учинять обиды казакам» отпискою на монастырь р. Кутермы, угодье это, по указу государя, было укреплено за монастырем²⁷². Земля, прилегающая к р. Каланче и Донцу, в количестве 325 десятин, также

отдана монастырю; а так как эта земля была неудобна для хлебопашества, то монастырь исходатайствовал себе соседнюю удобную землю, в размере 217 десятин (1040×500 саж.²⁷³). В 1700 г. братия ходатайствовала пред царем о новой милости. Указывая на недостаток 30 рублевого жалованья 30 братьям монастыря, архимандрит Иоасаф просил пожаловать монастырю две вотчины – одну деревню Орловку в Донковском уезде, другую – деревню Титову в Перселавском (Рязанском) уезде, в первой – 280 четвертей земли, во второй 265 ч. в поле, с крестьянами и угодьями²⁷⁴. В 1700 г. к Азовскому монастырю был приписан монастырь Святогорский. Но эта приписка не состоялась. В 1709 г., по указу царя, велено отдать Азовскому монастырю, вместо Святогорского монастыря, землю и всякие угодья на Северном Донце из казачьих пустых юртов Новоборовской юрт на запольной речке Боровой. Здесь «доброй земли» было две тысячи четвертей в поле, сена на 6000 копен (т. е. 600 десятин), да негодной пашни и песчаной земли 23050 четвертей в поле, лес строевой и дровяной и всякие угодья²⁷⁵. Наконец, в 1700 г. монастырю было разрешено построить часовню в Москве на Каменном мосту, у Всесвятских новых ворот в каменной стене²⁷⁶.

Таким образом в короткий срок Азовский монастырь получил очень крупные владения. При этом, по указу патриарха Адриана, «пошлин имать с монастыря не велено»²⁷⁷. И все это сделано по желанию царя, а не по ходатайству местного населения. Последнее в одном случае даже выразило протест против владельческих прав монастыря. Ясно уже отсюда, что Азовский монастырь, пользовавшийся необычными милостями царя Петра, призван был служить государственным видам в ново завоеванном городе. Некоторым подтверждением этого служить тот факт, что уже в 1700 г. на имя архимандрита Азовского монастыря стали присылаться царские указы, касающиеся церковной жизни края, а не одного только монастыря.²⁷⁸ В 1701 же г. была учреждена Азовская епархия. Назначенному туда 21 июня 1701 г. митрополиту Азовскому Парфению (Небозе), на жительство определен Азовский монастырь, – монастырь таким образом сделался Архиерейским Домом²⁷⁹. Впрочем, Парфений, не побывав в Азове, 3 дек. 1703 г. переведен в Холмогоры. А после него на Азовскую кафедру, просуществовавшую, номинально, около четырех лет, уже никого не назначали²⁸⁰. Но Донецкий архимандрит продолжал быть церковным администратором. В 1708 году он писал Царю Петру жалобу на Азовских и Таганрогских попов, что они начинают литургисать, не

явившись предварительно к нему. Опасаясь, что они не имеют благословенных архиерейских грамот, он отсылал их многожды к Государю к Москве, но они не слушали его; а азовские полковники их принимают и велят им служить. Архиман. Иосаф при этом указывал, что еще в 1700 г., по грамоте из Патриаршего Дух. Приказа, ему «велено в Азове и по Дону, в донских казачьих городках всякие духовные дела ведать и в церковном благолепии надсматривать и между священниками во всяких их ссорах чинить расправление»²⁸¹.

В 1702 году, по челобитью монаха Успенской Донецкой пустыни Романа, к Азовскому монастырю была приписана Донецкая пустынь. Для управления ею из Азовского монастыря были посланы иеромонахи-строители Иоанн и Герман. Но когда в 1710 г. из Азовского монастыря в Донецкую пустынь прибыл для управлений строитель иеромонах Гавриил, то войсковой атаман Петр Емельянов с товарищами послали сказать монахам, чтобы они не принимали Гавриила и не слушали распоряжений Азовского архимандрита Иосафа, а приказали «тое пустить ведать Троицкому (Мигулинскому) строителю Капитону». При этом казаки повторили то же, что раньше произошло относительно Боршевского и Воронежского Покровского монастырей, «говорили они казаки, что таких указов (от Азовского архимандрита) не слушают, а слушают указы из Посольского Приказу»²⁸². 37 марта 1711 г. из Патриаршего Казенного Приказа последовал указ Войску Донскому, чтобы оно не вступалось в управление Донецкого монастыря, «потому что Успенская пустыня стала ныне не в казачьих дачах»²⁸³.

Азовский Предтечев монастырь существовал недолго. После несчастного Прутского похода 1711 г. Россия должна была возвратить Азов Турции. Этим предрешался вопрос об упразднении Азовского монастыря. Действительно братия удалась из Азова и получила разрешение занять приписную к Азовскому монастырю Донецкую пустынь. Местность, занимаемая этой пустыней, лежала среди казачьего населения, неблагонадежного в политическом отношении. Лежавшая по соседству с пустыней Донецкая станица принимала участие в Булавинском мятеже. Поэтому после усмирения Булавинского бунта Петр В. приказал разорить и сжечь Донецкий юрт. А его земля, покосы и рыбные ловли со всеми угодьями были отданы во владение переведенной сюда братии Азовского монастыря²⁸⁴. Но не скоро примирилось окрестное казачье население с этим правом монастыря на Донецкий юрт. Казаки Казанской станицы не признавали этого права. Уже в 1726 году, когда земля Донецкого

юрта была обмежевана как монастырская, казаки Казанской станицы изрубили и разметали поставленные на межах столбы. А когда в 1727 г. для восстановления меж прибыл капитан Бирев с командой, атаман и старшина из Черкаска предъявили ему грамоту, писанную в 202 году. Бирев грамоты не принял и, пригласивши сторонних людей, начал межевать земли. Тогда старшина «в собрании при нем человек с триста с ружьем и с копыи и с дубьем» заявили, что межевать юрта они не позволяют, вследствие чего Бирев уехал, не исполнивши данного ему поручения²⁸⁵.

Во главе Азовского, а потом и Донецкого монастыря долгое время стоял архимандрит Иосаф. Этот энергичный и самостоятельный архимандрит настоятельствова в монастыре около 40 лет, переживши много перемен и испытавши много невзгод вместе со всею братией монастыря, о чем речь будет ниже.

Вскоре после завоевания Азова в нем возникла и женская обитель. Сведения о возникновении этого монастыря сохранились за 1705 год²⁸⁶. Азовские монахини Магдалина и Пахомия просили об отводе им места под постройку монастыря, – очевидно, община монахинь уже возникла до 1705 г. Но дальнейшая судьба этой общины неизвестна. Во всяком случае, это было недолговечное учреждение, так как после Прутского похода и этот монастырь должен был прекратить свое существование.

На Мигулинском урочище, расположенном на берегу р. Дона, иеромонахом Капитоном был основан Троицкий Мигулинский монастырь. Основание монастыря относится к 1688 г. После восьмилетнего одиночного здесь пребывания Капитон собрал вокруг себя братию и чрез войскового атамана Фрола Минаева просил патриарха Адриана разрешить ему построить церковь во имя св. Троицы. В конце XVII в. (в 1696 или 1700 г.г.) была построена деревянная церковь, а в 1704 г. освящена; в 1727 году было разрешено Воронежским Архиерейским Приказом устройство каменной церкви.²⁸⁷ В скором времени монастырь получил во владение соседний лес. А когда этим лесом стали пользоваться жители соседней Новотишанской станицы, то строитель Капитон подал челобитие к Войску Донскому о воспреещении въезжать в монастырский лес соседним жителям. В 1706 году последовала в Новотишанскую станицу грамота Войска Донского, воспреещающая пользование монастырским лесом, под угрозой «войсковой пени без пощады»²⁸⁸. Когда же за участие в Булавинском бунте была разрушена Старотишанская станица, строитель Капитон просил

Войско Донское отдать его монастырю рыбные ловли, сенные покосы и всякие угодья на р. Тишанке и два озера за р. Доном – Капустное да Низовское (челобитье 20 декабря 1709 года). И эта просьба монастыря была уважена.²⁸⁹ Наконец, во время похода в 1711 году строитель Капитон лично обратился к Петру Великому с просьбою отдать монастырю пашенные земли, сенные покосы и лесные угодья Старотишанской станицы – по р. Дону с крымской стороны до Решетовского юрта да по р. Тишанке по обе стороны вверх до разоренного Новотишанского городка. Государь дал указ, утверждавший за монастырем названные угодья.²⁹⁰ Таким образом у Троицкого Мигулинского монастыря были значительные владения пашенной земли и сенокосу на 10 верст длины, по крымскому берегу р. Дона, и на 1 версту ширины; дровяного лесу на 2 версты длины и на 1 версту ширины; (всего 1250 десятин), два рыбных озера – Капустное (100×50 с.) и Низовское (500×50 саж.). При монастыре возникла слободка на р. Тихой (Тишанке?), на той же речке монастырь устроил две мельницы.²⁹¹

Около 1693 года возник Вознесенский Кременский монастырь на берегу р. Дона. Но настоящая организация монастыря относится уже к 1711 году. В 1712 году, по ходатайству строителя монаха Никанора, разрешено местоблюстителем патриаршего престола устроить в монастыре храм во имя Вознесения Господня деревянный²⁹². В том же году монастырю даны были рыбные озера и сенные покосы на 1 версты; лес на острове р. Дона на 3 версты длины и менее версты ширины. Наконец, у монастыря было две мельницы на р. Иловле и на р. Черной. Близ монастыря возникла небольшая слободка²⁹³. По смерти первого строителя Никанора начались столкновения между монастырем и соседнею Кременской слободою из-за угодий. Новый игумен Иеремия жаловался на Кременских священников и старшину, которые – будто бы – захватили 300 р. денег и войсковую грамоту о земле и угодьях 1712 г., после чего монастырь лишился возможности восстановить свои права на угодья, захваченный – будто бы – Кременской станицей. Но жители Кременской станицы отрицали справедливость этой жалобы, а со своей стороны жаловались на игумена Иеремию «в обидах и утеснениях, – «в потравлении собаками немало числа казачьих жеребят и телят». Но особенно они указывали на вреде от построения на устье Зимового ерка хутора, «который немалой проход рыб отнял». Войсковое управление в данном случае стало на сторону Кременской станицы,

приказали монастырю немедленно сломать хутор близ Зимового озера (27 окт. 1743 года)²⁹⁴.

Прежде (в 1652 г.) основанный Устьмедведицкий Преображенский монастырь по-прежнему пользовался особым покровительством войскового управления. В 1688 г. за ним утверждена «пустовая» мельница на р. Медведице в Глазуновской станице²⁹⁵. В 1694 г. 10 сентября строитель Антоний просил утвердить за монастырем «пустовой» Карповский юрт на р. Медведице²⁹⁶. В 1712 г., по челобитью игумена Феодосия за монастырем утверждены рыбные ловли на р. Дону от Усть-Хоперского рубежа до Хованского перелаза²⁹⁷. Жители соседней Островской станицы ежегодно снабжали монастырь сенными покосами, о чем у них было заключено условие еще со строителем Антонием. В 1716 году монастырь купил у Островского попа Симеона мельницу, которая в 1717 году была утверждена за монастырем Войском Донским²⁹⁸. В тоже время и угодья, лежащие близ этой мельницы, отошли к монастырю; другие угодья были уступлены жителями Островской станицы. По челобитью игумена Игнатия, 10 сентября 1729 года эти угодья были утверждены за монастырем Войском Донским²⁹⁹. В общем монастырь владел очень значительным участком земли – в 37 верст длины и 17 верст ширины, что составит около 65500 десятин. На этой земле были луга, лес, преимущественно дровяной, 8 рыбных ловель, три мельницы, Монастырю же принадлежало 359 крестьян в сл. Рахиной³⁰⁰.

Благоволение Донского Войска к монастырю объяснялось тем, что Войско считало монастырь своим, родным. И монастырь оправдывал такое о себе мнение Войска. Он принимал в свои стены преимущественно казаков, и при том пожилых, очевидно, нуждавшихся на склоне лет в успокоении. В табели о монашествующих 1739 года из 19 братьев –15 казачьего происхождения, из них 12-ти было больше 50 лет, при чем двоим по 68, троим по 76, одному 78 лет³⁰¹. Служа своего рода инвалидным домом для служилого казачества, монастырь благотворил населению в минуты особых нужд. Так, после Булавинского бунта, когда множество казаков были казнены, а многие города и станицы разорены и сожжены, монастырь принял к себе на пропитание осиротевших детей, приведенных родственниками из разоренных станиц³⁰². И вообще, по преданию, обитель помогала осиротевшим казацким семьям. «Обедневшие вдовы приводили сюда своих

сыновей-казаков, которых сами не были в состоянии снарядить на царскую службу. Предание говорит, что монастырские сараи были наполнены для этой цели седлами и прочими вещами, необходимыми казакам в походе. Монахи облегчали участь несчастных, и с пастырскими благословением провожали на войну молодых воинов. А утешенные матери возвращались домой, прославляя Бога и рабов Его, и горесть разлуки с детьми была для них менее тягостна. Монастырь возвращал миру то, что от него принимал, благотворениями платя ему за благотворения»³⁰³.

Родственные отношения между казачеством и монастырем особенно сильны были при строителе Антонии, умершем в 1711 году. После него обстоятельства изменяются к худшему. С одной стороны, во главе монастыря становятся люди малоизвестные войсковому правительству и даже чуждые казачеству, присылаемые Воронежскими епископами. С другой стороны, окрестное население из-за экономических интересов нарушает старинные права монастыря, забывая его значение и услуги. Отсюда неизбежные столкновения. – Игумен Феодосий был избранником Антония, который «при кончине своей приказывал ему быть строителем». Просьба о проставлении Феодосия была подана Войску в Черкасске и им была удовлетворена³⁰⁴. При этом игумене и начались столкновения монастыря с населением. Игумен жаловался, что «малые люди – рыбалки Устьмедведицкой станицы чинят обиды, посуды всякий сымают и с мест сбивают и всюду им обиды чинят немалые»³⁰⁵. Войсковой Круг, как указано выше, защитил монастырь от этих обид³⁰⁶. Но после Феодосия († 1719) и его преемника Иллариона (до 1729 г.), при игумене Игнатии отношения между монастырем и казаками Островской и Глазуновской станиц опять обостряются. При этом войсковой атаман пошел против монастыря: в 1733 г. он приказал казакам при разводе земель, начатом еще с 1729 году, столбы (межевые) повырыть и отказать монастырю во владении сенными покосами, отчего монастырь пришел «в великую скудность». Тогда игумен Игнатий отправился в Петербург и добился восстановления прав монастыря на спорные владения: указом Императрицы Анны от 28 февраля 1734 года предложено возратить монастырю его владения, по старым грамотам войсковых атаманов и сделать это «сущю правдою без всякого посягательства». Вместе с этим последовал запрос, «отчего прежнее межевание оставлено, и столбы вырыты, и земля отнята»³⁰⁷. После этого было произведено следствие и 18 августа 1734 года

выдана новая войсковая грамота, утверждающая границы монастырских владений³⁰⁸, правда значительно урезающая их сравнительно с грамотами 1716, 1717 и 1729 годов³⁰⁹. Игумен Игнатий умер в 1738 г. (в схиме Иаков).

Столкновения однако продолжались и после того. После кратковременного правления игумена Иоакима († 1741, в схиме Иларион) и Евфимия, вскоре по назначении переведенного в Елецкий монастырь, столкновение и тяжбы возобновились при игумене Лаврентии (по предположению, с 1742 г.) управлявшем монастырем до 1775 года († 8 янв. 1775 г., в схиме Лазарь). В это время монастырь, не получая помощи от соседних станиц, обращается к Войску даже по незначительным нуждам и там терпит отказы, напр., в лесе на поправку ограды, в рыбном ловле, в сложении подушных денег за умерших «трудников». Теперь же возникает дело о возобновлении старых граней в Карповском юрте, вследствие обид монастырю от Етеровских казаков. Дело с 1740 г. тянется до 1749 года³¹⁰. После Лаврентия монастырем управляют – архим. Порфирий Рахинский, перешедший в Мигулинский монастырь, игумен Стефан, ранее живший в Воронеже и назначенный членом Воронежской консистории, переведенный из Троицкого Мигулина монастыря, но через месяц ушедший, Зотик, посланный, как донской уроженец, из Акатова Воронежского монастыря, Феофан, из того же монастыря, не пожелавший остаться в Устьмедведицком монастыре и возвратившийся снова в Акатов монастырь, и наконец Павлин (с 1781 г.) из вдовых Устьхоперских священников (Петр Евтихийев), постриженный уже в 1784 году, за год до преобразования Устьмедведицкого монастыря в женский (1785 г.³¹¹).

При быстрой смене этих случайных настоятелей, при отсутствии игумена хозяина, монастырь, особенно в хозяйственном отношении, стал приходить в упадок: «многие доходные статьи были запущены; на монастырской земле казаки ставили хутора и отнимали сенокос; соседи вторгались в монастырские владения»³¹².

Таковы сведения, характеризующие положение монастырей, возникших среди казацкого придонского населения. Общая характеристика положений этих монастырей дана 9 ноября 1769 года Воронежским епископом Тихоном II, на запрос о них св. Синода, «вышеобъявленные монастыри построены в Войске Донском издавна для престарелых из казаков, постригающихся в монахи, и те монастыри снабжены и снабжаются подаянием от жителей Войска Донского, а не от других мест, и на землях войсковых им

хлебопашество, а на речках построение мельниц к их пропитанию иметь дозволено, при чем от настоятелей о монашествующих и ведомости приложены, по коим значится тех монашествующих в пострижении более из казаков, нежели из других чинов»³¹³. «Сии обители воздвигнуты были предками Войска Донского... и земли им войсковые даны, на тот единственный конец, дабы дряхлые и израненные на службе Его Имп. Величества старшины и казаки, равно и престарелые их жены (?) по разным каждому обетам посвящающие остатки дней своих уединенной монашеской или послушнической жизни, по болезни, также и по старости лет могли пользоваться в оных в последние дни, среди своих единокровцев и с призреванием ближних своих спокойною жизнью»³¹⁴.

В церковном управлении монастыри среднего и нижнего Придонья в XVIII в. пережили то же переходное состояние, в каком находились монастыри северного Придонья в XVII веке. Казацкое население считало монастыри своими и, пользуясь незаконным правом патроната, оказывали сильное влияние и на избрание должностных лиц в этих монастырях, и на их хозяйство. В то же время церковная власть считает себя в праве не только поставлять настоятелей монастырей и контролировать их деятельность, но и пользоваться их доходами. Наконец, и высшее гражданское правительство в подчинении монастырей церковной власти и в уничтожении патронатских привилегий окрестного населения видит залог политической благонадежности монахов. Отсюда становятся неизбежными столкновения монастырей с церковною властью. Изложение этих столкновений лучше всего выясняет разницу точек зрения заинтересованных сторон.

Местность лежащая по бассейну р. Дона ниже г. Павловска и по притокам р. Дона – Донцу, Бузулуку, Медведице, Айдару, в церковном управлении не была точно регламентирована. Так как учреждение Азовской епархии было очень кратковременным (вследствие возвращения Азова Турции), то эта местность числилась в Патриаршей области. Отдаленность местоблюстителя патриаршего престола делала невозможным здесь правильное церковное управление. А это давало повод не только к обычному произволу местного духовенства и населения, но и к укрывательству здесь раскольников, бежавших из центральной России. На эти обстоятельства и указывал Воронежский митрополит Пахомий в своем доношении царю. «В казачьих донских городках при церквях, монастырях и часовнях во многих местах есть укрывающиеся от

воровства расстриженные и не посвященные старцы и попы, и чинят многие расколы и возмущение, а иные перешли к вору Некрасову на Кубань. А ведомы вышеупомянутые церкви и монастыри и часовни в области патриаршей и за дальностью от Москвы таковых смотреть и наказывать невозможно». В виду этого царским указом 10 марта 1718 года повелено было «церкви и монастыри по Дону и по другим (выше названными рекам ведать в Воронежской епархии и смотреть накрепко и освидетельствовать ставленные грамоты и впредь посвящать в попы и дьяконы достойных» Воронежскому епископу «по своему рассуждению». «И на Дон к войсковому атаману объявительный указ о сем послан же»³¹⁵.

Руководствуясь этим указом, митрополит Пахомий, а затем и следующие епископы, особенно Лев (1727– 1730) и Феофилакт (1743–1757) стали не только управлять указанными областями, но и пользоваться с них доходами. Последнее и обостряло, особенно взаимные отношения. Нужно заметить, что Воронежские епископы считали себя вправе распоряжаться монастырским имуществом, и такой порядок продолжался до конца периода. Так, по словам архим. Корнилия, преосв. Феофилакт в 1744 г. взял якобы на сохранение в архиерейский казенный приказ 1000 р. Когда в 1758 г. архимандрит просил возвратить эти деньги на восстановление обветшавшей церкви, – денег не оказалось³¹⁶.

Наиболее яркую страницу в этом отношении составляет положение Донецкого монастыря. Во главе его стоял влиятельный архимандрит Иоасаф. Еще в 1698 г. (4 февраля) он был переведен из Успенского Гремячего монастыря Лихвинского уезда настоятелем Азовского Предтечева монастыря. В 1700 году он произведен в архимандрита с шапкой. Когда г. Азов отдан в Турецкую область, Иоасаф переведен в Успенский Донецкий монастырь. Указ 10 марта 1718 года, отдававший в введение Воронежского епископа области южного Дона, он к себе и своему монастырю не относил, так как в указе Донецкий монастырь не упомянут. Воронежский митрополит Пахомий, напротив, считал Донецкий монастырь подведомым себе – на том основании, что он упомянут «в приложенном к письму (гр. Апраксина на имя м. Стефана, от 8 марта 1718 г.) ведении». Поэтому м. Пахомий скоро наложил свою тяжелую руку на монастырь и его имущество. Уже в 1718 г. он посылает в монастырь 2 иеромонахов и протопопа для описи монастыря. Прибывши в монастырь, эти посланцы, вероятно, встретили здесь сопротивление, почему прибегли к силе. Они «заперли в пустую келью казначея Феодосия,

иеромонаха Гавриила, иеродиакона Кириака и монаха Нафанаила, отняли у казначея ключи и ходили в архимандричьи кельи и казенный амбар, потом выпустили их порознь, иерод. Кириака раздевали и хотели бить, а крестьян били батогами и, написав сказки и не прочет, что написано, под неволею велели приложить руки и взяли монастырских денег 90 р., 5 коров, пуд воску, 2 войлока, 3 полсти и 100 аршин сукна». Архимандрит Иоасаф в то время был в Москве. О случившемся в монастыре поехал сообщить ему казначей Феодосий. Обидевшись за насилие, и, очевидно, не ожидая скорого улучшения дела, архимандрит уехал в Нижнеломовский Казанский монастырь. Когда возвратился обратно из Москвы казначей Феодосий и явился к преосв. Пахомию, бывшему на поминках у дворянина Веневитинова в с. Животином, митрополит встретил его побоями, велел посадить его на цепь и держать под караулом, а потом отправил в Донецкий монастырь с колодкой на ноге. Из монастыря Феодосий бежал тоже в Нижнеломовский монастырь. Митр. Пахомий вообще считал Донецких монахов неблагонадежными, «чернецы люди прихожие и непостоянные и в великих подозрительных делах имеющиеся»³¹⁷.

Вместо Иоасафа Пахомий поставил настоятелем Донецкого монастыря иером. Исаию, а потом архимандрита Питирима, ранее «изверженного за убийство на Ельце»; после Питирима, которому монахи были «во всем непослушны», так что он «с немалым бесчестьем возвратился» назад³¹⁸, Пахомий поручал управление монастыря Павловскому протопопу и наконец назначил настоятелем архим. Иоасафа (11-го), который переводился уже в пятый монастырь.

В тоже время Пахомий просил почему то государыню приписать монастырь «за непостоянство» к «дому Пресвятой Богородицы», т. с. Архиерейскому дому, с его деревнями, часовней и церк. утварью³¹⁹. Хотя эта просьба не была удовлетворена Пахомий брал из монастыря и деньги, и скот, и разное другое монастырское имущество. В своем ответе на эти обвинения Пахомий в сущности подтвердил их справедливость, только отрицал разные подробности обвинения³²⁰.

По смерти Пахомия строитель Донецкого монастыря Епифаний и братия просили назначить к ним настоятелем бывшего при митр. Пахомии казначеем архимандрита Варсанофия. Но так как этого Варсанофий был отрешен от казначейства по следствию о м. Пахомии, то Синод 18 мая 1725 г. сделал запрос Московской

Дикастерии, за что именно он был отрешен. В тоже время Синод предложил Дикастерии назначить настоятеля в Донецкий монастырь по своему усмотрению. Дикастерия назначила архимандритом Иоасафа, «изгнанного Пахомием в Нижнеломовский монастырь». Архим. Иоасаф возвратился в свой монастырь. Желая выстроить каменный храм во имя Усекновения Главы Иоанна Предтечи на свои деньги, он подал епископу Льву прошение о благословенной грамоте. Преосв. Лев грамоту выдал; но спросил, где хранятся у архимандрита деньги и ризница. Узнавши, что он находятся на хранении в Павловске у соборного диакона Дионисия, преосв. Лев сначала послал своего приказного человека Трофима Попова описать то и другое, а потом поехал в Павловск сам и взял 1500 р. денег и разные церковные вещи. В тоже время он послал в монастырь казначея иером. Антония и Павловского Соборного протопопа описать и запечатать архимандричьи кельи.

На запрос по этому челобитью Св. Синода, пр. Лев отвечал, что деньги и монастырское имущество описаны и взяты им для лучшего хранения, так как они находились в г. Павловске в частном доме. Св. Синод распорядился все принадлежащее монастырю и отобранное при преосв. Пахомии и Льве возвратить в монастырь. 3 сентября 1731 г. преосвященный Воронежский Иоаким доносил Св. Синоду, что вещи и деньги возвращены архимандриту Иоасафу.

После низложения преосв. Льва (1730 г.) архимандрит Иоасаф вошел в Синод и с другим ходатайством. Он пишет здесь, что после Пахомия и «прочие Воронежские архиереи содержат их (монахов) потому ж и чинят им обиды несносные, а именно: в архиерейский дом берут из оного монастыря деньгами и конями и прочим скотом и всякою рухлядью и посудой медною и рыбою и пчелами». Во избежание таких стеснений, архимандрит просил Синод причислить Донецкий монастырь к Синодальной области. Синод не удовлетворил этого ходатайства вполне, но не признал и прав за Воронежскими епископами пользоваться монастырским имуществом. 4 июня 1730 г. Синод распорядился, что Донецкому монастырю в Воронежской епархии «быть в ведомстве по-прежнему; но токмо ведать (Воронежским епископом) тот Донецкий монастырь одним надсмотрением в духовных, принадлежащих к благочинию церковному делах; а крестьянами и прочими служителями и вещьми и деньгами, землями и проч. ни под каким видом не интересоваться и никакого разорения отнюдь не чинить»³²¹.

Отстоявши экономическую независимость монастыря, архимандрит Иоасаф мог теперь приступить к устройству новой каменной церкви, которая и была закончена в 1835 году. В эту церковь был перенесен иконостас, принесенный братией из бывшего Азовского монастыря. Здесь же была помещена монастырская святыня – чтимый образ Иоанна Предтечи. Возвращенная епископом Иоакимом в 1731 году церковная утварь освободила монастырь от необходимости делать новые затраты на этот предмет. Утварь эта была очень ценна³²². Архим. Иоасаф умер в 1737 г. После его смерти имущество его было взято в Архиерейский Дом Пр. Иоакима³²³, – знак, что взгляд воронежских епископов на Донецкий монастырь не изменился.

Другие монастыри, расположенные среди казацкого населения, до 1718 года находились номинально в Патриаршей области, но высшее ими управление фактически сосредоточивалось в Войсковом Круге. С 1718 года, по ходатайству Воронежского митрополита Пахомия, среднее и низшее Придонье вошло в состав Воронежской Епархии. После этого Воронежские епископы стремятся подчинить казацкие монастыри своему непосредственному влиянию. Оно обнаруживается не только в посвящении священнослужителей и утверждении настоятелей, но и в назначении последних. Это последнее обстоятельство давало возможность епископам с большим удобством делать сборы с монастырей на содержание архиерейского дома. Но такая зависимость была тяжела для самих монастырей и неприятна для войскового управления, власть которого этим парализовалась. Поэтому и после 1718 г. Войсковой Круг вмешивался в церковное управление краем и в частности в управление монастырями. На это жаловался Воронежский епископ Иоаким и 5 янв. 1741 г. из Государственной Военной Коллегии на имя войскового атамана Данила Ефремова дан был новый указ, повелевающий, Войску Донскому «ни в какие духовные дела не вступать и до чина духовного ничем не касаться», а исполнять распоряжения Воронежских епископов³²⁴. Назначение настоятелей из Воронежа было иногда вредно для внутреннего благосостояния монастырей: чуждые не только братии, но и местному малороссийскому населению, настоятели не пользовались авторитетом среди тех и других. По сообщению войскового атамана Иловайского, «по неблагочинному поведению и житию определяемых из Воронежской епархии настоятелей время от времени все тех монастырей экономии пришли было в совершенный упадок, так что и

обители умалились, а вновь никто почти не вступал»³²⁵. Вышеприведенные факты из истории Устьмедведицкого монастыря, где настоятели по назначению сменялись очень часто и вели монастырь к упадку, подтверждают это заявление. Лучшим выходом из такого положения было бы правило – назначать в настоятели казацких монастырей местных уроженцев – из вдовых казацких священников. Но, по заявлению того же атамана Иловайского, «оные священники опасаются вступить в монастыри и воспринять монашеский чин, потому что по временам как настоятели, так и монахи из сих монастырей по власти епархиальных архиереев переводятся в другие монастыри и тем самым лишаются своей отчизны»³²⁶.

Ради контроля над такими чуждыми населению настоятелями, а вместе и для упорядочения и улучшения монастырского хозяйства, «войсковое правительство приняло предосторожность, определивши в монастыри светских надежных экономов»³²⁷. Имея опись монастырского имущества и запись поступающих доходов, эконоом с согласия настоятеля, излишки отдает в продажу, записывая на приход деньги в приходную книгу за печатью настоятеля. Из этих денег эконоом расходует на нужды монастыря и только на «мелкости» отпускает настоятелю. Расход также записывается в книгу, выдаваемую от настоятеля. Эконоом же получает доходы от добротных деталей в церкви и расходует их с согласия настоятеля. Ему же передаются настоятелем подаяния на монастырь. «По окончании каждого года должен эконоом отдавать обо всем верный отчет монастырю и доносить о том обстоятельно к войсковому правительству, а монастырь обязан таковым же донесением по своей команде. Эконоом состоит в введении войскового правительства, а кроме оного не от кого другого не зависит, в рассуждении чего о всех случающихся монастырских нуждах и недостатках повинен он представлять правительству, а оное обязуется по тому доставлять монастырям всякое вспоможение и защищение».

При таких правах светского эконома, братия не только отстранялась от заведывания монастырским хозяйством, но и лишалась права на денежное жалованье. «Денежного жалованья настоятель, монахи и все монастырские послушники (кроме наемных работников) как прежде не получали, так и впредь получать не должны, да и нужды в оном им нет, поскольку пропитанием зависят они от монастырской экономии, одежда ж, приличная их чину, приобретается из снимаемой с овец волны, а прочее все

принадлежащее к одежде вещи покупаются из общей экономической суммы, кои во время надобности эконоом и должен доставлять не отменно и без всякого отлагательства».

Таким образом, настоятели монастырей отстранялись совершенно от монастырского хозяйства. Лишь по временам они могли контролировать деятельность эконоомов, проезжая по монастырским владениям и «напоминая о поправлениях онного эконоому», а в случае неисправности последнего давая знать правительству, которое «по тому и не преминет взять надлежащие меры». Власть настоятеля сосредоточивается исключительно на внутренней жизни монастыря. Здесь он совершенно независим от эконоома, а подчинен только епархиальному архиерею.

Когда именно выработаны были эти правила, мы не знаем. Мы заимствовали их, как уже готовые, давно сложившиеся, из дела 1779 года³²⁸. Практически они вырабатывались, конечно, постепенно и имели большое значение в жизни донских монастырей. Известно, что в Устьмедведецком монастыре светские эконоомы назначаются с начала сороковых годов XVIII века. Таков был старшина Себряков. Круг деятельности Себрякова изображается так. Он «является постоянно посредником между монастырем, окрестными жителями и Войсковым начальством. Он облачается полным доверием от Войска, – оно, можно сказать, на все смотрело его глазами, во всем требовало его мнения: нужно ли проверить справедливость доношений монастыря о ветхой ограде, осмотреть речную перебоину, оценить притязания на монастырские урочища, восстановить старые грани, даже произвести дознание об украденных монастырских лошадях, – все это и подобное поручается Себрякову, как человеку, на компетентность и правдивость которого можно вполне положиться»³²⁹.

Понятно, что при таком резком двоевластии в монастырском управлении неизбежны были и прямые столкновения между настоятелями и эконоомами, а натянутые отношения между теми и другими были даже неизбежны. В то же время назначение эконоомов умаляло права епархиальных епископов, почему последние недружелюбно смотрели на эту должность. Впрочем, так как утверждение приведенной инструкции произошло только в конце 70-х годов XVIII века, то определенно можно говорить о нерасположении к этой должности Преосвящ. Тихона III³³⁰. Испытывая стеснения и ограничения со стороны светской и церковной власти и со стороны покровителей-казаков, монастыри постоянно должны были считаться

и с соседним населением. Еще казацкое население южного Придонья выступало в роли покровителя своих родственных монастырей, хотя это покровительство иногда и тяжело отзывалось на братии. Но и здесь покровительство шло сверху, от Войскового круга; соседи же казаки часто нарушали владельческие права монастырей, как это мы видели относительно Мигулинского и Кременского монастырей: здесь на первый план выдвигались узкопрактические интересы пропитаний и на задний план отходили возвышенные религиозные побуждения. В жизни монастырей северного Придонья такие отношения сделались обычными, за которыми уже не видно религиозного порыва и даже только симпатии со стороны населения. Конечно, отсутствие данных об этих добрых отношениях еще не доказывает, что их совсем и не было. Но в архивных документах только интересы растительной жизни определяют отношения монастырей к населению. В этом отношении монастыри XVII века стояли выше. Тогда при заметной розни придонского населения, по крайней мере, одна часть населения, родственная монастырской братии по племени, являлась его защитницей. Теперь, когда все эти разношерстные элементы населений были нивелированы в общих нравах и несправедливости, у монастырей, в их владельческих правах, уже не было покровителей, а были соседи, для которых каждое монастырское угодье, каждая полоса удобной земли была приманкой, портившей добрые соседские отношения. С другой стороны, и монастырское начальство очень ревниво оберегало свои владения. Отсюда постоянные споры, тяжбы и открытые столкновения. Случаи таких споров и тяжб закреплены в архивах относительно Донецкого, Алексеевского, Толшевского, Лебедянского монастырей. Спор Донецкого монастыря с Казанской станицей изложен выше.

Алексеевскому Акатову монастырю, как известно, в 1653 году был отдан на откуп Белый Затон. Это богатое угодье в нынешнем Павловском уезде, по течению р. Дона до р. Богучара. В середине XVII века здесь было «дикое поле». К началу XVIII века сюда идет население из северных уездов Придонья. И вот является ряд просителей об отдаче Белого Затона за большой оброк, чем платил монастырь. Одна из таких попыток едва не увенчалась успехом: 19 июня 1702 года в Монастырский Приказ явился певчий Воронежского Архиерейского дома Еремей Попов с просьбой отдать ему на оброк Белый Затон за 23 р. (монастырь платил 13 р.). 24 июня его просьба была уважена. И только по ходатайству акатовского архимандрита Никанора, Затон снова отдан монастырю. Гораздо опаснее оказалось

для монастыря поселение близ его земли и частью на его земле крестьян, образовавших слоб. Мамон. После переписи 1722 г., на угодья Белого Затона просили позволения перейти жители из Битюцкого и Воронежского уездов. Пионерами явились дьячок и пономарь с. Шестакова, которым «за излишеством в церковных дьяках по указу быть не велено», также и из села Хлевно 18 однодворцев, имевших недостаточный земельный надел. Они указывали в своем прошении, что местность в 20 верстах за р. Середою (г. Павловском) и ниже до р. Толучеевой «порозжее», почему и просили разрешения перейти на эти земли, именно на устье р. Мамони и Дону. Елецкая Канцелярия свидетельства душ, поверивши просителям, разрешила им занять просимое место. Это было в 1723 г. Так возникла слобода Мамон. Впоследствии также на дачах Белого Затона возникла однодворческая слобода Гороховка. Алексеевский архимандрит Антоний протестовал против этого незаконного захвата земли. 22 июля 1734 года Воронежская губ. Канцелярия, разобравши дело, утвердила угодья за монастырем, запретивши владеть ими Мамонцам. Но этот запрет не имел силы. И 19 февраля 1747 акатовский архимандрит Ефрем просит уже духовную консисторию о восстановлении прав монастыря на Белый Затон. Неизвестно, сделала ли что-нибудь консистория по этому прошению. Следующий архимандрит Сампсон стал действовать на месте. Ссылаясь на вышеуказанные указы, утверждавшие Белый Затон за монастырем, он решился «обывателей и однодворцев» с. Мамона всех без остатка с места сослать, для того что того с. Мамона все жители построились и жительство имеют не на своей земле», а на монастырских дачах. Как жаловались мамонцы, архимандрит Сампсон желал их «поселение ломать» и чинил им обиду и разорение и грабительство. Мамонцы нашли себе ходатаев в своих односельчанах – солдатах Ланцмилицкого Воронежского полка, за которых с духовной консисторией вошел в сношение полковник этого полка Чичагов. Началась с 13 января 1755 г. продолжительная тяжба, продолжавшаяся еще и в 1759 году³³¹. Результаты этой тяжбы мы не знаем. Но так как в 1764 г. монастырь лишился своего угодья и юридически, то дельнейшие споры были невозможны. Силою вещей победителями из этой тяжбы вышли жители сл. Мамона.

Толшевский монастырь вел постоянную борьбу из-за земли с жителями с. Малой Приваловки, а особенно с потомками патронов монастыря – помещиков Паренаго. Малоприваловцы производили порубки в монастырском лесу. А Паренаго в 1737 году захватили

монастырскую землю и поселили на ней своих крестьян. В 1751 г. для расследования о спорной земле был послан из губернской канцелярии прапорщик Н. Княжнин. Но одновременно с ним явились все обыватели с. М. Приваловки, во главе с отставным подпрапорщиком М. Хатунцевым, «с дубьем и дрекольем» и не допустили мерить землю, а Княжнина «хотели дубьем бить до смерти», и он «с немалою трудностью отошел от них»³³². В 1754 году какой-то сержант Никита Каверин пробрел – будто бы – купчие от разных лиц на монастырские земли и предъявил на эти земли свои права³³³. А в 1760 г. около монастыря поселился отставной прапорщик Петр Савельев, сначала на так наз. Воронежской сторон р. Усмани, но потом перешел на Монастырскую землю, которую ранее захватил Пареного, выстроил здесь поселок и поселил на нем своих крестьян³³⁴.

Лебедянский монастырь испытал стеснение другого рода. Лебедянский воевода Домогацкий в 1709 году «мощью своею» стал брать на работы в своем имении монастырских крестьян и брал даже с них деньги, отчего монастырские крестьяне разбежались³³⁵.

Особенно тяжело было положение Вознесенского Коротоякского монастыря, восстановленного в 1741 году. Главной статьей его дохода была мельница на р. Девике. Но за нее теперь монастырь должен был платить ежегодно по 23 р. 45 коп. оброку. Так как доходы с мельницы были недостаточны, то для уплаты этих денег монастырь должен был продавать своих лошадей, коров и овец. В 1751 г. разливом реки мельница была разорена, а плотина прорвана. Платить оброк стало еще труднее и за 10 лет за монастырем оказалось 234 р. 55 к. недоимки. Хотя в 1761 г. мельница была снова устроена, но осилить такой долг монастырь не мог. Между тем в 1755 г. из Воронежской губернской канцелярии велено Коротоякской воеводской канцелярии взыскать недоимки, «не приемля никаких отговорок». За неимением денег, монахи «почасту содержались в Коротоякской воеводской канцелярии под караулом без выпуска»³³⁶.

Но как ни тяжелы были для монастырей разные стеснения от властей и населений, все же имущественное положение их в общем не изменилось к худшему. Это зависело оттого, что земельные владения оставались те же, что и прежде. И хотя монастыри лишились многих угодий и оброчных статей, но зато успели привлечь на свои земли крепостных крестьян, а этим увеличили площадь посевов и обеспечили себя даровыми работниками. В XVII в. крестьян имели монастыри – Тешевский (с. Тешевка), Троицкий

Елецкий, Успенский и Покровский Воронежский. В XVIII веке их имеют, кроме того, монастыри Лебедянский Троицкий (253 двора – 603 д. м. п. и 306 ж. п.), Дивногорский (слоб. Селявная – 100 дворов), Донецкий (д. Боровенки и Мостки), Алексеевский (Клементьевка и Отрожки), другие монастыри настоящих населенных крестьянами вотчин не имели, а имели по несколько дворов крепостных крестьян для разных услуг. Работы крестьян на монастыри были разнообразны, завися от свойства самых монастырских угодий. В общем повинности были натуральные, состоявшие в обработке монастырской земли и в снабжении монастырей предметами молочного хозяйства. Земельные владения монастырей были значительны. Особенно крупны были земельные владения монастырей – Донецкого и на 37 верст в длину и 17 в. в ширину), Устьмедведицкого (на 50 в. в длину и 20 в. в ширину) и Архиерейского Дома (Боршевская, Копанишевская и Карачунская вотчины на десятки верст). У Донецкого монастыря, кроме подмонастырского владения была Рязанская деревня Титова, Мостки и Новоборовской юрт (или Боровенки) в Бахмуцкой провинции. Владения Устьмедведицкого монастыря были сконцентрированы вокруг монастыря, на 1000 квадратных верст было много и земли удобной для хлебопашества, и сенных покосов, и рыбных ловель. Выгодное положение занял Битюцкий монастырь, окруженный дремучим лесом и обширными степями, на которых так удобно было заниматься скотоводством. Владения Покровского девичьего монастыря занимали около 86000 десятин земли, или около 826 кв. верст весьма плодородного чернозема. Не менее выгодное положение занимал Лебедянский Троицкий монастырь с его скотными дворами, обширным полевым хозяйством и фруктовыми садами. Другие монастыри владели более скромными земельными участками, но во всяком случае стояли в ряду мелких помещиков. И только женские монастыри не имели или почти не имели земельного обеспечения.

Но при обилии земли монастыри для своих нужд обрабатывали очень немного в 1740 г. всего 217 десятин на все монастыри, с которых собиралось около 6000 четвертей, т. е. в среднем на каждый монастырь, имевший землю, приходилось по 16 д. и по 440 четвертей разного хлеба в год³³⁷.

Естественно, что эти земельные участки продолжали привлекать к себе вольных людей, искавших оседлости. К прежним монастырским слободкам теперь присоединился ряд других. Состав

этих деревень был очень разнообразен: тут были и лишние люди из духовенства, записавшиеся в подушный оклад, и казаки, и переселенцы из Подмосковных уездов, и беглецы от соседних помещиков, и черкесы, и даже поляки³³⁸. Монастыри не облагали их определенными денежными сборами, а довольствовались их работами на монастырских участках да другими натуральными повинностями по содержанию монастыря.

На полевое хозяйство и управление крестьянами должна была уходить масса времени у настоятелей. Но даже при упорном труде они не могли знать все, что происходит в их деревнях и полях. Являлась нужда в особых наместниках – управляющих. И они были. В Лебедянском монастыре они были известны под именем «приказных людей», жавших на особых монастырских подворьях, расположенных в монастырских селах. В других монастырях они не имели определенного названия. Но они были – и из монахов (управляющий, напр. Рязанской деревней Титовой) и из мирян (Покровский женский монастырь). Там же, где монастырская деревня лежала вблизи монастырских стен, дело управлений лежало на настоятеле монастыря. Каковы были права и обязанности этих управителей, об этом можно судить по двум сохранившимся инструкциям, данным управителям вотчин Воронежского Архиерейского дома (1753 и 1755 г.). Управитель 1, описавши и принявши при свидетелях все монастырское имущество в вотчине, 2, переписывал всех крестьян и ведал их судом и расправою, охраняя их от обид посторонних людей, смотря, чтобы между ними не было ссор и драк; за продерзости наказывает их при всенародных собраниях, а об остальных преступлениях доносит в казенный приказ. 3. Следит за рабочими без всякого послабления ослушников «наказывает нещадно, дабы и другим на то смотря чинить было неповадно» 4. Смотрит, чтобы не было в вотчине драгун, солдат, матросов и беспаспортных, – последних присылать в архиерейский приказ. 5. О нуждах крестьян в городе управитель имеет неленостное смотрение. 6. Подушные оклады он отсылает к платежу. 7. Рекрутов выбирает сущюю правдою 8. Ухаживает за скотом. Скопы делают жены скотников: самого доброго и чистого масла в дом архиерейский с коровы по 30 ф. в год. 9. Управитель строит нужные постройки; обо всех приплодах и скоте представляет ведомости. 10. Следит за косью сена. 11. Сообщает, если крестьяне впадают землю без оброку. 12. Следит за умолотом хлеба. 13. Следит, чтобы не было разбойников и воров и, если окажутся, ловить их. 14. Для надзора за

беспаспортными следят, кроме того, выборные люди – десятники, пятидесятники и сотники. 16. За корчемства и заповедную соль и др. непотребства доносит в Воронеж – в казенный приказ, чтобы подвергнуть наказанию и штрафу таковых. В прочем поступать по законам, ища во всем пользы архиерейскому дому. 18. О тайных делах не писать партикулярных писем, а чинить по указу о сем 13 янв. 1724 г.³³⁹.

Нельзя сказать, что эта инструкция была обязательна для монастырей во всех своих частностях. Но в общем обязанности «приказных» людей и у правителей были те же, что и изложенные в приведенной инструкции. Их совпадение тем более вероятно, что настоятели монастырей весьма часто назначались из крестовых иеромонахов и иногда даже прямо из управителей монастырских вотчин.

Монастырская пахотная земля обычно разделялась на два участка: меньший обрабатывался собственно на монастырь, больший отдавался крестьянам, которые со своего земельного участка и уплачивали подушные деньги и другие повинности. Для монастырских работ на каждый день отделялась часть крестьян, а другая оставалась дома или на своем поле. Опять образец деления крестьян можно видеть в порядках Архиерейского Дома. Из 400 сделочных крестьян «наряжать на работы благопристойно, а именно, когда бывают большие работы, пашенная, паровая, сенокосная, жатвенная, молотильная, дроворубная, возка сена и возка дров или какая большая постройка – тогда наряжать крестьян для поспешения тех работ половину, а другую половину оставлять в домах их; когда же тех больших работ нет, то в такое время наряжать только четвертую часть – 100 человек и распределять с рассуждением, а три части оставлять в домах их для их домовых крестьянских работ, наблюдая во всем добрую благопристойную экономию, без всякого излишнего отягощения»³⁴⁰. Кроме обработки монастырской земли и исполнения разных других хозяйственных работ по монастырю, с крестьян делался сбор разных продуктов напр., молочного хозяйства – натурой.

Пользуясь даровыми рабочими силами, монастыри получали всегда чистый доход в виде хлеба, сена, рыбы, масла, меда и проч. Благодаря тем же рабочим силам, они имели порядочное количество скота, который при нужде продавался, давая хороший денежный доход монастырю.

Монастырские деревни, дававшие материальное довольство монастырям, не были только рабочей силой. Они имели свое влияние на строй монастырской жизни. Крестьяне принимали участие в выборе настоятелей. В случаях ссор и недоразумений с настоятелями из-за работ и повинностей, они обращались с жалобами к епархиальным епископам. Не говорим уже о том, что они иногда прибегали к самосуду над монастырскими властями. Сохранились сведения о столкновениях такого рода в Задонском монастыре с архимандритом Варсонофием в 1752 г.³⁴¹ в Алексеевском монастыре 1762 г.³⁴², и в Донецком монастыре. В этом монастыре после продолжительного управления архим. Иасафа († 1737 г.) и кратковременного настоятельства архим. Питирима († 1739 г.), не почетную славу снискал архим. Петр – из казначеев Воронежского Архиерейского Дома. Большую часть жизни он проводил вне монастыря, в разъездах по монастырским вотчинам и в Москве на подворья, иногда без разрешения епископа. Главной причиной таких отлучек он выставлял хлопоты по восстановлению нарушенных владельческих прав Донецкого монастыря. Преосвящ. Феофилакт, считал его сутягой и нетрезвым человеком, только растрачивающим монастырское имущество. Между прочим, в один переезд из Москвы в рязанскую вотчину у него из саней выкрали все документы на монастырские земли³⁴³. Проезжая в 1747 г. по епархии и не заставши на месте архимандрита, преосв. Феофилакт увидел, что главные заботы по монастырю и по вотчинному хозяйству лежат на благочинном монастыря архим. Феодосии. «Точию как видно, что полной власти над братией и над вотчинными крестьянами, опасаясь помянутого по приказом бродячего архимандрита, иметь не смеет, – того ради приказал оному благочинному иером. Феодосию отныне как по Духовному Донецкому Правлению, так и по монастырю Донецкому в указных отправах и прочих текущих делах именоваться и писаться старостою поповским и келарем того монастыри без всякого от того архимандрита Петра опасения»³⁴⁴.

Но такое назначение не понравилось монастырским крестьянам. 11 октября 1747 г. они пришли в монастырь к келарю иером. Феодосию, кричали на него, называли разорителем монастыря, говорили, что «им якобы в работе учинил отягощение, и едва в тот час бить не хотели, и сказали: ты де, келарь, отныне над наши власти не имей, у них де есть кроме тебя свой казначей иеросхимонах Феодосий, того де будем слушать, а ты де, келарь, знай только одну церковь»³⁴⁵.

Когда в 1750 году, после увольнения архим. Петра, в Донецкий монастырь настоятелем был перемещен из Битюцкого монастыря Вениамин, отношение к нему крестьян было тоже враждебное. В 1750 г. Донецкий архимандрит Вениамин доносил, что монастырские крестьяне в его отсутствие, без ведома братии, избрали двух человек и послали их в Москву «незнаемо о каковых нуждах». Когда, по возвращении этих выборных из Москвы архимандрит потребовал прислать их к нему, в монастырь пришли 22 человека «и пришед к настоятельским кельям со многим невежеством кричали все: «на что ты, архимандрит, за ними посылаешь? ездили они в Москву с нашего общего совету для проведения архимандрита Петра» Архимандрит взял за плечо одного крестьянина, чтобы допросить его в братской трапезной; но остальные два раза вырывали его из рук архимандрита и закричали великим воплем: «или ты хочешь их бить? Нас много, а ты один, и бить нас никогда не будешь»³⁴⁶.

По словам Задонского архимандрита Варсонофия, самовольство монастырских крестьян было систематическим и выражалось в варварских формах. Они напали на архимандрита Питирима, вытащили его из настоятельской его кельи за волосы за монастырь и там били его немилостиво. Следующего настоятеля игумена Евфимия они даже хотели убить, игумен кое-как вырвался от них, но они успели в клочья изодрать его ряску. Зачинщики были нещадно наказаны плетью присланным из архиерейского дома казначеем. При архим. Варсонофии резкие столкновения крестьян с монастырскими властями, однако снова повторились. Один из зачинщиков напал во время ярмарки на иеромонаха Ефрема, следившего, чтобы крестьяне не продавали монастырского сена, избил его, драл его за волосы и бороду, так что с трудом удалось отнять его.

Судить о содержании монастырей можно по отчетам об их расходах. Воспользуемся сведениями, касающимися монастырей со средним достатком – Толшевского и Задонского.

Содержание первого монастыря к 50 годам выражалось в след. цифрах³⁴⁷.

архимандрита Питирима, вытащили его изъ настоятельской его кельи за волосы за монастырь и тамъ били его немилостиво. Слѣдующаго настоятеля игумена Евфимія они даже хотѣли убить, игумень кое-какъ вырвался отъ нихъ, но они успѣли въ клочья изодрать его рясу. Зачинщики были нещадно наказаны плетью присланнымъ изъ архіерейскаго дома казначеемъ. При архим. Варсонофій рѣзкія столкновенья крестьянъ съ монастырскими властями однако снова повторились. Одинъ изъ зачинщиковъ попалъ во время ярмарки на іеромонаха Ефрема, слѣдившаго, чтобы крестьяне не продавали монастырскаго сѣна, избилъ его, драгъ его за волосы и бороду, такъ что съ трудомъ удалось отнять его.

Судить о содержаніи монастырей можно по отчетамъ объ ихъ расходахъ. Воспользуемся свѣдѣніями, касающимися монастырей съ среднимъ достаткомъ—Толшевскаго и Задонскаго.

Содержаніе перваго монастыря къ 50 годамъ выражалось въ слѣд. цифрахъ.

На свѣчи для церк. службъ		
и келейныхъ свѣчъ	5 п. воску по 12 р	= 60 р.
Ладану	2 п.	по 12 р = 24 р
Вина церковнаго	2 ведра	по 2 р. = 4 р
Масла деревяннаго	3 ф.	по 20 к. = — » 60 к
Къ панихидамъ срачн-		
скаго пшена	10 ф.	по 10 к = 1 р.
Меду патоки	10 ф.	по 4 к = — » 40 к
На починку и строение церк. утвари		40?
Про монастырской расходъ		18 р
Игумену на одежду и обувь		10 р.
Казначею		8 р.
Прочей братіи—4 іером., 1 іерод., 2 кры-		
лошан., 2 пономар., 2 звонар., 10 рядов. мон.		
по 5 р.		100 р.
На покупку рыбы		15 р.
Про мон. расходъ и для страннопріятія		
горячаго вина 10 ведеръ по 2 руб. 23 1/2 коп.		= 22 р. 55 к.
Меду или патоки 6 п.		9 р. 60 к
На вареніе пива или полпива		15 р.
На покупку хмелю		5 р.

Трудинкамъ бѣльцамъ, которые живутъ при монастырѣ въ разныхъ послушаніяхъ 10 чел. вѣбамъ къ покупкѣ на рубахи холста и обуви и на платежъ подушныхъ денегъ 60 р.
Муки на просфоры и про монаст. расходъ. 10 четв
Ржаной муки на хлѣбы 100 чт.
Сѣмени конопляннаго на пробой масла . . 10 чт.
Пшени и крупъ на кашу и рабочимъ лю- дамъ на саломату. 30 чт.
Гороху 3 чт.
Овса лошадямъ. 30 чт.

Итого. 188 чт. ¹⁾

Около того же времени расходы хлѣбные Задонскаго монастыря выражались въ слѣд. цифрахъ.

	Игумену и 15 монаше- ствующ. трудникамъ и служ. 10, всего 25 чел.				Основаому унтеръ-офи- церу, который въ томъ м рѣ на пропитаніи.				На странноприимство.				На пиво и на квасъ				На кормъ монастырск. лошадей				Крестьянамъ, кои готов- кирица и бывають вре- менно въ монаст работъ.				На сѣмена.			
	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.
Ржи 200 четверт . . .	72	7	5	—	14	5	16	7	—	—	—	—	30	4	60	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гречи 50 чт 2 чк. . . .	25	4	1	—	4	5	—	—	—	—	—	—	9	6	9	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Овса 69 чт 6 чк. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	36	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ячменя 10 чт. 1 чк. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гороху 9 чт. 7 чк. . . .	4	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	5	1	4	—	—	—	—	—	—	—	—
Конопл. сѣм. 15 чт. . . .	6	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	4	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого 355 чт.	108	7	6	—	20	—	24	—	36	6	47	3	109	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Общая сводка о содержаніи монастырей къ концу пе- ріода выразилась слѣдующими датами за 1 января 1762 г. ²⁾.

¹⁾ Архивъ Толшев. м—рл. т. VIII, № 84.

²⁾ Табелъ, сочиненная изъ имѣющихся въ Св. Синодѣ вѣдомостей и представленная Оберъ-Прокуроромъ кн. Ковловскимъ 1 янв. 1762 г. Импе- ратору Петру III. См. А. Завьялова, вопросъ о церковныхъ имуществвахъ при Имп. Екатеринѣ II СПб 1900, стр. 346—347.

Около того же времени расходы хлебные Задонскаго монастыря выражались в след. цифрах.

Трудишкамъ бѣльцамъ, которые живутъ при монастырѣ въ разныхъ послушаніяхъ 10 челомъ вѣбамъ къ покупкѣ на рубахи холста и обуви и на платежъ подушныхъ денегъ 60 р.
Муки на просфоры и про монаст. расходъ. 10 четв
Ржаной муки на хлѣбы 100 чт.
Сѣмени конопляннаго на пробой масла . . 10 чт.
Пшени и крупъ на кашу и рабочимъ людамъ на саломату. 30 чт.
Гороху 3 чт.
Овса лошадямъ. 30 чт.

Итого. 188 чт. ¹⁾

Около того же времени расходы хлѣбныя Задонскаго монастыря выражались въ слѣд. цифрахъ.

	Игумену и 15 монашествующимъ трудникамъ и служ. 10, всего 25 чел.				Осному унтер-офицеру, который въ томъ мѣсѣ на пропитаніи.				На странноприимство.				На пиво и на квасъ				На кормъ монастырск. лошадей				Крестьянамъ, кои готовъ кирницъ и бывають временно въ монастырск. работѣ.				На сѣмена.			
	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.	Чт.	Чк.
Ржи 200 четверт . . .	72	7	5	—	14	5	16	7	—	—	—	—	30	4	60	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гречи 50 чт 2 чк. . . .	25	4	1	—	4	5	—	—	—	—	—	—	9	6	9	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Овса 69 чт 6 чк. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	36	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ячменя 10 чт. 1 чк. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гороху 9 чт. 7 чк. . . .	4	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	5	1	4	—	—	—	—	—	—	—	—
Конопля. сѣм. 15 чт. . . .	6	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	4	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого 355 чт.	108	7	6	—	20	—	24	—	36	6	47	3	109	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Общая сводка о содержаніи монастырей къ концу періода выразилась слѣдующими датами за 1 января 1762 г. ²⁾.

¹⁾ Архивъ Толшев. м—рл. т. VIII, № 84.

²⁾ Табелъ, сочиненная изъ имѣющихся въ Св. Синодѣ вѣдомостей и представленная Оберъ-Прокуроромъ кн. Ковловскимъ 1 янв. 1762 г. Императору Петру III. См. А. Завьялова, вопросъ о церковныхъ имуществвахъ при Имп. Екатеринѣ II СПб 1900, стр. 346—347.

35 "научное наследие России"

Общая сводка о содержании монастырей к концу периода выразилась следующими датами за 1 января 1762 г. ³⁴⁸.

За Архиерейским Домом в вотчинах крепостных м. п. 1357; с вотчин собирается денег — 135 р. 42 к., хлеба — 2355 чт. 1 чк. За 20 монастырями, при 187 монашествующих, крепостных м. п. 982; с

вотчин собирается денег 234 р. 29 к., хлеба – 1740 чт. 2 чк. Из 23 Архиерейских Домов, о которых представлены сведения, Воронежский Архиерейский Дом, по количеству крепостных, занимает 20-е место; по количеству денежных сборов – последнее место, по количеству хлебных сборов – девятое место. Монастыри Придонья, по количеству крепостных, занимают последнее место, по количеству денежных сборов с вотчин – предпоследнее место, по количеству хлебных сборов – двадцатое место. На каждого монаха в среднем приходилось из денежных сборов по 1 р. 25 к. и по 9 четвертей хлеба. Относительная бедность придонских монастырей открывается из следующего сопоставления их с центральными монастырями³⁴⁹.

За Архіерейскимъ Домомъ въ вотчинахъ крѣпостныхъ м. п. 1357; съ вотчинъ собирается денегъ—135 р. 42 к., хлѣба—2355 чт. 1 чк. За 20 монастырями, при 187 монашествующихъ, крѣпостныхъ м. п. 982; съ вотчинъ собирается денегъ 234 р. 29 к., хлѣба—1740 чт. 2 чк. Изъ 23 Архіерейскихъ Домовъ, о которыхъ представлены свѣдѣнія, Воронежскій Архіерейскій Домъ, по количеству крѣпостныхъ, занимаетъ 20-е мѣсто; по количеству денежныхъ сборовъ—последнее мѣсто, по количеству хлѣбныхъ сборовъ—девятое мѣсто. Монастыри Придонья, по количеству крѣпостныхъ, занимаютъ *последнее мѣсто*, по количеству денежныхъ сборовъ съ вотчинъ—предпоследнее мѣсто, по количеству хлѣбныхъ сборовъ—двадцатое мѣсто. На каждого монаха въ среднемъ приходилось изъ денежныхъ сборовъ по 1 р. 25 к и по 9 четвертей хлѣба. Относительная бѣдность придонскихъ монастырей открывается изъ слѣдующаго сопоставленія ихъ съ центральными монастырями.

	Число монаше- ствующихъ	Денегныхъ сборовъ.	Въ среднемъ на каждаго мона- ха.	Хлѣбныхъ сбо- ровъ.	Въ среднемъ на каждаго мона- ха.
Московская епархія .	1278	12264 р.	9 р. — к.	16968 чт.	14 чт
Новгородская » .	574	25308 »	47 » — »	31207 »	54 »
Ростовская » .	342	10049 »	29 » — »	12342 »	36 »
Воронежская » .	187	234 »	1 » 25 »	1740 »	9 » ¹⁾

Изъ приведенныхъ данныхъ очевидна не только относительная, но и абсолютная скудость доходовъ съ вотчинъ придонскихъ монастырей. Ясно, что для этихъ монастырей вотчинное владѣніе не составляло главной статьи содержанія. Попрежнему монастыри Придонья были безсильны использовать крѣпостными или собственными силами свои природныя богатства. И потому попрежнему же они извлекали большую выгоду изъ такихъ своихъ естественныхъ богатствъ, которые давали доходъ безъ особыхъ хозяйствен-

¹⁾ См. тамъ же Почти такіе же цифры указаны въ Вѣдомости о монастыряхъ Воронеж Епархія за 1739—1740 г. См. Ворон. Стар. вып. VII, стр. 48—55.

Из приведенных данных очевидна не только относительная, но и абсолютная скудость доходов с вотчин придонских монастырей. Ясно, что для этих монастырей вотчинное владение не составляло главной статьи содержания. По-прежнему монастыри Придонья были

бессильны использовать крепостными или собственными силами свои природные богатства. И потому по-прежнему же они извлекали большую выгоду из таких своих естественных богатств, которые давали доход без особых хозяйственных затрат и при малом количестве рабочих рук. А те из них, которые не имели или лишены были таких естественных богатств, питались подаянием христоролюбцев.

Переходя к характеристике внутреннего строя монастырей, мы должны прежде всего остановиться на положении настоятелей. В общем оно не выделялось из обычного положения их в Русской церкви за рассматриваемое время. Юридически настоятели сильно были ограничены в своей власти. В экономическом отношении *de jure* они являлись скорее управляющими монастырских вотчин, чем их хозяевами. Но *de facto* очень многие из них умели быть властными хозяевами.

Порядок избрания, права и обязанности настоятелей излагались в особых инструкциях, выдававшихся епархиальными архиереями при назначении настоятелей.

Обычно после смерти настоятеля братия избирала из своей среды или из посторонних монахов нового настоятеля, об утверждении которого просила епископа. «На праздные (настоятельские) места велеть тех монастырей и монашествующим и служителям и вотчинным крестьянам выбрать из духовных иеромонашеских, иеродиаконских и монашеских первых людей благонравных и свидетельствованных, добре ведущих разум писания и устав жития монастырского и монашеского, которых с заручными монашествующих и служителей и вотчинных крестьян выборами для произведения представлять Его Преосвященству немедленно» (Указ преосв. Вениамина 1743 года)³⁵⁰.

Вступая в свои права, новый настоятель должен был по описным книгам принять при всей братии «церковное и монастырское строение, также посуду и всякий завод и рухлядь и всякие крепости и письмо». Затем, сдать имущество казначею, скрепить и сдать ему же приходорасходные книги. При этом приходорасходные книги вести «с ведома общего, чтоб монастырского в похищении и в утайке отнюдь ни от кого не было». Присмотр за монастырским хозяйством, пашней, сенокосом и «всякими заводами» возлагался на самого настоятеля, который должен понуждать братию и трудников, чтоб всякий порученное ему дело отправлял неленостно».

Собственно пастырские обязанности настоятеля определяются довольно кратко. «А будучи вначале (начальником?) самому в церковь Божию ходить и служить и других к церковной службе и келейному правилу обучать и подтверждать неленостно. Братия должна почитать, слушать настоятеля и отдавать ему достойную честь. Настоятель с братией должен иметь общую трапезу. По отношению к ослушникам и нарушителям монастырского устава настоятель должен действовать со всею строгостью. А которые из братии в монастырском послушании явятся противники или учнут пьянствовать и творить монашескому чину неприличное, и таковых наказывать ово словом и цепью, а иных смотря по вине и наказанием при братии, дабы о том ведали и смотря на то никто того не творил. А ежели которые явятся весьма противны и непокорны, с которыми управится (настоятелю) невозможно, и оных при отписках присылать к нам (к епископу) на Воронеж. Пришлых же монахов, также и которые вновь похотят принять монашеский чин, и оных без свидетельства и не разыскав об таких подлинно и без ведома нашего отнюдь принимать не позволяется под опасением немалого наказания»³⁵¹.

Изложенная инструкция показывает, что братия не только участвовала в выборе настоятеля, но контролировала расходование сумм, т. е. участвовала в монастырском хозяйстве. Но фактически эти права попирались и епархиальным начальством и многими настоятелями. Епархиальное начальство склонно было проводить в настоятели известных ему монахов Архиерейского Дома: многочисленные случаи «выборов» монастырских настоятелей из казначеев и ризничих Архиерейского Дома делают это несомненным. Тоже подтверждает и приведенная выше жалоба Войска Донского на обычай переводить в далекие монастыри чуждых им настоятелей. В ведомости о монастырских настоятелях за 1752–3 гг. из 15 настоятелей мужских монастырей 7 «избраны» из казначеев, ризничих и крестовых иеромонахов Архиерейского Дома, 4 переведены из настоятелей других монастырей³⁵² и только 4 – из своей братии³⁵³. Выше приводились некоторые сведения из жизни Донецкого монастыря. Первый его архимандрит Иоасаф, радея об интересах обители, был однако очень властным настоятелем, чем возбудил против себя недовольство части монахов. Но в данном и многих других подобных случаях власть настоятеля клонилась к благу монастыря. Иоасаф – тип игумена-приобретателя. Это, по-видимому, самый распространенный тип. Таких мы наблюдаем и в

Толшевском, и в Дивногорском, и в Алексеевском и в др. монастырях. Иного характера были игумены, избранные братией из чужих монастырей. Этим не дорожили имущества, скопленные предшественниками, и они являлись расточителями, вызывавшими сильный ропот среди братии. Таков был в Дивногорском монастыре архимандрит Лазарь Богославский.

Он не был избран братией, а был вызван преосв. Иоакимом из Вятки для устройства в Воронежской епархии семинарии. А родом он был из Черкас и до переезда в Вятку был игуменом Костянско-Почановского монастыря. Преосвящ. Иоаким в 1742 году определил его архимандритом Дивногорского монастыря и «повелел ему в Острогжске основать семинарию в Дивногорском монастырском подворье»³⁵⁴. Поставленный в Дивногорье с такою специальною целью, Лазарь на настоятельство смотрел, как на дело второстепенное, он и жил не в монастыре, а в Острогжске на подворье. Здесь же у него проживали и помощники по школе. Собирателем он быть не мог. При нем даже не хватало обычных монастырских доходов, почему архимандрит стал переводить на деньги часть монастырского хозяйства. В два года своего настоятельства он продал 626 четвертей ржи, 135 чт. пшеницы, 73 овцы, воск, мед, масло и вино. Между тем на монастыре за его время увеличились недоимки³⁵⁵. Естественно было сильное недовольство братии на этого пришельца. Недовольство усиливалось тем, что самая цель назначения Лазаря – заведение семинарии простецам – монахам не могла быть симпатичной. Пробывши в Дивах три года, ученый архимандрит перепросился в Черниговскую епархию (16 января 1745 г.³⁵⁶).

В другом виде вырисовывается личность Семилуцкого настоятеля – Засимы. Из вдовых диаконов архиерейской вотчины с Боршева, он поступил в число монахов Архиерейского дома, затем перешел в Кременский монастырь, был ризничим Архиерейского Дома, игуменом Семилуцким, Задонским и Дивногорским. И везде он вел немонашескую жизнь и хозяйничал для себя. В Семилуках у него было 20 своих лошадей. В Дивах он на своих лошадей тратил монастырский корм, чем поморил монастырский скот. Это был хозяин, но хозяйничал лишь в свою пользу, в подрыв монастырю, почему св. Тихоном и был определен на покой в Дивногорский монастырь³⁵⁷. После его смерти (1768) оказалось у него много векселей от разных лиц³⁵⁸.

Но особенно любопытные факты, характеризующие положение настоятелей, происходили в Толшевском монастыре. В 1731 году, после пострижения в схиму одного из самых усердных собирателей строителей – Никифора³⁵⁹, братия избрала в настоятели иеромонаха Казанского Тамбовского монастыря Корнилия, уроженца г. Козлова, из дворян. На такой выбор чужанина братию склонил тоже чужанин – монах Исаакий, убедивши, что при нем «обитель ваша весьма не оскудеет». Сам Корнилий соблазнил монахов обещанием дать монастырю «людей гнезда три» с крепостью на них. Приехавши в монастырь, новый строитель забрал к себе монастырские описи, приходорасходные книги, ключи от кладовой, ледника, от монастырской казны и всю посуду. Так нарушены были все права братии, а особенно казначея. Через полгода настоятельства Корнилий объявил, что забранные им вещи – его личная собственность. Впрочем, одновременно он объявил, что если братия будет ходатайствовать о посвящении его в сан игумена, а потом архимандрита, то он даст подписку, что ни в чем не будет утеснять братии и ничего не будет брать из монастырского имущества. Монахи опять поддались на обещания, и Корнилий был посвящен в игумена. Но теперь он пошел еще дальше в своем произволе. «Безвременно напиваясь», он в нетрезвом виде издевался над монахами, считая их невежественными и гордясь тем, что он уже двадцать лет состоит попом. «А мы нижайше, писали о нем братия, признаваем его не токмо попом или диаконом, ниже пономарем». Корнилий забрал к себе ризницу, «помял, поломал и взмочил, а иные из них и дегтем облил весьма, который смолою и дегтем облитые места мелом обсыпал». Но особенно тяжело было его настоятельство тем, что «в запойственном состоянии» он ругал и бил «не токмо прочих монахов, но иеромонахов и иеродиаконов». «Есть и такие, которые от его богопротивного и мерзкого запойственного состояния и весьма продерзкого нападения и бою пострадали даже и до кончины»³⁶⁰. Только смерть Корнилия (19 августа 1733 года) положила конец монастырскому нестроению.

После следующих трех игуменов – Лаврентия, Мисаила и Павла братия избрала себе настоятелем иеромонаха Сергия – из воронежской купеческой семьи Елисеевых. В 1747 г. он постригся в Толшевском монастыре и определен на послушание в хлебню. В 1749 г. взят в архиерейский дом и посвящен в иеродиакона, а 15 февраля 1750 г. – в иеромонаха, 16 февраля 1750 г. он уже возведен в сан игумена – настоятеля Толшевского монастыря. Это был

человек еще молодой для игуменства: ему было только 34 года. Быть может, на его избрание отчасти повлияло происхождение из видного купеческого семейства. Род Елисеевых со второй половины XVIII в. выдавался своим благочестием и даже книжностью³⁶¹. А сам Сергей своею последующею жизнью доказал, что он был достоин избрания. Уже наружность его производила внушительное впечатление. Высокого роста, плечистый и сутуловатый, с кудрявыми светло-русыми волосами на голове и бороде, греческим носом и большими глазами, но с тихою степенною речью, он и в молодых годах должен был производить впечатление зрелого мужа.

Вступивши в управление монастырем, Сергей старался поддерживать порядки общежития и действовал с общего братского совета и согласия. Монастырь был беден. Правительственные поборы и стеснения, расхищение монастырского имущества Корнилием, а может быть и какие-нибудь другие причины привели монастырь к такому оскудению, что даже его «церковь стояла много без пения»³⁶² при предшественниках Сергея. Несмотря на это Сергей – сам и по совету братии – задумал устроить каменную церковь на место прежней деревянной. И он успел уже заготовить строительные материалы – железо, камень и известь, – Сергей уже просил преосв. Феофилакта разрешить ему постройку церкви. Но разрешение получил уже его преемник, так как в начале 1752 года Сергей заболел и, не надеясь на выздоровление, отказался от настоятельства и пожелал «сподобиться великого ангельского образа», т. е. принять схиму. В ночь под 25 декабря 1752 года иеромонахом Пахомием совершено пострижение Сергея, с наречением ему имени Серафима.

На место Сергея братия избрала постриженника Толшевского монастыря, иеромонаха архиерейского дома Михаила, из Воронежского купеческого рода Аносовых. Новый игумен не походил на своего предшественника. Он явился в монастырь с желанием бесконтрольной власти. Братия, привыкшая участвовать в управлении монастырем, дававшая ранее советы своим настоятелям, была поражена, когда новый игумен все стал делать «сам собою, без общего братского совета».

В монастырь на игуменство Михаил явился с гостями и отпраздновал вступление в должность пиром. Узнавши, что прежний игумен сохранил в песке вино для церковного употребления, он приказал его принести, и, решивши, что оно «к службе Божией неспособно», выставил его для угощения гостей и братии. И все

вино, которым «церковь Божия весь год удовольствовалась бы, он игумен в один день с гостями стаканами и бокалами все до капли выпил, а бокалы покупает пару по сорока алтын и пьет на колокольне с звоном и бокал с пойлом нарочно мечет с колокольни на землю». За таким необычным вступлением последовал ряд распоряжений, еще более нарушавших мирное течение монастырской жизни. Новый игумен решил обращать монастырское имущество на наличные деньги, чтобы пользоваться ими. Он стал распродавать монастырский скот, бить пчелу, продавать воск и мед и бесконтрольно распоряжаться выручкой. Протест братии не смутил его. На их заявление, что от такой бесхозяйственности ухудшится их содержание, он говаривал им, «что монаху не подобает сладко брашно иметь, но подобает хлеб с водою ясти». «А сам, жаловались монахи, в трапезе и в своей келии что ни лучшее брашно отбирает и один съедает»³⁶³.

Как чувствовал себя в это время иеросхимонах Серафим? Игумен Михаил, не слушавший никого, не думал чтить и бывшего настоятеля. Возможно даже, что к нему он относился с особенным недоброжелательством, слыша от монахов нелестное для себя сравнение со своим предшественником. И вот Серафим задумал бежать из монастыря. Но куда бежать? Это было не в XVII веке, когда легко было найти пустыню по всему течению Дона: теперь прежняя пустыня уже прочно была связана с правительственным центром, и о каждом беглеце, монахе и крестьянине, рассылались подробные запросы в монастыри и присутственные места государства, с подробным описанием их примет³⁶⁴. Нужно было миновать всю населенную придонскую область и искать пустыни дальше, к югу, за Доном. Серафим впоследствии показывал, что он «для избрания на уединение к пустынному житию места бежал за Дон». Товарищами его были монах Иоаким и трудник Евтихий Пономарев. Первый был нужен Серафиму, как человек опытный в такого рода деле; второй для услужения, в качестве работника.

Личность Иоакима не менее интересна, чем самого Серафима. Тоже купеческий сын – уроженец Воронежа, Иоанн Матвеев был с 1734 года архиерейским певчим, в 1737 г. определен послушником Толшевского монастыря; в 1740 г. пострижен в монашество с именем Иоакима. В 1743 году он просил у игумена Мисаила отпустить его на поклонение св. мощам в Киев. Не получивши разрешения, он ушел тайно, без паспорта. Возвратившись через несколько лет в Воронеж, он явился в консисторию, но там был признан беглецом. Однако он

попытался оправдаться и с этой целью показал, что проживал все время близ Киева – в Китаевской пустыни, с ведома наместника иеросхимонаха Пахомия, Но справка обнаружила, что там не было не только монаха Иоакима, но и наместника Пахомия. Вследствие этого Иоаким был забит в цепи, но бежал из заключения. Впрочем, как человек тихий и скромный, он был потом принят в братство Толшевского монастыря, но здесь прожил опять недолго.

Заранее сговорившись о побеге, заготовивши для пропитания себе сухарей и пшена, что было возможно сделать чрез трудника Евтихия, они ждали только удобного случая для побега. 1 марта 1753 г., за недостатком служителей, игумен Михаил послал в Воронеж для разных закупок монаха Иоакима, как человека честного. В тот же день, часов в 5 утра, во время утренней службы из монастыря тайком выбрался и иеросхимонах Серафим вместе с трудником Евтихием, который воспользовался для этого своею лошадью и санями. Соединившись за монастырем с Иоакимом, они на двух подводах и отправились в путь вниз по Дону. На пути они останавливались в Павловске в подворье Битюцкого монастыря и ночевали там у иеромонаха Никифора, сказавши ему, что едут по монастырским нуждам в Троицкий Мигулинский монастырь. Из Павловска они отправились дальше, миновали Мигулинский монастырь и добрались до речки Ольховатки. Но нигде не удалось найти им места, удобного для уединенного жития. Поэтому они решились возвратиться назад – в свой монастырь.

Игумен Михаил встретил их, как беглецов. «За неимением желез (т. е. железных цепей), он забил каждого из них в две колодки и послал за крепким караулом» в духовную Консисторию. Сергей вскоре по прибытии в Воронеж был отдан на время судопроизводства на поруки купцам Елисеевым, а потом был возвращен в монастырь без особого наказания³⁶⁵. Между тем Иоаким опять успел бежать из консисторской тюрьмы. «И бежав, – давал он впоследствии показание, – пришел в град Киев для поклонения св. мощам и быв в том городе дня с два, а потом нашел себе от того города Киева верстах пяти в лесу уединенное место и там житительство имел с пришедшим в тот лес прежде из-за границы – монахом Амвросием в землянке». 26 ноября 1756 года он снова направился в Толшевский монастырь. Здесь 27 февраля 1757 года с него была взята подписка, что он будет неисходно пребывать в монастыре до разбора своего дела³⁶⁶. Для полноты характеристики этой неугомонной натуры расскажем о его последнем бегстве. В

апреле 1768 года он бежал в пределы нынешней Орловской губернии. «Шед и дошед в Севскую епархию в Брянский уезд, в непроходимой лесной пустыни обрел пустую келию монашескую ветху, водворися ту. А чья дача она, и о том не знаю. И живши в той лесной пустыни и кельи, пропитание имел от рукоделия своего ложечного и потребу нужную получал от приезжающих в те леса из степей, разных городов и уездов для взрубки надобного леса, и кто они таковы, сказать не могу, но токмо вем, что курские и рыльские. Ныне в себе пришед и рассмотрев, что оные мои самовольные из монастыря исходы и отлучки для пустыни пустой и несть на пользу души моей, но токмо на вред, никакой не соделав страстей плотских: келья же моя, в ней же обитах, от ветхости падесе, аз же грешный воспомянух преступление свое, еже обещахся в пострижении моем Богу пред Св. Евангелием, и явися тать и преступник обета своего, воспомянув же паки и грозное Судии прещение, убояхся и вышед из помянутой пустыни и обратихся на свое обещание; шед же паки исходя по дорогам, яко заблудшее овца, ища пастыря своего. И пришед zde ко граду Воронежу, аки ко отечеству своему, и обрел доброго пастыря, пад на землю, милости прося, дабы соблаговолено было мене нижайшего за прогreshности мои и за самовольные от монастыря отлучки архипасторством своим простити и быть на обещании в своем монастыре в братстве при келии»³⁶⁷.

Теперь возвратимся к иеросхимонаху Серафиму и игумену Михаилу. В монастыре Серафим встретил те же нестроения, от которых думал бежать на Дон. Игумен продолжал тратить на себя монастырские деньги и сбывать ценные продукты, в роде меду и воску. Недовольные монахи роптали. Ропот раздражал игумена, и в результате – несколько резких столкновений. Естественно, что эти столкновения чаще всего происходили между игуменом и казначеем Савватием, как блюстителем монастырских интересов. Однажды, призвавши к себе казначея ночью, игумен заперся с ним в своей келье и стал бить его «вязовою палкой нещадно и смертно». Вырвавшись как то из кельи, Савватий с криком побежал к Серафиму, а последний, узнавши, в чем дело, побежал на колокольню и ударил в набат. Встревоженные монахи прибежали в настоятельские покои; туда же явился и Серафим и «учинил говорить (игумену) необычные и противные слова». Настоятель прогнал его вон и, по рассказу братии, в гневе сильным ударом раскровянил ему рот. На другой же день игумен уехал в Воронеж. Проживая там на чреде³⁶⁸, он продолжал брать для себя монастырские деньги, воск и

мед, не давая в том отчета братии. А когда возвращался в монастырь, принимал гостей, которые проживали у него подолгу. Самоуправство, грубость и насилие настоятеля сделались невыносимыми для братии, но им некуда было деваться. Бежать? Но беглецов ждали цепи и судебная волокита. В ином положении находились наемные работники и монастырские послушники. Их было всего 10 человек, и они все «сошли» из монастыря. Наконец не выдержали и монахи. В 1757 году они подали архиерею жалобу с перечислением всех проступков» и незаконных деяний своего игумена³⁶⁹. «Того ради, заключали они свою жалобу, мы нижайшие и убогии раби Твои, но и колена преклоньшие, падше пред честные стопы ног Ваших, умильно и слезно просим Вашего Архипасторства и отца нашего премилосердного, заступити и покрыти нас своим милосердием от сея напасти и не допустить нас в великую волокиту и хлопоты, чтобы наша св. обитель не пришла в великое ущербление и конечное разорение³⁷⁰. В ответ на это челобитье был назначен «безволоки́тный» суд, а монастырем временно было поручено управлять монаху Варлааму. Самому игумену было предложено «очистить каждую речь» челобитья «от слова и до слова». Но его длинный оправ дательный репорт в общем подтверждал обвинение, а не опровергал его. Вероятно, сознавая свою неправоту, игумен в заключение просит уволить его от игуменства «за прежестокую глазную болезнью»³⁷¹. А в тоже время казначей Савватий писал архиерею, что братия осталась как овцы без пастыря, и просил назначить им игуменом иеросхимонаха Серафима, если не найдется кого-либо другого³⁷².

Но преемником Михаила³⁷³ был определен не Серафим, а Антоний (1757) из ризничных и казначеев архиерейского дома, а после него – Евфимий (1757–1759), тоже из казначеев архиерейского дома, назначенный с титулом «игуменского наместника»³⁷⁴. И только после него, 5 декабря 1760 года, игуменом снова определен Серафим. Его вторичное игуменство (1760–1774) совпало с двумя крупными событиями. Первое общецерковное – отобрание монастырских вотчин в казну, второе местное – на это время (1764–1768) пало правление св. Тихона. В виду этого дальнейшую деятельность Серафима следовало бы излагать в последующих главах. Но для цельности обрисовки этой довольно крупной фигуры настоятеля-радателя монастыря мы закончим с его настоятельством в настоящей главе.

Серафиму досталось неблагоустроенное хозяйство. Разорительное игуменство Михаила, постройка каменной церкви (освящена в 1759 году), посягательства на лес жителей с. Малой Приваловки и дворян Пареного, – все это расшатывало благосостояние монастыря. Весь денежный расход (на церковь, братию и трудников) исчислялся в 351 р. 15 к. и 188 четвертей разного хлеба³⁷⁵. Между тем монастырь, с реформой 1764 г., мог потерять и свою землю. Ему удалось доказать, что собственно вотчины он не имеет. Но оберечь свои угодья от захвата было трудно. И вот Серафим ходатайствует о разрешении поселить на монастырской земле экономических крестьян (т. е. государственных – бывших монастырских) «к обережению монастыря», предлагая им за обережение $\frac{3}{4}$ монастырской земли³⁷⁶. Ответа на эту просьбу мы не нашли. Но сохранилось сведение, что около того времени на монастырской земле была деревня «ново поселенный поселок» казенных крестьян, которые, по собственному их желанию, потом, в 1786 г., были переведены отсюда в Богучарскую округу, а бывшая в их владении земля (121 десятина) отдана в оброк³⁷⁷.

Что же сделал Серафим для благоустройства монастыря?

Братия теперь знала, конечно, за кого она вторично в 1756 г. просила епископа. Серафим был противоположностью Михаилу. Он жил интересами своего монастыря и игнорировал, по возможности, все то, что клонилось к подрыву этих интересов. Так, он мало внимал тем постоянным указам и запросам сверху, на которые не скупилось правительство в царствование Екатерины II. Так как он уклонялся от ответов на эти запросы, то следовали запросы повторительные о том же, с присоединением новых – почему игумен не отвечал своевременно? Вынужденный в таких случаях отвечать, он не соблюдал обычных форм ответов, полных выражений почитаний к начальству. Его ответы прямы до грубости. Так, получивши в 1762 году белые приходорасходные книги для записи в них монастырских доходов и расходов и для отсылки их в Коллегию Экономии, он не выполнил этого приказа. В 1764 г. он получил снова такие же книги и после этого вынужден был объяснить свое молчание. Сказавши, что монастырь не имеет вотчин и не обрабатывает земли, он так закончил свое объяснение: «в оные шнуроспечатанные книги денежного и хлебного приходу и расходу записывать нечего, кроме доброхотного подаяния никаких доходов в оной монастырь не имеется. И затем означенные шесть книг белые от монастыря отосланы в Воронежскую духовную консисторию при

доношении, с тем, чтобы за выше прописанными обстоятельствами и впредь таковых книг в тот наш монастырь не присылать и о том Коллегии Экономии сим всенижайше и рапортую»³⁷⁸. Так же он отвечал на запрос, почему он не рапортует о монастырских колодниках³⁷⁹. Даже и ведомости о монашествующих он посылает не по форме, почему они высылались назад для исправления³⁸⁰. Даже к своему епархиальному епископу Серафим относится с тою же грубоватою простотой. В 1764 году в монастырь была прислана при указе копия с сочинения св. Тихона – «О должностях священников и прочего духовенства». Игумен выслал эту рукопись обратно в консисторию, которая, впрочем, снова препроводила ее в монастырь³⁸¹. Ниже мы увидим еще более решительное подтверждение той же черты в характере настоятеля.

О благе своего монастыря игумен Серафим прилагал все старания. Ему нужно было позаботиться об упорядочении монастырского строя, пошатнувшегося при игумене Михаиле, который теперь опять явился в монастырь на соблазн братии. Соблазн увеличивался тем, что монастырь издавна, еще со времени св. Митрофана, был местом заключения для провинившегося духовенства, очень неисправных монахов и тяжких преступников из мирян до колодников включительно. Нечего и говорить, что большинство этих штрафованных лиц, поневоле проживавших в монастыре, не только тяготилось этим пребыванием, но часто своими поступками роняли монастырь в глазах окрестного населения. Особенно трудно было справиться со штрафованными настоятелями монастырей, которые не признавали власти игумена. Если на приходское духовенство игумен Серафим в нужных случаях не стеснялся налагать железные цепи, то относительно архимандритов и он находил это не совсем удобным. Между тем эти лица, недовольные строгим игуменом, жаловались на него преосвященному и последний, естественно, делал по этому поводу соответствующие запросы настоятелю. Два сохранившиеся ответа на такие запросы рисуют нам и личность Серафима, и отношение его к епархиальной власти, и – что особенно важно – тогдашнее состояние монастыря. Поэтому мы приводим их здесь полностью.

1. «Великий Господин Преосвященнейший Тихон Епископ Воронежский и Елецкий – мой высокомилолюбивый отец и архипастырь.

Изволите Ваше Преосвященство писать ко мне низайшему рабу твоему, будто я конюха (архиерейского), в подначал присланного,

своими руками бил в сердцах в нос, по щекам и топтунами. Оного конюха я нижайший хотя и наказывал, не своими руками, но послушником при всей братии единым шелепом и то во всем платье, ибо мне и монастырю моему учинилось весьма противно: но и теперь пишу к Вашему Преосвященству, аще и не хотел по своему монашеству, но нужда ми есть против писания Вашего Преосвященства объявить, послышел я или паче рещи и усмотрел, что оного конюха жонка входит в келию ко архимандриту к Антонию (из Битюцкого мон., бывшему на эпитемии), упившаяся валяется по кельям, еще же и на скотской двор к той жонке таскаются по ночам яко-то знатные монахи и чтоб не было монастырю подозрительства, казначею своему игумену Михаилу (а Михаил со оными едино согласие имеет, того ради к Вашему Преосвященству возмутили на мене) велел, чтоб тую жонку вскоре отвести на Воронеж, чтоб испразднилось то злое, и неоднократно посылал, и так мне от того Михаила сказано, что конюх де пьянствуяй не слушает. Почему я, призвав его, учинил с ним вышеописанное наказание, чтоб в нашем в монастыре не было чрез таковых бесчестия, на что от мене нижайшего Вашему Преосвященству подано было и доношение на таковых и названы они в том доношении....., а более хотел их из монастыря вывести, чтоб никому о том необидно было, так не могло скрыться (?)³⁸². Только я отъехал к Нашему Преосвященству для благословения, а они возмутились и с того времени монастырь наш в городе Воронеже, так и в окрестностях наших всюду поносим есть, даже и доселе не утихает. А сего бедного иеромонаха (речь идет об известном нам Иоакиме) также напрасно злословят иные, потому что он от них уклоняется, с ними не согласуется: и только теперь один иермонах в монастыре моем остался да белый поп, однакож служение в св. церкви может и теми исправиться, но другая нужда есть: против присылаемых от духовной консистории указов, ведомостей, репортов и всяких посменных дел, кроме его иеромонаха исправить некому, еще же строений каменного здания, от Василия Максимовича строенного, присмотреть некому: почто Владыко святой презрел прошение мое бедного старца, не просил ли Вашего Преосвященства о сем иеромонахе, дабы был в Толшевском монастыре: а ныне в указе Вашего Преосвященства написано, что и впредь де о возвращении его иеромонаха в наш монастырь просьбами Ваше Преосвященство отнюдь не утруждать, почему мне, яко гнев велик есть ко мне нижайшему, однако прошу тя Владыко святой прости мя за грубость мою – не утруждал бы

столько Ваше Преосвященство, аще бы не нужда моя была, ей неким исправится, и так се окончив, остаюсь в печали и в горести своей – раб твой, Владыко, недостойный.

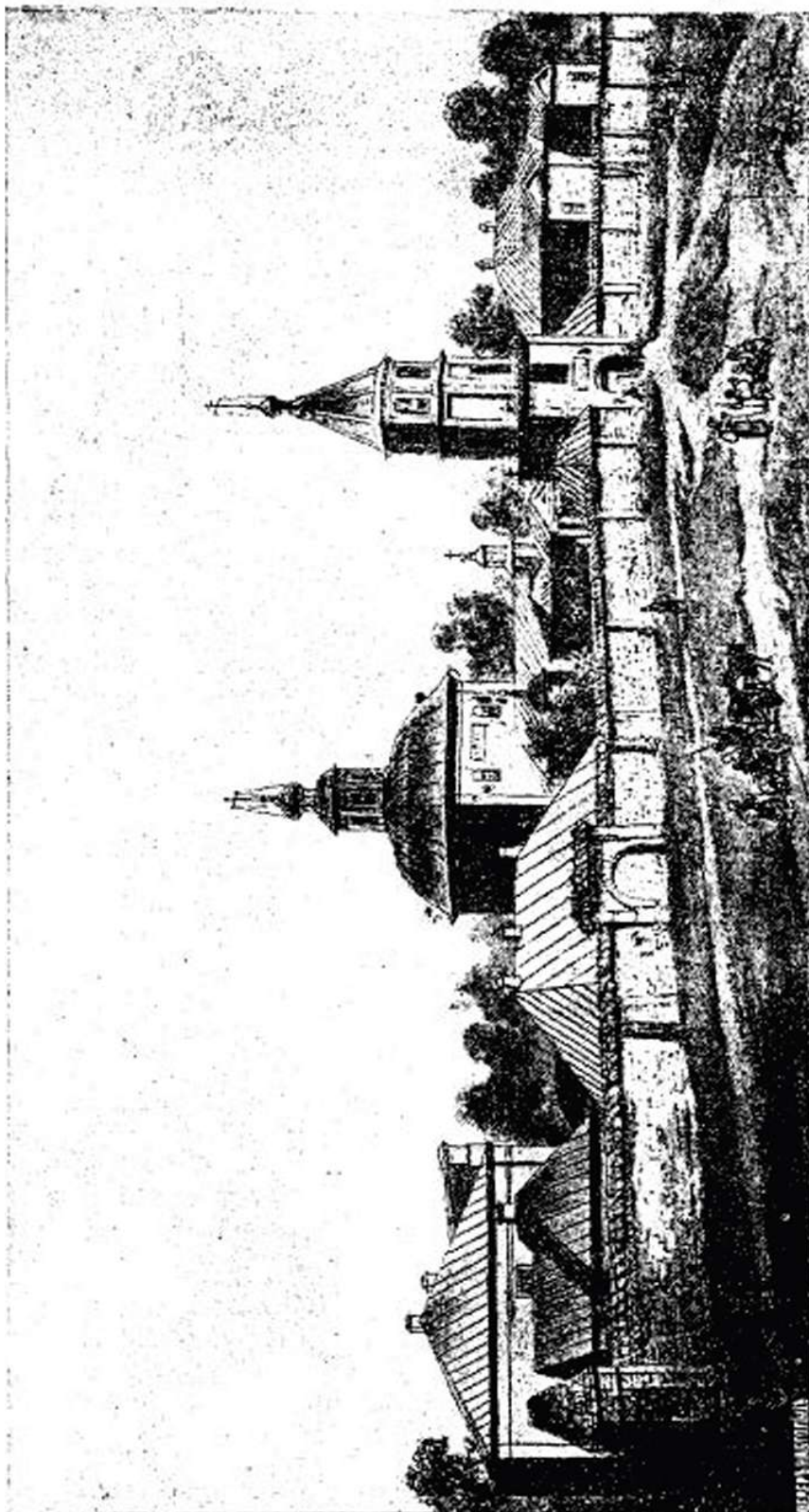
К прошению .. Генв. 28 дня 1765 года»³⁸³.

Другое отношение игумена Серафима поступило уже на имя Преосвящ. Тихона II – в сентябре 1773 г. – по поводу пребывания в монастыре на покое бывшего Задонского архимандрита Варсонофия, переселившегося в 1772 г. в Толши из Троицкого Лебедянского монастыря «по недовольствию в том монастыре разных съестных и прочих припасов». «Я, пишет игумен Серафим, реченного архимандрита Варсонофия почтенно принял и дал ему для пребывания жительства его свою настоятельную келью: и хотя в указе того и не дозволено, однако любви ради Христовой дозволил ему по желанию его для вышеописанных съестных и прочих припасов ходить в братскую трапезу и во все обилие, яко же довольствуется братия, и выше братии почтил его в трапезе, и в келью его чего потребует невозбранно, также и служителем при нем имеющимся по два и по три человека пища была общая с монахами монастыря по самой отъезд его в Ростов. Только он архимандрит в прожитии своем находился

почасту в пьянстве и не только что сам упивается, но и которые от консистории для воздержания от пьянства присылаются, от которых великую досаду приемлем пьянства их ради, то он с таковыми людьми и пьет: а когда у него архимандрита в келье вина не будет, то он из монастыря ходит и берет с собою из монахов и из бельцов по два и по три человека без ведома нашего за речку по деревням и приходит пьяный, и в пьянстве чинит ссоры и драки и сквернословии, чем подает всему монастырю большой соблазн, и братия, смотря на то, говорит, что де у нас в монастыре завелось чудовище: что же в том пьянстве от него происходят какие непорядки, то тех и писать срамно, от чего монастырю чинится великое бесславие, и вселилось пьянство в монастырь. А с его архимандрита в Ростов отъезда и без него в монастыре пока поспокойнее и стала быть тишина: того ради всепокорно просим Вашего Преосвященства нас нижайших своим архипастырским благословением отечески заступить и от таковой напасти избавить, и дабы благоволение было Вашим Архипасторством его архимандрита

по приезде его из Ростова от нашего монастыря отрешить» (сент.

1773 г.)³⁸⁴.

Спасопресображенский Толшевский монастырь вѣ XVIII в.

Управление монастырем игумена Серафима продолжалось до 9 июля 1774 года. Отпросившись в Киев для поклонения св. мощам, он уже не возвращался в свой монастырь. О судьбе его неизвестно. Архим. Димитрий утверждает, что он ушел на Ветку к старообрядцам. Но на чем основано это мнение, нам неизвестно. Лишь из записок Ивана Ефимова узнаем, что игумен Серафим был заражен расколом³⁸⁵.

Для характеристики монастырей важно отметить их отношение к просветительным предприятиям духовной и светской власти. Обладая полным кругом богослужебных книг и располагая сборниками святоотеческих проповедей и толкований, монастыри Придонья в XVIII веке были религиозно-просветительными центрами, при убожестве церковных библиотек и при низком образовательном уровне духовенства. Епископы Воронежские отсылали в монастыри духовных лиц не только для покаяния, но и для обучения неопытных и новичков совершению богослужения. Но и только. Далее этого просветительное значение монастырей не шло, так как сами монахи в лучшем случае были только грамотны и начитаны в богослужебных чинах. Но они совершенно не могли понять таких новшеств, как учреждение семинарии. Поэтому, когда преосв. Иоаким послал из Воронежа иером. Порфирия Крестопольского в Острогжск, поручивши ему выбрать хорошую келью на подворье Дивногорского монастыря и открыть там семинарию, то иером. Порфирий не нашел себе приюта на подворье, а – в доме приходского священника. Когда потом следующий епископ преосв. Вениамин приказал архим. Лазарю завести семинарию на подворье Дивногорского монастыря, то встретил противодействие со стороны братии, почему (отчасти) Дивногорско-Острогжская семинария и не имела успеха. Еще ранее, в 1738 г., преосвященный Иоаким доносил Св. Синоду, что «на школы хлеба с монастырей части с 1730 года не было и не имеется, понеже в Воронежской епархии монастыри и пустыни весьма состоят убогие, и не только монахи, но и сами настоятели всякую монастырскую работу работают и от того пищу и одежду получают». В ответ на это донесение Св. Синод потребовал представить ведомость с определением хлебных доходов монастырей; 21 июля 1740 г. ведомость была представлена и в ней часть была определена в 48 четвертей 5 чк. Но потом эта цифра несколько повысилась. Когда в 1745 г. семинария была учреждена в Воронеже, все монастыри обязаны были платить на содержание ее часть с хлебных доходов. Первый указ об этом был дан из архиерейской канцелярии

10 июня 1745 г., второй – 15 ноября 1745 г. Но до 5 ноября 1746 г. ни один монастырь не высылал на содержание семинарии ни зерна. Следуют новые подтвердительные указы о высылке ч. хлеба и новые отказы платить на школы. Так, Дивногорский монастырь отказался платить на том основании, что не имеет хлеба «ни в скирдах стоячего на гумнах, ни в закромах молоченого»; питается же братия хлебом, собираемым с двух мельниц. Коротоякский девичий монастырь заявляет, что «прокормление имеет подаянием богомольцев и посторонних да прошением милостыни». Туже причину выставлял Острогожский девичий монастырь. Шатрищевский отказался платить «за сгоранием в прошлом 744 г.»³⁸⁶. Не платил до 1749 г. Покровский монастырь³⁸⁷. Толшевский игумен Павел в 1745 г. писал: «у нас нижайших вотчин и крестьян монастырских не имеется, – кто что за здравие свое и о уповании родителей своих подаст, и то единым хлебом по мешку и по два, и кормимся с самою великою нуждою и ныне только имеется ржаной муки 2 чт., да крупы гречные одна осмина, а больше того не имеется»³⁸⁸. Монастырь ничего не высылал до 1752 г., когда пр. Феофилакт потребовал выслать часть под угрозой штрафа³⁸⁹.

Когда в 1762 г. семинария была закрыта, монастыри должны были принимать для обучения причетнических детей. Вступивший в 1763 году в управление Епархией Св. Тихон Первый бедных сирот рассылал для обучения по монастырям³⁹⁰. Несмотря на то, что при Толшевском монастыре, как гласит ведомость 1764 г., «школ и учителей и учеников не имеется и наперед сего не бывало»³⁹¹, школьники и неграмотные искатели причетнических мест присылались и сюда. Здесь даже явился учитель, о котором знал сам Св. Тихон. Это был старожил монастыря – 70-летиий монах Илларион, который умел только читать. Уже неспособный к черным послушаниям, он должен был посвящать свои досуги обучению отроков. В монастырском архиве сохранилось даже собственноручное письмо Св. Тихона к игумену Серафиму по данному вопросу³⁹². – Дети высылались не в один Толшевский, а и в другие монастыри. Иногда они переводились из одного монастыря в другой, если в первом обучение шло неисправно. Так, в 1766 г. обнаружилось, что в Усть-Медведицком монастыре трех таких детей, вместо обучения, употребляли в разные монастырские работы. Консистория, оштрафовав 10 рублями настоятеля с братией, послала сирот в Толшевский монастырь, отдавши на содержание их штрафные деньги. Впрочем, на этот раз Св. Тихон изменил

распоряжение консистории: «Понеже, писал он, как видно церковники сами нарядят о учении, отослать в консисторию, прописав мою резолюцию. А малого отдать Далматову диакону³⁹³ ради научения русской грамоты»³⁹⁴. Та же практика продолжалась и при преосвящ. Тихоне II. Последний однажды приказал выслать в монастырь необученного грамоте мальчика вместе с отцом – диаконом Косьмою, «с тем, чтобы держать в том монастыре до тех пор, пока обучит он его сына грамоте», запретивши отцу не только отлучаться из монастыря, но даже на полгода лишивши его священно служения за небрежное отношение к обучению сына³⁹⁵. Помещение в монастыри детей для обучения продолжается, по-видимому, до 80 г.г. XVIII столетия включительно³⁹⁶.

Можно почти безошибочно думать, что эти сироты были тяжелою обузой для монастырей, особенно если они содержались на монастырский счет, что было обычно³⁹⁷. Вместе с штрафованными духовными лицами они составляли пришлый, чуждый элемент и, требуя забот, трудов и расходов, вносили мирские интересы в жизнь простых, неученых монахов, мало интересовавшихся общепархиальной жизнью и духовным образованием. Конечно, прямо восставать против присылки сирот игумену было неудобно. Все, что он мог сделать, это поскорее освободиться от них, что и делал напр., игумен Серафим. Так, о двух сиротах, которых указано было выслать в Консисторию «по совершенном обучении», игумен доносил: «хотя оные сироты в твердость и не обучены, однако псалтырь и запевы воскресные и дневные и тропари святым чтут, а Фектист и апостол читает и может пропеть...³⁹⁸ и ежели бы ему еще год продержаться, то б совершенно мог исправить, оные ж сироты Вашим Преосвященством в стихарь посвящены; а понеже находятся они не при местах и имеют о том печаль, как бы им не остаться за действием (?) безместным и того ради просят меня отпустить их для милостивого рассмотрения и распределения по местам к Вашему Преосвященству и с тем оные сироты от мене при семь доношении и посланы»³⁹⁹. Иногда консистория делала монастырю выговоры за плохое обучение детей: 3 апреля 1773 г. она писала, что «если бы за дьячковским сыном Андреем Ульяновым прилежно надсматривать, натвердиться (ему) было бы возможно»; поэтому консистория внушала игумену снова отдать мальчика для обучения более опытному монаху⁴⁰⁰.

Внутренний строй монастырской жизни, конечно, только отчасти характеризуется приведенными эпизодами. Дать полную

характеристику этого строя мы не можем по скудости достоверных фактов. Несомненно только, что в этой жизни не произошло заметного подъема. Если же судить по общим характеристикам русского монашества за первую половину XVIII в., изложенным в Духовном Регламенте, Объявлении о монашестве и последующих официальных документах, то придется признать даже низкий уровень этой жизни. Из истории придонского монашества это явление подтверждается распоряжениями преосвящ. Иосифа 1726 г. и св. Тихона. Первый засвидетельствовал вообще «не исправления по должности в Воронежских городских монастырях и счел нужным предписать всем настоятелям монастырей края, чтобы они устраивали монастырскую жизнь по Духовному Регламенту. В частности, указ отмечает безвременное бродяжничество монахов по улицам и по дворам. В тоже время белое духовенство, венчая браки и отправляя другие требы в монастырских церквях, вносило чуждый, мирской, дух в стены обителей⁴⁰¹.

Последнее явление отчасти служило наследием еще старых порядков XVII в., когда монастыри, обладавшие значительными подмонастырскими деревнями, были и приходскими храмами. Отчасти это обмирщение вызывалось недостатком священнослужителей-монахов: припомним, что, напр., в Алексеевском монастыре церковные службы отправляло белое духовенство. Но особенно обмирщение монастырей зависело от состава монастырского начальства и священнослужителей. При недостатке образованных монахов и при трудности пострижения из податных сословий, ряды монахов пополнялись белым духовенством, вдовыми священниками и диаконами. Хотя указы, подвергавшие их запрещению в священнослужении в случае не поступления в монастыри, и были отменены, но создавшаяся традиция толкала их на этот путь. Понятно, что эти монахи поневоле, монахи случайные не могли повысить общий монастырский уровень. А между тем, как люди по своему времени книжные, они часто становились руководителями прочей братии.

Следует также помнить, что обычай присылать в настоятели монастырей крестовых иеромонахов, живших ранее в Воронеже и ведших полумирскую жизнь, лишь усиливал этот полумирской строй монастырской жизни. К тому же, настоятели часто и подлогу проживали в Воронеже на подворьях «на чреде служения»⁴⁰², а также на подворьях в Москве (Донецкие настоятели), Острогжске (Дивногорские) и Павловске (Битюцкие). Здесь монастырский строй

поддерживался еще менее, а в тоже время и братия, надолго оставляемая без пастыря, жила без надзора и руководства.

Обычай посылать в монастыри «на покаяние» монахов и мирян действовал также разлагающим образом на братию, мало помогая самим эпитимийцам. Особенно в этом отношении не посчастливилось Толшевскому монастырю, который со времени св. Митрофана сделался обычным местом ссылки для преступников из монахов, белого духовенства и мирян. Колодник, обвиненный в убийстве жены⁴⁰³, колодник – поп, убивший в безумстве жену⁴⁰⁴, пьянствующий архиерейский конюх с женой, соблазняющей монахов⁴⁰⁵, просто безумный⁴⁰⁶ и т. п. – все это расшатывало и без того не высокий строй монастырской жизни. Когда в 1765 г. затребованы были сведения об эпитимийцах, то они оказались в 8 монастырях Епархии, причем в Семилуцком монастыре их оказалось 7, в Коротоякском 3⁴⁰⁷. И это при составе братии из 6–7 чел.

В другие монастыри эпитимийцы из белого духовенства и мирян не посылались. Но монахи, а особенно настоятели монастырей, вместо штрафа, часто переводились и в другие монастыри, внося и в их жизнь тоже нестроение, за которое высылались из своих прежних монастырей.

Тот же невысокий уровень монастырской жизни подтверждается недостатком в монастырях достойных кандидатов на иеромонашеские вакансии. Нужда в таких монахах часто была крайняя, и монастыри, чтобы не оставаться без священников, должны были брать вдовых священников с сомнительными достоинствами. Вот несколько фактов. «За оскудением иеромонахов» в Толшах туда послан вдовый поп с. Стюденного, Романовского уезда, для священнослужения⁴⁰⁸. В 30-х годах в Лысогорском монастыре совсем нет иеромонахов, и священнослужение отправляет один эконо́м Протасий. А так как одному постоянно нельзя служить, то церковь остается без священнослужения. Между тем в епархии имеются вдовые священники. Из них Протасий и просит определять в монастырь⁴⁰⁹. В 1749 г. Акатовский архимандрит Ефрем указывал, что после назначения иеродиакона Иоасафа в игумены Вознесенского Кременского монастыря, в Акатовом монастыре совсем не стало иеродиаконов, почему он просил определить в монастырь вдового диакона Входиерусалимской церкви Логина Яковлева. Последний, узнавши об этом, подал в консисторию челобитье о разрешении ему женитьбы вторым браком («ибо монашеского чина принять не желаю

и снести по младости моей не могу»). На это челобитье последовала резолюция преосв. Феофилакта, «диаконского чина лиша и остригши на голове и бороде волосы и одев на него свецкое платье, отослать для положения в подушный оклад в Воронежскую губернскую канцелярию». После такой резолюции диакон Яковлев оставил свое намерение вступить во второй брак и был определен в Алексеевский Акатов монастырь в надежде пострижения в монашество⁴¹⁰.

Последним и самым выразительным показателем состояния монашества на Дону с конца XVII в. и до 1764 г. служит численный состав его. Мы видели, что при всех имущественных ограничениях монастыри могли еще содержаться. Поэтому на численное уменьшение монахов могли повлиять не столько эти ограничения, сколько указы, запрещавшие поступать «не из указных чинов» и даже – при Анне Иоанновне – вообще вновь постригать в монахи. Первый указ не произвел большого опустошения в монастырях: в начале 30-х годов монастыри были довольно многочисленны, – насчитывали по 20, 40, даже 69 монашествующих. Это объяснялось тем, что указ, как мы видели, не исполнялся. Но 30-е годы оказались очень неблагоприятными для монастырей: численный состав их очень сильно понизился и уже после того монастыри оскудели братией до конца периода. В 50-х годах мы насчитываем в трех монастырях по 2 монаха, в четырех – по 3, в восьми – от 6 до 10 и только в 7-ми более 10 братий. Многочисленными же остались только монастыри донского казачества. В общем в 23 монастырях (считая и Архиерейский Дом) в 50-х годах было от 239 до 230 монахов, т. е. средним числом по 10 братий, считая здесь и настоятелей и вдовых непостриженных священников. Накануне 1764 года дело мало продвинулось вперед. Битюцкий, Лысогорский, Дивногорский монастыри имели по 4 монаха (вместе с настоятелями), Шатрищевский – 5, Елецкий и Коротоякский Вознесенский – по 6, Семилуцкий – 7, Богородицкий Елецкий и Усманский Успенский – по 9. Сравнительно многочисленными оставались опять монастыри донских казаков (Устьмедведицкий – 31, Мигулинский – 34 и Кременский – 33). При этом в Дивногорском монастыре не было служащих иеромонахов, а в Шатрищевском и Коротоякском было только по одному.

При невысоком нравственном уровне и небогатых средствах, монастыри Придонья перестали пользоваться покровительством окрестного населения. Случаи нападений и избиений настоятелей со

стороны обывателей говорит о недостатке к ним уважения. Еще более говорит об этом случай разграбления Битюцкого монастыря.

29 августа 1762 года после обедни в монастырь ворвалась разбойничья партия из 27 верховых и 14 сидевших на 7 телегах. Они были в казацком одеянье, ружьями, копьями, большими ножами, пистолетами, бердышами и саблями. Въехавши в монастырь, они приблизились к казенной келье, где жил казначей иеромонах Митрофан с крестьянином-ключником Григорием. Бесчеловечно избивши их плетью, они связали им руки и ноги и, повесивши на рычаги, «жгли огнем без милосердия мучительно». Этими пытками они вымучили у них 1580 р., собранных прежними настоятелями и бывшим тогда архимандритом Варсонофием (проживавшим в Воронеже) на строение и возобновление монастыря, кроме того серебряную, медную и оловянную посуду и прочее имущество. Не довольствуясь этим, они сбили с церковных дверей замок и, вошедши в церковь и разбивши сундук, взяли сборные от богомольцев 50 р. денег. На произведенный этим нападением и грабежом шум сбежалась братия (иеромонах Феодосий да монахи Никита и Кирион). Разбойники связали им руки и ноги и посадили под караул. Иеромонах Феодосий успел бежать. Монахов же Никиту и Кириона разбойники жгли на огне «и все их келейное иждивение вымучили без остатку, и оставя оных всех едва живых, пограбленные деньги и пожитки взяв с собою, из того монастыря бежали». По дороге они напали на монастырскую слободу Тишанку. Здесь они сожгли два двора, пограбивши из них имущество. Когда же на пожар сбежались другие жители слоб. Тишанки, разбойники бежали, отстреливаясь из ружей, причем нанесли дротиком две тяжелых раны монастырскому труднику Моисееву. Иеромонах Митрофан от истязаний умер 13 сентября, монахи Кирион – 17 и Никита – 19⁴¹¹. От братии остался в живых только бежавший из-под караула иеромонах Феодосий да проживавший в Воронеже архимандрит Варсонофий.

После такого разгрома монастырь оскудел окончательно и средствами, и братией. Поэтому через два года начавшаяся реформа в экономическом строе монастырей повела к закрытию этой обители.

Шатрищевский монастырь незадолго до той же реформы сгорел, сгорела и его деревянная церковь. И хотя потом церковь была выстроена, но подняться из состояния бедности монастырь не мог.

Убожеством отличался и Вознесенский Коротоякский монастырь. В 1763 г. строитель иеромонах Тихон показывал, что монастырь «за

всеконечным убожеством» не имеет средств возобновить свою мельницу, «понеже за тем монастырем крестьян и заводов никаких не имеется, а имеется в оном только один игумен да два монаха, и те пропитание имеют поданием милостыни»⁴¹².

Монастырь Белоколоцкий, восстановленный в 1732 г., не просуществовал и до 1764 г., так как он уже и не упоминается в числе монастырей, подлежащих реформе 1764 г. Также закрылся до реформы монастырь Казанский Коротоякский и Лебедянский девичий.

Ведомость о численном составе монастырей

Убожествомъ отличался и Вознесенскій Коротоякскій монастырь. Въ 1763 г. строитель іеромонахъ Тихонъ показывалъ, что монастырь «за всеконечнымъ убожествомъ» не имѣетъ средствъ возобновить свою мельницу, «понеже за тѣмъ монастыремъ крестьянъ и заводовъ нивакихъ не имѣется, а имѣется во ономъ только одинъ игуменъ да два монаха, и тѣ пропитаніе имѣютъ подаіемъ милостыни» ¹⁾

Монастырь Бѣловолоцкій, возстановленный въ 1732 г., не просуществовалъ и до 1764 г., такъ какъ онъ уже и не упоминается въ числѣ монастырей, подлежащихъ реформѣ 1764 г. Также закрылся до реформы монастырь Казанскій Коротоякскій и Лебедянскій дѣвичій.

Вѣдомость о численномъ составѣ монастырей.

Названіе мона- стырей.	1700 годъ.	1730—1740-е гг.					1750-е гг.					1763 й г.				
		Настоятели.	Іеромонахи.	Іеродиакон.	Монахи.	Бѣльцы.	Настоятели.	Іеромонахи.	Іеродиакон.	Монахи.	Всего.	Настоятели.	Іеромонахи.	Іеродиакон.	Монахи.	Всего.
Ворон. Алексѣевскій	14	1	4	1	1	—	1	3	1	1	6	1	6	1	2	10
Елецкій Троицкій . .	13	1	8	—	1	—	1	2	—	2	5	1	4	1	—	6
Вогородиц. Задонскій	12	1	4	1	6	1	1 ³⁾ 1/4	—	2/3	15/8	1	7	2	5	15	
Успенскій Донецкій .	—	1	4	1	8	1	1	3	—	4	8	1	5	1	4	11
Троицкій Битюцкій .	7	1	1 1/5	—	40/10	1	1 1/2	—	2/—	7/2	1	2	—	1	4	
Троицкій Лысогорскій	5	—	—	—	—	1/—	—	1	2 1/2	4/2	1	3	—	—	4	
Преображ. Толшевскій	15	1	3 1/2	1	13/6	—	1	4	1	6	12	1	2	2	6	11
Преображ. Семилудскій	6	1	3	—	5	—	1	3 1/2	—	2/—	6/3	1	4	—	2	7
Успен. Дивногорскій	15	1	3	1	5	—	1	4	—	4	9	1	—	2	1	4

¹⁾ Архивъ Дивногорскаго м-ря, Указы разныхъ годовъ, Указъ Камеръ Коллегіи 2 окт. 1763 г., № 1572.

^{*)} Дробі означаютъ, что число монаховъ за разные годы столѣтій было неодинаково, равняясь то числителю, то знаменателю.

Преоб. Шатрищевский	9	1	$\frac{3}{2}$	4	6	—	1	1	—	—	2	—	1	4	—	5
Вознесен. Коротоякск.	3	—	—	—	—	—	$\frac{1}{2}$	$\frac{2}{3}$	—	3	$\frac{3}{7}$	—	1	2	3	6
Преобр. Устьмедвѣдц.	—	1	$\frac{3}{2}$	1	$\frac{24}{11}$	—	1	4	1	23	29	1	4	—	27	31
Троицкий Мигулинский	—	1	$\frac{4}{5}$	1	$\frac{64}{22}$	—	1	$\frac{4}{6}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{10}{28}$	$\frac{14}{35}$	1	4	3	26	34
Вознесен. Кременский	—	1	1	—	11	—	1	$\frac{3}{2}$	—	$\frac{14}{20}$	$\frac{17}{22}$	1	4	1	27	33
Воронеж. Покровский	31	1	—	—	18	—	1	—	—	$\frac{18}{11}$	$\frac{18}{12}$	1	—	—	10	11
Богородицкий Елецкий	27	1	—	—	$\frac{19}{24}$	—	1	—	—	$\frac{13}{12}$	$\frac{14}{13}$	1	—	—	8	9
Пятниц. Остроужский	18	1	—	—	14	—	1	—	—	$\frac{10}{5}$	$\frac{11}{6}$	1	—	—	15	16
Казанск. Коротоякский	25	?	?	?	?	$\frac{1}{2}$	—	—	—	3	$\frac{4}{3}$	—	—	—	—	—
Успенский Усманский	17	1	—	—	1	—	1	—	—	$\frac{3}{2}$	$\frac{5}{3}$	1	—	—	8	9
Преобр. Вѣлополоцкий	7	1	2	—	1	$\frac{1}{2}$	—	$\frac{1}{2}$	—	$\frac{1}{2}$	$\frac{3}{2}$	—	—	—	—	—
Казанская пустынь на р. Воронежъ . . .	?	?	?	?	?	?	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{3}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{3}{5}$	$\frac{7}{2}$	—	—	—	—	—
Красног. Вознесенский	?	?	?	?	?	?	—	2	—	7	9	—	—	—	—	—
Вор. Архирейск. Домъ	?	—	—	—	—	—	9	2	11	22	—	—	—	—	—	—

Глава V. Реформа в положении монастырей, произведенная в царствование императрицы Екатерины II (1764–1797)

Содержание. Общий смысл реформы. Ее осуществление в придонских монастырях. Закрытие 17 монастырей, – оценка этого факта. – Положение монастырей заштатных. Их земельные владения и угодья. Их управление. – Монастыри штатные.

Секуляризаторские стремления русского правительства, определенно обнаружившиеся со времени Петра I, продолжались в течение всего XVIII столетия. Они были настолько сильны, что с ними не могли справиться приверженцы старого взгляда на монастыри даже в благоприятные для них моменты. Ни Георгий Дашков с единомышленниками в царствование Петра II, ни Арсений Мациевич в царствование Елизаветы Петровны не могли остановить исторического дела. Сторонники церковной старины и, в частности, старинных монастырских привилегий большие надежды возлагали на набожную императрицу. Но эти надежды были тщетны. Лично имп. Елизавета благоволит монастырям, посещая их для богомолья, но этим и ограничивалась ее традиционная любовь к монашеству. Но в государственном положении монастырей она не только не произвела перемены в старом направлении, а напротив продолжила и возвела в форму законопроекта те планы, какими задавался Петр I: в ее царствование, именно к 1757 г., принципиально был разработан проект отобрания церковных и монастырских вотчин в казну. Петр III только воспользовался этой работой предшественника царствования, объявивши закон об отобрании церковных вотчин. Вступившая на престол путем дворцового переворота императрица Екатерина II, желая привлечь на свою сторону духовенство, обещала отменить этот закон и, действительно, формально отменила его. Но когда миновала нужда в этой тактической уступке, она пошла к той же цели своих предшественников и завершила вековое дело реформой 1764 года. Монастырские вотчины были отобраны в казну; часть монастырей была признана штатными, с небольшим казенным жалованьем на их содержание; другая часть осталась за штатом, т. е. на своем содержании; наконец, беднейшие монастыри, существовавшие кое-как ранее при земельном обеспечении, теперь были закрыты.

Эта весьма крупная реформа до сих пор различно оценивается историками: одни прославляют ее, как прогрессивное дело царицы, усвоившей не только взгляды Петра Великого, но и освободительные стремления своих современников – французских мыслителей, и господствовавшие в Западной Европе идеи просвещенного абсолютизма. Другие, напротив, рассматривают эту реформу, как акт вопиющей несправедливости по отношению к Церкви. Известный протест архиепископа Арсения Мациевича, объявившего реформу актом безбожным, находит до сих пор горячий отклик в сердцах многих церковно-настроенных людей. Но задача историка, прежде всего, рассмотреть и бесстрастно оценить реформу в ее исторической обстановке. Если монашество есть явление жизнеспособное, то оно могло испытать тяжесть реформы, но не могло погибнуть в корне. Все же отжившее в этом институте, державшееся только поддержкою правительственных привилегий, после этого должно было невозвратно погибнуть и действительно погибло. На эту точку зрения мы и становимся в дальнейшем изложении. Основное положение дальнейших глав: реформа 1764 года в придонских монастырях разрушила одно, что давно изветшало и стояло на подпорках, и обнаружило другое, живое и чистое, чего не было видно за изветшавшими постройками. Монастыри закрывались, но монашеские порывы ярко обнаруживались. И то и другое связалось в истории Придонского монашества с именем Святителя Тихона. Скорбя об испытании, постигшем монастыри, он понимал, что истинного монашества это испытание не победит. И в своем лице давши образ истинного подвижничества, он указал монахам и мирянам идеал иноческого жития, непобедимый при всяких внешних испытаниях.

3 апреля 1764 года из коллегии Экономии последовал указ в Воронежскую духовную консисторию, требовавший определить, какие монастыри следует сохранить в Воронежской Епархии за штатом, на своем содержании. 29 апреля Св. Синод определил оставить штатными монастыри – Воронежский Алексеевский Акатов, Троицкий Елецкий, Богородицкий Задонский. Из женских монастырей оставлен один Воронежский Покровский. Затем, по отзыву Воронежской Консистории, оставлены за штатом пять монастырей на своем содержании. Успенский Донецкий, Преображенский Толшевский, Преображенский Семилуцкий, Вознесенский Коротоякский, Успенский Дивногорский. Три монастыря мужских – Троицкий Битюцкий, Троицкий Лысогорский и Преображенский

Шатрищагорский решено «по приличности и по недостатку доходов упразднить и приходскими церквами учинить», а монахов этих монастырей перевести в штатные монастыри Алексеевский и Елецкий, где братии не достаёт 12 человек до штатного положения. Затем женские монастыри Елецкий Богородицкий, Острогжский, Пятницкий и Усманский Успенский также упразднялись, с размещением монахинь по оставшимся в штате монастырям. Три монастыря донских казаков – Троицкий Мигулинский, Преображенский Устьмедведецкий и Вознесенский Кременский – «по их особливому состоянию и от Войска Донского довольствию» – оставлены в прежнем положении, и реформа пока не коснулась их – до 1786 года. В Синодальном указе совсем не упоминаются монастыри Белоколодский мужской и Казанский женский, – знак, что к этому времени они уже прекратили свое существование.

Чтобы судить о том, как осуществлена была реформа в Придонье, приведем список монастырей с указанием их численного состава.

	Названіе монастырей	Архимандриты, игумены-пастыри.	Архимандриты и игумены на общинах.	Казначей.	Иеромонахи.	Неслужащіе іеромонахи.	Іеродиаконы.	Монахи	Итого	Недостають іеромонаховъ.	Недостають іеродиаконовъ.	Недостають монаховъ.	Всего недостають.	Сверхъ штата.
	1764 г.													
I	Штатные	Ворон. Алекс. Акатовъ	1	1	1	4	1	1	2	11	1	4	1	6
		Троицкій Елецкій . . .	1	—	1	3	—	1	—	6	1	1	4	6
		Богородицкій Задонскій	1	—	1	4	—	2	7	15	—	—	—	3
		Ворон. Покров дѣвичій	1	—	—	—	—	12	13	—	—	4	4	—
II.	Сверхштатные	Успен. Предт. Довецкій	1	1	—	6	—	1	4	13	—	—	—	6
		Преображ. Тоашевскій	1	1	—	4	—	2	5	13	—	—	—	6
		Преображ. Семилуцкій	1	—	—	3	—	3	7	—	—	—	—	—
		Вознесен. Коротоякскій	1	—	—	2	—	3	6	—	—	1	1	—
		Успенскій Давыдовскій	1	—	—	2	—	1	3	7	—	—	—	—
III.	Въ Войскѣ Донскомъ	Троицкій Мигулинскій	—	—	—	4	—	3	26	33	—	—	—	—
		Преобр. Устьмедвѣдц.	1	—	—	4	—	1	25	31	—	—	—	—
		Вознесен. Кременскій .	1	—	—	3	—	—	27	31	—	—	—	—
IV.	Назначенные къ упраздненію.	Троицкій Лысогорскій .	1	—	—	2	—	—	3	—	—	—	—	—
		Преобр. Шатрищегорск.	1	—	—	2	—	—	3	—	—	—	—	—
		Троиц. Порайск. Бятюг.	1	—	—	1	—	1	2	5	—	—	—	—
		Преобр. Красногорскій	1	—	—	—	—	—	6	7	—	—	—	—
		Елецкій Богор . . .	1	—	—	—	—	—	23	24	—	—	—	—
		Острог. Пята } дѣ- вичья.	1	—	—	—	—	—	20	21	—	—	—	—
		Усманскій Дѣв. }	1	—	—	—	—	—	8	9	—	—	—	—
V.	Упраздненные до 1764 г.	Коротояк. Казан. дѣв.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		Бѣлоколож. Преобр. муж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		Лебедянскій женскій . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		Всего	20	3	3	44	—	—	258	—	—	—	—	—

Объединенное наследие России

Из приведенного списка видно, что два монастыря — Казанский Коротоякский и Лебедянский женские и Преображенско-Белоколоцкий мужской даже не упоминаются, — знак, что они и без

реформы 1764 года прекратили свое существование. Монастыри – Битюцкий, Шатрищевский и Лысогорский, назначенные к упразднению «по приличности и по недостатку доходов», тоже едва влачили свое существование. Разграбление Битюцкого монастыря в 1762 г. и недостаток братии во всех этих монастырях делал и существование их без внешней поддержки невозможными. В 1764 году сгорел Троицкий Лебедянский монастырь. Сгорело все – и братские кельи, и две церкви (Успенская и Ильинская) с утварью и иконами. Обгорела колокольня, колокола упали и частью разбились, частью растопились, уцелел лишь большой колокол. Удалось спасти наиболее ценные иконы и облачение из Троицкого собора. Когда св. Тихон донес о пожаре в св. Синод, то последовал указ об упразднении Троицкого Лебедянского монастыря⁴¹³. Недостаток средств был причиной закрытия Преображенского Красногорского⁴¹⁴ и Поройского Романовского монастырей.

Женские монастыри были более многочисленны, и с этой стороны существование их было обеспечено. Но средств у них не было. Правда, и до реформы 1764 года они бедствовали. Поэтому реформа у этих монастырей почти ничего не отнимала, и они некоторое время продолжали существовать и после реформы, тем более, что один оставленный в штате Воронежский Покровский монастырь далеко не мог принять в свои стены оставшихся за штатом монахинь других монастырей. Таких монахинь оказалось 60, а в Покровский монастырь можно было принять только 4, недостающих по штату. Св. Тихон, докладывая об этом св. Синоду, согласился впредь до нового синодального разрешения оставить девичьи монастыри «без перевода»⁴¹⁵. Но из св. Синода никакого разъяснения не последовало. Поэтому монастыри эти и оставались несколько лет в неопределенном положении.

Богородицкий Елецкий монастырь содержался «без всякого недостатка от всего гражданства и Елецкого уезду от помещиков и своих трудов». Но 10 апреля 1769 г. в г. Ельце случился большой пожар, истребивший и женский монастырь с церковью и кельями «без остатку», «за каковым несчастным приключением игуменья и монахини переведены в Воронежский Покровский монастырь, находящийся ж во искусе вдовы и девицы разошлись в разные места и в свои дома». На месте монастыря вскоре была построена и освящена церковь, к которой приписан и приход, так что «оное место за тем приходом и дворами к монастырскому строению и житию монашескому усматривается неприлично»⁴¹⁶.

Усманский Успенский монастырь тоже некоторое время продолжал существовать. Из 9 монахинь, бывших в монастыре в 1764 году, четыре «сошли» в Воронежский Покровский монастырь. Но игуменья Ирина с 4 монахинями осталась на месте. Однако бедственное материальное положение вынудило и их расстаться со старым пепелищем «Не имея никакого подаяния, писала игуменья Ирина 9 ноября 1771 года, они в содержании себя претерпевают крайнюю нужду». Да и монастырский священник «по неимению церковных причетников, а особливо за старостью его Божественной службы отправлять не может, почему святая церковь стоит без богослужения». В виду этого преосв. Тихон II 12 июля 1772 года просил св. Синод перевести сестер в Покровский монастырь, а Усманский монастырь упразднить, обративши его церковь в приходскую⁴¹⁷. Сохранившаяся опись монастыря при его упразднении свидетельствует о его бедности. Деревянная церковь, покрытая гонтом, колокола на двух столбах, первый в 3 пуда, второй в 2 и третий в 30 ф., ветхая сосновая ограда и десять келий, крытых соломой, – вот главное монастырское имущество⁴¹⁸.

Но этим еще не закончилась история закрытия монастырей. Из оставленных на своем содержании монастырей Семилуцкий Преображенский указано было закрыть в 1769 г. Но его существование на этот раз отстоял преосв. Тихон II. «В том монастыре, доносил он в 1772 г. св. Синоду, церковь каменная и таковая ж до половины сооруженная колокольня, а настоятельские и братские кельи и ограда деревянная – находятся и поныне в целости и положение монастырскому месту имеет над р. Доном. А к пропитанию своему ежегодно после св. Пасхи на первой надесять недели ярмонку и в Дону рыбные ловли, а по берегу оногo и посеву конопляного семя и капусты немалое число способной земли и при самом монастыре сад и лес»⁴¹⁹. Но недолго просуществовал монастырь после этого⁴²⁰. Преосв. Тихон III писал о нем 28 апреля 1781 года: «Состоящий в епархии моей заштатный Семилуцкий монастырь по мнению моему следует к упразднению. Ибо, – 1-е, доходов никаких не имеет – 2-е, земель и угодий при нем по бывшему межеванию ничего не оказалось – 3-е, прежнее строение в нем в 1774 г. сгорело, а ныне состоит в одной избе и одних настоятельских покаях, которые весьма бедны, и потому 4-е, никто в нем жить, а паче монашество принять не желает, и остался один строитель, который, не имеет там пристанища, живет в моем доме. Церковь в показанном монастыре каменного здания; но она пуста

быть не может, ибо прежде еще монастыря (?) состояла и ныне состоит приходом к ней слобода, называемая Семилуцкою, в которой считается 82 двора, и имеет священника с причетниками». Вследствие этого доклада св. Синод 19 мая 1781 года постановил упразднить Семилуцкий монастырь⁴²¹, только засвидетельствовавши этим уже совершившийся факт закрытия монастыря.

На те же годы падает оскудение и совершенный упадок Троицкого Елецкого монастыря: стены храмов его растрескались и грозили падением, деревянные здания обветшали, а исправить их было нечем. Поэтому и Елецкий монастырь был закрыт. А так как еще св. Тихон ходатайствовал о восстановлении Троицкого Лебедянского монастыря, на место предполагаемого к упразднению Семилуцкого, который на самом деле тогда не был упразднен, то теперь и решено было восстановить Лебедянский монастырь, переведши в него братию из Елецкого монастыря. Но дабы в штатах перемен не было, писать и именовать не тем званием, коим доньше именуется, но каким прежний монастырь в штате напечатан, т. е. Елецким, а не Лебедянским монастырем»⁴²². Этот переход монастыря с одного места на другое совершился в 1776 году. Иконостас из обветшавшей Троицкой церкви велено было взять частью в Христорождественскую Елецкую церковь, частью в соборную Вознесенскую⁴²³. Перешедшему в Лебедянь игумену Клименту пришлось занять ветхие постройки. А так как достаточных средств содержания не было, то монастырь и на новом месте испытывал крайние неудобства. К тому же он был малолюднен, не насчитывал штатного числа своей братии – 12 человек⁴²⁴.

Реформа 1764 г. на первых порах не коснулась малороссийских монастырей. И так как к ним пр. Тихон II причислил Дивногорский и Острогжский Пятницкий монастыри, то и они были временно оставлены в прежнем положении⁴²⁵. Но с конца 70-х годов XVIII в. возникает вопрос и об этих монастырях. 27 сентября 1779 года св. Синод потребовал от пр. Тихона III подробных сведений о донских монастырях и затем, когда доставление этих сведений замедлилось, 14 августа 1780 г. прислал подтверждающий указ. Исторические сведения о монастырях вместе с перечислением владений и доходов и жалованными грамотами были посланы в св. Синод 19 сентября 1780 г. Впрочем, эти сведения теперь потребовались для упорядочения монастырской экономики и установления более нормальных отношений к донскому казачеству (о чем речь была выше). Но одновременно готовилась и общая реформа в

положении малороссийских монастырей 25 апреля 1786 г. последовал Именной указ о обращении малороссийских монастырей в приходские церкви. 7 июля 1788 г. Воронежская духовная консистория сообщила о приведении в исполнение этого указа, т. е. об упразднении пяти монастырей: Дивногорского, Острогожского, Пятницкого, Кременского, Мигулинского и Устьмедведицкого, незадолго перед тем преобразованного в женский монастырь⁴²⁶. При этом потребовалось разместить монашествующих по другим монастырям епархии. Их было 58 человек (1 игумен, 16 иеромонахов и иеродиаконов, 30 монахов, 1 игуменья 10 монахинь). Но в штатные монастыри можно было разместить только 6 монахов и 11 монахинь. Остальные 36 монахов были размещены в заштатные монастыри: 16 монахов – в Успенский Донецкий, 10 в Толшевский и 9 – в Коротоякский⁴²⁷. О монахинях Устьмедведицкого монастыря никакого распоряжения на этот раз сделано не было. Как увидим ниже, они остались на месте и впоследствии добились восстановления обители.

Таким образом, реформа 1764 года привела к закрытию 14 придонских монастырей. Кроме того, ко времени этой реформы уже закрылись сами собой три монастыря. Из 24 монастырей закрыто и закрылось – 17 это весьма внушительный процент. Но только что изложенные обстоятельства, сопутствовавшие закрытию монастырей, вместе с данными об их состоянии, приведенными в предшествующей главе, свидетельствуют, что для большинства закрытых монастырей реформа 1764 года не была какою-то жестокостью или несправедливостью, она поставила лишь крест над тем, что и без нее доживало свои последние дни. Из 17 закрытых монастырей имели право на существование женские монастыри и монастыри донского казачества, они были многолюдны, следовательно в них была нужда.

Не признавая рокового значения для многих монастырей за реформой 1764 года, мы должны отметить, что в Придоньи эта реформа в общем была излишня. Цель ее – не столько идейная борьба с институтом монашества, сколько утилитарный расчет – приобрести в казну монастырские вотчины, т. е. земли, населенные крестьянами. По расчету, сделанному накануне реформы, одного ежегодного денежного оброка с монастырских крестьян (считая по 1 р. 50 к. с человека) должно было составиться более 1360000 р., т. е. на наши деньги около 10000000 р. Но с этой точки зрения большинство закрытых придонских монастырей совсем не

представляли интереса для правительства, так как у них не было вотчин, – таковы были монастыри: Лысогорский, Шатрищевский, Богородицкий Елецкий, Острогжский Пятницкий, Усманский Успенский. Эти монастыри не было цели закрывать административно, в виду безразличия их для правительства, а следовало бы предоставить им полное право существовать на свои средства, или закрываться. Вероятно, результат был бы тот же – монастыри закрылись бы, – но их братия и население не чувствовали бы насилия в этом деле со стороны власти.

Большой смысл для правительства имело закрытие монастырей Битюцкого с вотчиной сл. Старо Тишанкой, Троицкого Лебедянского с вотчинными крестьянами в разных деревнях, Успенского Дивногорского с вотчиной сл. Селявной, 3 монастырей донских казаков с их вотчинами, Покровского с вотчиной на р. Хворостани. Обширные земельные участки и значительные поселения монастырских крестьян составляли известную статью дохода, которым государство теперь могло бы воспользоваться для целей общегосударственных. 900 крестьян Лебедянского монастыря, около 500 – Дивногорского, около 400 – Устьмедведицкого, около 100 – Кременского и др. составляли и для правительства известную ценность.

Помимо фискальных целей, реформа, по-видимому, преследовала цели просветительно-благотворительные. Закрывая монастыри, она обращала их в приходские церкви, школы и богадельни. Но из перечисленных закрытых придонских монастырей ни один не был обращен ни в школу, ни в богадельню. В приходскую церковь обращены Дивногорский, Успенский Усманский и Острогжский Пятницкий монастыри. Но первый и без того служил приходскою церковью для своих же крестьян. Монастыри же Битюцкий, расположенный в глухом лесу, Лысогорский, Шатрищевский – среди безлюдных гор, Лебедянский и Богородицкий Елецкий, только что сгоревшие, – оказались непригодными для этой цели. Негодились для приходских храмов и монастыри донских казаков.

Перейдем теперь к монастырям сверхштатным. Из пяти таких монастырей, оставленных в 1764 году, Дивногорский в 1788 году был упразднен, как малороссийский, а Семилуцкий закрылся сам собою в 1781 году. Остались только три монастыря: Троицкий Елецкий, перешедший в Лебедянский, Успенский Донецкий и Толшевский. Вотчина Елецкого монастыря была без труда передана в Коллегию Экономии. А так как и самый Елецкий монастырь вскоре был

переведен в Лебедян, то эта передача вотчины в казну обошлась без дальнейших осложнений.

Труднее было отказаться от вотчин Донецкому монастырю. Деревни Мостки и Боровенки Бахмуцкой провинции, Титова и Орловка Рязанского уезда, лежавшие вдали от монастыря, отошли в казну без видимых последствий. Гораздо труднее было монастырю отказаться от соседней вотчины. Но пришлось покориться факту. Впрочем, монастырю оставлено 30 д. пахотной земли за Сухим Донцом, сенокос по р. Дону на 40 стогов, два сенокосных луга, луг на выгон скота за Сухим Донцом, два рыбных озера – Матюшино и Кривое (с уплатою 3 р. ежегодного оброка), лес близ озер⁴²⁸. На отчужденную монастырскую землю были переселены крестьяне из Боровского и др. подмосковных сел, занявшие Сухой Донец⁴²⁹. Заготовленный хлеб (454 копны) был оставлен за монастырем⁴³⁰. Но отобран был конский завод, а потом и мельница⁴³¹.

Такие участки угодий, конечно, были слишком незначительны сравнительно с прежним количеством земли (50 в. длины×20 в. ширины). Неудивительно, что монастырь с трудом свыкался с мыслью об отчуждении его земли и питал недоброжелательные чувства к поселившимся рядом с ним крестьянам. Вражда эта обнаружилась в 1775 г., когда дер. Монастырщину и С. Донец посетил Воронежский казначей секунд-майор Нелюбов. Крестьяне «приносили ему жалобу с великим воплем о запрещении и помиловании от строителя Донецкого монастыря Феофана, который вырубал лес из отведенной им рощи, брал с них за погребение в монастыре по 10 р., – иначе не допускал их к погребению в монастыре, бил крестьян и т. д.»⁴³² Враждебные отношения между монастырем и окружившими его слободами упрочились и на последующее время.

Затруднение произошло и в определении имущественных прав заштатного Толшевского монастыря. Монастырь не имел вотчины. Но по временам за монастырем числилось по несколько душ, за которых монастырь платил подушные деньги. В год секуляризации за монастырем числилось пять душ из церковников, хотя из них двое умерли и трое бежали еще в 1762 г.. В виду этого игумен Серафим просил оставить монастырь в прежнем имущественном положении, утвердивши за ним землю, согласно жалованным грамотам Петра I⁴³³. Однако такого утверждения не последовало, почему монастырская земля и была одно время занята поселением «экономических крестьян» переведенных в 1789 году в Богучарскую

округу⁴³⁴. Вопрос же о земельных правах оставался не решенным до 1792 года, когда Пензенская Межевая Канцелярия утвердила план монастырских владений, согласно жалованной грамоте 202 года⁴³⁵. При таком неопределенном положении, окрестные помещики и крестьяне продолжали пользоваться угодьями монастыря, особенно лесом. Так, вскоре после утверждения плана на землю, жители Большой Приваловки произвели порубку на 700 р. Следствие по этому делу кончилось только тем, что жители Б. Приваловки и других смежных селений были обязаны подпиской на будущее время не расхищать монастырского леса. Однако порубки продолжались. 19 января 1798 г. ночью жители той же Приваловки, около 50 человек, произвели новую крупную порубку. Монахи слышали стук топоров, но побоялись выйти на защиту своего леса. Вместо того они стали бить в набат, желая этой тревогой вызвать к монастырю население других окрестных сел. Действительно, с соседнего винокуренного завода г.-м. А. А. Халютин прислал своих людей узнать в чем дело, и оказать помощь в случае нужды. Среди Приваловских хищников произошел переполох: одни из них поспешили из лесу с наваленными бревнами, а другие побросали лес с саней. Поймать их не удалось вследствие ночной темноты. Опять следствие было безрезультатно, и опять порубки продолжались. Монастырь ходатайствовал чтобы на будущее время начальство обязало однодворцев с. Малой Приваловки приезжать в монастырь в ночное время на набат для защиты монастыря от подобных нападений. Но о результатах этой просьбы мы не нашли сведений⁴³⁶.

Вознесенский Коротоякский монастырь, не имевший вотчины, сохранил за собою земельные владения и мельницу на р. Девице – в 20 верстах от монастыря, пожалованную в 194 году. В 1778 г. за монастырем была закреплена земля в количестве 265 десятин в двух верстах от монастыря и сенокос за р. Доном – в 6 верстах от монастыря⁴³⁷; кроме того, монастырь получал доходы – от добровольных пожертвований и вкладов за погребение, от часовни в г. Острогжске, от Девицкой мельницы, от паромы на Дону и от подмонастырских лавок.

Уже из перечисленных владений, оставшихся за заштатными монастырями после реформы 764 г., видно, что они могли содержаться, тем более что теперь точно был определен их численный состав – из 7 братий вместе с настоятелем. И впоследствии мы находим подтверждение этому, как в показаниях

настоятелей этих монастырей, так и в резолюциях Воронежских епископов.

Но монастырям не доставало главного – монахов и иногда соответственных своему званию настоятелей. В Донецком монастыре современником реформы был архим. Корнилий, в схиме Кирилл († 3 сент. 1774 г.). Его преемники: строитель иеромонах Феофан (до 23 окт. 1775 г.), Пахомий (до 13 ноября 1779 г.), Варлаам (до 23 марта 1781 г.), Транквиллин (до 11 января 1783 г.) были люди нетрезвые, почему не могли долго управлять монастырем. Так строитель Феофан, на которого жаловались крестьяне, в нетрезвом виде производил по ночам стрельбу из пушки и из ружей⁴³⁸. Назначенный после него архим. Варсонофий, бывший ранее настоятелем Мигулинского монастыря, скоро умер († 16 янв. 1777 г.), быть может, отчасти от побоев епитимийных священников Карпа и Ивана, оставивших его в крови и едва живого⁴³⁹. Назначенный же ему в сотрудники иеромонах Пахомий⁴⁴⁰ был человек нетрезвый. При нем монастырь совсем запустел. «Ныне, писал строитель в 1777 г., кроме одного монаха, монашествующих и послушников никого не имеется, по каковому малолюдству монастырь приходит в крайнее оскудение; имеющееся в том монастыре монастырское имущество остается без надлежащего присмотра. А как во оном монастыре имеется серебряная, оловянная и медная посуда, то дабы за показанным малолюдством и она не была похищена воровскими людьми, имею крайнее опасение, – того ради Ваше Преосвященство всепокорнейше прошу во оной монастырь монашествующих подлежащее число определить». Преосвященный Тихон III писал 13 ноября 1779 г.: «видно, что монастырь Донецкий при хозяйстве содержаться может неоскудно; и по собственному моему усмотрению церковь в нем и строение исправно; а только недостает хозяина и монашествующих. Сего ради определить в оный монастырь строителем Елецкого монастыря казначея иеромонаха Варлаама; Пахомий будет иеромонахом, прочее братство по штату положенное набрать из других монастырей»⁴⁴¹. При таких настоятелях богатая монастырская ризница была излишня. Поэтому в 1776 году была взята в Архиерейский дом архимандричья ризница⁴⁴², а в 1779 г. – туда же взяты под сохранение вещи, перенесенные из Азовского монастыря и другие ценные предметы, Так как по неимению послушников и порядочной ограды признано было опасным держать эти вещи в монастыре⁴⁴³. 23 марта 1781 года строителем монастыря был определен иеромонах Транквиллин из учителей духовной

семинарии. Преосв. Тихон III задумал таким путем завести в Донецком монастыре малую семинарию. Но выбор настоятеля, заведомо нетрезвого человека, был очень неудачен. Кроме того, что такой учитель не мог хорошо поставить учебное дело, при нем продолжалось расстройство монастыря, а братия находила уважительную причину для своих жалоб против нового начальника. Поэтому Транквиллина пришлось скоро убрать из Донецкого монастыря – сначала определив его в семинарию, а потом на послушание в Лебедянский монастырь⁴⁴⁴. Преемник его Варлаам, человек больной, жаловался пр. Тихону III, что некому смотреть за монастырем. «Чтобы монастырь не запустел, писал 11 января 1783 г. пр. Тихон III, определить туда начальником семинарии нашей философии учителя иеромонаха Палладия. Как же нужен здесь для семинарии о. Палладий по врученной ему должности, то консистория имеет его по возможности снабдить помощником, монашествующими, а паче наставлениями, как храмину почти рассыпавшуюся восстановить». Помощником иер. Палладию был определен иеродиакон Задонского монастыря Аркадий. Палладий, именовавший себя не настоятелем и не строителем, а «начальником» монастыря, 6 мая 1784 г. умер от чахотки⁴⁴⁵. Назначенный на его место игумен Иоасаф управлял сравнительно долго, но бесхозяйственность при постройке монастырской ограды кончилась для него увольнением от должности и определением в Толшевский монастырь († 1793). Последним за рассматриваемое время настоятелем был Аркадий из казначеев Задонского монастыря управляющий до 1799 года.

Таким образом, на протяжении четверти века было восемь настоятелей, по большей части очень неудачных. Братии почти не было, и монастырь, по выражению преосвященного Тихона III, представлял «храмину почти рассыпавшуюся».

В лучшем положении находился Толшевский монастырь. Здесь не было такой смены настоятелей, как в Донецком монастыре, и сами настоятели были более высоких нравственных качеств. Но близость монастыря к архиерейской кафедре сделала его фактически приписным к Архиерейскому Дому: должность настоятеля обычно соединялась с должностью эконома Архиерейского Дома. Это отвлекало внимание настоятеля от монастыря и приводило к упущениям в его управлении. Строитель числится настоятелем монастыря, но живет и отдает свои силы Архиерейскому Дому.

После удаления известного нам игумена Серафима, настоятелем был определен иером. Иерофей – экономом Архиерейского Дома. За монастырем он следил издали, получая часть его доходов и нося почетное звание строителя. Действительное управление монастырем принадлежит казначею, который обращается к настоятелю только в важных случаях. Монастырская братия тоже мало знает своего строителя, и только в случаях притеснений и злоупотреблений со стороны казначея жалуется на него строителю. Такой порядок дела был особенно неудобен при неудачном выборе казначея. Строитель иером. Иерофей, утвержденный в должности только 2 февраля 1776 г., в том же месяце был переведен на такую же должность в Семилуцкий монастырь⁴⁴⁶. А на его место определен строитель Коротоякского монастыря иером. Иоасаф, с совмещением должности эконома Архиерейского Дома. Он и проживал в Архиерейском Доме. «За много понесенные им в морском флоте и при Доме Его Преосвященства труды» он 4 декабря 1780 г. награжден саном игумена. Но в монастыре при нем обнаружилось воровство, раздоры между братией и казначеем Феофаном. Братия жаловалась, что казначей производит шум в церкви, бросает и похуляет книги, как неправильные, а сам правит службу не по уставу⁴⁴⁷. Это обстоятельство – жалоба монахов на поругание казначеем церковных старопечатных книг наводит на мысль, что монахи держались церковной старинки, быть может, утвердившийся, при игумене Серафиме, которой не хотел знать казначей. Игумен поверил казначею, который и остался на должности. 80 декабря 1786 г. пр. Тихон III, воздавши честь игумену Иоасафу за его одиннадцатилетние труды по Архиерейскому Дому, признал, что «старость сего отца эконома требует доставить ему и спокойствие, и пропитание достаточное по его смерти, уволив от должности Дома Архиерейского эконома», почему он был переведен в настоятели Донецкого монастыря⁴⁴⁸. Эта резолюция делает очевидным: 1) что Толшевское настоятельство было второстепенным делом для игумена, 2) настоятельство без совмещения другой должности давалось игумену на старости лет для его успокоения, когда он уже не в силах был выдерживать настоящую работу; но 3) для такого настоятельства – покойного и обеспеченного – Толшевский монастырь признавался неудобным, – даже Донецкий монастырь, при всем его не благоустройстве, признан был на этот раз удобнее Толшевского.

Приемником Иоасафа 14 апреля 1787 г. был иеромонах Гervasий, из учителей духовной семинарии (в мире Егор Патрицкий)⁴⁴⁹; но он умер через 4 месяца.

7 сентября 1787 г. Преосв. Тихон III писал: «поелику в Преображенском Толшевском монастыре настоятеля теперь не имеется, то я беру его на свое попечение»⁴⁵⁰.

В этой резолюции сказывается та же близость монастыря к Архиерейскому Дому, причем фактически монастырь оставался без настоятеля. Это настоятельство Преосв. Тихона III продолжалось до назначения сюда строителя Коротоякского монастыря иеромонаха Тимофея Самбикина, и опять с совмещением должности эконома Архиерейского Дома. Теперь отношения настоятеля к монастырю и порядки монастырского управления были определены особой инструкцией, данной иером. Тимофеем казначею иеромонаху Аркадию⁴⁵¹. Но уже в след. году 4 октября иеромонах Тимофей был определен настоятелем Задонского монастыря, а на его место был определен 2 января 1790 г. иеромонах Тихон, о котором речь будет ниже. Последним строителем за рассматриваемое время был иеромонах Иосиф, определенный 2 мая 1793 г.⁴⁵², – настоятельство в Толшах дано ему в виде награды за казначейство в Архиерейском Доме⁴⁵³.

В Коротоякском Вознесенском монастыре за рассматриваемое время (1764–1797) насчитываем 10 настоятелей⁴⁵⁴. Таким образом и здесь не было постоянных хозяев монастыря, настоятельство не по избранию братии, а по назначению из Воронежа, и здесь сделалось случайным, переходным служением. И хотя Коротоякский монастырь не обнаруживал стольких нестроений и неудобств, как Толшевский и особенно Донецкий, но благоустройства достигнуть не мог. В 1764 г. монастырские здания были возобновлены игуменом Протасием на доброхотные подаяния; затем над исправлением монастырских зданий трудились – строитель Тимофей Самбикин и игумен Иов, переведенный сюда после закрытия Дивногорского монастыря. К началу следующего столетия в монастыре обнаружилось великое неустройство: на церкви и на всех без изъятия кельях и прочем монастырском строении крыши были столь ветхи, что от малых дождей не могли быть защитой, а потому «кельи к житию их совсем неспособны и близки к совершенному разрушению, равно и колокольня к падению близка». Церковь тоже нуждалась в переустройстве.

Архиерейский Дом и лучшие монастыри епархии – Елецкий Троицкий, Задонский Богородицкий, Воронежский Алексеевский и Воронежский Покровский девичий, лишившись своих вотчин, положены были в штат, т. е. стали получать казенную субсидию на свое содержание. Все архиерейские дома и монастыри России были разделены на три класса. В первом классе было 16 монастырей, получавших по 2017 р. 50 к. в год. Во втором классе было 41 монастырей, получавших по 1311 руб. 90 коп. В третьем классе было 100 монастырей, получавших по 806 руб. 30 коп. Женские монастыри первого класса (4) получали от 1506 р. 38 к. до 2009 р. 80 к.; второго (18 м.) по 475 р. 80 к., и третьего (45 м.) по 375 р. 60 к. Из Придонских монастырей, вошедших в штат, только Акатово-Алексеевский положен был во втором классе, остальные три – в третьем классе. Кроме казенного жалованья, за штатными монастырями оставлена часть земли для огородов, садов и выгонов.

Наконец, для черных работ в штатных монастырях оставлены были служители из крепостных крестьян, получивших теперь название экономических. Но так как на первых же порах обнаружились неудобства такой натуральной повинности и с обеих сторон (от монастырей и крестьян) начались жалобы, то правительство 17 января 1768 года отменило этот порядок, разрешивши монастырям наем служителей и из экономических, и из вольных крестьян, ассигновавши на этот предмет добавочную к казенному жалованью сумму.

По Воронежской Епархии эта добавочная сумма распределилась следующим образом⁴⁵⁵.

По Воронежской Епархіи эта добавочная сумма распредѣлилась слѣдующимъ образомъ ¹⁾.

Росписаніе и производство по Воронежской Епархіи при Архіерейскомъ Домѣ и монастыряхъ штатнымъ служителямъ прибавочнаго жалованья.					
Названіе монастырей.	Число служителей	Годоваго жалованья			
		Каждому.		Всѣмъ.	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Воронежскій Архіерейскій Домъ . .	44	5	21 ¹ / ₄	229	35
Алексѣевскій Акатовъ монастырь . .	17	5	21 ¹ / ₄	88	61 ¹ / ₄
Богородицкій Задонскій монастырь .	9	5	21 ¹ / ₄	46	91 ¹ / ₄
Троицкій Елецкій монастырь	9	5	21 ¹ / ₄	46	91 ¹ / ₄
Покровскій дѣвичій монастырь . . .	3	5	21 ¹ / ₄	15	63 ³ / ₄
В с е г о	82	—	—	427	42 ¹ / ₄

При такихъ экономическихъ условіяхъ, штатные монастыри могли бы скромно существовать, еслибы къ 1764 г. ихъ постройки были благоустроенными. Но этого на самомъ дѣлѣ не было. Такъ Троицкій Елецкій монастырь располагалъ въ 1764 г. ветхими постройками; за недостаткомъ средствъ ихъ нельзя было починить, и потому къ 70-мъ годамъ монастырь пришелъ въ упадокъ. Этимъ и было предпрѣшено фактическое упраздненіе монастыря и переходъ его братіи въ зданія ранѣе упраздненнаго Троицкаго Лебедянскаго монастыря.

¹⁾ Архивъ Воронеж, Дух. Консист. Указы Св. Синода 1768 г., № 22.

При такихъ экономическихъ условиях, штатные монастыри могли бы скромно существовать, если бы к 1764 г. их постройки были благоустроенными. Но этого на самом деле не было. Так Троицкий Елецкий монастырь располагал в 1764 г. ветхими постройками; за недостатком средств их нельзя было починить, и потому к 70-м

годам монастырь пришел в упадок. Этим и было предрешиено фактическое упразднение монастыря и переход его братии в здания ранее упраздненного Троицкого Лебединского монастыря.

Большие затруднения с ремонтом своих церквей и других построек испытывал Акатов Алексеевский монастырь.

Что касается состояния братии штатных монастырей, то оно было более благоустроенное, чем в монастырях сверхштатных. Сюда назначались лучшие настоятели, а отсюда убирались худшие на настоятельские места в заштатные монастыри. Престарелые и, след., неспособные к управлению настоятели увольнялись от должности с пенсией, почему не было нужды терпеть их на местах только ради пропитания. Штатное число монахов тоже обеспечивалось казенным жалованьем, и естественно, что здесь не было такой нужды в монашествующих, как в монастырях заштатных. Наконец, здесь не было эпитимийцев, которые составляли язву заштатных монастырей.

Но присутствие настоятелей в консистории, назначение их из других монастырей и Архиерейского Дома сопровождалось такими же нежелательными явлениями, как и в сверхштатных монастырях. Поэтому такие архипастыри-подвижники, как Святитель Тихон, были недовольны внутренним состоянием монастырей, и прежде всего их настоятелей. Он увольняет от должности и подвергает судебной ответственности Задонского архимандрита Гавриила Спичинского (1764 г.), бывшего Битюцкого архимандрита Варсонофия (1767), Воронежского Акатова (прежде Задонского) Засиму (1767), Дивногорского Феодосия (1767), еще до поступления на кафедру св. Тихона отстраняется от должности Акатовский архимандрит Сампсон. Затем из последующих настоятелей после св. Тихона, мы не встречаем уже таких неисправных делателей. Но и выдающихся администраторов или хозяев монастыря тоже не наблюдаем.

При таких настоятелях, и общий уровень монашеской жизни был по-прежнему невысок, хотя таких вопиющих беспорядков, какие наблюдались в заштатных монастырях, здесь не было.

Численный состав монастырей за рассматриваемое время можно видеть из следующей ведомости 1780 г. ⁴⁵⁶(когда еще не были упразднены малороссийские монастыри).

Название монастырей ¹⁾ .	Архимандритовъ.	Игуменовъ.	Строителей.	Намѣстниковъ.	Экономовъ.	Казначеевъ.	Гермоновъ.	Геродионовъ.	Монаховъ.	Итого
Штатные.										
Архирейскій домъ . . .	—	—	—	—	1/1	1/—	3/—	2/2	2 —	9 2
Акатовъ Алексѣевскій .	1/1	—	—	—	—	1/1	4/7	4/2	3/4	17/16
Задонскій Троицкій . .	—	1/1	—	—	—	1/—	4/4	2/2	4/3	12/12
Елецкій Троицкій (Лебедевскій)	—	1/1	—	—	—	1/1	4/4	2/2	4/4	12/12
Сверхштатные										
Донецкій Успенскій . .	—	—	1/1	—	—	—	—/3	—	4/—	7/4
Толшевскій Преображ.	—	—/1	1/—	—	—	—	—/1	—/3	6/1	7/8
Коротоякскій Вознесен.	—	—	1/1	—	—	—	—/3	—/1	6/—	7/3
Семилуцкій Преображ .	—	—	1/1	—	—	—	—/3	—/1	6/—	7/5
Малороссійское										
Дивногорскій Успенскій	—	—/1	—	—	—	—/1	—/2	—	—	—/3
Мигулинскій Троицкій .	—	—/1	—	—	—	—	—/6	—/1	—/4	—/12
Устьмедвѣдичскій Преобр.	—	—/1	—	—	—	—	—/1	—	—/19	—/21
Кременскій Вознесенск.	—	—	—	—	—	—	—/1	—/1	—/9	1/11
Женские.										
Воронежскій Покровскій	—	1/1	—	—	—	1/1	—	—	15/12	17/14
Пятницкій Острогоскій	—	—/1	—	—	—	—/1	—	—	—/8	—/10
Итого по штату .	1	3	4	—	1	5	17	10	54	95
На лицо состоятъ .	1	8	3	—	1	5	35	16	66	145

Изъ приведеннаго обзора видно, что число монастырей послѣ реформы 1764 года до 1797 года сократилось съ 18 до 7, а число братіи съ 250—300 до 88—64. Такое сокращеніе составляетъ, конечно, очень крупный минусъ въ

¹⁾ Первая цифра означаетъ число монаховъ по штату, вторая — число монаховъ, состоящихъ на лицо.

Из приведенного обзора видно, что число монастырей после реформы 1764 года до 1797 года сократилось с 18 до 7, а число братии с 250–300 до 88–64. Такое сокращение составляет, конечно, очень крупный минус в положении монастырей. Что касается

внутреннего состояния монашества, то приведенный обзор не сообщил чего-нибудь нового сравнительно с первой половиной столетия. Но мы намеренно не касались в этом обзоре подвижнической деятельности Святителя Тихона, составляющей светлую страницу не только в истории донского монашества, но и в истории всего русского монашества. Труды Святителя Тихона Задонского составят предмет следующей главы.

Секуляризация церковных имуществ, подорвавшая или ослабившая имущественное благосостояние монастырей, оценивается многими исследователями отрицательно, как попрание права собственности, и особенно вследствие нерационального употребления отобранных монастырских владений. В нашу задачу не входит давать общую оценку этой реформе. Но мы должны ответить на вопрос, был ли рационален этот акт относительно придонских монастырей. Для современников-монахов он был, конечно, очень чувствителен; но историческая оценка, чуждая субъективизма, должна бы признать за этим актом положительный смысл, если бы, отобравши земельные владения, правительство не посягнуло на самое существование некоторых монастырей, а обеспечило дальнейшее существование всех их, а не одних только штатных. При отсутствии такого обеспечения, оценка реформы может быть только наполовину положительной, именно в признании неудобства, даже вреда монастырского вотчинного владения и пользы дарований монастырских вотчин хлебопашцам. Мы видели, что донские монастыри, в большинстве своем, не развили земледельческой культуры, а только пользовались натуральными повинностями со своих крестьян. Большая часть монастырской земли продолжала пустовать, причиняя огорчения братии, вследствие посягательств на нее соседних владельцев и крестьян. Отбравши эти земли, правительство предоставило их во владение не крупным помещикам, как в вотчинах центральной России, – а главным образом крестьянству же, местному или пришлому. Реформа 1764 года поэтому была крупным фактором в истории колонизации края. Прежние монастырские крестьяне, получившие название экономических, становятся наряду с государственными свободными крестьянами, а их слободы – крупными поселениями. Таковы – Тешевка (при Задонском монастыре), в 1779 г. переименованная в город Задонск; Карачун и Кривоборье (вотчина Архиерейского Дома); Монастырщина и Острожка (вотчина Алексеевского монастыря);

Боршово, Покровское, Копанище (вотчины Архиерейского Дома); Селявное (вотчина Дивногорского монастыря); Старая Тишанка (Битюцкого монастыря); Старая Хворостань (Покровского монастыря).

Но еще важнее – это колонизация пустовавших монастырских земель.

На землях Битюцкого монастыря поселились жители с. Верхней Тишанки, одной из богатейших сел Бобровского уезда. На вотчине Покровского монастыря – р. Хворостани, до 1764 г. заселенной только при ее устье, вскоре после 1764 г. появилась целая сеть поселений. Сюда перешли крестьяне из центральных уездов, сохранившие здесь имя своего старого поселения: так образовались села – Данково, Коломенское, Каширское, Верейское, Московское, Мосальское, Можайское. Плодородная почва дала здесь пропитание всем этим колонистам, образовавшим до 30 сел и деревень на протяжении 50 верст. Далее к югу останавливает на себе внимание Белозатонский Юрт – вотчина Алексеевского монастыря. Мы уже видели, что еще ранее 1764 года ее захватили переселенцы из Елецкого и Битюцкого уездов. После 1764 г. этот захват узаконился и местность от речки Казинки до р. Гнилуши заселилась большими селами, из которых особенно выделяются Верхний и Нижний Мамоны. Наконец, на вотчине Донецкого монастыря, кроме монастырской вотчины Монастырщины поселились новые жители, переведенные сюда из центральных уездов. Так образовались слободы – Сухой Донец, Абрасимовка и Дедовка.

Это возникновение новых слобод на бывших монастырских землях, ранее пустовавших, есть факт, свидетельствующий о том, что секуляризация имела и свои положительные последствия для истории края.

Колонизация монастырских вотчин пошла очень быстро. Уже в течение первого десятилетия после 1764 г. пустовавшие земли монастырей Придонья покрылись слободами. Замечательно, что на эти земли переводились экономические крестьяне, т. е. бывшие крепостные центральных монастырей. Точные хронологические и статистические данные в настоящее время установлены относительно колонизации р. Хворостани. Здесь до реформы 1764 г. проживало (в с. Старой Хворостани) около 200 д. м. п.⁴⁵⁷ – на 86031 десят. земли. После 1764 г. до 1778 г. здесь возникло 35 сел и деревень; из них в 8 селах уже были устроены храмы. Население этих сел быстро растет не только путем естественного прироста, но и

путем продолжающегося переселения сюда из центра. Так образовались – с. Боево из крестьян Свинского Новопечерского монастыря, Левая Россошь – из крестьян Троицкого Лебедянского монастыря и Синодальных вотчин, Сухая Хворостань из крестьян Рождественского и Вознесенского девичьих монастырей, Данково из крестьян Тульского Ивановского монастыря; Дмитриевское из крестьян Пафнутиева Боровского монастыря, Тресоруково из крестьян Троицкого-Сергиева монастыря⁴⁵⁸.

Глава VI. Святитель Тихон Задонский и его подвиги

Содержание. Детство и юность Св. Тихона. Аскетическая настроенность и духовное созерцание. Служение Св. Тихона в должности учителя, ректора семинарии и настоятеля монастыря. Епископское служение Св. Тихона. Религиозно-нравственное состояние Воронежской паствы. Высокий взгляд Святителя на жизнь и строгие требования к себе и пасомым. Распоряжения Святителя, направленные к упорядочению церковной жизни, и равнодушие к ним духовенства. Заботы Святителя о просвещении духовенства, и постигшие его неудачи. Обличения нравственных нестроений паствы. Распоряжения, направленные к упорядочению строя монастырей. Общий обличительный тон поучений и распоряжений Святителя. Неудовлетворенность его епархиальной деятельностью. Болезнь Святителя и удаление на покой. – Жизнь на покое в Толшевском и Задонском монастырях. Аскетические подвиги и постоянное молитвенное настроение. Духовные созерцания и духовная радость. Кротость и снисхождение к ближним – начало нового периода общественной деятельности. Нравоучительные сочинения Святителя. Любовь к заблуждающимся в вере. Отношение к крестьянам и помещикам. Любовь к детям. Благотворительность Святителя.

Монастыри Донской Украины до середины XVIII в. не выдвинули сколько-нибудь значительных подвижников. Являясь выражением традиционной потребности в уединении и подвиге, они по своему внутреннему укладу были показателями средних нравственных сил местного населения. Если исторически записи и предания и сохранили отдельные имена иноков, особенно основателей обителей, то и эти имена местному населению не принадлежат, а служат лишь проводниками подвижнических преданий то киевского, то московского монашества. Таковы выходцы с юго-запада Ксенофонт и Иоасаф, с именами которых соединяется основание Дивногорского монастыря с его пещерами, этого подражания Киевским пещерам. Таковы выходцы из Московского Сретенского монастыря Кирилл и Герасим, основавшие за Доном Сретенский Тешевский монастырь, перенесшие сюда и Владимирскую икону Богоматери (копию), чудесною помощью которой спаслась Москва от татарского нашествия (Тамерлана). На берегу Дона, столько раз

подвергавшегося опустошительным набегам татар, эта св. икона являлась как бы оплотом Донской Украины против татарского владычества. Так сплетались здесь два подвижнических течения, конечно, без борьбы, формируя монашеские настроения окраинного населения.

Строитель церковного уклада жизни придонского населения – Св. Митрофан был также выходцем из московской или – точнее суздальской Руси, и также – продолжателем московского влияния. И он старался ввести в строй придонских монастырей те же порядки, какие испытал сам, будучи настоятелем двух великорусских монастырей. Его задача состояла не в том, чтобы распространить среди монахов строго-аскетические идеалы полного отречения от мира, а в том, чтобы в монастырях ввести то «изрядство» в жительстве тот порядок, который он вводил и в другие стороны церковной жизни этого края.

Преемники Св. Митрофана по Воронежской кафедре для придонского монашества почти не имели положительного значения, – по крайней мере ни откуда не видно, чтобы они имели положительное влияние на монашествующих. Сохранившиеся письменные памятники скорее говорят обратное: епископы Пахомий, Лев, Феофилакт, своими заботами о материальном благосостоянии кафедры, задевавшие имущественные интересы монастырей, вооружали против себя монашествующих и иногда вносили расстройство в обычные порядки монастырской жизни.

Но вот на Воронежскую кафедру вступает Св. Тихон, и в жизни придонского монашества пробивается новая, свежая струя. Святитель является вторым строителем Придонья. Но это строительство касалось не столько внешнего порядка и благочиния, сколько внутреннего подъема, аскетической настроенности иноков. С именем Св. Тихона не только в жизни местного, придонского, но и всего вообще русского монашества, соединяется нарождение особого направления.

Св. Тихон был сын дьячка Саввы Кириллова из с. Короцка, Новгородской губернии. Он родился в 1724 г. и назван Тимофеем. Таким образом и второй Воронежский Святитель был духовного происхождения, а по месту рождения и воспитания принадлежал коренной Великороссии с ее православными преданиями и обычаями. Это необходимо отметить в его жизнеописании, так как это было очень важно для пастырского и аскетического влияния Святителя на население Придонья.

Но еще важнее то, что семья Св. Тихона жила простою жизнью русского крестьянина и давала своим детям тот целостный уклад жизни, то целостное мировоззрение, которое воспитало многочисленные сонмы русских подвижников.

В младенческие годы, лишившись отца, Тимофей вместе с матерью своей Домникийей жил в доме старшего своего брата. Здесь же жил еще третий брат его и две сестры. Старший брат отправлял должность дьячка. Семья жила в «великой бедности», так что с трудом добывала и дневное пропитание. Поэтому вдова-мать сильно горевала, не зная, как поставить на ноги детей. Маленький Тимоша полюбился богатому бездетному Короцкому ямщику. – Отдайте мне Тиму, говорил он не раз матери: я его вместо сына воспитаю и все имущество мое – его будет. Жаль было матери отдать мальчика, и она отказывала ему. Но крайний недостаток в пище принудил ее отдать сына, и она уже повела его к ямщику. Старшего брата в это время дома не было. Пришедши домой, он спросил у сестры, где мать. – Повела Тиму к ямщику, ответила та. Брат выбежал из дома и быстро догнал мать. Упавши перед нею на колени, он спросил: «Куда вы ведете брата?! Ведь, ямщику отдадите, ямщиком он и будет, я лучше с сумою по миру пойду, а брата не отдам ямщику: постараемся обучить его грамоте, – и тогда он может к какой-нибудь церкви определиться в дьячки или в пономари». Эти слова подействовали на мать, и мальчик вместе с нею и братом возвратился домой

Вот первое, глубоко запавшее в душу маленького Тимы, воспоминание детства. Здесь и крайняя бедность, и материнская скорбь о голодающем мальчике, и горячая любовь к нему старшего брата. Но главное – этот брат-дьячок, живущий впроголодь, ни во что ставил материальный достаток сравнительно со своим званием церковнослужителя. Он готов отдать последнее, готов идти по миру с сумой, чтобы только сделать маленького брата человеком в лучшем смысле этого слова. В такой семье, полной самопожертвования, любви и церковности, воспитывался маленький Тима, и понятно, что под такими могучими и светлыми впечатлениями детства не страшна была ему бедность.

А бедность доходила до нищеты. В доме есть было нечего, и маленький Тимоша по целым дням у богатого мужика боронил пашню, чтобы только богатый мужик хлебом накормил. Но настроение мальчика было высокое. «Детских игр он обыкновенно избегал и любил говорить только о божественном, при чем его

отзывчивая душа горячо воспринимала всякую беду людскую, и лихую болезнь, и нищету непроходимую. В воскресные дни и праздники маленький Тимофей, разрядившись в новенькие лапотки, раньше всех являлся в Короцкую церковь и бывал очень счастлив, если ему удавалось или как-нибудь услужить священнику в алтаре, или что-нибудь прочитав или пропеть в церкви»⁴⁵⁹.

Так прожил Тимофей до 14-летнего возраста. В 1737 г. мать повела его в Новгород, чтобы определить в Семинарию. Но почему-то не вдруг удалось ему поступить туда, и его уже предназначили исключить из духовного звания и определить в военную арифметическую школу. Спасла опять любовь брата, бывшего тогда причетником в Новгороде. Он упросил начальство принять брата в семинарию, обещая помогать ему в содержании. 11 декабря 1738 г. Тимофей был записан в семинарию с фамилией Соколова. Вскоре умерла его мать. Для приобретения дневного пропитания Тимофей нанимался к огородникам копать гряды. И хотя потом Тимофей был определен на казенный счет, но терпел и после того великую нужду. Из казенного хлеба, который он получал, только половину он оставлял себе на пропитание, а другую продавал и покупал свечу, – путем лишения себя в пище он мог заниматься по вечерам. И при таких тяжелых условиях, Тимофей Соколов усиленно занимался, что вызывало насмешки со стороны сверстников. Богатые товарищи, проводя время в играх, подходили к Тимофею и, махая на него отпками лаптей, говорили: «величаем тя». Впоследствии, когда Св. Тихон, уже посвященный во епископа, приехал в Новгород, эти же товарищи пришли к нему для принятия благословения. Святитель сказал им: «вы, братцы, смеялись надо мной, когда мы были в семинарии малолетними детьми, и отпками на меня махали, теперь же и кадилами будете кадить». А они сказали: «прости, владыка святой!» Он же сказал им: «я шутя вам говорю, братцы».

Обучение Тимофея Соколова в семинарии было довольно продолжительно: начавшись в 1738 г., оно окончилось только в 1754 году. Это объясняется исключительно тем, что Новгородская семинария, во время обучения в ней св. Тихона, не была еще полной семинарией. Так, он четыре года просидел в риторике, так как до 1745 г. еще не было в семинарии философского класса; затем четыре же года Тимофей Соколов просидел в философии, так как богословский класс был открыт только в 1748 году. А потом, вследствие смерти учителя этого класса и неимения другого подходящего учителя, богословский класс был прикрыт, ученики же

снова обращены в философский класс, где пробыли до 1750 г. В 1750 г. св. Тихон снова стал слушать Богословский класс, который окончил в 1754 году. Но уже в 1750 г. он, будучи еще семинаристом, определен был учителем греческого языка, который и преподавал до окончания семинарии, после чего был определен учителем риторики.

Таким образом, Тимофей Соколов окончил семинарию уже в 30-летнем возрасте, вполне сложившимся человеком, с определенными убеждениями и привычками. Какими желаниями был проникнут Тимофей Соколов во время продолжительного обучения? Его старший брат когда-то мечтал сделать из него служителя церкви Божией. И обстоятельства сложились так, что эта мечта Короцкого дьячка бедняка должна была осуществиться: его младший брат был на прямом пути уже не к дьячковству, а к священству. А отличные успехи могли зародить в его душе и более заманчивые мечты – о епископстве. Рассказывают, что родственники просили его принять сан священника и нашли ему невесту, но Святитель решительно отказался и от того, и от другого, от священства из благоговения к нему, от женитьбы – из презрения ко всему мирскому. Но Тимофей Соколов воспитал в себе мечты другого рода. Жизнь в Боге в полном уединении – вот к чему стремился он, по окончании семинарского курса. «Я никогда не мыслил о сем важном сани, чтобы мне быть епископом, а у меня мысли были непременно куда-нибудь удалиться в пустынный монастырь, поступить в монахи и проводить уединенную жизнь»⁴⁶⁰. Даже впоследствии, в сани епископа, он не оставлял этой мысли: «если бы можно было, я бы и сей сан с себя сложил, и не токмо сан, но и клобук и рясу снял с себя, и сказал бы о себе, что я простой мужик, и пошел бы себе в самый пустынный монастырь и употребил бы себе в работу, как-то: дрова рубить, воду носить, муку сеять, хлебы печь и проч., но тая беда, что у нас в России сего сделать не можно»⁴⁶¹.

Так нравственные порывы юноши далеко переросли благие желания его брата. Тимофей Соколов принадлежал к тем избранным натурам, которые ранее общественной деятельности имеют потребность в уединении, самособранности. И хотя внешние обстоятельства его жизни, сложились так, что в скором времени по окончании семинарского курса вывели его на широкую церковно-общественную деятельность, но созревшее еще в юности желание уединиться в пустынной обители никогда не покидало его, и оно-то привело его «на обещание» сначала в Толшевский, а потом в Задонский монастырь. Но и ранее, занимая разные церковно-

общественные должности, он жил истинным иноком. Чтение назидательных и богословских книг, размышление о вопросах веры и молитва – вот в чем проводил он свои досуги. И еще будучи светским, он поднимался иногда на такую высоту религиозного созерцания, что удостаивался видений. «Когда я был учителем, я и тогда имел привычку и любил ночное время без сна проводить, а занимался либо чтением душеполезных книг, либо душеспасительными размышлениями. В месяце мае ночь была весьма приятная, тихая и светлая: я вышел из келии на крыльцо, которое на северную сторону было, и стоя размышлял о вечном блаженстве. Вдруг небеса разверзлись и там такое сияние и светлость, что бранным языком сказать и умом понять никак невозможно; но только сие было кратко, и паки небеса в своем виде стали, и я от того чудного явления более горячее желание возымел к уединенной жизни; и долго после одного видения чувствовал и восхищался умом, да и ныне, когда вспомню, то ощущаю в сердце моем некое веселие и радость»⁴⁶². Однажды Тимофей Соколов был в квартире у своего товарища Симона Лаговского (впоследствии епископа Рязанского). «Ночную порою, вышедши на крыльцо, и стоя на оном, размышлял он о душеполезных материалах; взглянув на небо, украшенное звездами, вдруг видит на восточной стороне, на подобие больших дверей, отверсты небеса, сияющие таким светом, что глаза у него померкли; а оное-де отверстие продолжалось около четверти часа, потом помалу как бы двери затворились. Небесное отверстие это и в Воронежской епархии повседневно ему воображалось, так что непрерывно побуждало его, оставил трудное, важное и опасное правление пастырской должности, идти, для лучшего и удобнейшего получения вечного блаженства, на жизнь уединенную»⁴⁶³.

При таком настроении, Тимофей Соколов оставался в миру только по просьбе родных, которые, естественно, смотрели на него как на свою опору. Его сестра-вдова бедствовала в Короцке и пробивалась кое-как тем, что мыла полы у зажиточных людей. Сделавшись, по окончании семинарии, учителем риторики, он взял ее к себе в Новгород и содержал ее на свой счет.

О внешних обстоятельствах жизни молодого учителя семинарии за это время почти не сохранилось сведений. Одно только поразительно событие впоследствии передавал Святитель, как дело особого Промыслительного о нем попечения. «Когда я еще учителем был, во время вакации, просил нас, учителей Александровского

(Свирского) монастыря архимандрит к себе в гости; Так мы и отправились к нему. По приезде в монастырь, я один из любопытства пошел на колокольню осмотреть положение места округ монастыря, подлинно прекрасное, и, не опробовав перил, оперся на них, а они вдруг и пали на землю, а меня будто кто назад толкнул, я к колоколам на пол затылком и упал полумертв, едва опомниться мог, и чрез великую нужду сошел с колокольни и мог дойти до архимандричьей кельи. Но они стали мне говорить: «что ты видом изменился, Тимофей Савельевич? Посмотри, братец, в зеркало, ты мертвому подобен». Я им сказал: «пожалуйте чашку чаю, после вам скажу причину моего изменения». Напившись чая, я повел их к колокольне, и смотрели на перила, кои в дребезги разбиты лежали. Я им сказал: «на сем месте и мне бы быть так разбитому»⁴⁶⁴.

Так прожил Тимофей Соколов около четырех лет. В 1758 году он подал прошение вновь назначенному тогда Архиепископу Новгородскому Димитрию о пострижении в монашество вместе со своим товарищем по учительству Стефаном, в монашестве Симоном, Лаговским. 10 апреля 1758 года он был пострижен ректором Новгородской духовной семинарии Парфением Сопковским и наречен Тихоном. А в Фомино воскресенье Тихон посвящен в иеродиакона – в Петербурге, затем летом того же года – в иеромонаха. В скором времени после того Симон Лаговский был определен ректором Новгородской семинарии, а его место – учителя философии 27 августа занял иеромонах Тихон; затем 13 января 1759 года – определен префектом семинарии. И в этой должности молодой иеромонах пробыл только полгода. По просьбе Тверского Архиепископа Афанасия, 26 августа 1759 года иеромонах Тихон был уволен в Тверскую Епархию «к определению, по рассмотрению тамошнего Преосвященного, к лучшему пред сим, в коем он находился, послушанию». Первоначально Тихон был определен Архимандритом Желтикова монастыря; но в скором времени, в том же 1759 году, был переведен в Отроч монастырь, с определением ректором семинарии и учителем богословия. В этой должности он прослужил около года.

Как учитель богословия, Св. Тихон положил начало новому, живому, направлению в русской богословской науке. В противоположность своим предшественникам и современникам, дававшим схоластические системы на латинском языке, Св. Тихон излагал богословский курс на русском языке, заботясь более всего о воздействии на сердца слушателей. Поэтому он не вдавался в

диалектические тонкости при изложении богооткровенных истин, а раскрывал их на точных основаниях откровения, при посредстве святоотеческих писаний.

Свободное от семинарских трудов время Св. Тихон проводил в своем монастыре. Его душа по-прежнему жаждала уединения, и он намеревался здесь выстроить себе уединенную келью. Но он был уже ярко светящим светильником, и ему невозможно было скрыться. Правящая церковная власть признала, что пора ему стать «на свещнице», чтобы светить миру. И Промысл Божий ясно предуказывал на его архипастырское служение.

В пасхальную неделю 1761 года члены Св. Синода избирали епископа (викарного) в Новгород. Написаны были имена семи кандидатов, и хотели приступить к выбору епископа посредством жребия. Но Смоленский Епископ Епифаний просил еще написать имя Тверского ректора Тихона. «Он молод», заметил первоприсутствующий Член Митрополит Димитрий Сеченов. Однако имя его написали. После того три раза метали жребий, и каждый раз выпадал жребий Тихона. «Верно, Богу так угодно, чтобы он был Епископ», промолвив Митрополит и прибавил: «не туда я мыслил его назначить»⁴⁶⁵.

В этот же день Св. Тихон служил литургию вместе с Архиепископом Афанасием в Тверском соборе. Пред великим выходом, когда архиепископ у жертвенника вынимал частицы о здравии, Тихон, по обычаю, подошедши к жертвеннику, сказал: «помяни мя, Владыко святой». Вместо того, чтобы сказать на это: «священно-архимандритство твое», Архиепископ сказал: «епископство твое да помянет Господь Бог во царствии своем». Заметив ошибку, он улыбнулся и сказал: «дай Бог вам быть Епископом». Впоследствии Святитель сам признавал в этом особое действие Промысла Божия: «Всевышнего судьбе угодно так, что есмь недостойный епископ»⁴⁶⁶.

О состоявшемся избрании в Епископы св. Тихон узнал при следующих обстоятельствах. Однажды, в субботний день, он был в монастырской вотчине близ Твери, наблюдая за работою монастырских крестьян, мостивших мост через речку. Услышавши благовест к вечерне, он приказал заложить коляску и поехал в монастырь к вечерне; пришел в церковь и стал на своем месте. В скорости пришел к нему от архиерея сторож и говорит: «отец ректор, пожалуйте к его преосвященству». Я ему сказал: «вот отслушаю вечерню, тот час же и явлюсь к его преосвященству». Но посланный

не успел с монастыря выйти, в ту же минуту приходит другой сторож и говорить мне: «извольте скорей ехать». И я, не дослушав вечерни, поехал в архиерейский дом; но, дорогою едучи, чувствовал в сердце своем и печаль, и радость; ибо некоторые были из архиерейского дома, как то эконо́м и прочие, недоброжелательны мне, и думал: нет ли от них каких-либо клевет на меня архиерею. По приезде же я вошел к нему с торопливостью в переднюю келью, и говорю келейному: доложи пожалуй его преосвященству, что я приехал. Но в ту же минуту вышел преосвященный и говорит мне приветственно: прошу покорно, отец ректор, и зараз сказал: поздравляю вас епископом, и дал мне синодальный указ; сам же заплакал: «жаль де мне, говорит, расстаться с вами. Вы не медлите, сдайте монастырь, говорит мне, и отправляйтесь в Петербург».

13 мая 1761 года св. Тихон был посвящен в Петропавловском соборе в епископа Кексгольмского и Ладожского, викария Новгородской епархии – на 37 году от рождения. В управление ему был дан Новгородский Хутынский монастырь. Скоро отправился св. Тихон и в Новгород, и с почестями был встречен новгородскими жителями, которым было известно, что новый епископ местный уроженец и воспитанник, а потом и учитель новгородской семинарии. Среди народа находилась и родная сестра Святителя, которая вдовствовала в крайней бедности и только благодаря брату стала жить безбедно. На другой день утром Святитель послал за ней колясочку. «А она, рассказывал Святитель, приехавши, и не смеет взойти ко мне в келью; я, отворя двери, говорю ей: пожалуй, сестрица; а она, войдя в келью, вся слезами залилась; я говорю ей: что ты плачешь, сестрица? Я плачу, говорит, от великой радости, братец; вспомните, в какой мы бедности при матушке воспитывались, – что, бывало, временем и дневной пищи лишались мы; но теперь я вижу вас в таком высоком сане! Я вчера была между народом и видела, как и встречу вам делали! Я говорю ей: сестрица, ты почаще посещай меня, теперь есть на чем вам приехать ко мне, у мене есть услуга, лошади и коляска для вас. А она сказала: благодарствую, братец, но иногда и наскучу вам частым приездом. – Нет, родная, сказал я ей, я никогда не наскучу твоим посещением; я сердечно тебя люблю и почитаю (поелику она большая мне сестра была). Но по приезде моем в Новгород, сестра моя один только месяц пожила и скончалась; сам я и погребал тело ее. По образу архиерейской службы, приложился я к св. иконам, пошел ко гробу, открыл покрывку и осенил тело ее, а она будто улыбнулась на мене.

Бог один знает о том, что сие вообразилось в глазах моих (однако неутвердительно говорю о сем). Я же сам, едучи дорогою к погребению, также и всю литургию и погребалень, едва мог отслужить от горчайших слез, и как вне себе был от великой жалости; но только она (сестра) жизни хорошей была»⁴⁶⁷.

Но и в Новгороде Святитель Тихон пробыл немного более года. В августе 1762 года Св. Синод, по случаю коронования императрицы Екатерины, отбыл в полном составе в Москву. В Петербурге на это время была образована Синодальная Контора. Для председательствования в Конторе был вызван из Новгорода Св. Тихон. Через пять месяцев Святитель получает новое назначение – на самостоятельную Воронежскую кафедру. Следует при этом отметить, что Св. Синод на эту кафедру представил кандидатами – Архимандрита Донского монастыря Варлаама, и Кирилло Бедоозерского архимандрита Симона. Но Государыня своею рукою написала 3 февраля 1763 года: «быть Епископом Воронежским Викарию Новгородскому». Как и при возведении в викарии Новгородские, Св. Тихон избирается вопреки расчетам и предположениям людским.

Итак на 39-м году своей жизни Св. Тихон делается епархиальным Архиереем. Это рано для самостоятельного епископства; но для духовно созревшего Архипастыря это назначение не было преждевременным. От лет детства преданный Св. церкви, молодой епископ явился в Воронеж в полном расцвете сил, с пламенным желанием работать над возделыванием нивы Христовой.

Однако не забудем, что его душа всегда тяготела более не к административной деятельности, а к созерцанию и богомыслию в уединении. И эти необычайно частые перемещения с одной должности на другую, из одного города в другой – человека духовно рассеянного могли окончательно развлечь, сделать чиновником–карьеристом, человека же, от юности само собранного и сосредоточенного на размышлении о Боге и вечности, напротив, делали еще более равнодушным ко всему внешнему, случайному. «Вода мимотекущая» – вот чем представлялась Св. Тихону внешняя жизнь с ее постоянными переменами. Усматривая в этих частых передвижениях волю Божию и «за совесть» исполняя всякое возложенное на него дело, Святитель научился ценить лишь вечное в этом быстром передвижении. Его мысль по-прежнему не была

привязана к внешнему служебному положению, а была прикована к тому, что есть единого на потребу.

С такими чувствами и расположениями приехал Св. Тихон в Воронеж. Мы не можем здесь подробно излагать его административную деятельность в качестве епархиального архиерея, – это составило бы задачу особого исследования. Нам необходимо рассмотреть эту деятельность, лишь как новую ступень аскетического развития.

Воронежская Епархия занимала тогда громадную площадь, охватывая современную нам Воронежскую и Донскую Епархии и части Епархий: Орловской (Елецкий, Ливенский уезды), Тамбовской (Лебедянский, Липецкий уезды), Тульской (Ефремовский уезд), Харьковской и Екатеринославской. Население этой громадной области исчислялось в 800 тысяч жителей⁴⁶⁸. Прошло более полувека со времени кончины первого Воронежского Епископа Святителя Митрофана, но начатое им дело церковного устройства края еще не пришло к концу. Во всех сторонах церковной жизни ощущался недостаток сил духовных и средств материальных. Плохо поставлена была консистория, не было духовно-учебных заведений, духовенство не знало самых элементарных сведений относительно своего служения, монастырская жизнь находилась в упадке. Понятно, что религиозно нравственное состояние паствы было еще ниже. А при таких обстоятельствах открывалось широкое поле развитию раскола и сектантства – с одной стороны и религиозно-нравственного огрубения с другой⁴⁶⁹. Если бы преемники Св. Митрофана с его настойчивостью и последовательностью продолжали насаждать дух и порядки церковности, то население не испытывало бы таких церковных нестроений. Но далеко не все Воронежские Епископы были так настроены, как Св. Митрофан. А некоторые из них, как, напр. Пахомий и Феофилакт, своими крутыми и иногда неразборчивыми распоряжениями способствовали не устройению, а расстройству в церковной жизни.

И вот в эту полудикую область вступает молодой, исполненный высокого пастырского воодушевления епископ. До сих пор он работал более всего не в практической сфере, не среди необразованной паствы, а или в тиши келии-кабинета, в живом общении с Богом и в умственном общении с великими умами и сердцами христианских мыслителей и подвижников, или среди учащегося юношества, насаждая и укрепляя его в святых мыслях и чувствах. Теперь ему предстояло встретиться с самою серою и

неприглядную народную массу, с ее низким религиозным и нравственным уровнем. Здесь была глубокая разница между двумя Святителями Воронежскими. Первый вступил на кафедру шестидесяти лет от роду, после служения на приходе и продолжительного игуменства в монастырях. Шестидесятилетний житейский опыт привез он с собою в Воронеж и потому стал работать здесь последовательно, камень за камнем полагая в дело церковного строительства. Ему было очевидно, что в этой уkraine немислимо ожидать быстрого и высокого подъема религиозно нравственной жизни, и потому он поставил своей задачей внести хотя начала порядка и законности в жизнь населения. Его нравственная философия есть философия здравого смысла. Умеренность, воздержание и удаление от зла – вот руководящие начала его административной деятельности. Св. Тихон вступил на кафедру, еще недостригши и 40-летнего возраста, и без значительной подготовки собственно к епархиальному управлению. И потому он предъявил к своей пастве высокие требования, вытекавшие из тех возвышенных воззрений, какими был проникнут сам. А так как состояние паствы резко расходилось с этими требованиями, то он поставил своей задачей поднять паству, не делая уступок ее слабости.

Все люди – граждане неба, хотя обитают на земле. Жизнь на земле только временное странствование, это даже ссылка, из которой человек должен стремиться в небесное отечество. Но возвратиться в это отечество можно только «узким путем смирения, послушания, терпения, кротости» и самоотвержения. Противоположный путь гордости и самолюбия ведет к гибели. Поэтому все человечество разделяется на царство Христово и царство сатаны. Средины между ними нет. Кто не за Христа, тот против Христа. Между сынами двух царств не может быть ничего общего, а есть только постоянная, нескончаемая война. Перемирия между воюющими сторонами не бывает, а бывает только переход из одного царства в другое: в царство Христово переходят те, которые внимают призывающему голосу Христа и соединяются с ним в таинстве крещения, как уды с главой; в царство сатаны переходят те, которые живут недостойно христианского звания. Чтобы удержаться от совращения в царство сатаны, необходимо всю жизнь вести борьбу с тремя врагами спасения: с греховною плотью, с прелестями греховного мира (богатство, честь, слава, роскошь и сласть) и с главным врагом-сатаню, который «везде коварством своим

окружает нас». Чтобы вести эту войну, необходимо человеку постоянное напряжение сил, благодатная помощь и руководство со стороны богоучрежденных пастырей церкви⁴⁷⁰. Пастырь есть «свет мира», «соль земли», «свеча, горящая в ночи и освещающая путь». Недостаточно ему указывать путь спасения пасомым, необходимо охранять их и предводительствовать ими, а самому быть всегда и во всем примером. Пастырь – не столп на пути стоящий и указывавший путь в город, а сам не движущийся с места, но вождь, и указывающий путь, и сам впереди идущий, и ведущий за собою других.

Таковы были теоретические воззрения Святителя на жизнь вообще и пастырскую деятельность в частности. Эти воззрения он и проводил прежде всего в своей личной жизни. «Он был человек преимущественно живого, практического направления, у которого мысль и дело не расходились, который не мог успокоиться на одних только идеях, но неудержимо старался воплотить их в живой практике»⁴⁷¹.

И его жизнь была действительно непрерывным подвигом, борьбой с царством сатаны. Ни минуты праздности, вот правило его жизни, так как «кто живет в праздности, тот постоянно грешит». Через праздность, как через дверь, проходит искушитель. Святитель «никогда не был празден, и когда по пастырству требовались какие либо приготовления, то часто проводил даже целые ночи без сна. Поутру, обыкновенно, занимался он рассмотрением епаршеских дел. После обеда, по кратком сне, упражнялся почти всегда до полуночи в сочинении поучений, наставлений и увещаний своему духовенству и народу»⁴⁷². «Спал он в каждый сутки не более четырех часов, а нередко и целые сутки вовсе без сна проводил»⁴⁷³. За трудами по управлению епархией шли занятия богословские, за ними богомыслие и молитва. Мысль о Боге и молитва для монаха столь же необходимы, как для каждого живого существа необходим воздух, думал Святитель. И это постоянное богомыслие доводило его до забвения всего окружающего, до духовного восторга и созерцания небесных радостей и блаженства. Святитель в таком состоянии удостоивался видений Богоматери, апостолов Петра и Павла и др.⁴⁷⁴.

Постоянно занятый делами правления и молитвою, Святитель не имел досуга для продолжительных бесед с посетителями. Если же вступал в беседы, то речь его касалась пастырского назидания. Он учил миролюбию и незлобию. Напр., одному обиженному и

желавшему отомстить врагу он писал: «Как молиться будете Богу: остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим, – если сами не оставляете? Брат наш, такой же как и мы, – он словом обесчестил нас, оскорбил, а мы, черви, земля и пепел, грязь смрадная, Бога Создателя своего на всякий день сто раз прогневаем. Вот посылаю вам пресвятой образ Спасителя моего и твоего; чрез сие имя молю вас»⁴⁷⁵. Но если святитель мало уделял времени обычным посетителям, то для бедных и нищих к нему был свободный доступ. А по великим праздникам Пасхи, Рождества Христова, в прощенное воскресенье и в дни заговенья он рассылал милостыню в богадельни и в острог. Иногда и сам в вечернее время в эти дни приезжал к бедным, одетый в простое монашеское одеяние и, объявивши, что он послан от Архиепископа, раздавал милостыню и утешал бедствующих. Когда его стали узнавать во время этих посещений, он прекращал их, а посылал милостыню чрез монахов. Нищих он называл Христовою и своею братией.

С таким святым настроением прибыл и жил Св. Тихон 14 мая 1763 г. на Воронежской кафедре. Но он должен был отдать свои силы и все свое время внешнему и внутреннему устройению епархии, везде находя страшную запущенность и встречая постоянное равнодушие со стороны власть имущих и подчиненных к своим начинаниям.

«По прибытии моем в Воронеж, писал Святитель Св. Синоду, я нашел, что архиерейский дом строением не окончен, как и судейская при консистории камера, и около дома ограда каменная на 111 саженьях да семинарские училищные покои, сенные здания обветшали и требуют починки, также в соборной архиереопрестольной Благовещения Пресв. Богородицы церкви иконостас, св. иконы и ризница весьма обветшали; притом же колокол в 300, второй в 120, третий в 15 пудов в пожарный случай разбиты. А чем бы оное все исправить, таковых сумм в оном архиерейском доме не находится, ибо с имеющихся за тем архиерейским домом вотчинных крестьян (1361 душа) никаких денежных сборов никогда не бывало и ныне нет, а состоят те крестьяне на пашне, сенокосе и на заготовлении дров и на прочих работах». При таких недостатках, Святитель просил разрешения употребить на все эти нужды оставшиеся после смерти его предшественника Преосвящ. Иоанникия 6000 р., тем более что сам Иоанникий предназначил из них более 3000 р. на поправку архиерейского дома. Но просьба Святителя осталась без ответа. В

1766 году он повторил ее, и опять ответа не получил. Более успеха имело его обращение к благотворителям касательно устройства теплого Архангельского собора. Уже в 1765 г. он заложил теплый собор, а в 1767 году он был построен; только освящение его совершил в следующем году преемник Святителя преосвящ. Тихон .

Но это внешнее не благоустройство было не так печально для Святителя, как страшные беспорядки в содержании приходских храмов, в совершении богослужения и в жизни духовенства. Узнавши об этом, Святитель уже 11 июля 1763 г. пожелал выяснить размеры зла и с этою целью предписал заикам и поповским десятоначальникам каждому в своем ведомстве освидетельствовать лично: правильно ли совершаются утренняя, литургия и вечерня, и если окажутся незнающие, то присылать их при доношении к нему на дом. Ответы получались неутешительные.

Вот, напр., что нашел сам Святитель в 1765 году во время поездки по церквам Сокольского, Романовского и Белоколодского уездов.

В соборной церкви г. Сокольска «на св. престоле... крест серебряный черн, в запасных св. дарах воск и около его престола много мелких крупыц, во св. мире воск⁴⁷⁶, церковное вино скислое, над жертвенником и по всему алтарю, и на стенах, и в церкви во иконостасе на св. образах паутины много, в церкви ж и трапезе на помосте сору и перьев много, и книг устава нет. На паперти близ самых дверей скотского калу много. В церкви с. Воскресенского: на престоле одежда кумачная, сверху окапана много воском и местами изпробита, на ней пыли много, в запасных св. тайнах една часть мало плесневала. Потир оловянный мал и черн, дискос оловянный, от ветхости агнца мало видно, тарелочки черны, вино церковное скислое». В с. Крутом: «во оной церкви на св. престоле одежда спереди кумачная, а со сторон крашенинная, ветха, на ней пыли и сору много, литон кумачный, на нем крупыц много, покрывало крашенинное ветхое, на нем пыли и сору много, ковчег оловянный нечист, в нем святые запасные тайны все избиты шашлом и в них два живые черва; а оные св. тайны по закладывании иссушает на солнце, а не на престоле как устав повелевает, а в дароносице одна часть, и та без положенной бумажки, дискос, звезда и копие весьма черны, потирная губа мала и черна, на жертвеннике одежда крошенинная ветха, и на ней пыли и сору много, еля не имеется, у царских врат завеса холщовая, риз двое и то ветхое, в церкви на св. образах и по стенам пыли и паутины много, во оной церкви мирских

образов клетками по полкам весьма много... преждеосвященных литургиев не служивал и служить не умнет». Такими отметками испещрена вся ведомость о посещенных Святителем церквях. Подобное же отмечал Святитель и при других поездках по Епархии⁴⁷⁷ постоянно убеждаясь в том, что священники, поставленные на страже Церкви Христовой, не знают самых начальных правил своего служения, не умеют совершать важнейшие богослужебные чины и с преступным равнодушием относятся к святыне. «Являются ко мне, писал он, многие священники и диаконы, которые крайне не знают Евангелия и Апостола чести. От сего видно, что они или не имеют у себя Нового Завета, или и имеют да не читают, и так как о своем, так и о порученных спасений не радеют». Поэтому Святитель предписывает своему духовенству иметь и читать Новый Завет (9 авг. 1763 г.).

Идя на помощь духовенству, Святитель написал руководство священникам под названием: «Должность священническая о седми Святах Таинствах»⁴⁷⁸ и разослал ее по епархии для раздачи духовенству. 3 февр. 1764 г. Святитель рассылает по епархии «Реестр, что требуется от священника для благочиния церковного» и приказывает его прибить в алтарях на пристойном месте. В руководство к совершению исповеди он рассылает книжку «О тайне покаяния (13 окт. 1764 г.). Затем он составляет «Наставление или образец увещателям» подсудимых, «Инструкцию о совершении браков», «Книжицу, сочиненную в десяти пунктах, в которой некие примечания из Св. Писания, возбуждающие грешника к покаянию, прописаны и к концу увещание к покаянию».

Затем следует целый ряд указов, побуждающих духовенство исполнять свои пастырские обязанности, о неотлучном пребывании священников на своих приходах (10 дек. 1763 г., 9 авг. 1766 г.), о совершении ими преждеосвященных литургий в среды и пятницы великого поста (9 окт. 1763 г.), о нехождении духовных лиц в кабаки (августа 28 и 2 сентября 1763 г.), о содержании в чистоте св. алтарей (27 августа и 2 сентября 1763 г.), церквей (22 дек. 1764 г.), церковной ризницы (1 окт. 1763 г.), запасных св. даров (28 августа и 2 сентября 1763 г., 1 июля 1768, 6 окт. 1763 г.), о хранении чистого вина для совершения литургии (12 мая 1765 г.).

Все эти и другие распоряжения, свидетельствуя о страшной запущенности в разных сторонах пастырской жизни и деятельности духовенства, в тоже время говорят о необычайной, кипучей административной деятельности Св. Тихона. Всюду Святитель

является наставником пастырей, своими указами давая им правила священнослужения, коих они не знали и не могли узнать иначе, по своей необразованности и небрежению.

Но духовенство холодно относилось к распоряжениям Святителя. Его инструкции и наставления рассылались консисторией, но часто даже и не вывешивались в надлежащих местах и не прочитывались. Убеждаясь в этом равнодушии, Святитель однажды даже выдал 40 р. переписчикам инструкций, с тем чтобы раздавать ее бесплатно, лишь бы она дошла по назначению. Равнодушие пастырей очень огорчало Святителя, и он являлся не только обличителем, но и карателем этого небрежения. Выходя из высокого взгляда на пастырство, он отменил телесное наказание священников. Но возмущавшие его проступки их заставляли его прибегать к суровым карам, а по отношению к причетникам и к телесным наказаниям⁴⁷⁹. И так продолжается во все время его святительства, так как он не видел улучшения в общем положении дела, не находил, чтобы его мероприятия достигали цели.

Видя, что духовенство не знает своих обязанностей и не умеет даже совершать богослужение, Святитель был озабочен открытием семинарии, закрытой его предшественником. Но первые его распоряжения об открытии духовных училищ в Ельце, Острогжске и Черкасске натолкнулись не только на равнодушие, но и на противодействие со стороны духовенства и духовных правлений. И святитель опять вооружился против них карами и прещениями, отрешая от должностей и штрафуя влиятельных священников и игуменов⁴⁸⁰. Правда, Святителю потом посчастливилось учредить в Воронеже семинарию; но плодов этого своего дела он тоже не дождался.

Если таково было состояние духовенства, то еще более печально было состояние паствы: она не знала христианского вероучения, а жизнь проводила во многом языческую. Святитель озаботился введением катехизического обучения в епархии, и прежде всего при кафедральном соборе, и сам пишет краткие наставления и увещания относительно обязанностей каждого христианина⁴⁸¹, краткое увещание о должности христианской, и распорядился, чтобы оно было повешено в церквях в трапезной церковной, чтобы все могли читать, а желающие списывали бы по домам (10 мая 1764 г). Но опять его постигла неудача. Его увещания мало читались по церквам, а на катихизическое учение при соборе почти никто не приходил⁴⁸².

Нравы паствы также глубоко возмущали Святителя. Здесь он находил полное противоречие своим высоким взглядам на звание христианина и никак не мог снизойти до низких нравов жителей. И он обличал паству и за разные виды хищения, и за разнузданность нравов, и за языческое прохождение праздников. Один раз, во время народного праздника Ярилы, сопровождавшегося гульбищами, плясками, пьянством, драками и сквернословием, Святитель пошел в толпу и своею обличительною речью пристыдил народ. Гульбище прекратилось: одни ушли, устыдившись Святителя, другие поняли, что совершают великий грех, участвуя в этом празднике. Но Святитель не только умолял и обличал. Он властно повелел превратить игрище и разломать воздвигнутые для него постройки, угрожая в противном случае отлучить от Церкви непослушных. Не ограничиваясь этим, на другой день, 31 мая, Святитель призвал к себе в загородный Троицкий дом всех городских священников и именитых граждан и, разъяснив им все безобразие этого праздника, взял с них обещание, – что более этого праздника не будет. И этим не ограничился Святитель. В следующее воскресенье он призвал жителей в кафедральный собор и обратился к ним с увещанием отказаться от этого языческого праздника.

«В горести и болезни сердца моего, обращаю слово мое ко всем живущим в граде сем и с плачем молю: истребите зло сие от среды вас. Священницы! Пастыри словесных овец Христовых! Стражи дому Господня! Ангелы, возвещающие волю Отца небесного! по своей должности настойте, умолите, запретите; пощадите души, порученные вам от Пастыреначальника Иисуса Христа, кровию Его искупленные, за которые вы в день судный страшному Судии имеете отдать ответ; отвращайте вы их от сего нечестия десными и шуими Господа командующии, которым от благочестивейшие монархини поручен меч на устрашение злодеев нечествующих! Устрашайте мечем сим и пресекайте бесчиния и соблазны людей, противящихся слову истины. Честные отцы и матери! удерживайте от того детей своих всяким образом, но паче воспитывайте их в страхе Божии и во всяком наказании, да не и за них истязаны будете в день судный. Господа! воспрещайте продерзость рабов своих. Честною сединою и житием непорочным красящийся граждане: советуйте благообразным советом. Всех вообще молю: веси поступитеся единодушно впредь сему нечестия сонмищу и прочим подобным нехристианским игрищам быть не допускать»⁴⁸³. Слово Святителя сильно поразило слушателей. Все собрание рыдало, так что плач слушателей иногда

заглушал слова Архипастыря. В тоже время слово это было прочитано по приходским церквям. Жители приходили к Святителю и просили у него прощения за причиненную ему скорбь. Святитель и на этом не остановился. 6 июля 1765 г. он приказал переписать участников игрища и обязал их подпиской впредь не делать такого бесчиния, угрожая, в противном случае, архиерейским запрещением и отлучением.

Но как ни пламенны были обличения Святителя, как ни поразительно было действие его горячего слова, – оно простиралось главным образом на непосредственных слушателей Святителя. А за ними стояла сельская паства, насчитывавшая до 800 тысяч православных жителей. Существенно изменить к лучшему нравственную жизнь этой паствы Святитель мог лишь продолжительным пастырским влиянием, вместе с приходским духовенством, а этого в большинстве случаев не было. И здесь не достигши исправления паствы, Святитель прибегает к наказаниям. Так, напр., узнавши, что несмотря на пастырские увещания, многие неблагочинно стоят в церкви, он приказал штрафовать таких, не выпуская из церкви, – по рублю с человека на церковные потребности, для чего во всех церквях сделать железные ящики в удобном месте на виду для народа (15 янв. 1765 г.)⁴⁸⁴.

Между тем среди этой паствы почти невозбранно распространялся раскол и сектантство. Для искоренения их Святитель учреждает особую следственную миссионерскую комиссию. Но последняя наталкивается на множество неодолимых препятствий. Оказывается, что расколу сочувствуют некоторые священники, и ему же покровительствует Донская войсковая канцелярия. Святитель и здесь с горестью мог только убедиться в развитии зла и в невозможности скоро победить его⁴⁸⁵.

При такой постоянной нравственной неудовлетворенности, аскетически настроенный Святитель мог бы находить утешение среди иноков Придонья, в духовном общении с ними. Но и здесь он встретил невысокие нравы. А так как при нем совершилась имущественная реформа в положении монастырей – отобрание у них земельных вотчин и закрытие некоторых монастырей, то Святителю и в этой области пришлось отдать свои силы и заботы внешнему устройству монастырей и монахов. Вместо близкого духовного общения с иноками, вместо молитвенного единения с ними, пришлось считать монастырские доходы, чтобы определить, возможно ли дальнейшее существование монастырей, или

потребуется закрыть часть их и перевести монахов в другие монастыри. Ранее мы излагали эти мероприятия Святителя, вызванные требованием Правительства закрывать наиболее бедные монастыри.

Но низкий уровень в жизни монахов еще более озабочивал Святителя-аскета. И он издал целый ряд распоряжений, направленных к поднятию благочестия в монастырях. Вскоре по прибытии в Воронеж, он разослал по монастырям «Зерцало иноческого жития». Затем, он предписал каждому грамотному монаху иметь у себя Новый Завет и изучать его. 17 декабря 1764 года он издает новое распоряжение: «По всем монастырям послать указы, чтобы чин пострижения читаем был в трапезе братии в один день седмицы понедельник, тут же присовокуплять и Зерцало иноческого жития, которое в прошлом 1763 г. разослано, дабы во всегдашней памяти содержали, что обещались, чем обязались, и так бы обеты своя исполнять тщались, и преступившие свои обеты каялись бы и исправляли себя по своим обетам. А настоятелям всей братии крепко смотреть, яко слово имеющим воздать Страшному Судии за всех порученных». Так как среди монахов было развито бродяжничество по мирским домам, то Святитель предписывает положить конец этому злу. 17 мая 1765 г. он запрещает монахам ходить на поминовенные обеды; если же кто из светских людей пожелает устроить такой обед, то пусть делает его в монастырской трапезной; исключение допускалось только для настоятеля с одним из диаконов. 16 декабря 1765 г. Святитель предписывает: «монахов не отпускать из монастырей без крайней надобности, самим настоятелям не отлучаться, не получив предварительного разрешения от Архиерея». 22 августа 1767 года, т.-е. в самом конце своего правления, Святитель издает более строгое предписание. 1. «Если кто из монахов будет упиваться день, такого посадить в келью под крепкое наблюдательство на трое суток и давать ему хлеба умеренную порцию, а квасу или воды сколько потребует; если же в пьянстве пребудет два или три дни, то за оные два дни содержать неделю, а за три дни полторы. 2. Кто после сего не исправится, о таковом представлять нам с полным жития его показанием. 3. Таковым монахам жалованья и доходов не давать, а нужное для них, по усмотрению настоятеля, покупать казначею».

Таким образом, и жизнь монахов, поражавшая Святителя несоответствием иноческому званию, вызвала его на ряд распоряжений о наказаниях и штрафах виновным. Итак во всех

отраслях архипастырской деятельности Св. Тихона наблюдается одинаковая последовательность мероприятий. Везде Святитель начинает с того, что отмечает вопиющее церковное нестроение и тотчас же спешит искоренить его увещанием или приказанием. А так как и то и другое далеко не всегда исполняется, то за ними следует угроза, денежный штраф или другое, более сильное, наказание. Изумительна по своей полноте и разносторонности эта пастырская деятельность Святителя, из которой мы изложили только наиболее существенное, и то в общих чертах. Осуществить все предначертания Святителя, достигнуть всех намеченных в них результатов возможно было только медленным, но последовательным путем. И все последующие воронежские Архипастыри могли бы только иметь пред собою программу, предначертанную Св. Тихоном, чтобы исполнить свое высокое призвание. Но высокое настроение Святителя в связи с его горячим пастырским настроением не выносило нестроений, требуя быстрого их искоренения. Это делало Святителя не только строгим к преступлениям, но и опальчивым. Мы уже видели, что он в своем гневе на беззакония не останавливался пред отлучением грешников от церкви. И неудивительно, что люди, привыкшие к порочной жизни или злоупотреблявшие своею властью и положением, считали Святителя не в меру строгим, а некоторые даже обвиняли его пред Св. Синодом в несправедливости⁴⁸⁶. Расследование дел показывало всю неосновательность таких обвинений; но все же они очень важны для уяснения характера архипастырской деятельности Святителя. Еще более важно мнение о Святителе его современников – Воронежских жителей. Убеждая друг друга исполнять наставления и приказания Архипастыря, они прибавляли: «Он Богу пожалуется». Паства Святителя запомнила один поразительный случай такой «жалобы Богу». В 1764 году, в осеннее время, Святитель ехал чрез село Хлевное для погребения какого-то помещика. Здесь Святитель попросил у старосты лошадей. Но жители не только отказали ему в этом, но и наговорили ему грубостей: «ты ведь не губернатор наш, чтоб скоро собрать лошадей», сказали они Святителю. – «Да я вам пастырь: вы и меня обязаны сочесть не менее губернатора, и послужить мне, как пастырю своему». – Да ты пастырь над попами да дьяками, отвечали мужики.

Эта грубость сильно опечалила Святителя и он просил их, чтобы они побоялись Бога и не мучили его. Долго прождал он лошадей, хотя платил с лихвою прогонные деньги. Наконец в печали выехал

он в дальнейший путь. Спустя 16 лет чрез тоже село проезжал келейник Святителя. «Между разговорами слышу от мужичка и от прочих собравшихся к нему стариков просьбу ко мне, чтоб истребовал я от преосвященного всем того села жителям прощение. Пересказывая мне прошедшую свою вину и все то приключение, они говорили, что от того времени, как сей архиерей наше село проклял, ни у кого не стоят лошади доныне, но у всех хорошие лошади мрут: старики говорили, что прежде у них довольное количество было весьма хороших лошадей, а теперь многие в лошадях и хлебе недостаток претерпевают, а паче из тех, которые так грубо отвечали архиерею. Я советовал оным мужичкам самим явиться к пастырскому его лицу. По совету моему, они и приезжали к нему в Задонский монастырь. Когда ж я докладывал о тех мужичках и о всех случившихся им обстоятельствах, то преосвященный, вспомня тотчас о тех приключениях скорбных, все то подробно пересказал мне, как я от тех мужиков слышал. «Но проклинять их, говорил он, я не проклинал, но за непочтение и оскорбление пастыря наказует их Бог». По болезни Святитель не мог тогда принять мужиков, но заочно, чрез келейника, простил их⁴⁸⁷.

Такова была архипастырская деятельность Св. Тихона на Воронежской кафедре. Проводя подвижническую жизнь, хорошо понимая цели пастырского служения, издавая многочисленные распоряжения, клонившиеся к благу церковному, Святитель не был еще знатоком человеческого сердца: он являлся более обличителем недостатков, чем врачом духовных болезней. А это происходило оттого, что ему, постоянно занятому работами по управлению, не было времени близко подойти к сердцу пасомого, побеседовать с ним с глазу на глаз и понять все обстоятельства, поведшие ко греху и преступлению. Поэтому и сам Святитель, горевший любовью к Богу и людям, не был правильно понят пасомыми, которые исполняли его повеления более из страха пред обличителем, чем из сыновней любви к нему. Неудивительно после этого, что 4-летнее пребывание Святителя на кафедре ему самому казалось неуспешным. Историк должен сказать, что этот период имел все же большое положительное значение, но он был менее успешен, чем время пребывания его на покое. «Святитель, выражаясь образно, только расчищал тогда почву для посева и насаждал, не получая плода; второй период, более успешный, представлял из себя сплошную жатву. Первый период пастырского служения Святителя окончился

его удалением на покой и смирением; второй период – достижением высокой степени духовного совершенства и прославлением»⁴⁸⁸.

Не видя успехов своей деятельности, Святитель сильно тяготился ею. В тоже время он испытывал и сильное физическое недомогание. Последнее привело его к мысли проситься на покой еще при самом вступлении на Воронежскую кафедру. 7 августа 1763 г. он писал в прошении св. Синоду. «Как из Москвы выехал болен, так и ныне в той же болезни нахожусь еще и паче, которую как внутрь себя, так и в голове чувствую, чего для и литургии служить и прочих дел по должности и званию отправлять не в состоянии: ибо почасту, как кроме служения, так и в служении обморок находит, о чем как служащий со мною, так и прочие засвидетельствовать могут». Поэтому Святитель просил уволить его от епархий, «а определить в келью по близости в Троицкую Сергиеву Лавру. Но св. Синод посоветовал Св. Тихону обратиться за помощью к врачам, указывая на то, что в его молодые годы еще возможно освободиться от болезни. И Святитель, как мы видели, не сложил рук, а с головою погрузился в тяжелую работу епархиального управления. Между тем болезнь не оставляла его, а еще более усиливалась. А к этому теперь прибавилось еще более тяжкое сознание безуспешности работы. 16 марта 1766 года Святитель подал в св. Синод второе прошение об отставке. «И доныне в той болезни нахожусь и уже в крайнюю пришел слабость, так что по своей должности и отправлять дел, которых по здешней епархии много, и трудные, и мне, по немощи моей, несносные, и служить не могу». Здесь уже указывается не одна болезнь, а трудность и непосильность дел правления. Но Св. Синод даже не ответил на это второе прошение. Не дождавшись ответа и чувствуя себя еще более слабым, Святитель 23 августа 1767 года просит об увольнении на покой самое Имп. Екатерину II. Здесь же Святитель просит разрешения жить ему в каком-нибудь монастыре Воронежской Епархии и назначить пособие на содержание. Вследствие троекратной просьбы, Св. Синод 15 октября 1767 года сделал доклад Императрице об увольнении Св. Тихона на покой и о назначении ему пенсиону. 17 декабря последовало согласие Императрицы на увольнение, с выдачею ему ежегодно по 500 р. и с разрешением избрать для жительства какой угодно монастырь Воронежской Епархии. 3 января 1768 г. Святитель получил указ об увольнении, а 8 января сдал все дела и вещи Архиерейского Дома и удалился на покой.

Святитель удалялся на покой в полном убеждении, что его общественная деятельность кончена. Далее открывалась полная возможность посвятить себя совершенному уединению. Так исполнялось его заветное желание. И он действительно избрал мужицкий монастырь – Толшевский, где мог подвизаться, как обыкновенный монах-простолюдин. Но не мог исчезнуть с церковного небосклона светильник Божий, так как свет его прорезывал тьму и далеко разносился, несмотря на то, что был поставлен под спудом. И таково вообще действие истинного подвижничества. Величайшие отшельники были и величайшими светильниками мира. В полном уединении они созревали в меру возраста совершенна и делались нравственными притягательными центрами, к которым неудержимо тяготели и иноки, и священники, и вельможи, и простолюдины. «Покой» в Боге и уединение Св. Тихона завершились таким же образом. Он сделался истинным светильником Русской церкви и пожал богатую жатву подвигами уединения, о которой тщетно вздыхал в сане епархиального епископа. И эта жатва была собрана им не административными приказаниями, не штрафами и наказаниями, а тихими и бесшумными нравственными средствами. Свет, исходивший из кельи отшельника-епископа, разливался в души человеческие и производил в них духовный переворот.

Еще до прибытия в Воронеж, молодой епископ был в душе подвижником. На кафедре, отвлекаемый делами правления, он вздыхал об уединенном подвижничестве и строго выполнял в своей жизни обеты иночества. И уже тогда разнеслась молва о его святой жизни. О святой жизни молодого епископа знали не только в Твери, Новгороде и Воронеже, но и в глухих местах Саровской пустыни.

Там, со времени основоположника обители иеросхимонаха Иоанна († 1737 г.) развивалось истинное подвижничество. В Саровских лесах жили люди, действительно отрекшиеся от прелести мира и безбоязненно шедшие на смерть за имя Христово; но в то же время – любившие людей, искупленных кровью Спасителя и несшие им свет Евангельского учения⁴⁸⁹. Во времена Св. Тихона там с новою силою засияло это направление в строительство иеромонаха Ефрема⁴⁹⁰. И вот это то пустынное братство из глуши лесов, затерявшихся среди полумордовского полуязыческого населения, разглядело свет, исходивший от нового Воронежского Епископа и обратилось к нему с приветственным письмом. Нам трудно даже и представить, как могло произойти это чудо духовного общения праведных душ на таком далеком расстоянии, при тогдашних путях

сообщения. Но тем ценнее в истории монашества это общение. Саровская братия в своем послании приветствовала Св. Тихона, как архипастыря-подвижника. Это видно из ответного письма Святителя: «Преподобнейшие отцы, отец строитель и прочая о Христе братия! За писание ваше благодарствую. Что же изволите в письме мне приписывать, того я, ей, недостоин. А и люди откуда предприняли мене хвалить пред вами, я не знаю; понеже я им ничего достойного, что до пастырская дела надлежит, не показал» (14 апреля 1765 года). Духовное общение Святителя с Саровской братией продолжалось в течение всего пребывания Св. Тихона на кафедре. Во втором письме, от 16 марта 1766 г., читаем подпись – «ваш любитель недостойный Епископ Тихон». Последний раз братия отправила свое письмо Святителю чрез иером. Пахомия. Святитель в ответном письме рекомендует о. Пахомия братии, «яко честна и ищуща спасения»⁴⁹¹ (От 15 апреля 1767 г.).

Святитель подвижник и среди подчиненных ему монахов придонских монастырей умел находить праведные души и с ними вступал в духовное общение. Таков был схимонах Задонского монастыря Митрофан. Он был из елецких купцов Голощаповых, был женат, но потом, по взаимному соглашению, они с женою оставили мирскую жизнь и разошлись по монастырям – Михаил – в Задонский монастырь, жена его в Елецкий, что на Каменной горе. Впрочем Михаил, принявший имя Матвея (в схиме Митрофан), поселился не в самом Задонском монастыре, а вне стен его и проводил подвижническую жизнь. Его то и называет Св. Тихон братом и с ним ведет переписку, несмотря на то, что Матвей был человек необразованный. К нему «в сожительство» он посылает «ново пришедшую овцу Христову» – послушника из купцов, который под руководством Матвея, действительно, сделался опытным в духовной жизни, почему и избран братией в духовники⁴⁹². Ему же Святитель посылает полтора ста рублей. «Их дали два жителя Воронежские для раздачи на милостыню, и просили мене раздать их. Я их тебе посылаю, чтобы ты раздал, а именно так: или сам поезжай в Ливны город и раздай погорелым, самым бедным, или доброму и верному человеку поручи, чтобы раздал, ничего не утаив. Потрудись не отрицаться: будет тебе в пользу души. И никому о том не сказывай, от кого посланы. А чтобы они розданы были погорелым Ливенским бедным: так приказано»⁴⁹³.

Схимонах Митрофан, нуждаясь в общении со Святителем, просил его приехать к нему в Задонск⁴⁹⁴. Но Святитель призвал его к

себе в загородный Троицкий дом. «Ко мне приезжай немедленно, чтобы повидаться, пока с миром сим не распрощаюсь, понеже крайне слаб»⁴⁹⁵. Это было 17 апреля 1767 г. Ушедший на покой в Толшевский монастырь, Святитель не прерывал письменного общения с Митрофаном и другими благочестивыми «приятелями», утешая их в том, что, с удалением на покой, он не может лично беседовать с ними. «Не скорби, что я отлучился от вас. Дух мой всегда с вами неотлучно»⁴⁹⁶. С переселением Святителя в Задонск восстановилось и личное общение его с Митрофаном.

Во время же пребывания на кафедре Святитель полюбил благочестие елецких граждан. С тех пор Елец сделался любимым его городом. Особенно ценил он купца Козьму Игнатьевича Студеникина, у которого Святитель и останавливался при посещении Ельца⁴⁹⁷.

Отказавшись от кафедры, Святитель мог наконец предаться тому совершенному уединению, о котором мечтал с молодых лет. Он избрал для этого наиболее глухой – Толшевский монастырь, расположенный в дремучем лесу и мало посещаемый богомольцами. И братия монастыря почти исключительно состояла из мужиков. Казалось ему, что и здоровье его восстановится в лесной местности. Но не прошло и года, как Святитель почувствовал, что ему нельзя дольше оставаться в Толшах. Низкая болотистая местность, среди которой расположен этот монастырь, и гнилая вода речки Усмани не укрепляли, а еще более расшатывали его здоровье. А нравы монастырской братии стояли очень не высоко. Настоятель монастыря иеросхимонах Серафим был заражен расколом и относился к Святителю неприязненно. Поэтому, как ни любил Святитель Толшевское уединение, пришлось ему променять Толши на Задонский монастырь. Только впоследствии, в 1771 и 1776 годах он на некоторое время наезжал в этот монастырь и ставил его выше Задонского, находя здесь успокоение от тех испытаний, какие выпадали ему в Задонском монастыре.

Весною 1769 года Святитель переселился в Задонский монастырь и здесь прожил до своей кончины, т. е. около 15 лет, если не считать его отлучек в Толши и в с. Липовку.

Он поместился в каменной, двух-этажной келии, прилегавшей к монастырской колокольне. Здесь же помещались его келейник и повар. Святитель жил своим хозяйством, на отпущенную ему 500 рублевую пенсию.

Весною 1769 года Святитель переселился въ Задонскій монастырь и здѣсь прожилъ до своей кончины, т. е. около 15 лѣтъ, если не считать его отлучекъ въ Толши и въ с. Липовку.

Онъ помѣстился въ каменной, двухъ-этажной келіи, прилегавшей къ монастырской колокольнѣ. Здѣсь же помѣщались его келейникъ и поваръ. Святитель жилъ своимъ

хозяйствомъ, на отпущенную ему 500 рублевую пенсію. Въ монастырскую трапезную въ Задонскомъ монастырѣ онъ совсѣмъ не ходилъ. Но изъ своего имущества наиболѣе цѣнное онъ продалъ, и обстановка его дома была очень скудная. вмѣсто перины, онъ спалъ на коврѣ, набитомъ соломою; вмѣсто одеяла онъ покрывался шубою, покрытой китайкою. Одежаніемъ его служила камлотовая ряса, обувался въ коты и толстые шерстяные чулки, подвязанные ремнями. Дома онъ ходилъ въ теченіе двухъ зимъ въ лаптяхъ, находя эту обувь очень покойною. Но для выхода въ церковь и пріема посѣтителей переобувался въ коты. Для поѣздокъ онъ имѣлъ кожаную кису. Въ нее онъ влалъ книги и гребень. Святитель долго отказывался принять отъ Пресвящ. Тихона Ш шелковую рясу. Наконецъ, послѣ настойчивой просьбы этого своего почитателя, онъ принялъ ее и надѣвалъ, когда выходилъ въ церковь. Но когда ке-

35 "Народное наследие России"

В монастырскую трапезную в Задонском монастыре он совсем не ходил. Но из своего имущества наиболее ценное он продал, и обстановка его дома была очень скудная. Вместо перины, он спал на ковре, набитом соломою; вместо одеяла он покрывался шубою, покрытой китайкой. Одежанием его служила камлотовая ряса,

обувался в коты и толстые шерстяные чулки, подвязанные ремнями. Дома он ходил в течение двух зим в лаптях, находя эту обувь очень покойною. Но для выхода в церковь и приема посетителей переобувался в коты. Для поездок он имел кожаную кису. В нее он клал книги и гребень. Святитель долго отказывался принять от Преосвящ. Тихона III шелковую рясу. Наконец, после настойчивой просьбы этого своего почитателя, он принял ее и надевал, когда выходил в церковь. Но когда келейник, снявши ее со Святителя, по приходе его из церкви, думал ее сложить, Святитель рассердился и, бросив рясу на пол, воскликнул: «это бредня, братец, давай на стол скорее, я есть хочу». В келии его не было никакого убранства. На стене висело только изображение страстей Христовых. Другая картина изображала лежащего во гробе седого старца в черном одеянии; тут же у кровати стоял деревянный аналойчик, на котором лежали книги. Он часто смотрел на эту картину и из глубины сердечной вздохнет и скажет: «скажи мне, Господи, кончину мою, и число дней моих кое есть». Эта свобода от вещей указывала на истинного подвижника и напоминала первого Воронежского Святителя Митрофана, жившего при подобной обстановке на кафедре.

Стол Святителя был очень простой, а великим постом даже очень скудный. Верный монашеским заветам, Святитель с 1771 года совсем не мылся в бане, а только изредка сам мыл себе голову. При одевании и раздевании он не позволял себе прислуживать, а все делал сам. Он любил работать в монастырском саду, а в зимнее время иногда сам рубил себе дрова. Таковы были внешние черты жизни Святителя на покое.

Но гораздо важнее внутренняя сторона этой жизни. Со всем жаром религиозного одушевления Святитель отдался подвигам и молитвам. Раннее утро встречало его на молитве. Почти каждый день ходил он в церковь и в будничные дни там читал и пел на клиросе; в праздничные дни становился в алтаре. «Стоя с умиленным видом и благоговейным воображением, с восторгом внимал святейшему и душепитательнейшему таинству, сокрытому, под покровом христианской веры в святейшей Евхаристии. «Пойте Богу нашему, пойте разумно», говаривал он. Священнодействовать же не разрешал себе во все свое, по посвящению себя уединению, пребывание. Когда же ему нужно было приобщиться св. животворящих Таин Христовых, приступал в св. алтаре к святому престолу, облачась токмо в мантию с омофором, а под ноги

подкладываем был орлец. В первые же годы своего пребывания, на первый день Христовой Пасхи в показанном облачении служивал заутрени, и в высокоторжественные дни государственных праздников отправлял молебствие»⁴⁹⁸. «Во время слушания Божественной литургии он иногда столь углублялся в размышления о любви Божией к роду человеческому и о искуплении оною непостижимым таинством воплощения Христа Сына Божия, о страдании Его и о Таинстве Евхаристии, что иногда при многолюдном собрании плакал, рыдал даже. И когда замечал, что во время призывания Св. Духа священником на спасительные Дары стоящие во храме не молятся купно со служащим священником во время пения «Тебе поем», – не обинуясь всем делал выговор и побуждал всех к должной молитве». В воскресные и праздничные дни он следил за тем, чтобы на литургии читались Синодские проповеди и побуждал к тому, если замечал уклонения⁴⁹⁹.

Часто Святитель приобщался св. Таин, обыкновенно за ранней литургией, в ризах священнических; когда же находился в уединении, то приносим был монахом потир со св. Тайнами к нему в келью, а когда уже на одре лежал, еще чаще преступал к св. Тайнам, и с толикою верою, что не точно с плачем, но и с великим рыданием приступал, но после уже целые те сутки вельми весел и радостен бывал. Пришедши к нему, я иногда слышал от него речи таковые: «Иван! Я пьян»⁵⁰⁰.

В утренние же часы Святитель занимался богословскими трудами, составлявшими только выражение его религиозных размышлений и созерцаний⁵⁰¹.

Во время обеденного стола он имел обычай слушать св. Писание, которое читал ему келейник. И здесь он часто так углублялся в смысл читаемого, что забывал о пище и проливал умиленные слезы. Особенно сильно трогало его чтение пророка Исаии, которое он заставлял повторять. И почти всякий день, садясь за стол, он говорил: «слава Богу, вот такая у мене хорошая пища, а собратья мои – иной, бедный, в темнице сидит, а иной нуждную (скудную, с трудом добываемую) пищу имеет, а иной без соли ест», и скажет: «но горе мне окаянному!».

После обеденного стола имел он краткое отдохновение, час, иногда и более; вставши, читал жития святых отец и прочие книги. В летнее же время прохаживался в монастырском саду и за монастырем; на случай же крайней надобности к нему, он приказывал (келейнику): «когда тебе крайняя надобность ко мне, не

доходя покашляй, чтобы я оглянулся». Так и делал я, пишет келейник Чеботарев. Но однажды случилось, когда он был в саду, я, не подходя к нему, много кашлял, но он в таком глубокомыслии был, что ничего не чувствовал, сам же на коленях стоял лицом на восток, руки поднявши к небесам. Я подошел и сказал: ваше преосвященство! Он так испугался, даже пот пошел из него, почему и сказал мне: «вот сердце у меня как голубь дрожит ведь я тебе давно говорил, чтобы, не доходя до мене, покашлял»; скажешь, что я кашлял, «но я не слыхал», скажет.

Никуда и никогда не ходил и не ездил он без псалтыря, но всегда при себе имел за пазухою маленькую псалтирь. Он знал ее наизусть. Ее он читал в дороге, иногда и пел из нее и изъяснял ее келейнику.

Святитель остерегался празднословия; его разговоры были о вечной муке, о вечном блаженстве, о пороках и добродетелях. И каждую мысль свою он подтверждал текстами из св. Писания и примерами из житий святых⁵⁰².

В вечернее время келейник читал ему из Нового Завета, а Святитель объяснял ему малопонятные места. «Ночи он имел привычку проводить без сна, а ложился на рассвете. Упражнением его в ночное время были молитвы с поклонами, но притом не хладные его молитвы были, но самые горячие, так что иногда и гласно вопил он: «Господи, помилуй»! «Господи, пощади»! «Кормилец, помилуй»! Сам же главою ударял об пол. Святитель оставил после себя особый покаянный псалом. «К Тебе прибегаю, Иисусе Сыне Божий, мене ради окаянного рабий зрак приемый, предстательством бесплотных Твоих помилуй мя. К Тебе припадаю, Избавитель мой, молитвами Предтечи Твоего и всех Твоих Святых пророков и праотцев, помилуй мя. К Тебе воздыхаю. Человеколюбче, грешников едино прибежище и надежда, спасе всех моленми учеников Твоих, Тебе Спаса нам проповедавших, помилуй мя. К Тебе воздею руце мои, пострадавый за грешников, Сыне Божий, молитвами мучеников Твоих, кровь свою Тебе ради изливавших, помилуй мя»⁵⁰³.

Среди ночи он тихо и умиленно пел псалмы святые. Замечательно, когда он был в мрачных мыслях, тогда пел псалом: «Благо мне, яко смирил мя еси»; когда же в ведренных (радостных) мыслях, пел псалом: «Хвалите Господа с небес» и др. утешительные псалмы, и всегда с умиленными слезами и сердечным воздыханием»⁵⁰⁴.

Так жил Св. Тихон на покое в Задонске. Это была жизнь в Боге в точном смысле. Все земное так незначительно было в глазах угодника Божия, что он иногда совершенно забывал о земле. При такой само собранности духовные созерцания вещей невидимых часто переходили в чудесные видения. Так, однажды в 1770 году, «лежа на кровати и как бы в некоем восторге бывши, слышит он над собою ангельское пение, которого приятность он не в состоянии был изъяснить языком, и что было пето, кроме множества голосов согласных, не понимал. Это продолжалось более 10 минут; потом, как бы по удару в небольшой колокольчик, пение то тотчас окончилось, и он очуствовавшись встал в великом прискорбии, что малое время продолжалось то пение⁵⁰⁵. Об этом видении сам Святитель пишет так: «Одному на сей неделе послышалось в нашем монастыре, когда он в самой полночи забылся только, легши спать, а именно, послышал такое пение над верхом себе, что сердце его, от радости и сладости, как воск, таяло; и как только окончилось пение тое, он проснулся, и тую радость и сладость чувствовал в сердце своем, которая несколько времени была у него, и скоро отошла; и потом нашла великая на него печаль, что тая радость отошла от него»⁵⁰⁶. В 1779 году, тоже «в тонком сновидении, видел он Богоматерь, сидящую на воздухе, и около нее стоящие некие лица. Он упал на колена, и видел – вокруг него также упали на колена 4 человека, облеченные в белое одеяние, – просил Ее о каком-то человеке, чтобы от него оный не отдалялся по смерти его, о чем ему от Божией Матери и сказано тако: «будет по просьбе твоей». По обещании том: он как бы от сна воспрянул в радостном духе. – В 1778 году тоже во время сна он видел Богоматерь, сидящую на облаках и около нее стоящих апостолов св. Петра и Павла; а он, стоя перед Нею на коленях, просил о продолжении Божией милости всему миру и слышал гласом громким взывающа апостола Петра сии слова: «егда рекут мир и утверждение, тогда нападет на них внезапно всегубительство». От страха оного апостольского гласа, восстав, видит себя трепетна в слезах». – В 1770 году, при написании книги «Об Истинном Христианстве – он размышлял о страдании Христа Сына Божия. Это вообще было излюбленное размышление Святителя, страсти Христовы были изображены у него и на картинах. Угодник Божий сидел на кровати, против которой на стене была прибита «страстная» картина – распятия Христа, «снятия со креста и положения во гроб. «И в глубоком том размышлении, как бы вне себя будучи, увидел с той картины, аки с горы Голгофы, с самого

креста идуща к нему Христа, всего израненного, всего уязвленного, измученного, окровавлена. От великой радости при таком чудном видении и от соболезнования сердечного, бросившись к Спасителевым ногам, с тем чтобы облобызать их, выговорил он гласно слова таковые: «и Ты ли, Спасителю мой, ко мне идеши?» – чувствуя себя, аки у ног Спасителевых. От того часа он еще более начал углубляться в размышление о страданиях Его и об искуплении рода человеческого»⁵⁰⁷.

За два года до кончины, Святитель, входя в уединенную келию, увидел в ней необычайный свет. Так как это было уже по захождении солнца, то он, позвавши к себе келейника, спросил, нет ли тучи с молнией? Но небо было ясное со всех сторон. С тех пор такое сияние нередко являлось ему и днем и особенно вечером, то во всю келию, то в каком либо углу ее⁵⁰⁸.

Иногда Святитель, сидя в своей келии, вдруг падал на колена, прижимал руку к сердцу, возводил очи горе – и лице его просиявало особенною радостью и чистотою. И когда приходили такие состояния, долго оставался на лице его отсвет небесной радости, а его живое, радостное расположение духа и желание делиться своими чувствами с другими показывали, что душа Святителя была полна восхищением и невольно открывалась, чтобы излить полноту духовного утешения.

Эта духовная радость была завершением подвигов Святителя. На пути к ней он испытал множество физических лишений и еще более духовных испытаний. Избранный им для уединения Задонский монастырь не мог дать ему полного удовлетворения. Прежде всего он не мог здесь найти того уединения, которого жаждал от юности, и скорбел, «что у нас в России сего сделать не можно». Он любил поэтому беседовать об афонском уединении «Тамо де многие наши братья, епископы, оставя епархии, живут по монастырям в уединении». Когда же проездом бывали у него из афонской горы греческие архимандриты, он много с ними разговаривал о их монастырях и о монашеской жизни и с великим вниманием слушал их; когда же выходили от него, то он благословит их и скажет: «прощай, возлюбленне, вот мой низкий поклон святым отцам, живущим во афонской горе, и прошу тебе, чтобы ты усердно попросил их, дабы они в своих святых молитвах поминали мое окаянство»⁵⁰⁹.

Задонский монастырь доставлял ему много огорчений духовных. Его оскорбляли монастырские власти и огорчали низкие нравы

монашествующих. Над ним смеялись монастырские служители, называя его ханжею⁵¹⁰.

Все это побуждало Святителя хотя на время удаляться из Задонского монастыря. Чаще всего он выезжал версты за две от монастыря на источник и там, на лоне природы, предавался благочестивым размышлениям⁵¹¹. «Здесь, говорил он, место святое и весьма приятное; как я приеду сюда, ощущаю живость. Это место утешает дух мой радостью точно рай земной». Святитель сам вырыл здесь колодезь, который сделался святыней для основанного потом на этом месте монастыря. Иногда Святитель отъезжал дальше, еще версты за три, где в настоящее время находится Тихоновский скит. Но несколько раз он оставлял Задонский монастырь и на более продолжительное время. Так, в 1771 и в 1776 годах он удалялся в Толшевский монастырь. В этом монастыре он чувствовал себя спокойнее и веселее. Он ежедневно ходил на богослужение и пел на клиросе, а по воскресным дням, в праздники и во всю светлую седмицу в трапезу ходил и с монахами кушал (а в Задонском монастыре не кушал в трапезной ни разу). В полночное время он ходил вокруг церкви и пред всеми дверьми с коленопреклонением молился и горячие слезы проливал. Прислушаешься бывало, пишет келейник: он читает «Слава в вышних Богу» и проч., также и псалмы святыя. Пред западными же дверьми с полчаса и более маливался. Там Святитель больше утруждал себя и физическою работою⁵¹². Еще более любил Святитель бывать в с. Липовке, отстоявшей в 15 верстах от Задонского монастыря. Там был господский дом почитателей Святителя дворян Бехтеевых; но господа не жили там. Туда-то иногда месяца на два и более и выезжал Святитель⁵¹³. Здесь проживал диакон Филипп, племянник Святителя, прежде служивший у него келейником. Но главное, что привлекало его здесь, – это полное уединение. «По моему мнению, писал он приятелю, искавшему уединения, нет тебе лучшего места, как Липовка. Там и особливая келья для тебя готова, и уединенное место, способное к чтению, размышлению, молитве и сочинению умного всякого дела. Я бы, ей, там неисходно жил. Так мне место оное нравится! Но люди, особенно враги мои в этом находят повод к клевете на меня, когда я там живу. Сего ради в монастырь себе заключил, и чуть ли куда без крайней нужды выеду»⁵¹⁴.

Из приведенного письма, равно как и из свидетельств келейников, делается очевидным, что и на покое Святитель подвергался клеветам и гонениям от людей и в монастыре терзался

от низких нравов братии. Важно проследить, как он сам относился к своим врагам и вообще к людям нравственно недостойным. Выше мы видели, что Святитель оставил кафедру, не вынеся того мрака, среди которого ему пришлось работать. Всевозможные настроения болезненно настроили душу его и результатом этого явилась та ипохондрия, о которой говорил его современник. Она выражалась не только в мрачном настроении духа, но и в болезненной раздражительности, нетерпимости к людским слабостям. В Толшевском уединении Святитель не нашел покоя: и нравы братии должны были волновать его, и грубое обращение игумена, приверженного к старым обрядам, действовало раздражающим образом. Непокойное состояние духа продолжалось и в Задонском монастыре. Так как «мир» теперь прямо не касался Святителя, то оно отражалось только на его келейниках. За малую погрешность он наказывал келейника поклонами с коленопреклонением. Не вынося его раздражительности, келейники, служившие ему из усердия, уходили от него. «Сознавая чрезмерную свою горячность, начал он просить и молить Бога, дабы посетил его какую-либо болезнью, чтобы таким путем ему можно было обучиться смиренномудрию и кротости, и получил желаемое. Видит он раз в сонном видении: якобы входит он в церковь, навстречу к нему идет священник из алтаря царскими дверьми и на руках несет младенца, покрытого тонкою кисеею. Будучи привержен к младенцам любовью (каковых сам Христос принимал приходивших к Нему), сам подошел к тому младенцу, лежащему на руках священника, и спрашивает его, как его звать? Священник отвечал: Василий (значащий с греческого – царь). От любви к младенцам, отложив с лица его то белое покрывало, он поцеловал младенца в правую щеку; младенец же ударил его десною рукою по левой щеке и так сильно, что от удара того он пробудился; встав чувствует и видит у себя левую руку трясущуюся и ослабление левой ноги. Рассуждая знаменование виденного сна, благодарил он Бога за таковое отеческое посещение. От того времени начал он кротости и глубочайшему приобщаться смиренномудрию, и так приобщился оному, что и за правильный выговор последнему келейнику из простых и грубых мужиков, повару, если увидит его оскорбившегося на него, кланялся об руку, испрашивая прощения»⁵¹⁵.

В таком настроении Святитель писал одному иноку: «слышал я, что ты скучаешь от ненависти и озлобления живущих с тобою, и хочешь от того места отойти, и пойти в един от московских

монастырей. Когда подлинно тебе люди ненавидят и озлобляют, то сие есть козни дьявола, который ненависть и озлобление людское на благочестивую душу возбуждает, чтобы ее низложить и от доброго пути отвратить. Знай точно, что где ни будешь, везде он будет тебе беспокоить чрез людей и чрез самого себе. В тишине будешь жить, и добр покой иметь, когда все, что ни приключится тебе от него самого и от людей, с молчанием и без ропота претерпишь. Житие монастырское и черное платье есть смирение и покаяние. Разве дотоль монах бывает, доколь постригается? Разве черная риза и обеты монахом делают, а не самое дело? От христиан всех требуется, чтобы шли узким и тесным путем, но паче от монаха и от монахинь⁵¹⁶.

Кротость есть высшее проявление христианской любви к ближнему, так как она свидетельствует, что кроткий видит в каждом человеке брата и любит его, ненавидя грех. «Любовь его ко всем была нелицемерная: он сказывал, что я де временем в мыслях своих чувствовал, что всех бы людей обнимал и целовал, а иногда бывало ощущал в себе отвращение от всех; искушение сие и нередко чувствовал⁵¹⁷. Но эта раздвоенность должна была исчезнуть по мере достижения кротости и успокоения. Любовь Святителя к человеку ярко выразилась в его отношении к иноверцам. Борец за православие, оберегавший и на покое простонародье от совращения в раскол, Святитель говорил: «не точию раскольнических сект придерживающимся, как простым и заблудшим от Христовой ограда овечкам, но и самым Туркам и прочим неверующим во Христа Сына Божия Спасителя нашего, и самим хульникам Божия имени желал бы я, чтобы спасены они были, и в вечность блаженстве все бы находились»⁵¹⁸. Эти слова высочайшего милосердия и любви ставят Задонского Отшельника наряду с величайшими христианскими аскетами, вдали от людской злобы, воспитавшими в себе любовь ко всем людям, и добрым и злым⁵¹⁹. На этой ступени духовного совершенства Святитель был уже не тем, чем был на кафедре. Священная ревность, не терпящая слабостей людских, ревность пророка Илии, уступила место кротости Христовой, не угашающей курящегося льна и не губящей надломленного тростника. И это высшее совершенство достигнуто на покое, в тиши уединенных размышлений о Боге и его любви к человечеству, в неустанной работе над собою, в умерщвлении плоти и в подавлении самолюбия. Так священный огонь веры и любви, ранее, во время архипастырского служения Святителя, ярко светивший, но часто

ослеплявший и опалявший слабые сердца маловерных людей, теперь, менее омрачаемый смрадом людской злобы, стал гореть ровным большим пламенем, ярко разносящим свет из стен Задонского уединения.

При таком высоком совершенстве снова началось общественное служение Святителя. Но это служение существенно отличалось по своему характеру от его служения на епископской кафедре. Оно явилось именно неизбежным выражением нравственного совершенства Угодника Божия.

Деятельная работа Святителя не могла заключиться в полном отрешении от мира. Уже в первый год своей жизни в Задонске «он испытывал скуку и уныние: представлялось ему, что не туне ли получает он от короны пенсию. Целый год боролся он с мыслями своими. Честь и слава, а особенно польза общества христианского влекли его назад к пастырской деятельности. Он томился от таких мыслей и по целым дням не выходил из кельи. Только и слышан был голос молитв и хождение его по кельям. Святитель укорял себя в кратковременном служении церкви, для коей принял сан пастырства; в нетерпеливом и добровольном оставлении своего звания, к которому опять увидел себя способным». Его сокрушало, что многие из его начинаний на кафедре не dokonчены и могли вовсе уничтожиться. Он укорял себя даже в гибели, может быть, многих душ, его попечению врученных от воззавшего его Промысла Божия⁵²⁰. Однажды, уже пробывши год в Задонском монастыре, он раздумывал над своею жизнью и скучным уединением. Борьба с соблазном снова возвратиться на епархиальное служение была так сильна, что он был облит обильным потом. Вдруг Святитель встал с постели и громко воскликнул: «Господи! Хоть умру, но не пойду». С тех пор испытание кончилось: Святитель успокоился, окончательно решившись жить на покое. Между тем в минуты испытания он уже поведал свою скорбь Петербургскому митрополиту Гавриилу. Последний предложил ему в управление Иверский Валдайский монастырь или другой какой угодно монастырь Новгородской епархии⁵²¹. Но предложение пришло в то время, когда колебания кончились, поэтому Святитель не принял предложения. Он остался на покое до конца дней своих. Но этот покой оказался самым плодотворным служением его Церкви и народу.

Плодом духовной зрелости человека служит слово и дело. Мудрое слово, как и дело, неизбежно произносится в назидание другим, хотя бы человек всю жизнь провел в уединении. И Задонский

Отшельник повторил бесчисленные опыты древних подвижников. Руководясь в своей жизни Божественным Откровением, он вдумывался в каждый мельчайший шаг своей жизни, в каждое свое настроение, даже в каждое мимолетное чувство и мысль. И то, что для мирянина, развлекаемого внешними событиями, ускользает, как незначительное и неважное, в его сознании имело глубокий смысл и значение. А плодом этих размышлений явились его многочисленные сочинения. Если бы Угодник Божий ничего не сделал и не оставил нам, кроме этих сочинений, то и тогда он стоял бы в ряду Учителей Церкви. И до сих пор пред его назиданиями, рассеянными в разных сочинениях, бледнеют его архипастырские труды на епископской кафедре. Тогда Святитель был предстоятелем и учителем своей Воронежской паствы, теперь – на покое и по смерти – он сделался Отцом Русской Церкви, так как его книги сделались любимейшим чтением для русского народа.

Уже в 1770–1771 году Святитель трудится над большим нравоучительным сочинением – «Об истинном Христианстве», составившим 6 томов⁵²², излагая истины христианские в удобопонятной форме. Это сочинение Святитель писал собственноручно, а озаглавил так, подражая Арндту, книгу которого: «Об Истинном Христианстве» он читал и любил. Книга: «Об Истинном Христианстве» имеет цельный, законченный вид. В тиши уединения Задонский Отшельник хотел оставить в назидание верующим и такие свои размышления, которые касались отдельных вопросов веры и жизни. И он заносил их в свои «Письма келейные»⁵²³. Ни к кому эти письма не были посланы, но чтение их убеждает, что Святитель как бы имел пред собою многолюдных слушателей разных степеней развития и пред ними раскрывал истины христианские. Это лучшее доказательство того, как неизбежно духовное совершенство изливается на ближних, несмотря на уединение подвижника. Но любимейшим чтением для народа сделалась книга Святителя «Сокровище духовное от мира собираемое». Это сочинение составлено в 1777–1779 годах. Здесь писатель пользуется каждым случаем жизни, каждым предметом и явлением природы для духовного назидания⁵²⁴. Святитель сам не писал, а диктовал келейникам это сочинение, при чем переписчики с трудом могли поспевать записывать его слова. Иногда он останавливался и задумывался; отославши келейника в свою келью, он, став на колена или крестообразно распростершись, молился со слезами Богу о ниспослании Вседействующего (Духа Святаго). Затем

опять призывал келейника и продолжал быстро дописывать свои мысли. Так создалось любимейшее чтение для народа, наиболее известное из всех его сочинений. Кроме этих крупных сочинений Святитель писал много писем в назидание частным лицам по разным случаям их жизни⁵²⁵.

Все эти сочинения были плодом не только богопросвещенного ума Угодника Божия, но и его любвеобильного сердца, желавшего всем спасения. Святитель видел, как мало знает о вере простой народ, и шел к нему со своими знаниями и трудом. Часто он говорил о том, что надо дать в руки простому народу удобопонятный текст Библии и желал бы сам взять на себя труд перевода Нового Завета с греческого на русский язык, «дабы простолюдинам было внятно, и чтобы для полезного чтения многих выпечатано было на одной стороне по-славянски, а на другой – внятным переводом». Он опасался только, что этим можно произвести соблазн в черни, а особенно среди «многообразных сект раскольничьих. Однако он думал сообщить о своих желаниях Новгородскому митрополиту Гавриилу, и только по слабости здоровья не привел в исполнение это свое желание⁵²⁶. И в желании дать перевод св. Писания, и в опасении произвести этим соблазн опять отпечатлевается душа истинного христианского пастыря, вместившего в своем сердце весь немощный христианский народ. Он видел, что этот народ совершенное дитя по вере, и оберегал его от совращений в заблуждения именно такими средствами, какие были действительны для духовных детей. Когда он узнавал, что паломники из Задонского монастыря идут на «поклонение куда-либо св. мощам, всегда в предосторожность внушал, дабы не попадали какому либо искушению; а особенно остерегались различных сект расколдержателей, и бегали таковых, как злохитрых волков, своими прельщениями, противными нашей святой церкви, смущающих простые сердца. В случае же какого-либо разговора с этими волками, одетыми в овечью кожу, и неповинуящимися святой церкви, как своей матери, и блуждающим по путям гибельным, подобно овцам заблудившимся без пастыря, – Святитель советовал отражать их вопросы таким ответом, какой только возможен для неученых людей: «я верую так, как содержит и приказует мать наша св. церковь». – А церковь ваша как содержит и приказует, вопросят? – «Так, как мы веруем и содержим». Таким ответом, прибавлял Святитель, всякий раскольник, как пес от палки, отженется от вас, а вы соблюдете свою приверженность и должное повиновение св. церкви; как верные чада

матери своей, пекущейся о спасении душ ваших и благосостоянии вашей жизни. Он говаривал: кто повинуется церкви святой и воздаст ей подобающую честь, и уважение ее пастырям, установленным от Самого Великого Архиерея Иисуса Христа, тот повинуется Самому Господу Богу. Ибо в раскольнические секты, как рыболов рыбу, уловляет и запутывает в свои сети никто иной, как враг нашего спасения». Отпуская и благословляя во св. путь шествующих, в напутие им он произносил такие слова: «Господь Иисус Христос, Спаситель наш, да сохранит и избавит вас от сетей оных вражеских, яко истинных сынов церкви святыя и соблюдет от всяких душевредных искушений»⁵²⁷.

Эти наставления Архипастыря неубедительны для многих мало верующих людей. С точки зрения этих сомневающихся в вере церковной, а тем более отпадших от церкви раскольников, ответы, рекомендуемые Святителем, не доказательны. Но они совершенно убедительны для отца, наставляющего верующих, но малопонимающих детей. Сам же Отец-наставник так глубоко веровал в учение церкви, что для него вся жизнь была в руке Божией, а загробная жизнь была уже предметом не обыкновенной веры, а созерцания⁵²⁸.

«Он горько оплакивал заблуждения многообразных сект раскольнических и не мог терпеть их ожесточения». Но и здесь произошла существенная перемена в его отношениях к ним. Будучи на кафедре, он действовал против раскола распоряжениями административными, снарядивши против них особую следственную комиссию. Теперь раскольники сами шли на беседы к Задонскому Отшельнику и искали его наставлений: и для них Задонская обитель сделалась нравственным притягательным центром. Сохранилось известие, что раскольники «отправляли из Москвы к Преосвященному Тихону Воронежскому одного Саратовского купца с прошением, не согласится ли он к ним? но он отозвался, что, оставя епархию, к чему приступить? вы-де и сами пусты»⁵²⁹. Святитель стремился не к тому, чтобы сделаться раскольничьим архиереем, а к тому, чтобы сами раскольники пришли в ограду церковную. И его желание частью исполнилось. В 1778 или 1779 году раскольники вместе со священником Аксайской станицы Василием приехали к нему с целью присоединиться к Св. Православной церкви. «Веруя и повинуюсь увещаниям пастыря, которого и они чтили, соединились они св. церкви и хотели возвратиться обратно на Дон в свои дома. Но преосвященный, для лучшего удостоверения их, присоветовал им

съездить в Св. Синод и к Гавриилу митрополиту Новгородскому. Священник с ними и ездил. Возвратясь оттуда с совершенною приверженностью к св. церкви, изъявляли они ему свою благодарность. И как скоро повидел он их у себя, то, взяв начальника той раскольнической секты в свои святительские объятия, со слезами и радостным духом возгласил так: «наш еси, Исаакий! Да возрадуется душа о Господе: яко обретохом овцу погибшую и... яко сей мертв бе и оживе: изгibl было и обретесе. Слава Богу о всем, слава Богу за Его благодать к нам и человеколюбие!»! Преподавши им наставление и благословение, он снабдил их своими сочинениями⁵³⁰.

С наибольшею любовью Святитель относился к простонародью. Крестьяне имели свободный доступ к нему и получали от него и духовное назидание, и материальную помощь. Но особенно трогательно было его отношение к детям. Он благословлял их, учил вере и оделял деньгами. Заметив его ласку, узнавши о его подаяниях, дети почти ежедневно начали толпою приходить в монастырскую церковь к обедне. Идет Святитель из церкви в свои келии, идут за ним толпою бедные и неимущие из мужичков, идут и малые дети толпою. Прямо за ним смелым лицом войдут в зал. Положат все по три земных поклона и все разом громко скажут: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе»! А он скажет им: «дети, – где Бог наш»? Они также единогласно и громко скажут: «Бог наш на небеси и на земли»! «Вот, хорошо, дети», и погладит рукою всех по голове, даст по копейке и по куску белого хлеба, а в летнее время по яблоку оделит их⁵³¹. Которые посмышленнее, читывали Иисусову молитву, а кои годов по три, по четыре и по пяти были, те что есть сил кричат, творя молитву с земными поклонами так: «Господи помилуй! Господи, пощади! Пресвятая Богородица, спаси нас! Все святии, молитесь Бога о нас»! Когда же, по слабости своего здоровья, Святитель не бывал у обедни, то дети придут в церковь, посмотрят – нет его в церкви, они и уйдут вон. «Когда же, пишет келейник, я приду к нему от обедни, то он спросит: были ли дети в обедне?» «Скажешь, что входили в церковь, посмотрели, что нет вашего преосвященства в церкви, и ушли по домам. Он улыбнется и скажет – это беда: они, бедные, ходят к обедне для хлеба и копеек. Что ты их не привел ко мне? Я весьма радуюсь, что они ходят к обедне»⁵³².

Так оглашались начатками христианской веры крестьянские дети. Это совершенно другой прием сравнительно с катихизическими беседами в Воронеже. Там беседы при соборе по всем правилам

школьной науки, но на них нет слушателей, несмотря на увещания ревностного епископа. Здесь разговоры с детьми ласкового батюшки, одеяющего гостинцами. Последнее обстоятельство как будто смущало Святителя; но в нем видно знание детской души. И эти дети, с трех лет молившиеся в келье отшельника-епископа, до могилы не могли забыть ни своих детских молитв, ни ласки Пастыря, бывшего живым примером веры и благочестия. Здесь припоминается другой – древнерусский проповедник христианского благочестия – св. Леонтий, Епископ Суздальский. Убедившись, что взрослое языческое поколение города Ростова остается глухо к его учению, он удалился из города и стал беседовать о вере с малыми детьми. А чтобы они охотнее шли к нему, он кормил их кашей. И Св. Леонтий насадил веру в Ростове, скоро сделавшемся христианским городом.

С простым народом Задонский Святитель любил беседовать в одежде простого инок, чтобы народ чувствовал себя свободнее. Он расспрашивал крестьян об их работах, заводил речь со стариками о былых временах, о крестьянских нуждах, порядках и повинностях. Узнавши их нужды, он утешал их, ободрял малодушных, увещевал быть терпеливыми. Узнавши таким образом нужды крестьян, он помогал им прежде всего из своих личных средств, употребляя на это почти всю свою пенсию. То он раздавал деньги погорельцам, то покупал скот крестьянам, разоренным своими помещиками, прохожих крестьян он кормил и лечил в своей келье, другим посылал пищу и лекарства на квартиру.

Не ограничиваясь личным благотворением крестьянам. Святитель нередко являлся за них печальником пред помещиками, когда узнавал о дурном обращении их со своими крепостными. Кроткими и смиренными речами он успевал убедить помещиков в их неправоте и жестокости и заставить их по-человечески обращаться с крестьянами.

Вообще общественная неправда вызывала в Святителе решительное и безбоязненное обличение. Этими неправдами он объяснял тяжкие народные бедствия, в роде войны или моровой язвы. «Как посмотрим на дела наши, то увидим великий стыд наш и великую пред Богом неправду. Клятву, учиненную пред Богом и св. Евангелием, нарушить за шутку ставится у нас; судебные места, где суд Божий отправляется, торжищем и куплею сделались; правда и правосудие с престола своего ниспровержены, и вместо того мамона сидит, и голос свой издает. К суду без денег не ходи: ничего не сыщешь. Помещику с единого крестьянина взять пять или шесть

рублей в год в Украине, где хлеб дешев, а деньги дороги, за ничто почитается; за малое почитается три дни в седмицу на помещика выработать, кроме других работ; с них же подушное берется. Великая неправда и самолюбие! Такими оброками и работами обремененному, откуда себе сыскать потребное? Откуда жене, детям и прочим домашним? Откуда хлеб, пищу, одежду, обувь и дом? Когда еще упокоятся, яко плоть немощная? Подобная неправда в купечестве, в крестьянстве, во всяком чину... Перестанем Бога праведного раздражать и благость оскорблять. Судии, храните правду, как зеницу ока. Священницы, не забывайте звание ваше, кто вы и на что избраны. Господа, пощадите бедных крестьян своих Приказные, пишите и не разоряйте и довольствуйтесь оброками от Монархини вам определенными, и не простирайтесь к чужому добру. Купцы, делайте куплю без обид, без лжи, без неправды. Все прочие, не творите того ближним, чего не хотите себе»⁵³³.

Такие правдивые обличения общественных неправд по своей букве напоминали суровые прещения Св. Тихона в бытность его Воронежским епископом. Но теперь они принимались теми, к кому были обращены с чувством смирения, а не страха, потому что все видели в Святителе любящего отца печальника о народных нуждах. И обличаемые сами шли к нему со своими думами и болезнями. Не одни обездоленные крестьяне, но и духовенство, и купечество, и дворянство привыкло находить в его уединенной келье утешение в скорбях, разрешение сомнений и материальную поддержку. Благотворительность Святителя не знала пределов. Раздавая свои деньги обездоленным крестьянам он болел сердцем за бедняков, оказывавшихся в исключительно тяжелом положении во время разных бедствий. Когда в Ельце случился пожар, он сам ездил в Воронеж и Острогожск для сбора пожертвований на погорельцев. В г. Ливнах он устроил при церкви св. Георгия богадельню. Неоднократно (в 1770, 1772, 1774 гг.) он посылал деньги для раздачи бедным на своей родине. «В Деяниях Апостольских написано, говорил он келейнику, что в Антиохии первенствующие христиане собрали милостыню и отправили в Иерусалим к бедным христианам, и я хочу послать тебе в село Короцк к брату моему Ефиму с деньгами, ибо там, в нашей стороне, очень бедные люди живут. Обще с братом вы там раздайте, а тебе за послушание будет мзда от Господа». Но замечательно, что родственникам которые сами могли добыть пропитание, он поручил дать одному пять, другому десять рублей. «Пусть братья сами трудятся, а на меня не надеются». Отправляя

келейника в путь, он прикажет затворить келейную дверь, сам преклонит колена и келейнику прикажет сделать тоже, и прочтет псалом: «Боже, в помощь мою вонми», потом «Достойно есть» и малый отпуск скажет, потом благословит, в уста и голову поцелует и скажет: «Ангел хранитель да спутешествует с тобою. Вот я тебе приказываю: ты, братец, дорогою идучи, прочитывай псалмы святые, также и молитвы, какие знаешь, а от того дорогою тебе веселее будет».

Однажды келейник, возвратившись из Короцка, прожил дома только две недели, и снова Св. Тихон отправил его в Петербург пешком. Он узнал, что его преемник пр. Тихон II отдал безвинно двух сыновей вдовы дьячихи в военную службу. И вот, подвинутый сожалением, Задонский Отшельник отправляет келейника в Петербург с письмами к синодальным членам и с просьбою вдовы в Синод. И сыновья дьячихи были возвращены из военной службы и по-прежнему были определены в церковные причетники⁵³⁴. В 1773 году он послал 150 р. священнику с. Едрова, Новгородской епархии, отстоящего в нескольких верстах от Короцка. «Человек, здесь живущий, писал он при этом, дал на раздачу убогим денег полтора ста рублей. Оные здесь раздать, ради некоторой причины, не так полезно, как в вашей стороне. Сего ради я, ведая вашу душу и сердце доброе, посылаю их к вам и прошу тебя любовью Христовою о сем деле потрудиться. А именно так делать в раздаче: 1) как в вашем селе, так и в окольных деревнях, проведай самых бедных вдовиц и прочих, которые платят подушнину или оброки, или которых под караулом за подушнину или оброки держат: 2) проведавши всякого бедность и сколько их есть, смекни деньги, посланные сполна, сколько по чему достанется, на бумажке напиши у себя дома; 3) так учинивши раздай всякому, смотря по нужде его; 4) раздавая же не говори, что от меня присланы, когда спрашивать будут понеже деньги сии не мои; и сродники мои, познавши, будут на меня гневаться и бранить, что им не прислал, а только говори, что от человека присланы убогих ради. О сем тебе именем Христовым прошу; 5) людям, хотя и бедные будут, но запивают или ленятся работать, таким ни копейки не давай: 6) нищим, которые ходят по улицам и под окна с шалгунами, отложи рублей десять, и собравши их раздай, смотря по бедности; 7) что кому отдашь тое напиши на сей тетради, которую я тебе с письмом посылаю, и тое тетрадь с сим письмовручителем пришли ко мне, как он с С.-Петербурга будет ехать сюда; 8) себе за труды три рубля, а если мало покажется, пять

рублей возьми из сих денег, когда хочешь. Прошу покорно потрудиться Христа ради, Который тебе за труды воздаст Своею милостью. Брату на Короцке и прочим сродникам моим ничего, понеже деньги сии не мои»⁵³⁵.

В близ лежащий Елец Святитель по делам благотворения ездил сам. Он любил этот город за благочестие и любовь к храмам елецких жителей, за их кротость, согласие и приверженность к Православной церкви, – в Ельце не было раскольников. Елецкие жители полюбились ему своим послушанием еще в то время, когда он был на кафедре: под влиянием его увещаний там прекратились кулачные бои и другие бесчиния во время народных праздников. Граждане провожали его толпою в Задонск, и он с любовью благословлял эту вышедшую за ним ниву Божию, чтившую в нем истинного Пастыря. Отъехавши версты за три от города, он останавливался, выходил из повозки и кланялся елецким церквам. Он называл Елец Сионом. И отчасти из любви к этому городу, раздумал, переехал в Новгородскую Епархию. «Мне жаль расстаться с этим городом, точно я в нем родился». В Ельце Святитель лично помогал бедным. Так, он посещал заключенных в остроге, снабжал их деньгами и прочим. Часто он бывал в Ельце тайно. Оставивши повозку за р. Сосною, он пешком приходил в тюрьму. Приветствовал заключенных, как детей своих, садился с ними, каждого расспрашивал о причине его заключения. Он утешал их в постигшем несчастье, убеждал к раскаянию и терпению. Уходя, он оделял их милостынею, а содержащимся за долги давал выкупные деньги. Затем, посетивши богадельни и раздавши там милостыню, он незаметно уходил обратно. Знакомые узнавали о его посещении тогда, когда он уже был далеко за городом⁵³⁶. Тоже он делал и в Задонске, когда там, с учреждением города, была помещена в монастырских зданиях тюрьма. Он даже содержал острожников на свой счет⁵³⁷. В Елец же он посылал своего келейника для тайных подаяний. Посетивши богадельни, он останавливался на базаре, расспрашивал мужиков об их нуждах и, узнав бедность и нищету, приторговывал у них хлеб и дав половину денег в задаток или и всю цену, скрывался от них⁵³⁸. Однажды, во время посещения Ельца, пришла к нему бедная Елецкая мещанка Вера Петрова с четырьмя мальчиками и одною девочкою. – Откуда ты, раба Божия? спросил Святитель. – Здешняя, Ваше преосвященство. Пришла просить Вашей Архипастырской милости. Я несчастная вдова, а эти мои несчастные дети. У меня нет куска хлеба, ни одежды, ни копейки денег. Утратила с ними свою

силу». Св. Тихон прослезился и взял двух сыновей с собою в Задонск для воспитания, а вдове с остальными детьми дал денег. Вера плакала, кланялась и благодарила. Плакали и дети, падая в ноги милосердному Святителю и целуя его руки. В другой раз Святитель сам заехал к Вере в Ямскую слободу. Но не найдя ее дома, он положил на стол денег и уехал. Пришедши домой и найдя деньги, Вера недоумевала, откуда они. Когда же соседи рассказали, кто был у ней, она вышла за ворота дома и, кланяясь в след Тихону, говорила: «благодарю тебя, Архипастырь, кланяюсь тебе, Преосвященный Владыко, почитаю тебя. Святитель Тихон»⁵³⁹.

В отношении к состоятельным людям благотворение Святителя было духовное. Оно состояло в назидании их к благочестивой жизни и в советах при затруднительных обстоятельствах жизни. Двери его кельи были открыты и для богатых людей, искавших у него наставления. Но он очень неохотно беседовал с посетителями, когда замечал, что они пришли к нему из пустого любопытства. Особенно не любил он разряженных женщин, самыми нарядами показывавших свою пустоту душевную. «Кто печется о телесном украшении, тому недосуг пещися о душевном. Украшение щегольское показывает сердце, желающее суетной чести. Украшение сие без обиды ближнего быть не может. До нищих ли тому, у кого суета сия в сердце место свое имеет? Большая еще суета и срам Христианству есть, что жены белилами, красками и мастью лица свои намазуют».

Ради духовного назидания и утешения Святитель сам ездил к помещикам незванный и обыкновенно в такие дни, когда его присутствие было особенно нужно. Его встречали, как посланника небес, лобызали как друга и благодетеля и внимали ему, как отцу и наставнику. Ему на суд отдавали домашние распри и несогласия, и кого он признавал виновным, тот бесприкословно подчинялся его приговору. Он не выезжал из такого дома, пока не примирит всех между собою и не водворит согласия. Тогда его радость была совершенна и, оставляя дом, он призывал на всех благословение Божие. Миротворение он считал выше милостыни. «Милостивии только сами помилованы будут, а миротворцы сынове Божии нарекутся»⁵⁴⁰.

Высочайший пример милосердия Святитель показал в отношении к одному помещику. Это был человек вспыльчивый и зараженный неверием. Беседуя в его доме о вопросах веры, Святитель своим тихим тоном довел его до такого исступления, что тот ударил его по щеке. Святитель пал ему в ноги и просил

помещика простить его за то, что ввел его в искушение. Такая любовь победила гнев и гордость помещика. Он зарыдал, упал в ноги Святителю, прося его о прощении. И с той поры помещик сделался верующим христианином⁵⁴¹.

За три года до смерти Святитель, почувствовав ослабление сил, затворился в своей келье. Он стал принимать к себе только в исключительных случаях, и то на короткое время. Но он не забыл мира с его нуждами; только приходил с ним в общение путем письменных наставлений; а бедным, приходившим к нему, высылал милостыню чрез келейника. Только острожников он посещал лично. За неимением особого здания для острога в только что открытом городе Задонске, острожники были помещены в монастырском здании. Сюда то и приходил милосердый затворник в ночное время. Он беседовал с ними и оделял их милостыней, утешал и целовал в дни Св. Пасхи и др. праздников⁵⁴².

Глава VII. Старчество в Задонском монастыре

Содержание: Отношение к Св. Тихону монастырских властей и монахов. Духовное содружество Святителя Тихона: старцы Феофан, Аарон, схимонах Митрофан, Кузьма Студеникин, Григорий Ростовцев, Никандр Бехтеев. Келейники Святителя. – Восстановление Елецкого девичьего монастыря. Основание Сиротинской женской общины.

Последние годы жизни Святителя. Полное уединение и мысль о вечности. Кончина Св. Тихона и его духовное завещание.

Тяжелое положение содружества Св. Тихона после его кончины. Гонение на схимонаха Митрофана и Никандра Бехтеева. Временное оскудение старчества в Задонском монастыре.

В отношении к монашеству Святитель Тихон, после удаления на покой, пережил такой же душевный процесс, какой отмечен выше относительно всех других сторон его пастырской жизни. Нашедши, что жизнь монахов не соответствует этому высокому званию, Святитель, будучи епархиальным епископом, вооружился против монастырских нестроений рядом суровых взысканий и наказаний. Но трудно судить, имели ли большое практическое значение эти его меры. Судя по тому, что настоятели некоторых монастырей были равнодушны и даже враждебно настроены к его распоряжениям. (Серафим Толшевский, Георгий Спичинский Елецкий игумены Феодосий и Засима), можно с вероятностью предполагать, что его распоряжения об упорядочении монастырской жизни мало встречали сочувствия в монастырях. О том же свидетельствует и тот факт, что, удалившись на покой, Святитель в Толшевском, а потом и в Задонском монастыре встретил враждебное к себе отношение со стороны монастырских властей. В своих письмах он прямо указывает на врагов, которые перетолковывают в неблагоприятном смысле его поступки. А его келейник Чеботарев рассказывает, что частью недоброжелательством игумена Серафима вызвано его удаление из Толшевского монастыря. Он же говорит, что игумен Задонского монастыря заочно глумился над Святителем. Только недружелюбным отношением монашествующих можно объяснить выезды затворника из Задонска и продолжительное пребывание его то в Толшах, то в Липовке. Очевидно, его угнетала отчужденность от него братии, и он отдыхал душой в полном уединении. Можно себе отчасти представить силу такого отчуждения, если принять во внимание, что в течение 13-летнего пребывания в Задонском

монастыре он ни разу не обедал вместе с братией в монастырской трапезной. Общение в пище есть вообще признак душевной близости сотрапезников. И Св. Тихон неоднократно доказал в своей жизни, что он именно так понимает сотрапезование⁵⁴³. Поэтому уклонение от монастырской трапезы было прямым следствием того, что он не нашел в Задонском монастыре, среди первенствующей братии, сочувствия своим аскетическим стремлениям. Монастырская братия, не понимая этих стремлений, подозревала его чуть не в ханжестве и осуждала его. А так как Святитель не переставал и на покое обличать слабости и пороки монахов, то холодность к нему братии не ослабевала долгое время. Святитель терпеливо выносил и нерасположение игумена, и насмешки монахов. Заслуживает особенного внимания один поразительный случай его терпения. В числе переписчиков его сочинений был у него один из монастырских послушников. Раз, когда он доканчивал у Святителя переписку одного сочинения, понадобился он и настоятелю монастыря, который и послал за ним в келью Пр. Тихона. Святитель сказал посланному, что послушнику осталось переписать несколько строк, после чего он придет к настоятелю. Но самолюбивый и вспыльчивый игумен посылает за послушником во второй раз. Послушник побежал на зов, а за ним пошел и Св. Тихон, с тем, что в случае, если настоятель будет гневаться на писца, вступить за него, сняв вину на себя. Лишь только подходит, слышит шум и гнев настоятеля: Святитель удваивает шаги и, отворив дверь, видит настоятеля, распаленного гневом, и не успел Святитель переступить через порог, как получил сильную от него пощечину. И тотчас же Тихон повергается к ногам настоятеля и просит у него же прощения. Изумленный и пристыженный этим, настоятель опомнился и, бросившись в ноги Святителю, просит у него прощения⁵⁴⁴. Прощение лучше отмщения, говаривал Святитель, когда речь заходила об обидах ему в монастыре⁵⁴⁵. Но он не только прощал, а и помогал всячески досаждавшим ему монахам. Когда они заболели, он раза по два и по три в день навещал их, утешал и ободрял своими благоразумными и душеполезными разговорами и снабжал их пищей и питьем⁵⁴⁶.

Такие факты должны были существенно изменить отношение к нему монахов. Как и везде, здесь ярко выступает иной, сравнительно с первым, прием влияния не приказание и штраф, а личный пример истинного подвижничества изменяют нравы монашествующих. И вполне понятно, что к концу жизни Святителя перед ним благоговели

и такие монахи, которые раньше смеялись над ним. И эти же монахи проникались теми подвижническими чувствами, которыми одушевлен был живший среди них епископ отшельник. Уже одно молчаливое пребывание среди них смиренного Святителя служило закваской новой жизни.

Но чтобы понять силу этого влияния, необходимо присмотреться к друзьям Святителя. И в Толшах, и в Задонске он начинал с одиночества среди монастырской братии. Но скоро его высоко настроенная душа притягивала к себе другие родственные души, и вокруг него группировалось духовное братство, отражавшее на себе его духовный свет и переливавшее в мир его духовную теплоту.

Из всего этого содружества следует остановиться на именах трех старцев: Феофана, Аарона, Митрофана, и трех послушников: Никандра, Ивана и Василия.

Феофан жил при Святителе еще в Толшах. Это был неграмотный крестьянин из однодворцев. Он портняжничал и плел лапти. Но в его простых «поселянских» разговорах Святитель находил отраду и утешение в минуты уныния. Старик и называл Святителя попросту: «бачка», но это «бачка» было много сильнее и задушевнее, чем «Владыка» или «Ваше Преосвященство». И за простоту Святитель любил Феофана и редкий раз без него обедал. Феофане утеха моя, говорил Святитель: я им весьма доволен; за то я его хвалю: первое за простосердечие его, второе – за то, что он никогда празден не бывает, но всегда в благословенных трудах упражняется».

И с этим стариком-крестьянином просвещеннейший богослов беседовал о вечности, находя немногоречивое, но нелицемерное сочувствие своим задушевным стремлениям. «Феофан, пора, пора в отечество: мне уже истинно наскучила жизнь сия, я рад бы хотя и теперь блаженно умереть, только б не лишиться вечного блаженства.. Бедные, окаянные мы! Теперь избранные Божии радуются и веселятся, а мы, странники и пришельцы, в маловременной сей жизни бедствуем и волнуемся. Туда, Феофан, надобно всегда мысленно стремиться, чтобы не лишиться с ними участниками быть! Пусть, Феофан, мир мирское и любит, а мы непременно всегда будем стремиться горняя доставать. Так то, Феофанушка!»⁵⁴⁷. Какая нежность звучит в этом «Феофанушка»! Видно, что этот простец был тем подвижником, каким хотел бы быть и сам Святитель, когда говорил, что если бы было возможно, то он сложил бы с себя и епископский сан, и клобук, и рясу, сделался бы простым мужиком и пошел бы в самый пустынный монастырь, и

употребил бы себя в черную работу, рубить дрова, носить воду, сеять муку, печь хлебы и проч.⁵⁴⁸.

В тяжелые часы раздумья, когда Святитель с минуты на минуту мог оставить навсегда не только Задонский монастырь, но и Воронежскую епархию, чтобы переселиться в родную Новгородскую епархию и уже заготовил об этом прошение, его духовное испытание переживали преданные души. В одно время келейник Василий Чеботарев был за монастырскими воротами. Туда же вышел и монах Аарон. «Я и сказал ему, пишет келейник: что Преосвященный наш положил неперменное намерение выехать отсюда в Новгородскую епархию, а отец Аарон на сие сказал мне: «что ты беснуешься? Матерь Божия не велит ему выезжать отсюда». Когда послушник передал свой разговор с Аароном Святителю, он спросил: «точно ли говорил о. Аарон такие слова»? Я сказал, что точно говорил. «Ну, так я же не поеду отсюда», сказал Преосвященный, взял просьбу и разодрал⁵⁴⁹. Так в твердом уповании строгого по жизни простеца-старца Святитель нашел духовную поддержку, помогшую ему освободиться от тягостного испытания. Достойны замечания слова Аарона «Матерь Божия не позволит ему выезжать отсюда». Очевидно, этот Аарон воочию видел, как важно для монастыря, для его нравственного благоденствия пребывание в нем Святителя Тихона. И простец-подвижник с уверенностью говорит, что за монастырь заступится не человеческая власть, а сама Матерь Божия, а рассказ келейника об уходе Святителя не обинуясь называет беснованием.

Но особенно близок к Святителю был схимонах Митрофан, с которым Святитель был в духовном общении еще во время своего епархиального служения. Теперь, на покое, ничто не препятствовало этому общению. В их взглядах было много общего. Митрофан исполнял правила монастырского устава, нес монастырское послушание просвиры. Но он устроил свою келию за монастырской стеной и принимал в нее паломников, искавших духовного утешения или научения. И эта келья привлекала толпы богомольцев. Не трудно видеть, что Митрофан делал то же дело, которому посвятил себя на покое и Святитель Тихон. И так же это дело схимонаха вызывало нарекания и клеветы среди братии, не понимавшей старчества, как высокого служения ближнему. Но, как и Святитель, Митрофан терпеливо выносил клеветы и осуждения, не оставляя своего дела.

Глубокое благочестие задонских старцев притягивало к ним души аскетически настроенных мирян. Особенное утешение старцы

находили в благочестивых елецких горожанах. Среди них выделялся Козьма Игнатьевич Студеникин, ведший безбрачную жизнь и бывший церковным старостой Покровской церкви. Святитель любил его за благочестивую жизнь и во время приездов в Елец останавливался в его доме. Он видел в нем тоже родственную душу, так как Студеникин тоже жил для ближнего. Он устроил в своем доме школу для обучения детей, и, несмотря на скудость своего состояния, все получаемое в награду за труды раздавал бедным. Неудивительно, что Святитель называет его своим «любезным приятелем». Ему он поручает для раздачи деньги вдовам и сиротам и для выкупа содержащихся под стражею должников⁵⁵⁰. К нему же Святитель обращался за духовным утешением. Однажды в минуты уныния, долго не прекращавшегося, он послал к нему в Елец, прося его приехать в монастырь. Несмотря на начавшийся разлив рек Сосны и Дона, Студеникин отправился к Святителю. После беседы с ним, продолжавшейся за полночь, он отправился ночевать к схимонаху Митрофану. А на другой день они шли вместе обедать к Святителю, по его приглашению. Навстречу им шел знакомый рыбак, несший Митрофану живого верезуба для Вербного Воскресения. Митрофан отослал его к келейнику, но дорогою, остановивши Козьму Игнатьевича, сказал ему: «Знаешь ли ты, какая пришла мне мысль? Вербное Воскресение будет, а Космы у меня не будет, станешь ли ты есть верезуба»? «С охотою», ответил Студеникин. Митрофан воротился домой, велел келейнику из принесенной рыбы приготовить уху и холодное, и опять пошел к Св. Тихону. Обед у Святителя был самый простой и без масла, так как была пятница. Гости – друзья, утешенные ласковым приемом Святителя, его спокойным и веселым расположением духа, после обеда, простившись с ним, воротились в келию Митрофана и сели снова за стол есть уху и холодное, а келейника послали за водой для чая. В это время отворяется дверь и, сверх всякого чаяния, является Святитель. Митрофан смутился и пал на колена пред Святителем, извиняясь и говоря, что он соблазнил Козьму. Но Св. Тихон, зная строгую жизнь обоих, сказал: «садитесь, я знаю вас, – любовь выше поста». Севши около них, он велел налить и себе ухи и, не смотря на то, что во весь Великий пост даже не вкушал масла в понедельник, среду и пятницу, съел ложки две и подчевал Козьму⁵⁵¹. «Любовь выше поста» – это существенная черта старческого направления в монашестве. Буква устава подчиняется духу подвижничества. Выходя из этого, Святитель говаривал, «что если бы он в правлении своем имел монастырь, то

лучше б присоветовал и благословил престарелым монахам, для поднятия и несения трудов, употреблять пищу питательную, а хмельного питья или очень мало, или бы вовсе не вкушать, дабы свободнее избежать вражеского наваждения и многообразных искушений⁵⁵². А выше воздержания от пищи он ставил воздержание духовное. «Многие не едят рыбы, мяса, молока и прочих снедей, которых Бог не запретил, а паче благословил верным и познавшим истину со благодарением принимать (I Тим. гл. 4, ст. 3 и 4); но пожирают людей живых. Многие не подают делами своими соблазна; хорошо сие и похвально; но языком разносят соблазны, и от места на место переносят зло, как зараженный – заразу, и ветер – пожар, от чего много бед и напастей бывает»⁵⁵³.

К этому же духовному братству принадлежал елецкий купец Григорий Федорович Ростовцев со своими двумя сыновьями, Димитрием и Михаилом, ведшими безбрачную жизнь. «Нам, чернецам, говорил Святитель, надобно учиться добродетельной жизни из дому Гр. Фед. Ростовцева». Особенно любил Святитель Димитрия Ростовцева, проводившего в своем доме келейную жизнь. Он останавливался в его келье и много разговаривал с ним о христианском благочестии. Ему же он поручал продавать вещи, даримые почитателями. С радостью принимал его Святитель и у себя в Задонске.

Но замечательно, что Святитель не звал этих благочестивых людей в монастырь. А других он даже настойчиво отговаривал от монашества. Это было тогда, когда он видел увлечение монашеством, а не воспитанное испытаниями убеждение в необходимости покинуть мир. Так он отговорил одного помещика, бросившего жену и детей для пустынно жития. В письме к нему Святитель убеждал не бросать своих священных семейных обязанностей. И при личном свидании ему удалось убедить, помещика не делать этого шага. Впоследствии оказалось, что этот помещик снова обратился на путь рассеянной жизни.

Даже одной монахине, писавшей ему, что в монастыре происходят беспорядки, а в мире у ней осталась мать, которая проводит благочестивую жизнь, он писал: «Ежели мать твоя ищет спасения, а не миру сему угодить, то рассуди, не лучше ли к матери идти и с нею жить, когда в монастыре соблазны являются»⁵⁵⁴.

Но когда Святитель убеждался в глубоком религиозном чувстве мирянина и в его полном отречении от мира, тогда он привлекал его в свою келию, хотя бы это вызывало неудовольствия со стороны

родных. Особенно много неудовольствий со стороны родственников вызвало поступление в монастырь Никандра Бехтеева.

Бехтеевы жили в с. Ксисове. И здесь, еще будучи на кафедре, Св. Тихон обратил внимание на юного Никандра. Братья его, принявши благословение у Св. Тихона, ушли играть; но Никандр безотлучно оставался при Святителе, слушая его наставления. Уезжая, Святитель подозвал его к себе и, дунув ему в лице, сказал: «да будет благословение Божие на сем юноше». При этом Никандр испытал какую то неизъяснимую радость и потом пользовался случаями видеть Святителя в Воронеже, а потом в Задонске. Святитель любил поучать его, а когда молодой Бехтеев отправился на службу в Петербург напутствовал его своими благословениями. Святитель руководил юношей из Задонска. По всем признакам, ему написано было следующее письмо. «Письмо твое я чрез твоего отца получил. Благодарствую, что меня помнишь. Помни же и то, что я тебе вкратце говорил. Приметил я твоего молодого сердца восхищение к будущему блаженству: желаю, чтобы оное в твоём сердце действовало и плод показало. Путь к оному блаженству не тот, которым нынешнего века христиане идут, но описанный в св. Евангелии, которое ты у себе имеешь. Читай его с почтением, вниманием и молитвою и оное тебе укажет, и за руку взявши, поведет тебе к оному блаженству, только слушай его. Однако ж и совет мой тебе предлагаю; внимай сему, что пишу. 1) Помни, что в Петербурге живешь, где столько видишь того, что от пути благочестивых отводит, сколько ни выходишь из своей квартиры – берегись же! 2) Помни: развращенных, как моровой язвы, берегись. Не скоро узнаешь язву от них на себе, но далеко вреднейшую нежели моровая язва делает... 11) Уши затворяй от слухов, и глаза от видения лиц известных, как от страшилищ, отвращай. 12) Береги языка своего, и ни о ком не говори, кроме нужд. 13) Наконец, помни всегда, что все так в мире оставим и пойдем нагие в оный свет. Краткое сие, но тебе полезное посылаю»⁵⁵⁵.

Через три года службы, Бехтеев вышел в отставку и на пути домой заехал к Св. Тихону принять его благословение. Святитель заметил, что молодому человеку надобно еще послужить. Но Никандр ответил, что желает теперь служить Царю Небесному. Одобрив его намерение, Св. Тихон советовал ему прежде испытать себя и приготовиться к духовной жизни. Для этой цели он посоветовал ему чаще приезжать в монастырь из своего имения и открывать ему свои мысли. А при прощании он снова дунул в уста

Никандра, сказав: «воля Божия да будет с тобою», благословил и отпустил его со слезами. – Молодой офицер, возвратившийся из столицы, поразил своих родителей: они увидели не светского веселого молодого человека, каким думали его встретить. Никандр был молчалив и задумчив, постоянно уединялся, читал Св. Писание, постился и молился. Родители объяснили такое состояние сына влиянием на него Св. Тихона и схимонаха Митрофана, поэтому они запретили сыну свидание с задонскими подвижниками и держали его под надзором, боясь, как бы он не ушел к ним. Однако Никандру удавалось вести с ними переписку. Когда родители узнали об этом, они приставили к комнате сына караул. Но Никандр, во время отсутствия родителей, в темную ночь ушел из-под караула. Он спустился из окна своей комнаты и, пробравшись садом к реке Дону, сел в лодку и поплыл. Ночь была темная, а река была широка в этом месте. Долго Никандр плыл, не видя берега, наконец увидел его и на берегу встретил Св. Тихона и схимонаха Митрофана. Оказалось, что он подплыл к самому монастырю, отстоявшему в 12 верстах от Ксизова. При встрече Св. Тихон сказал: «я чувствовал, что вы ныне оставите дом родителей и вышел встретить вас; дерзайте и не бойтесь. Хотя со стороны родителей ваших и будут поиски, но вы останетесь в ограде Христовой». Никандра отвели в келию о. Митрофана и скрыли его там в пещере, выкопанной руками схимонаха, о которой никто не знал, кроме Св. Тихона. На другой день приезжал в монастырь отец Бехтеева в сильном гневе, испросил у игумена разрешения осмотреть все монашеские кельи, кроме Св. Тихона. Не найдя нигде сына, он отправился с жалобой к Воронежскому губернатору и Преосвященному Воронежскому Тихону III. Но последний успокоил разгневанного помещика: он указал ему, что грешно оскорблять праведных мужей и препятствовать сыну в его отречении от мира. «У вас есть еще два сына, так пусть же третий служит Царю Небесному». С тех пор Никандр так и остался послушником у схимонаха Митрофана; но он часто бывал у Св. Тихона и душою был предан ему. Под влиянием таких наставников, он проникся деятельною любовью к обездоленным ближним. По смерти отца он хотел было отпустить на свободу достававшихся на его часть крепостных крестьян. Но это не удалось ему, так как на это не согласились его братья. Вместо крестьян, они выдали его часть деньгами. Тогда Никандр часть этих денег роздал бедным, часть на украшение сельских церквей, часть на Задонский монастырь. Здесь же он выстроил себе келию и питался трудами рук своих. Святитель

любил Никандра и читал его мысли, узнавая тайные его помышления, чем поражал Бехтеева – «Как это вы, Владыко Святой, провидели мои мысли»? спросил он однажды. «Нужно внутренние очи совершенствовать, отвечал Св. Тихон: тогда и внешние откроются. Например: брось горсть пшеницы в стакан воды, смотри – зерна видны. Так и наши помыслы видны провидящему»⁵⁵⁶.

Кроме перечисленных друзей Святителя, необходимо упомянуть его послушников. Достаточно прочитать записки двух из них – Василия Чеботарева и Ивана Ефимова, чтобы понять, какое глубокое влияние производила на них личность Задонского Отшельника. И они явились проводниками в мире его мыслей, чувств и дел. А один из них – Иван Ефимов, впоследствии сам принявший имя Тихона, явился основателем Усманского женского монастыря. Правда, до сих пор официальные сведения о нем далеко расходятся с преданиями, живущими до сих пор в Усманском монастыре. Но если бы эти официальные данные были и вполне достоверны, то они касаются только позднейшей его жизни, именно как строителя женского монастыря. Его же благочестие за время послушничества у Св. Тихона нигде не подвергается сомнению.

Еще более заслуживает внимания послушник Алексей Федорович Болховитинов, сын священника с. Борков, Задонского уезда, известный впоследствии иеросхимонах Агапит. То духовное влияние, каким он пользовался впоследствии, имело свои корни в духовных наставлениях, в живом общении с Задонским Святителем.

Влияние Святителя еще при жизни отразилось на других монастырях. С его именем связано восстановление Елецкого женского монастыря и начало женских общин среди донского казачества.

Как указано выше (гл. V) Елецкий женский монастырь в 1769 году сгорел, после чего сестры были переведены в Воронежский Покровский монастырь. Вскоре после пожара поступила в Покровский монастырь Елецкая девица Матрона Солнцева. Однажды, на пути в Елец для свидания с отцом, она остановилась в Задонске, чтобы принять благословение Св. Тихона. Святитель благословил ей остаться в Ельце на месте погоревшего монастыря, предрекая, что по молитве почивших там стариц, после разных скорбей, устроится монастырь. На месте сгоревшего монастыря Матрона нашла одну только убогую келию, где жила старица Ксения. Келья была сделана из каменного погреба, покрытого дубовыми ветвями, смазанными глиною. Но она уже была занята: в ней до

Матроны проживала старица Ксения, которая сложила печку и сделала дверь. Но Ксении тяжело было жить здесь, да еще подвергаться притеснениям со стороны крестьян. Поэтому Матрона не решилась остаться в Ельце, а направилась в Воронеж. На пути она опять зашла к Св. Тихону и объяснила, почему она не может остаться в Ельце. «Ну, Матрона, не послушалась меня остаться в Ельце, потужишь да поздно будет; это тебе так не пройдет». Возвратившись в Воронеж, Матрона заболела и полтора года пролежала в постели. Признавая в своей болезни наказание Божие за ослушание Св. Тихону, она дала обещание, если выздоровеет, исполнит волю Святителя. Вскоре после этого болезнь ее прошла, и она, с другою послушницею – Екатериною, родом из Липецка, отправилась в Задонск. Испросивши благословение у Св. Тихона, она поселилась в Ельце вместе с старицей Ксенией, которая имела уже деревянную келию. По просьбе Святителя, Елецкий купец Конон Никитич Кожухов выстроил для Матроны с Екатериною особую келию. Около них начали собираться сестры. Матрона, постригшаяся с именем Олимпиады, при помощи Св. Тихона, выстроила деревянную церковь во имя Знамения Божией Матери. Святитель Тихон, во время приездов в Елец, навещал сестер, руководил их своими советами и наставлениями в духовной жизни. Он же просил елецких купцов благотворить сестрам. «В часы искушений он особенно являлся со своею помощью и, благодатною силою своей молитвы, ограждал от падения. Он часто являлся ангелом-утешителем во время недостатков их, посылая им нужное для пищи и питья. Однажды, в зимнее время, не имея дров, Матрона хотела изрубить половицу из пола и ею истопить печь. Св. Тихон послал схимонаха Митрофана купить им дров, и последний доставил им дрова в то время, когда сестры собирались рубить половицу. При умножении сестер, Матрона, тяготясь неприятностями, хотела было оставить это место и поехала в Задонск просить благословения Св. Тихона; но, переезжая Дон на лодке, едва не утонула, и воротилась обратно в свою общину⁵⁵⁷.

Так снова возродилась женская обитель в Ельце. Правда, официально монастырь здесь не признавался, несмотря на то, что за его восстановление ходатайствовали Елецкие жители. В 1774 году они подавали об этом просьбу в Св. Синод, обещаясь устроить монастырь своим иждивением и ручаясь, что на содержание обители не потребуется никакой помощи от казны. Но Св. Синод отказал в этой просьбе, находя, что это будет противоречить указу Имп.

Екатерины II от 31 марта 1704 г., коим предписано «вновь монастырей и пустынь нигде ни под каким видом без особого Её Имп. Величества соизволения не строить»⁵⁵⁸. Однако возникшая община существовала. Здесь подвизалась затворница Мелания, неоднократно ходившая в Задонске за благословением к Св. Тихону и в Задонске же, по преданию, получившая пострижение в схиму с именем Миронии. Её жизнь и наставления были того же духа, каким был проникнут Задонский Отшельник, она не только учила богоугодному, но и посылала избранные натуры для деятельного служения ближним. Она явилась духовной наставницей замечательной благотворительницы Матроны Наумовой⁵⁵⁹.

Знаменательно, что убогий своими материальными средствами Елецкий женский монастырь находился под особливим покровительством двух Воронежских Святителей – Митрофана и Тихона, которые заботились и о его духовном процветании и о его материальном благосостоянии.

Не меньшего внимания заслуживает начало женских общин среди казацкого населения. Это крупное событие связано с именем вдового диакона Василия Михайлова из Сиротинской станицы. Это тот самый диакон Михайлов, которого Св. Тихон, еще будучи на кафедре, определил быть при миссионерско-следственной комиссии, как весьма способного в рассуждении и в доказательствах от Св. Писания⁵⁶⁰. Ранее он проживал в Вознесенском Кременском монастыре. Этот-то старец-диакон и явился насадителем женского монашества в Войске Донском. У него была дочь Евдокия, не пожелавшая идти замуж. В 70-х годах ей было 50 лет. Вокруг нее, и собрались родственные, аскетически настроенные души. Община образовалась весьма просто. Жители Сиротинской и других станиц стали вручать Евдокии своих дочерей для обучения грамоте. Из этих учениц некоторый, после долговременного учения, «поревновали и девственному её житию и так одна по другой с великим усердием и многослезною просьбою, с воли родителей их, начали приставать к ней и в наивсегоднее житие». Когда их собралось до десяти, о возникшей общине доложено было Преосвящ. Тихону II, чему последний «весьма поразился», и вместе со своим благословением прислал им для науки несколько псалтирей, часослов и святцев. Между тем община продолжала возрастать. В 1776 году г. Черкасск посетил Преосвящ. Тихон III. Посетивши потом Сиротинскую станицу, он, в знак отменной своей архипастырской милости, в мантии и с пастырским своим жезлом из церкви

направился в жилище девиц, посвятивших себя Богу. Преподавши им наставление, он снабдил их щедрым подаянием. Таким отношением к общине Преосвящ. Тихон III «житие оных девиц весьма поутвердил», показавши всему народу, что «предпринятое ими житие дело есть богоугодное и душеполезное». В 1779 году диакон Михайлов вместе с дочерью направился в г. Ростов для поклонения мощам новоявленного чудотворца Димитрия. По пути они заезжали к Пр. Тихону III для принятия от него благословения, и Епископ благословил Евдокию образом; в тоже время он разрешил общине, которая с малыми сиротами насчитывала до 50 душ, отправлять обычное монашеское правило в приходской церкви. Община имела уже особые грамоты от Войска-Донского, ограждавшие ее от притеснений.

В руководство юной общине диакон Михайлов в 1777 году составил особые правила, на основании творений св. отцов и житий св. подвижников. Правила эти были прочитаны еще в черновом виде преосвящ. Тихону III, когда он приезжал в Сиротинскую станицу. Потом они были посланы Святителю Тихону Задонскому, и Святитель «келейно рассматривал» правила и одобрил их для руководства общине. «Сии наставления пункты, написал на них Святитель, – душеполезны суть, а потому достойны прочтения и внимания. Сего ради советую вам, о, души, избравшие житие чистое, оный с усердием прочитывать и им внимать и по наставлению их нравы и житие свое исправлять, да будет достойны чертога небесного Жениха Христа. Молю же вас и я: поминайте мене, о, юные голубицы, в святых ваших молитвах, а я вам всего того желаю, чего и себе».

Это наставление было дано Святителем 20 июня 1779 г. С тех пор «Правила», составленные диаконом Василием Михайловым, вошли в употребление не только в Сиротинской женской общине, но и в нескольких других женских общинах на Дону. В 1785 г. состоялось закрытие Устьмедведицкого мужского монастыря. Вместо него, по ходатайству Войскового правительства – здесь был открыт женский монастырь. Настоятельница его Мария Карпова приняла сюда и Сиротинское девичье собрание из сорока девиц. А вместе с тем приняла в руководство для обители и одобренные св. Тихоном «Правила»⁵⁶¹.

Между тем, здоровье Святителя, расшатанное еще до удаления его на покой и несколько окрепшее во время пребывания на покое,

снова ослабело. Это обстоятельство, в связи с возвышенным созерцательным настроением, побудило его совсем затвориться в келию. Случилось это за 2½ года до его кончины. В праздник Рождества Христова 1779 г. в монастырь собралось много богомольцев, особенно из чиновников и дворян, по случаю открытия в Задонске уездного города. Святитель, никогда прежде не выходивший из церкви ранее окончания службы, на этот раз вышел из церкви после Евангелия. По окончании обедни к нему, по обычаю, пришли за благословением дворяне. С печальным лицом принял и благословил их Святитель, а затем, отпустивши их, приказал келейнику запереть двери и отказывать посетителям, вследствие нездоровья. С этого времени до конца дней своих Святитель пребывал почти в полном уединении. Исключение он делал только для острожников, заключенных, за неимением других помещений в новом городе, в монастырском здании. Только их он посещал лично, утешая их своими наставлениями и оделяя милостынею, а в дни Пасхи, Рождества Христова и в Прощеное Воскресение целовал их, чем вызывал насмешки и осуждения со стороны монахов. Свою любовь ко всем ближним Святитель выражал в письменных наставлениях и поучениях. Одно из таких писем излагает подробно взгляд Святителя на порядок келейной жизни.

В келии живучи, так поступай, восставши от сна, поблагодари Бога и помолись. Из церкви пришедши, прочитай от книги что-нибудь на пользу души твоей, потом за рукоделие принимайся и делай. Поделавши, встань и помолись; помолившись, паки от книги читай что-нибудь. И так все по переменам делай, т. е.: то молись, то читай книгу, то рукоделие твори. Но и в рукоделии и в чтении возводи ум твой ко Христу и молись Ему, да помилует тебя и поможет тебе. Когда все по переменам будешь делать, то ко всему – чтению, молитве и рукоделию большая охота и усердие будет. Переменность бо делает охоту и усердие. Тако люди с места на место переходят и прогуливаются. Тако и пища переменная приятнейшая людям бывает, нежели одна поставляемая. Переменяй и ты свое дело, да охотнее приступаешь к делу. Когда уныние, скука и тоска очень смущают, то выйди вон из келии и проходишь, где возможно, и прохаживаясь воздыхай ко Христу, да поможет тебе. Часто поминай смерть, суд Христов и вечность. Сим поминанием, как бичом, прогонятся всякое уныние, скука и тоска. Временное все есть краткое и скоро минуется. Что по смерти будет, во веки пребывает. День проходит, и со днем все, то есть: печаль и радость проходят, а к

смерти ближе и ближе приходим. А в чем смерть застанет человека, с тем и на оном веку явится. Блажен, кто боится и ожидает часа смертного... В монастырь не поспешай идти, но гораздо поискусись где живешь. В гости ездить берегись, да не рассеешь между людьми, что соберешь в уединении. Редко бывает, что человек тот же в келию возвращается, каким из келии в народ вышел. Пустыня и уединение собирает добро, но соблазны мира расточают. Нигде человек лучше не кается, как в уединении. Тут все житие свое прошедшее собирает человек во ум, а на то смотря, ко Христу воздыхает и кается и просит милостыни у Него. Ничем человек так не грешит, как языком; в уединении убегает того греха. Глаза и уши наши суть как двери, которыми соблазны до сердца доходит и ударяют в тое; уединение того убегает. Келья соблазнить не может, но и соблазна не приемлет. Юным, и наипаче без брака живущим, у которых плоть кипит, должно держаться уединения, да не попадут, не примут соблазна. Добре внимай сему и рассуждай, что пишу. Читаем в историях, что столпы падали от плоти; чего же чаять тростям? Пустыня и уединение, с помощью Божией от того сохраняют. Некоторый Святой слышал глас: бегай от человек, да спасешься. Да звенит сей глас и нам. Однако ж, убегая от человек не ради человек, но ради греха убегать должны мы. Грех нам должно ненавидеть, а не человек; любить должно их, а не ненавидеть, и молиться за них. О себе молиться нужда наша, а о ближних наших молиться убеждает любовь наша» (23 марта 1780 г.)⁵⁶².

Удалившись от непосредственного общения с людьми, Святитель проводил созерцательную жизнь. Безмолвие его теперь было почти полное. Даже с келейниками своими он почти не разговаривал. По обычаю, келейник читал ему Св. Писание, но он уже не прерывал этого чтения своими объяснениями и назиданиями, а подолгу слушал чтение молча и затем отсылал келейника.

Центральная мысль, приковавшая теперь его внимание, была мысль о смерти и загробной жизни. На стене его постели, у ног, т. е. постоянно пред глазами лежавшего, висела картина, изображавшая седого старца в черном одеянии, лежащего во гробе; а за стеной его спальни, в чулане стоял черный гроб с крестом из белой нитяной тесьмы. Каждый день, смотря на него, он говаривал: «до чего довел себя человек, что, как скот, зарывается в землю, будучи сотворен от Бога непорочным и бессмертным». И для могилы своей он определил уже место в монастыре, у порога при входе во Владимирскую церковь: «пусть, говорил он, мое грешное тело

попирается ногами». Постоянная мысль о смерти и загробной жизни при полном уединении выводили Святителя из границ земного существования. В сонных видениях он предвкушал наступление вечности. За три года до смерти он увидел во сне, что его привели на прекрасный луг, на котором были устроены величественные палаты из чистого хрусталя. Здесь было много веселящихся; но когда он хотел войти туда, его остановили в дверях, сказав: «через три года ты можешь войти, а теперь потрудись». Проснувшись, Святитель чувствовал в себе неизреченную радость. И мысль о смерти была неотступна. Смотря на кончину старца во гробу, он молился: «скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих, кое есть. И однажды, повторяя эти слова, он услышал голос: «в день недельный». После того он каждое воскресенье причащался Святых Таин.

29 января 1782 года Святитель составил Духовное Завещание. Оно начинается предсмертными словами Св. Иоанна Златоустого, творения которого так любил Св. Тихон:

«Слава Богу о всем»!

В таком созерцательном настроении Святитель однажды увидел во сне высокую лестницу среди монастыря, окруженную множеством народа. Его подвели к лестнице и потребовали, чтобы он восходил по ней, он повиновался, несмотря на слабость. И когда он поднимался, то народ следовал за ним и подсаживал его, так что он не чувствовал никакой усталости. Так он поднялся до облаков и – проснулся. И друг угодника Божия – Косьма Игнатьевич, и сам Святитель одинаково истолковали это сновидение. Это было восхождение его в царство небесное, при содействии молитв любящей его паствы. Это – дивный символ всей многотрудной жизни великого Отшельника, сочетавшего самоотречение для Бога с самоотверженным служением ближнему. Так неразрывна была в нем любовь к Богу и ближнему! При такой живой связи этих важнейших христианских добродетелей никто не мог задавать праздного вопроса: нужно ли монаху служить ближнему? Так созрел многоценный плод для вечной жизни. Но для его паствы все же было тяжело терять эту опору, этот путеводный светоч жизни. И когда за три дня до смерти Святитель поведал о своей близкой кончине и разрешил друзьям приходить к себе, то эти друзья не могли спокойно ожидать близкую разлуку с любимым учителем жизни. Слушая его последние наставления, произносимые тихим угасающим голосом, они с рыданием припадали к его постели и, целуя его руки, говорили: «Отец ты наш! на кого ты нас оставляешь,

сырых, печальных»? И обнимая их рукою, умирающий праведник сказал, указывая вверх: «Господу Богу вас вручаю!».

Последние два дня Святитель провел в уединении. В полночь с 12 на 13 августа началась предсмертная агония. Святителю хотелось в последний раз причаститься, и он просил пораньше отслужить раннюю обедню (после которой он обычно причащался), но просьба его не была исполнена. И в исходе 6 часа утра 13 августа угодник Божий почил о Господе.

Кончина Святителя собрала в монастырь толпы народа. Из сел и деревень, из Воронежа и Ельца собрались его почитатели, и началось непрерывное служение панихид над его телом, которое до самого положения в гроб не онемело и не обнаружило признаков тления. Рыдания друзей и почитателей, а особенно бедных и нищих оглашали монастырь. И этот плачь, был искренним выражением любви к почившему. Но рядом с любовью выражалось и почитание. Особенно горячее участие принял в этом Воронежский епископ Тихон III, который при жизни Святителя неоднократно приезжал к нему и принимал от него советы и наставления. Он не согласился на погребение угодника Божия при входе во Владимирскую церковь, находя, что оно не соответствует высокой жизни и заслугам почившего, а распорядился похоронить его под алтарем Владимирского храма, в особом склепе, выложенном кирпичом. А так как гроб, приготовленный почившим Святителем, оказался короток, то он приготовил новый гроб и обил его материей. Для облачения Святителя он прислал Архиерейские ризы из Воронежской архиерейской ризницы. После облачения, 17 августа всем собравшимся духовенством отслужена панихида, а затем тело Святителя на раменах священников вынесено в церковь, и началось непрерывное чтение священниками Евангелия. В тоже время Владыка приказал повсеместно в церквях Воронежской Епархии совершить поминовение за упокой Святителя. Со своей стороны, елецкие купцы устроили новый гроб, обитый черным плисом и обложенный мишурным белым газом.

20 августа Преосвященный Тихон III совершил чин погребения Святителя. По окончании литургии пред совершением отпевания он сказал трогательное слово, в котором изобразил добродетели и заслуги Святителя. «Я сам, говорил он, ныне лишен в нем не только собрата и сослужителя моего, но и друга. Я теряю в нем того, коего сердцу открыты были мои чувствования и коего опытность часто дополняла испытания мои. Поведайте же теперь чувствования свои

все те, кои пользовались такою же доверенностью и дружескою откровенностью сего добродетельного мужа, поведайте нам праведные скорби сердца вашего. Придите ныне вы, коим он давал отеческие наставления и поучения; вы, коих решал он сомнения совести, коих сердца успокаивал он сладкими утешениями, коим подавал он душеспасительные советы... Но все сие есть еще не столь великая потеря для вас, воспользовавшихся его поучениями. Ибо он вам на все ваши нужды, на все недоумения совести, на все душевные скорбя оставил правила, советы, врачевства в своих книгах и в своих посланиях. Итак вы не все потеряли в смерти своего Пастыря. Он для вас и подобных вам бессмертен будет в своих благочестивых и доброучительных писаниях. Но вы, – вы, стенящие под гнетом житейских несчастий и бедствий! вы, сиротствующие и бедствующие! вы, лишенные покрова и жилища, неимущие одеяния, алчущие хлеба! вы, осужденные на заключение в мрачных темницах и узах! не больше ли всех вы потеряли? Се охладело смертным мраком то сердце: которое пламенело к вам сострадательною любовью; онемели те уста, кои утешали вас в скорби, кои приветствовали вас, яко детей, кои часто даже лобызали вас снисходительно; оледенели те руки, кои простирались к вам на помощь с щедрою милостынею; неподвижны те ноги, кои всегда поспешно шли к печальным; жилищам, аки в жилища радости. Отселе, когда вы рыдать будете под бременем несчастий, когда болезнью отягчаемы будете, останетесь без утешителя и помощника; когда истаевать будете от голода, скитаться без покрова, хладеть без одеяния, то не придет уже к вам ваш Св. Тихон, искавший некогда вас сам. Вы поищите его, и вам покажут гроб его, над коим вы, в тяжких скорбях сердец ваших, припадете с рыданиями».

Пред последним целованием тела, первенствующий иеродиакон прочитал духовное завещание Святителя Тихона:

«Слава Богу о всем!

Слава Богу, яко мене создал по образу своему и по подобию! Слава Богу, яко мене падшего искупил! Слава Богу, яко о мне недостойном промыслил! Слава Богу, яко мене согрешившего в покаянии призвал! Слава Богу, яко мне подал слово свое, яко светильник, сияющий в темном месте, и тем мене на путь истинный наставил! Слава Богу, яко мои очи сердечные просветил!... Слава Богу, яко помогал мне в многоразличных искушениях, бедах и напастьях! Слава Богу, что при бедственных и смертных случаях мене сохранял.... Слава Богу и о прочих Его благих, которые мне к

содержанию и утешению моему подавал! Столько я от него получил благодеяний, сколько дышал! Слава Богу о всем! Ныне я к вам, братии мои, слово обращаю. Не могу я с вами, яко же прежде, устами и гласом беседовать, яко бездыханен и безгласен, но беседую малым сим письмецом.

Первое. Храмина тела моего разрушилась и яко земля земле предается, по слову Господню: «земля еси и в землю пойдеш». Но со св. церковью чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Надежда моя сидит одесную Бога, Иисус Христос, Господь мой, и Бог мой. Он воскресение и живот мой. Он мне глаголет: «Аз есмь воскресение и живот; веруяй в мя, аще и умрет, оживет». Он мене спящего всесильным своим гласом возбудит.

Второе. Отошел я от вас в путь всея земли и отлучился, и уже друг друга не видим, яко прежде. Но увидимся паки тамо, где соберутся вси языцы, от начала мира до конца пожившие. О, сподоби Господи и тамо видеться, где Бог видится лицом к лицу, и тем видящих оживляет, утешает, радостотворит, увеселяет и вечно блаженными делает! Тамо люди, яко солнце, сияют; тамо истинная жизнь; тамо истинная честь и слава; тамо истинная радость и веселие; тамо истинное блаженство, и все вечное и бесконечное. Буди Господи, милость Твоя на нас, яко же уповахом на Тя!

Третье. Благодетелям моим, которые мене при нужде и немощи моей не оставляли, но по своей любви и милости благами своими снабдевали много благодарствую. Да воздаст им Господь в день он, в котором всем по делам их воздастся!

Четвертое. Всем, которые мене как-нибудь обидели, простил я и прощаю; да простит им и Господь Своею благодатью! Прошу и мене простить, ежели кого чем обидел, яко человек. Оставьте и оставится вам, глаголет Господь.

Пятое. Пожитков, как у мене не было, так и не осталось по мне; прошу убо с тех, которые при мне жили и служили мне, ничего не взыскивать.

Простите, возлюбленные, и Тихона поминайте»⁵⁶³.

Искренний плач богомольцев сопровождал чтение завещания. С плачем подходили они для последнего целования к телу Святителя. С плачем проводили его в место упокоения. Но этот плач потом обратился в радость плакавшим, память праведного Отшельника сделалась утешением и отрадою в их жизни. И в скором времени день 13 августа в Задонском монастыре стал отмечаться необычайным стечением богомольцев. У могилы Святителя они

изливали Богу свои думы и чувства, почерпая в воспоминании о нем силы к борьбе со грехом. И так на протяжении 70 слишком лет до открытия св. мощей Угодника Божия эта волна народная ежегодно устремлялась в обитель, все увеличиваясь и увеличиваясь в своих размерах. Так уже здесь, на земле исполнилось видение Святителя: он, поддерживаемый этой народной волной, все поднимался выше в своей славе, пока в 1861 году не последовало торжественное открытие его св. мощей.

Сиротливо почувствовало себя содружество Св. Тихона после его кончины. Пока толпы богомольцев окружали его гроб, пока еще памятна была речь почитателя Преосвящ. Тихона III над его гробом, они чувствовали острую скорбь о разлуке с почившим учителем, но не опасались за свое существование. Но когда разъехались и разошлись из монастыря богомольцы-почитатели Святителя, и жизнь монастыря вошла в свои обыденные, будничные рамки, они почувствовали свою отчужденность в монастыре. Их «старчество» было необычным и странным для монахов явлением. Уж если это направление вызывало осуждение и покивание главами против самого Святителя, то против рядовых монахов оно должно было возбудить открытое недовольство и преследование. Особенно подозрительным для монастырских властей было поведение схимонаха Митрофана. Он жил за монастырской стеной вместе с послушниками и, как и Св. Тихон, чуждался братской трапезы. И он не боялся обличать пороки монахов. В тоже время он продолжал принимать к себе богомольцев и давать им наставления; а так как старец разделял с ними трапезу и принимал от них приношения, то среди монахов распространилась молва о нем, как «о ядце и пийце». А монастырские власти воздвигли на него прямое обвинение в немонашеском образе жизни. Через четыре года после смерти Святителя, «игумен Климент с братией» жаловался в духовную консисторию, что «живущий за монастырем в особливой келье, называющийся схимонахом Митрофан в церковь весьма мало ходит и сказывается больным», а богомольцев к себе принимает в свою келью – и с ними яст, и пьет, и веселится ночью и днем». При этом, продолжает жаловаться игумен, он отбирает у них половину приношений на монастырь. Если же кто из богомольцев приходит в монастырь, минуя его келью, таковых он «не только бранит, но и пророчествует на них дурно и к себе не допускает до кельи». Он же посылает своих послушников к помещикам за подаянием «по

нынешнему неурожаю хлеба», и, получивши от них хлеб «до монастыря не допускает, а где деваает неизвестно». Неоднократно игумен посылал к нему иеромонахов для увещания, «чтобы впредь от таких дурных его поступков удержался»; но он не только не слушал этих увещаний, а встречал увещателей «поносительными монашеству словами». Находя, что от такого поведения Митрофана «чинятся монастырю великие непристойности», игумен просил консисторию положить этому конец. Стоя на почве уставного общежительного монашества, или точнее на почве Духовного Регламента, он просил «означенного называющегося святого схимонаха Митрофана из уединенной его кельи перевести в монастырь и отдать под присмотр иеромонаху Феофилакту, а в сожитие в келию старику монаху Аарону». Но этого было мало игумену. Нужно было разрушить старческое содружество и лишить его возможности сноситься с мирянами. И игумен просил консисторию принять меры против главного ученика старца – Никандра Бехтеева, «живущему же в монастыре из дворян труднику Никандру Бехтееву, который пристрастился к оному схимонаху, а в монастыре никакого послушания не имеющему, ко оному схимонаху всегда ходящему, отныне ходить повелеть запретить, для того чтобы они обще (сообща) письмами более народу не прельщали». Для пресечения зла в будущем, игумен просит «жилище замонастырское того схимонаха, чтобы народ не имел об нем более памяти, повелеть употребить на топление церкви» («как уже весьма и ветхое»). Наконец, для той же цели просит запрещения схимонаху Митрофану иметь чернильницу и бумагу и не писать никому писем без дозволений настоятеля, так как по Генеральному Духовному Регламенту, кроме настоятеля, казначея и в трапезе, никому не разрешается в келье иметь чернила и бумагу.

Так как прошение игумена Климента было обосновано законами, то духовная консистория постановила удовлетворить его. Схимонаха Митрофана предписано было «из уединенной его кельи перевести в монастырь и отдать в сожитие и под присмотр кому за благорассудит настоятель»; он же «может и воспрещение и дозволение сделать, кому должно к схимонаху в келию не входить»; чернильницы же и бумаги из братии при себе иметь, по силе Духовного Регламента в Прибавлении о монахах 36 пункта, никому не велеть, и буде у кого окажется, оную отобрать, дабы никто без дозволений настоятеля ни к кому писем писать не дерзал». «А прежнюю келию, в которой пребывал доселе схимонах Митрофан, разобрав употребить или на

топление печей, или на монастырскую починку, по рассмотрению настоятеля»⁵⁶⁴.

Вчитываясь в приведенный документ, мы должны сказать, что с внешней или, точнее, юридической стороны он говорит против схимонаха Митрофана. Действительно, схимонах Митрофан повинен в неисполнении обычного монастырского устава: и жизнь за монастырской оградой, и редкое посещение богослужения, и резкие отзывы о монахах, и прием приношений в ущерб монастырю, – все это противоречит правилам монастырской жизни. Но если припомнить образ жизни Св. Тихона, то все эти черты мы найдем и у него. И мы видели, что и он подвергался нареканиям и осуждениям со стороны монастырских властей. И если эти нарекания не завершились по отношению к нему такими же суровыми мерами, какие употреблены по отношению к схимонаху Митрофану, то это объясняется только его высоким саном.

Очевидно, монахи и монастырские власти Задонского монастыря не поняли Св. Тихона и его последователей. Они смотрели на это содружество с обычной, уставной точки зрения. Между тем Св. Тихон и его друзья явились в монастыре представителями старчества. Они стали, так сказать, на рубеже между миром и монастырем, поставивши и свои кельи на границе монастырской усадьбы, один (Св. Тихон) у выхода из монастыря, а другой (схим. Митрофан) за монастырской стеной. И сами переживши и преодолевши монастырский искуc, они возвысились до того состояния, когда нравственная сила неудержимо переливается в души простолюдинов, алчущих и жаждущих правды. Мы видели выше, какие подвиги понес Св. Тихон и как, достигши духовного совершенства, вышел на новое служение миру. Схимонах Митрофан шел по стопам своего друга. Тайно от всех он выкопал себе пещеру у монастырской стены. Тайно от всех он носил власяницу и вериги в 20 фунтов весом. И то, и другое узнали только после его смерти. А молитва пред образом Спасителя с предстоящими Богоматерью и Иоанном Предтечей была его постоянным подвигом. Но все это было незримо для обычных монахов и монастырских властей, которые судили о старце по внешности. Ведь, если бы в великий пост старца, угощающего друга-мирянина ухой, увидел настоятель монастыря, он резко осудил бы его и подверг суровому наказанию. Но Святитель, знавший «внутренняя» старца Митрофана, сказал при этом, что «любовь выше поста».

Высокую добродетель старца прозрели не окружающие его монахи, а миряне, потянувшиеся к нему за советами в важных случаях жизни и за утешением в скорбях. И старец шел навстречу этой мирской нужде. Поэтому то и задерживались в его келье богомольцы, шедшие в монастырь. Потому-то к нему и стекались доброхотные приношения мирян. А когда наступил голод, он сам посылал за подаянием к помещикам, но передавал эти подаяния не в монастырь. Игумен Климент не говорит, куда шли эти жертвы. Если бы старец Митрофан корыстно распоряжался ими, то игумен не преминул бы написать и об этом. Но он говорит только, что ему «неизвестно, где он деваает» эти приношения. Зная схимонаха Митрофана, как друга Святителя Тихона, мы в праве думать, что и он направлял эти приношения на нищих и бедных, для которых и просил их у помещиков.

О прозорливости старца записаны у иеромонаха Горения следующие случаи.

Однажды к нему пришла липецкая помещица-вдова Надежда Трофимовна Чернова (впоследствии скончавшаяся в тайном постриге монахиней) и стала просить у него благословения на раздел имения детям, из которых одна была родная дочь 14-ти лет и трое пасынков. «Подождите делиться, сказал старец: после хлопот будет много». В душе осудила вдова старца в непонимании житейских и семейных отношений; однако к разделу имения без его благословения не решилась приступить. Так прошло два месяца. В это время вдруг заболевает и умирает ее дочь. Если бы раздел совершился, хлопот было бы много по вводу матери во владение умершей дочери. Приехавши после похорон дочери в Задонский монастырь, вдова, выходя из церкви, встретила на паперти храма о. Митрофана, сказавшего ей: «твоя дочь скончалась, не печалься; теперь начинай предположенный раздел». Одна помещица, слышавшая благочестивою, приехала в Задонский монастырь и, идя за благословением и беседою к старцу Митрофану, приказала слуге взять и нести за собою в подарок ему денег и масла. Оставивши слугу вне кельи, она попросила келейника доложить старцу о своем приходе. Старец весьма благосклонно принял почтенную посетительницу и, по окончании недолгой беседы, просил ее масло отдать в трапезную для пользы всей монастырской братии: «Деньги же, сказал он: отдайте вашему человеку: они ему необходимы более чем мне, потому что он хотя и имеет сапоги, но без подошв, и ноги его ничем не обернуты. Для Бога подобное дело будет приятнее

великих пожертвований, совершаемых вами другим посторонним». Вышедши из кельи старца, помещица осмотрела обувь слуги и убедилась в справедливости слов старца. Между тем была глубокая осень, погода стояла сырая, холодная, со снегом.

Подобно Св. Тихону, и старец Митрофан любил Елец и иногда посещал его. Однажды он навел знакомое семейство. В комнате, где он сидел, висела колыбель с младенцем. Во время беседы старца с хозяевами, младенец повернулся в колыбели и с криком упал на пол. Мать подхватила его и вынесла в другую комнату, выражая опасение не зашибся ли он при падении. «Особенно не жаль о нем, сказал старец: вырастет он – не оценит твоего сожаления; лучше бы было ему совсем убится, хоть и жаль; будущее все докажет». И, действительно, выросши, он был крайне непочтителен к матери и провел жизнь зазорную⁵⁶⁵.

Имя старца Митрофана доселе чтится в народе, как имя друга, сподвижника и продолжателя того же старческого направления, каким проникнут был Святитель Тихон Задонский. А для современных ему монастырских властей этот старец казался разрушителем монастырского порядка и монастырского благополучия, почему по отношению к нему и применены были суровые кары. Келью его сломали, его самого перевели в монастырь в общую келью с другим монахом, от него удалили его друзей.

Другие старцы недолго прожили после Святителя. Старцы Аарон и Феофан скончались около 1788 года⁵⁶⁶, т. е. около времени переселения старца Митрофана в монастырскую келью. Сам схимонах немного прожил после этого. Он умер 27 февраля 1793 года, в четвертом часу пополудни. После его смерти нашли следующее духовное завещание.

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Се аз многогрешный раб Божий Матвей монах смиренно молю и прошу Ваше преподобие, отцы святии и братие, якоже в жизни сей сотвористе со мною милость, такожде и по умирании моем прошу учините таковуюж отеческую и братскую любовь и милость, – помолите всещедрого и милостивого Бога о упокоении грешной души моей, при том же и погребения сподобите убогое мое тело на сем месте под кельею моею, где я жителство имею, в ископанной мною могиле». На этом завещании подписано рукою Св. Тихона: «учинить по сему завету. Смиренный и многогрешный Тихон, Епископ Воронежский»⁵⁶⁷.

Воля завещателя и его друга – Святителя была исполнена: старец Митрофан был погребен в своей пещере, которая пользуется

до сих пор почитанием со стороны благочестивых богомольцев.

Так, по-видимому, замерло старческое направление в Задонском монастыре. Монастырские власти могли успокоиться: ничто не тревожило теперь заурядного монастырского строя. Но эта победа была кратковременной. Старческое направление уже успело пустить глубокие корни. Благочестивые паломники свыклись с мыслью, что в обители они найдут не только продолжительную службу по уставу, но и ответ на свои думы о жизни, и утешение в скорбях, и даже материальную помощь. А память Задонского Святителя, укреплявшаяся рассказами о его жизни и нравственном влиянии на окружающий мир, не позволяла замереть преданиям старчества. Волна богомольцев, год от году увеличившаяся в Задонском монастыре, особенно в дни памяти Святителя, самым своим усердием вызывала, требовала духовных руководителей и наставников. И старчество возродилось в Задонском монастыре лет через 20 после смерти схимонаха Митрофана. Это возрождение совпало по времени с оживлением монашеских идеалов в области Дона. Тогда именно началась подвижническая жизнь Задонского затворника Георгия Машурина, тогда в Задонск возвратился схимонах Агапит, ушедший из монастыря около того времени, когда скончался схимонах Митрофан. Тогда начала свой подвиг странноприимства удивительная старица Матрона Наумова и не менее ее удивительная старица Евфимия Григорьевна Попова. В то же время старчество утвердилось в соседней Тамбовской губернии. По соседству с Воронежской губернией прославился Сезеновский старец Иларион. Высший же расцвет старчества тогда испытала отдаленная от Задонска Саровская обитель со своим дивным старцем Серафимом. Духовные нити, связывавшие св. Тихона с Саровскими старцами при его жизни, оказались, самыми тесными родственными узами. Св. Тихон Задонский и святой старец Серафим это два светильника, горевшие однородным светом и производившие однородное влияние. Замечательно, что современник старца Серафима – Задонский затворник Георгий Машурин – в начале своей подвижнической жизни колебался, остаться ли ему в Задонском монастыре, или перейти в Саровскую пустынь.

Восстановление закрытых монастырей – Усманского девичьего, Дивногорского, основание новых обителей – Митрофановской, Белогорской – падает на те же годы, когда возродилось старчество. Тогда же и во главе придонского монашества стал третий светильник Воронежский Архиепископ Антоний II.

Глава VIII. Положение монастырей в первой четверти XIX века (1797–1825)

Содержание. Улучшение в материальном обеспечении монастырей: наделение их земельными участками и добавочным жалованьем. Возвышение некоторых монастырей на степень архимандрий и игументств. Учреждение общежития в Толшевском и Донецком монастырях. Недостатки в монастырской жизни, зависевшие от тесной связи монастырей с миром. Недостаток хозяйственности. Нестроения, зависевшие от совмещения настоятелями должностей по епархиальному управлению. Ревизия 1819 года. Инструкция казначеям. Заключение.

С воцарением Императора Павла замечается поворот в отношении правительства к монастырям. 18 Декабря 1797 года состоялось распоряжение правительства об ассигновании архиерейским домам и монастырям добавочных окладов. Бедные монастыри постановлено было наделить земельными участками в размере 30 десятин на монастырь. Вместе с тем монастырям пожалованы были небольшие угодья, в виде мельниц и рыбных ловель.

Одновременно с этим обнаруживается забота Св. Синода об упорядочении и возвышении монашества и монастырей. 24 марта 1799 года последовал указ Св. Синода, коим – для лучшего устройства монашеской жизни – во 1-х, во всех епархиях постановлено было учредить должность благочинных монастырей, и во 2-х, в каждой епархии постановлено было избрать по одному монастырю для введения в нем общежительного строя, с тем, чтобы этот монастырь служил показателем той нормы монастырской жизни, которая желательна для всех монастырей.

Эти общие распоряжения должны были улучшить и материальное положение монастырей, и поднять в них дисциплинарный строй.

В жизни придонского монашества замечается заметное улучшение, их материального быта. Монастыри приобрели себе угодья и земли: Алексеевский Акатов – близ деревни Парусной по р. Тамлыку из поляны, называемой Скупуха, в количестве 22 десятин (до 1798 г. монастырю принадлежало 8 десятин); близ р. Дона монастырю было пожаловано озеро Кужное – «для пропитания больных» (ранее там же ему принадлежало озеро Калач). Ему же

дана мельница при с. Нижнем Студенце, Задонского уезда, о двух поставах и одной толчее. К прежнему денежному жалованью в 1311 р. 90 к. и 88 р. 58 к. на монастырских служителей, в 1797 г. 18 декабря прибавлено 1030 р. ассигн. Кроме того, по указам 1793 (40 р.) и 1797 г. (60 р.), отпускалось 100 р. на содержание монастырской больницы⁵⁶⁸.

Задонский монастырь, со 2 сентября 1798 года возглавленный настоятелем архимандритом⁵⁶⁹, кроме небольшого участка в 4 десятины и 234 саж. (бывшее озеро Гусиное), приобрели в 1800 году 22 дес. в пустоши Сушиловой Задонского уезда, в 50 верстах от монастыря, и мельницу на р. Студенце. Первоначально монастырю была пожалована мельница на р. Потудани в Коротоякском уезде. Монастырь сдавал ее в аренду, а впоследствии (в 1858 г.) поменялся мельницами с Алексеевским монастырем⁵⁷⁰. Денежного жалованья монастырь получал 414 р. 90 к. сер. на братию, церковные и монастырские расходы и 968 р. на монастырских служителей⁵⁷¹.

Воронежскому Покровскому монастырю в 1798 г. пожалована мельница на р. Голышовке при с. Архангельском.

Толшевский монастырь не мог получить земельного участка в 30 дес., так как уже имел значительный земельный участок. Но указ о наделении монастырей землей в размере 30 десятин причинил этому монастырю много неожиданных хлопот. Указ имел в виду монастыри, лишенные земель и угодий, но не посягал на наличные монастырские земли. Но межевая Канцелярия, получивши от Казанской Межевой Конторы сведение, что за Толшевским монастырем, по древним документам, числится 436 десятин земли, 5 апреля 1801 г., постановила отобрать у Толшевского монастыря всю землю свыше 30 десятин. Монастырь писал, что указ 1797 года уже разъяснен в 1798 году, по репортам Тамбовской, Ярославской, Костромской и Курской Казенных Палат, в том смысле, что 30 десятин даруются вновь бедным монастырям, но он не имеет никакого отношения к прежним земельным владениям монастырей. В таком же смысле истолкован этот указ Правительствующим Сенатом в его отношении к Губернаторам. Губернским Правлениям и Казенным Палатам в том же 1798 г. Св. Синод, получивши ходатайство монастыря, сообщил о нем Сенату для зависящих распоряжений. Со своей стороны, монастырь отправил в Москву иером. Гавриила хлопотать о деле. В тоже время монастырь должен был принимать у себя разных прикосновенных к делу чиновников. Наконец, после продолжительных хлопот и значительных издержек

(до 500 р.), 28 марта 1810 г. Сенат решил дело в пользу монастыря, признавши за ним право на владение 416 дес. 1600 саж. земли с лесом⁵⁷². В 1798 г. монастырь получил угодья: мельницу на р. Хворостани, в дачах с. Пчелиного, Бобровского у., и рыбные ловли в с. Боршеве. Коротояк. у.⁵⁷³.

Коротоякский монастырь, имевший и ранее земельный участок в 265 дес. 1576 саж., тоже не получил нового земельного участка в 1798 году.

Одновременно с наделением монастырей земельными участками и угодьями, увеличено было им денежное жалованье. Размер этой добавочной суммы виден из след. ведомости.

Архіерею на провизію	800 р.
На жалованье—монашествующимъ	
при Архіерейскомъ Домѣ—	157
соборянамъ и пѣвчимъ—	756
служителямъ 44 человѣ-	
камъ	308
на починки	400
на ризницу	101

Въ монастыри мужскіе

2-го класса Алексѣевского Аба-		
това—на жалованье Ар-		
химандриту	70	
казначей съ братіей 16		
человѣкамъ	171	
подъячему и служите-		
лямъ 17 человѣкамъ . .	119	
на починки	350	
на конюшенные припа-		
сы, дрова, для прѣз-		
жихъ и праздниковъ на		
рыбу братіи, на вино и		
пиво	320	
3-го класса Богородицкій Задонскій,		
Троицкій Елецкій въ Ле-		
бедяни—на жалованье		
игумену	50	
казначей съ братіей 11		
человѣкамъ	125	
подъячему и служите-		
лямъ 9 человѣкамъ . .	63	
на починку церквей и		
монастыря	200	
На конюшенные при-		
пасы, дрова, для прѣ-		
зжихъ и праздниковъ		
и проч.	179—50	
Въ заштатные—Успенскій Предте-		
чьевъ Донской	300	

1030 р.

617 р. 50 к.

Преображенск Толшевскій—	300	
Вознесенскій Коротояскій—	300	
Въ женскій 3-го класса Воронежскій Покровскій на жалованье игуменьѣ, казначеѣ и монахинямъ. . .	225	} 456 р.
священникамъ и церковникамъ	60	
служителямъ 3-мъ . . .	21	
на починки	150	

Такимъ образомъ, матеріальное положеніе придонскихъ монастырей съ 1798 года значительно улучшилось. Не только штатные, но и заштатные монастыри стали получать хотя небольшое казенное жалованье.

Вслѣдствіе этого замѣчается забота о внѣшнемъ благоустройствѣ и благолѣпіи обителей. Особенно выдѣлились въ этомъ отношеніи монастыри Задонскій, Агаатовъ и Покровскій. Здѣсь возведено много новыхъ построекъ и произведено обновленіе нѣкоторыхъ новыхъ. Только заштатные монастыри не могли приступить къ капитальному обновленію своихъ обветшавшихъ зданій.

Въ это же время возстановляются и монастыри Донского казачества. Фактически эти монастыри не прекращали своего существованія, несмотря на указъ 1788 года объ ихъ закрытіи, такъ какъ тогдашній Преосвященный Воронежскій Тихонъ III оставилъ въ нихъ монашествующихъ впредь до обращенія ихъ въ приходскія церкви. Но это обращеніе не состоялось до 1797 года. А 10 сентября 1797 г. Войсковая Канцелярія въ общемъ собраніи положила просить Св. Синодъ сохранить изъ трехъ два монастыря, Кременскій Вознесенскій, какъ мужскихъ, и Устьмедвѣдницкій для женскаго положенія заштатныхъ 1 октября 1798 года состоялось распоряженіе о возстановленіи названныхъ монастырей сверхъ штата, на Войсковомъ содержаніи, собственно для лицъ донскаго происхожденія. На содержаніе ихъ изъ Войсковыхъ суммъ назначено было по 1000 р. ассигнаціями. Кромѣ того монастыри получили во владѣніе прежнія угодья, хотя изъ-за нѣкоторыхъ изъ нихъ имъ пришлось снова вести тяжбы съ сосѣднимъ населеніемъ. Содержаніе этихъ монастырей было скудное: сестры Устьмедвѣдницкаго монастыря, вслѣд-

35 "Народное наследіе России"

Такимъ образомъ, матеріальное положеніе придонскихъ монастырей с 1798 года значительно улучшилось. Не только штатные, но и заштатные монастыри стали получать хотя небольшое казенное жалованье.

Вследствие этого замечается забота о внешнем благоустройстве и благолепии обителей. Особенно выделились в этом отношении монастыри Задонский, Акатов и Покровский. Здесь возведено много новых построек и произведено обновление некоторых новых. Только заштатные монастыри не могли приступить к капитальному обновлению своих обветшавших зданий.

В это же время восстанавливаются и монастыри Донского казачества. Фактически эти монастыри не прекращали своего существования, несмотря на указ 1788 года об их закрытии, так как тогдашний Преосвященный Воронежский Тихон оставил в них монашествующих впредь до обращения их в приходские церкви. Но это обращение не состоялось до 1797 года. А 10 сентября 1797 г. Войсковая Канцелярия в общем собрании положила просить Св. Синод сохранить из трех два монастыря, Кременский Вознесенский, как мужской, и Устьмедведицкий для женского в положении заштатных и октября 1798 года состоялось распоряжение о восстановлении названных монастырей сверх штата, на Войсковом содержании, собственно для лиц донского происхождения. На содержание их из Войсковых сумм назначено было по 1000 р. ассигнациями. Кроме того монастыри получили во владение прежние угодья, хотя из-за некоторых из них им пришлось снова вести тяжбы с соседним населением. Содержание этих монастырей было скудное: сестры Устьмедведицкого монастыря, вследствие этой скудости, в 1801 г. задумывали даже переселиться в упраздненный Мигулинский монастырь⁵⁷⁴.

Одновременно с улучшением материального быта, обнаруживается забота правительства о возвышении монастырей в глазах населения. Ранее только один Акатов монастырь был в положении второклассного и управлялся архимандритом; все остальные управлялись игуменами и строителями. Высочайший указ 18 декабря 1797 г. требовал возвышения чем-либо выделяющихся монастырей. Согласно этому указу, Воронежский Преосвященный Мефодий сделал представление в Св. Синод о возвышении монастырей Задонского и Лебединского. 22 февраля 1798 года Св. Синод определил быть в этих монастырях архимандритам: в Елецком в Лебедине в рассуждении бывающих там знатнейших по всей России ярмонок и огромная в том монастыре строения, в Богородицком Задонском в рассуждении всегдашних из многих мест чрез оный город проездов знаменитых людей и по частым в оный монастырь отовсюду великим собраниям, по усердию к

погребенному там ревностному пастырю Преосвященному Тихону⁵⁷⁵. 27 июня 1818 года Св. Синод возвел Толшевский монастырь на степень игуменского, во внимание к его положению в уединенном месте и к его внутреннему состоянию⁵⁷⁶.

Как указано выше, для лучшего устройства монастырской жизни, Св. Синод указом 24 марта 1799 года предписал в каждой епархии быть по одному общежительному монастырю. Таким монастырем в Воронежской Епархии был назначен Толшевский. Осуществление этого указа повело, между прочим, к однообразию в одежде монахов, ранее одевавшихся разнообразно. Вот что признано приличным и нужным для монахов Толшевского монастыря иеромонахам и иеродиаконам полагалось выдавать: два клобука фланелевых, камилавку плисовую, две рясы черного сукна – на три года, полукафтаны того ж сукна, халат черный полусукна, пояс – на два года, двое сапог и башмаки, две пары чулок и одни носки, три пары рубашек – на один год и овчинный тулуп на три года. Монахам: клобук фланелевый на два года, камилавка черного сукна на три года, ряса и полукафтаны черного полусукна – на два года, пояс черной кожи – на три года, одни сапоги и двое котов, две пары чулок и одни носки, три пары рубашек – на один год, тулуп овчинный на три года и шапку на два года. Всем монашествующим для постели каждому одеяло, тюфяк и подушку на три года. Послушникам: два халата – первый чернорусского, другой серого сукна – на два года, тулуп овчинный на три года, пояс простой на два года, одни сапоги и двое котов, две пары чулок и одни носки, три пары рубашек на один год, шапку, шляпу, рукавицы, вареги – на один год. По окончании же срочного времени каждый из монашествующих поношенное обветшалое платье, клобук и камилавку, кроме рубашек и обуви, должен возвратить рухлядному, из которого он по хозяйству может обветшалую рухлядь отдать переделать на таковую одежду, которая бы могла быть употреблена послушниками или кем другим к ношению. На это определение последовала резолюция преосв. Арсения: «я согласен, чтобы происходило все порядочно; впрочем, по окончании назначенных здесь сроков при добром всего присмотре можно будет усмотреть, так ли быть и впредь, или что отменить, или поправить⁵⁷⁷.

Примеру Толшевского монастыря в 1806 году последовал монастырь Донецкий. Строитель этого монастыря Серафим доносил преосвящ. Арсению, что монастырь обладает достаточными средствами для содержания братии и что он считает нужным ввести

в нем «общежитие на установленном законами положении, так чтобы братию содержа снабдевать одеянием, выдавая оное на положенный срок и занимая их в труды, смотря по дарованиям и силе каждого, с определением времени по общему братии положению без принуждения, жалованье же, не выдавая им по получении из казначейства, оставлять в монастырской общей сумме с отделением от неокладной, для содержания монастыря на различные надобности и братии самой на необходимые нужды, с верною в книгах записью, а из собираемой суммы от доброхотных дателей, приходящих для поклонения св. иконам, во время ярмонки, на праздник Успения Пресв. Богородицы, в кружку, братии на непредвидимые надобности выдавать какую либо часть по рассмотрению настоятельскому, кому что по трудам следует, чем могут быть довольны и содержали, не обращаясь иногда в излишнем, чего Боже храни, пьянстве, а от того не последовало бы упущение в должности каждого». Изложивши эти соображения, строитель просит преосв. Арсения дать в монастырь наставление и предписание о порядках общежительного устройства монастыря, для единообразного выполнения всего должного со стороны монастыря. На этом доношении преосв. Арсений II положил след. резолюцию: «Благодарим о. Строителя, что доброе дело вздумал, мы весьма согласны, чтобы сей монастырь был общежительный. И усердно испрашиваем на него Божия благословения. А как поступать по правилам общежития, консистория пошлет ему о том образец, какой заведен в таковых же». Но консистория ограничилась только наведением справки о введении общежития в Толшевском монастыре и заключением, «что общежительный монастырь ничто иное есть, как такая обитель, которая управляется всеми правилами Духовного Регламента, и потому все содержание как в пище, так и в одежде должно быть общее и, кроме молитвословия, должны все заниматься разными трудами, художествами и работами, и праздной послушник ни один да не будет»⁵⁷⁸.

В остальных монастырях общежитие не было введено, и монахи получали жалованье, сообразно доходам монастыря и казенному окладу.

Что касается требований, какие предъявлялись к монастырям в отношении их внутреннего строя, то они ясны из рапортов благочинных монастырей, удостоверявших доброе состояние обители. Рапорты эти однообразны, являясь перечислением главных требований от монастырей. «В монастыре правление

добропорядочное, в церквях и кельях чистота и опрятность соблюдены, братия и послушники одеты в новое однообразное платье и имеют общую порядочную трапезу. Жизнь проводят монашествующие сообразно Духовному Регламенту и последовавшим указам, которые в трапезе по обычаю читают. Суеверия и бесчиния нет. Монашествующие никаких ремесел не умеют, а занимаются обыкновенными монашескими послушаниями. Пьяниц беспокойных, вздорных и бродяг нет. Строитель в должности своей исправен, благонадежен и способен, все общество отозвалось им довольным»⁵⁷⁹.

Переходя от этих официальных распоряжений и таких же отчетов, говорящих о сравнительном благоустройстве придонских монастырей в начале XIX в., к фактам и явлениям монастырской жизни, мы должны установить, что существенного улучшения за это время не последовало в общем монастырском строе. Та живая струя подвижничества, которая взяла свой источник в подвигах св. Тихона Задонского, не иссякла и теперь и впоследствии обнаружилась в целом ряде светлых явлений. Но общий фон монастырской жизни мало изменился. Монастыри Покровский, Акатов, Коротоякский, Донецкий, Задонский и Лебедянский испытывали неудобства от близкого соседства с городским населением. Часто мир оказывался сильнее монастыря, братия которого составлялась в большинстве своем из людей со средними нравственными силами. Особенно страдали от этого монастыри Коротоякский, Донецкий и Покровский. Коротоякский монастырь, с трудом собиравший под свои стены незначительную братию, не мог даже и со вне поддержать монастырский уклад⁵⁸⁰. В Донецком монастыре шла нескончаемая распря между монахами (а их всего было четверо) и приходским духовенством из-за доходов, так как монастырская церковь была в тоже время и приходскою. В 1816 году, не вынеши этой распри, удалился на покой строитель Амвросий⁵⁸¹. В Покровский монастырь стали поступать знатные женщины с многолюдной прислугой, заводившие в стенах обители порядки помещичьей и купеческой жизни. Уследить за этими лицами игуменье было невозможно, так как бывшие помещицы и купчихи не признавали над собою власти игуменьи. Особенно много беспокойств доставила монастырю послушница Екатерина Бехтеева, дочь генерал-майора Алекс. Дим. Бехтеева из с. Ксизова, Задонского уезда (родственница Никандра Бехтеева, ученица схимонаха Митрофана). Поступивши в монастырь еще в 1777 году, она не пожелала постричься до 1806 г. Проживая в

собственном доме близ монастырской ограды, она не только держала около себя 5 лиц женской прислуги, но нанимала на временные работы и мужскую прислугу. К себе в келью она принимала светских гостей, самовольно отлучалась из монастыря и т. д. Еще в 1797 г. Преосвящ. Мефодий приказал выслать из монастыря прислужниц Бехтеевой, «ибо, писал он, и неприлично монастырю, чтобы жить с такою свитою, и притом надобно самим трудиться»⁵⁸². В тоже время преосвящ. Мефодий писал: «живущих без указа велеть по порядку просить о принятии их в монастырь, живущих же в монастыре без всякого на то дозволения ныне же выслать. И то сожальительно, что вышло такое своеволие. Выслать также и прочих, к монастырю не принадлежащих, по моим на приложенной ведомости отметкам. А и за оставленными для нужной, в случае болезни, услуги, смотреть игуменье все прилежно, чтоб они жили чинно и состояли у ней, игуменьи, в послушании; ибо в монастыре одна начальница, а противное тому не может быть терпимо». Но это предписание не образумило Бехтеевой, и потому 17 мая 1806 года Св. Синод предписал выслать ее, как нетерпимую в монастыре, для жительства к родственникам⁵⁸³. Такая же история повторилась в 1806 году с купчихой Елизаветой Придорогиной⁵⁸⁴. В виду таких беспорядков, Преосвящ. Арсений II неохотно допускал в монастырь знатных послушниц, что и выразил по поводу просьбы о принятии в монастырь дочери секунд-майора Говардовской⁵⁸⁵. Вторая отрицательная черта в строе монастырей – отсутствие той разумной хозяйственности и тех ремесел, которые так настойчиво рекомендовал монахам Духовный Регламент. По-прежнему монастыри не могли справиться со своими естественными богатствами, а или отдавали их в аренду, или обрабатывали самым первобытным образом. Так, в Толшевском лесу одного валежнику в 1806 г. можно было продать более чем на 4000 р. При хорошем хозяйстве постоянный двор мог бы давать по 2000 р. доходу ежегодно и мельница более 1000 р.; от скотоводства можно было бы получать до 6000 р. в год. Здесь же можно было бы устроить кирпичный завод и огородничество давало бы более 1000 р. доходу. Но все эти предположения, высказанные благочинным монастырей, архим. Иустином, не встретили поддержки ни со стороны братии монастыря, ни со стороны преосвящ. Арсения II «хотя совет кажется и благ, писал он: но можно ли на практику теоретические мысли поставить, о том консистория представит нам»⁵⁸⁶. Также отсутствие хозяйственной предприимчивости отмечено в Коротоякском монастыре: «выгод и

хозяйства от имеющегося при оном монастыре никаких не заведено, кроме как только скашивают с лугов траву для скота⁵⁸⁷.

Но главный недостаток в строе монастырей состоял в отсутствии достойных настоятелей. Братия монастырей из своей среды весьма редко избирала себе настоятелей. Обычно настоятели назначались из Воронежа, как и прежде, или из экономов и казначеев архиерейского дома или из смотрителей духовного училища. В том случае, когда они совмещали с настоятельством в монастырях и прежние должности, настоятельство оказывалось для них скорее средством обеспечения, чем делом службы. Но и тогда, когда такого совмещения не было, настоятели подолгу отвлекались от своего главного дела, отчего в монастырях укоренились многие нестроения. Об этом стало известно в св. Синоде. 24 апреля 1819 года в Синод поступило предложение Обер-Прокурора, с сообщением сведений о разных злоупотреблениях в монастырях Воронежской Епархии. Причиною злоупотреблений выставлялось то, что «почти все настоятели монастырей присутствуют в консистории. Они будто бы пользуются имением, остающимся после умерших монахов; указных казначеев нет, а где и есть, то их не приглашают считать сумму прихода и расхода ни ежемесячно, ни по истечении года».

Согласно сделанному по поводу этого предложения постановлению св. Синода, была произведена ревизия всех монастырей Воронежской епархии, которая и подтвердила многие упущения в управлении монастырями. Так, в Толшевском монастыре «открылось немалое отступление от порядка в управлении братией и употреблении суммы и леса, по всегдашнему пребыванию игумена Парфения при должностях в Воронеже»⁵⁸⁸.

Казначей иеромонах Тихон, являвшийся фактическим управителем монастыря, совершенно не входил в нужды братии, которая стала испытывать недостаток в самом необходимом. Тратя бесконтрольно монастырские деньги и неисправно производя раздел кружечных доходов, он сам жил в свое удовольствие и своим поведением ронял монастырь в глазах окрестных жителей и богомольцев. К тому же, он позволял последним, за неимением гостиницы, занимать свободные монашеские келии. Последнее обстоятельство, особенно пребывание в монастырских стенах женщин, вносило еще больший беспорядок в монастырскую жизнь.

Когда выяснились эти беспорядки, игумен Парфений был уволен от должности эконома Архиерейского Дома и послан в монастырь, чтобы дать вместе с казначеем объяснение, а затем в скором

времени последовало назначение нового игумена-иеромонаха Анастасия (11 марта 1822 года).

Настоятель Донецкого монастыря тоже состоял «при должностях в Воронеже: в консистории присутствующим и в уездном училище учителем», почему «явились в некоторых частях по управлению монастырем упущения». Так, определенного казначея не было; не было в монастыре ни Духовного Регламента, ни благочиннической инструкции; братия не участвовала при записке сумм; хлебопашества не заведено; доходные статьи отдавались за дешевую аренду; документов на землю не было; архив был не в порядке.

По Коротоякскому монастырю также обнаружены непорядки, особенно по отчетности денежных средств монастыря.

Впрочем, та же ревизия обнаружила и некоторые положительные явления. Особенно отмечена была крупная строительная деятельность Задонского и частью Алексеевского монастырей; а так же хозяйственные приобретения Покровского, Толшевского, Коротоякского и Донского монастырей⁵⁸⁹.

Обнаруженные недостатки в управлении были поставлены на вид настоятелям, и они должны были озаботиться благоустройством монастырей. В тоже время выработаны были инструкции казначеям монастырей. Так как эта инструкция рисует желательный для Епархиальной власти строй монастырской жизни, то мы приводим ее здесь полностью.

1. Казначей есть вторая особа в монастыре по настоятеле, образом честной жизни, кротким поведением и всеми монашескими добродетелями примерная и постоянная.

2. Казначей избирается из старшей братии настоятелем, с согласия первых, и по представлении утверждается начальством.

3. Он чествуется первостоянием в церкви и председательством везде и всюду пред прочими собратами.

Его обязанность – А) по церкви:

4. Быть непременно у всех служб, разве по причине казенной отлучки, и смотреть, чтобы священнослужение происходило по уставу со всяким благочинием и чтобы каждый из братьев всенепременно приходил к каждому молитвословию и стоял на клиросе; не бывших записывать в заведенную нотату, с показанием причины их небытия, и оную еженедельно представлять настоятелю: в случае же небытия по крайней и опасной болезни, или по пьянству⁵⁹⁰ и самовольной отлучке, то тогда же доносить, дабы в первом

случае тотчас употребить меры к излечению, а во втором – к исправлению.

5. Смотри за ризничим, чтобы он ризницу и прочие принадлежащие церкви вещи хранил в приличных местах и отнюдь, а особенно по св. алтарю, не разбрасывал.

6. Наблюдать, чтобы в храме Божиим всюду была чистота и опрятность, для чего послушников почаству заставлять нечистое выметать, и лампы и подсвечники содержать во всякой опрятности.

– В) по монастырю:

7. Все монастырское имущество, разумея здесь серебряную, оловянную, медную, фаянсовую и прочую посуду, также разные рабочие и кузнечные инструменты, всякого рода экипажи и проч. конюшенные принадлежности кроме того, что находится в настоятельских кольях, как то, икон, картин и мебели, казначей должен принять в непосредственное свое хранение; и что нужно выдавать единожды назначенным лицам, для употребления с расписками, поверяя принявших ежемесячно в сохранности ими принятых вещей. Утраченное или сам взыскивает, или доносит о том запиской настоятелю.

8. Покупку для трапезы съестных припасов, также для конюшни овса, сена и прочего, казначей чинит с воли настоятеля благовременно не по мелочи, но сходным ценам, и бдительно смотрит за хранением и благоразумным хозяйственным употреблением купленного.

9. Увольнять из монастыря по надобностям братию в присутствии настоятеля казначей не имеет права.

10. Казначей почаству посещает братские келии, поощряет монашествующих и прочих в свободное время к чтению Слова Божия, к полезному рукоделию, в сохранению всегдашней чистоты и в одежде, и в горнице, о нерадивых и ослушных немедленно доносит настоятелю.

11. Всемерно наблюдает, чтобы хмельных напитков в кельях братских отнюдь держимо не было, яко зла, всякий порядок и устройство разрушающего. Приписка Преосвящ. Епифания: «сие должно разуметь о слабых и иногда пьянству предающихся».

12. Встретившиеся какие-либо незначительные между братией неудовольствия казначей разбирает и удовлетворяет по возможности, о важнейшем же чем-либо предоставляет доносить обиженному лично настоятелю.

13. Служители, повара и кучера находятся во ближайшем распоряжении казначея, и потому он первым ежедневно с вечера назначает потребные работы, не обременяя их до излишества; ревностных ободряет похвалою и ленивых поощряет увещанием, а в случае упорства телесным законным наказанием.

С) По суммам:

14. Суммы из казначейства казначей принимает в свое время и, немедленно записав оные в приход шнуровой книги в присутствии настоятеля и двух из лучших братий, вносит в хранилище; таким же точно образом и на расходы получает.

15. Вкладные и прочие жертвуемые деньги принимает казначей при двух или трех братьях. Здесь разумеются и деньги сорокоустные; первые записывает в приход в шнуровую, а последние в нарочито для сего устроенную книгу с письменным свидетельством бывших при том, и немедленно первые вносит в кладовую, а последние опускает при свидетелях в кружку.

16. Казначей никаких покупок не производит без воли настоятеля, почему о встретившихся потребностях доносит он настоятелю и принимает от него из кладовой потребную сумму с распиской в выемной тетради, которая всегда хранится в денежном сундуке и по употреблении оной записывает в расход с расписками продавцов.

17. Ежемесячно казначей отдает отчет настоятелю в приходе и расходе сумм, представляя в то же время и самые книги на ревизию с перечневыми записками.

18. Ключи от кладовых и денежного хранилища казначей имеет у себя, а печать хранится у настоятеля, равно и от церкви ключи хранить казначею у себя и выдавать оные в свое время кому следует или по требованиям священников чередному из причетников⁵⁹¹.

7 августа 1819 года Преосвящ. Епифаний утвердил эту инструкцию, предложив выбрать по всем монастырям казначеев и снабдить инструкцией как их, так и настоятелей монастырей. В то же время дано предложение выработать инструкции для женских монастырей, а также для эконома и казначея Архиерейского Дома. Последние инструкции были утверждены Преосвящ. Епифанием 20 января 1820 года⁵⁹².

Из приведенной инструкции открывается, что и после ревизии 1819 года казначеи оказывались фактически хозяевами монастырей. Настоятель оставался почетным представителем монастыря. Но он, судя по инструкции, не только не входит в детали хозяйственной

жизни, а и стоит выше внутренних распорядков монастырского быта. Казначей же не только ведет монастырское хозяйство, но и руководит монахами в их поведении и занятиях. Такое значение казначея продолжало оставаться в силе потому, что настоятели и после 1819 года часто проживали в Воронеже, занимая должности при Архиерейском Доме, духовном училище или семинарии.

Заключение

Первою четвертью XIX века мы заканчиваем историю монашества на Дону. Дальнейшая история изобилует яркими событиями в жизни монашества. Со времени Архиепископа Антония II, проводившего строго аскетическую жизнь, наблюдается подъем аскетического настроения в монастырях. А открытие мощей Св. Митрофана (1832 г.) и за тем Св. Тихона (1861 г.) усилило внимание к монашеству среди общества, и монастыри Митрофанов и Задонский сделались любимыми местами паломничества не только придонского, но и всего православного русского населения. В это же время оживляется старчество в Задонском монастыре, выставивши имена Затворника Георгия Машурина и схимонаха Агапита. Около этого времени усиливается подвиг пещерокопательства, и в связи с ним восстанавливается монастырь Дивногорский и возникает новый пещерный монастырь Белогорский. Но все эти события и имена еще не вполне отошли в область истории, и оценка их не всегда может быть бесстрашною. Поэтому дальнейшее изложение событий из жизни придонского монашества мы отделяем от вышеизложенного.

Теперь же, заканчивая изложение истории придонского монашества, считаем нужным указать те наиболее общие положения, к каким привело нас исследование протекшей жизни придонских монастырей.

1. Придонские монастыри, начинающие свою историю с XVII века, появляются одновременно с заселением края, как традиционное выражение русского благочестия.

2. Со времени своего возникновения они становятся в тесную зависимость от местного населения, не только давая ему религиозное удовлетворение, но и служа своеобразными инвалидными приютами для служилого населения. Такою связью монастырей с населением объясняется полумирской характер самого придонского монашества. По своему укладу эти монастыри не могут быть подведены ни под общежительный, ни под особножитный устав (Глава II).

3. Попытка ввести в монастырский строй элементарные требования общежительного устава, падающая на конец XVII в., принадлежит первому Воронежскому Епископу – Святителю Митрофану, явившемуся и вообще церковным строителем Донской Украины (Глава III).

4. Но благотворная деятельность Св. Митрофана не нашла себе продолжения при его преемниках. А отрицательное отношение к монастырям правительства со времени Петра I подрывало и то благосостояние, какое было достигнуто монастырями в XVII веке. Вследствие этого некоторые монастыри оскудели к половине XVIII века (Глава IV).

5. Екатерининская реформа в строе монастырей во многих случаях только засвидетельствовала оскудение придонского монашества, приведши к закрытию 17 монастырей (Глава V).

6. Но одновременно с этим закрытием наблюдается оживление аскетических стремлений не только в некоторых монастырях, но и среди мирян, причем подвижничество не повело к отрицанию мира, а к могучему нравственному влиянию на мир. Выразителем такого подвижничества явился Св. Тихон Задонский (глава VI) и его духовное содружество (гл. VII), которые дали начало старческому направлению в придонском монашестве.

7. Старчество, начавшееся при Св. Тихоне, замерло с конца XVIII века. Монастырская жизнь начала XIX века характеризуется заботами правительства о внешнем благосостоянии монастырей и упорядочении монастырского строя (гл. VIII).

Примечания

- ¹ - Свящ. С. Е. Зверев. Материалы по археологии Дона. Памятная книжка Воронеж. губ. 1894 г. и отд. оттиск, стр. 1–8.
- ² - Л. Вейнберг. Очерк замечат. древностей Воронеж. губ. 1891, стр. 48–50, 70–72.
- ³ - Е. Болховитинов. Описание Воронеж. губернии. 1800, стр. 8–9, 35. Татищев Ч. Ш, Москва. 1774, стр. 226. Болтин, Екатерина, Карамаин, Погодин, Германов, Скиада, арх. Макарий, арх. Димитрий, Е. Марков, свящ. С. Е. Зверев. См. об этом в статьях, напечатан. во кн. Трудов Воронеж. архивной комиссии. – Вопрос о существ. г. Воронежа в в. О. Н. Введенского и свящ. С. Е. Зверева.
- ⁴ - См., напр., Сборник Имп. Русск. Историч. Общества, т. 41. СПб. 1884, № 74, стр. 367.
- ⁵ - Вагалеи Д. И. Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства. Харьков, 1884 г.
- ⁶ - Грам. Колл. Экон. 1354/33, Материалы, стр. 157.
- ⁷ - См., напр., Грам. Колл. Эк. 1829/13 (Материалы, стр. 17). См. Бел. Ст. № 24. л.л. 438–440 (Материалы, стр. 184–185).
- ⁸ - Голубинский История Русской Церкви.
- ⁹ - Столбцы. Белогород. Стола № 1102, л.л. 839–341, Материалы, стр. 187.
- ¹⁰ - См. Донские Дела, изд. Москов. Архива Иностр. Дел.
- ¹¹ - Материалы для географии и статист. России. Земля Войска Донского. Краснова, стр. 533, см. у Д. Правдина – Усть-Медведицкий монастырь, стр. 14. «Ср. Донск. Епарх. Вед.» 1870, №8, стр. 252.
- ¹² - Правдин Д., цит. Соч., стр. 17, примеч. «Д. Е. Вед.» 1870, № 8.
- ¹³ - Правдин Д., цит. Соч., стр. 15.
- ¹⁴ - Грамоты Коллегия Экономии 1524/3. Материалы по истории монашества на Дону, стр. 57.
- ¹⁵ - Переписные книги монастырям 1644 г. Материалы, стр. 177–178.
- ¹⁶ - Грамоты Коллегии Экономии 1591/60. Материалы, стр. 85.
- ¹⁷ - Там же. Материалы, стр. 85.
- ¹⁸ - Грамоты Коллегии Экономии 1581/60. Материалы. Стр. 64–86.

- 19 - Столбцы Белогород. Стола №384.
- 20 - Грамоты Коллегии Экономии 1581/60, Материалы, стр. 64.
- 21 - Там же, Материалы, стр. 78.
- 22 - Ст. Белог. Ст. № 1029, л.л. 73–80. Материалы, стр. 185–187.
- 23 - См. Древние Акты Покров. монастыря, изд. свящ. Зверевым, стр. 34 и др.
- 24 - Там же, стр. 36.
- 25 - Там же, стр. 2.
- 26 - Акты Покров. монастыря, стр. 35.
- 27 - Там же. стр 37, № 9.
- 28 - Переписные книги Покров. Монастыри. 166 г. См. Материалы, стр. 100.
- 29 - Акты Покров. монастыря, стр. 3.
- 30 - Там же.
- 31 - Там же, стр. 36.
- 32 - Там же, стр. 6–10.
- 33 - Там же.
- 34 - Там же, стр. 22, № 4, ср. 40, № 15.
- 35 - Позже, по тем же причинам, игуменья и монастырский священник просили патриарха взять монастырь «на себя» (Акты, стр. 24, 25).
- 36 - Там же, стр. 36–37, ср. 35.
- 37 - А. М. Ю. Дела Приказн. Стола, № 2048/806, л. 42–43.
- 38 - Акты, стр. 18.
- 39 - Там же, стр. 19.
- 40 - Акты, стр. 19, № 4.
- 41 - Там же, стр. 33, № 2.
- 42 - Там же, стр. 19, № 5.
- 43 - Там же, стр. 21, № 10.
- 44 - Там же, стр. 20, № 8.
- 45 - Там же, стр. 21, № 9.
- 46 - Там же, стр. 21, № 11.
- 47 - Акты, стр. 20, № 8.
- 48 - Там же, стр. 37, № 9.
- 49 - Правдин Д. Усть-Медведицкий монастырь, стр. 20.
- 50 - Там же, 22–23.

- ⁵¹ - Там же, стр. 38–39.
- ⁵² - Серебряков. Очерки Усть-Медвед. Преобр. монастыря. «Донские Войсковые Ведомости», 1853 г., июля 8, № 26, стр. 118. Правдин, Цит. соч., стр. 28–29.
- ⁵³ - См. в кн. «Лебедянский Свято-Троицкий общежительный монастырь». Тамбов, 1895 г. В книге указана вся литература, касающаяся истории этого монастыря.
- ⁵⁴ - Грамоты Коллегии Экономии 6947/1, Материалы, стр. 3.
- ⁵⁵ - Столбцы Белогород. Стола № 24, л.л. 364–367, Материалы, стр. 171.
- ⁵⁶ - Лебедянский Св.-Тр. общеж. мон., стр. 34.
- ⁵⁷ - Соловьев. История России, т. IX, стр. 44.
- ⁵⁸ - Гр. Колл. Эк. 6952/1.
- ⁵⁹ - Столбцы Белогород. Стола № 24, л. 364–367.
- ⁶⁰ - Грамоты Коллегии Экономии 6968/2, Материалы, стр. 7.
- ⁶¹ - Грамоты Колл. Эк. 1339/11 и 1534/13, Материалы, стр. 8–9.
- ⁶² - Столбцы Белгород. Стола № 469, л.л. 507–508. Нам странным кажется и размер жалования (другие монастыри получали по 10 р.) и выдача его в отдаленной Туле.
- ⁶³ - Грамота Колл. Экономии № 4625/17, Материалы, стр. 13.
- ⁶⁴ - Грамоты Колл. Экономии № 4612/1, Материалы, стр. 9–10.
- ⁶⁵ - Там же, № 4628/17; Материалы, стр. 12.
- ⁶⁶ - Памятн. Кн. Ворон. губ. 186 $\frac{3}{4}$, стр. 17–18.
- ⁶⁷ - А. М. Ю. Писцовая кн. по г. Ельцу, № 134, л. 226, № 133 и 828; Ст. Б. Стола, № 604, л. 96–97. См. у С. Н. Введенского – «Хозяйственная деятельность Тешевского монастыря...» Ворон. Стар. В. V, стр. 382–387.
- ⁶⁸ - Сведения о Даншином монастыре извлечены из Граматы Кил. Экон., №№ 1829/18; 1831/10. Материалы, стр. 17–19. – Название монастыря Даншиным объясняется его положением над Доном. Дон имел чтение и Дан (Танаис и Геродота). Название могло произойти и при неясном произношении слова Донщина -Данщина. Попытка объяснить название от слова дань, которую здесь собирали татары, возникла из желания отнести глубже в древность происхождение городища.
- ⁶⁹ - Писцовые кн. 137 г., изд. Вейнбергом, стр. 226.
- ⁷⁰ - Архив. Мин. Юстиции. Дела разных городов, кн. 15. Л. 399.

⁷¹ - Книги Белгород. Стола, № 48, л. 61, № 8.

⁷² - Второв. Воронеж. Акты, кн. 2, стр. 145. Ср. А. М. (Ворон. Губ. Вед. 1862 г., № 10, стр. 109) думаем, что этот разгром был в 1680 г. Может быть, тогда был еще новый – четвертый разгром: игумен Феодосий жаловался в 1681 г., что со времени татарского нашествия церковь весьма оскудела и жалованные грамоты на монаст. земли похищены ханом.

⁷³ - Ст. Белгород. Стола, № 218, л.л. 39–41.

⁷⁴ - Там же, № 652, л.л. 598–599.

⁷⁵ - Ворон. Губ. Вед. 1862, № 10, стр. 109.

⁷⁶ - Грам. Колл. Экономии № 1379/58.

⁷⁷ - Грам. Колл. Экон. № 1543/22, Материалы, стр. 30–31.

⁷⁸ - Столбцы Белогор. Стола 1130, л. 249. Василий Струков упоминается в Воронеж. Писцовых Книгах 1629 г., см. стр. 202, 241 и 235.

⁷⁹ - Грамота Колл. Экономии 1343/22.

⁸⁰ - Такое объяснение названия «больничного» делает излишним гадание арх. Димитрия, что, может быть, в этот монастырь, как находящийся в местности, близкой к Воронежу и отличающийся здоровым климатом, обилием тени (в лесах и монастырском саду), отправляли же и живших в Архиерейском Дому (к которому Семилуцкая пустынь была приписана) заболевших иноков для поправления здоровья («Семилуцкий монастырь». «Воронеж. Епарх. Вед.» 1883 г., № 17, стр. 682–683).

⁸¹ - Столбцы Белогород. Стола, № 210, л.л. 322–326.

⁸² - Там же, № 341, л.л. 222–223.

⁸³ - Грамоты Колл. Экономии, № 1543/22.

⁸⁴ - Там же, № 1541/20.

⁸⁵ - Там же.

⁸⁶ - Там же, № 1540/19.

⁸⁷ - Роспись 166 года, № 48, л. 61. Книги Белогород. Стола.

⁸⁸ - Столбцы Белогород. Стола, № 210, л.л. 322–326.

⁸⁹ - Там же, № 341, л.л. 322–323.

⁹⁰ - Роспись 166 г., Книги Белогород. Стола, № 48, л. 61.

⁹¹ - Грамоты Колл. Экон. 1540/19.

⁹² - Там же, 1541/20.

⁹³ - Архив Толшевского монастыря, т. , № 1.

- 94 - Там же.
- 95 - Там же, т. , № 7. Ср. Грам. Колл. Экон. 1577/50.
- 96 - Грам. Колл. Экономии 1570/56 и 1577/56.
- 97 - Архивъ Толшев. Монастыря, т. , № 2.
- 98 - Писцовые Кн., изд. Л. Вейнбергом, стр. 11.
- 99 - Арх. Св. Синода. Истор. свед. о м-рях 1781, № 488.
- 100 - Писцовые Книги, стр. 18.
- 101 - Архив Мин. Иностр. Дел. Монастырские дела. По Успенскому монастырю № 1 и 2. Ср. Арх. М. Юст. Столбцы Белогород. Стола, № 3, л.л. 302–313.
- 102 - Яворский Алексеевский Акатов монастырь. «Воронеж. Епарх. Вед.» 1869, № 11.
- 103 - Грам. Коллег. Эконом. 1552/31.
- 104 - Там же.
- 105 - Архив. Мин. Иностр. Дел. Монастыр. Дела. По Успен. Монастырю № 1. См. у Токмакова – «Воронеж. Епарх. Бед.» 1883, № 1.
- 106 - Грам. Колл. Эк. № 1557/36.
- 107 - Грамоты Колл. Экономии 1522/1.
- 108 - Писцовые Кн. 1629 г., стр. 18–20.
- 109 - Там же, стр. 18.
- 110 - Грамоты Колл. Экономии № 1253/2.
- 111 - Писцов. кн. 1629, стр. 19.
- 112 - Писцов. кн. 1629, стр. 19.
- 113 - Писцов. кн. 1629, стр. 19.
- 114 - Переписные книги 152 г. в М. Арх. М. Юст. Дела разных городов кн. 15, л. 388.
- 115 - Роспись монастырей и церквей в Ворон. у. Кн. Белгород. Стола, № 48, л. 61.
- 116 - Окладные книги Рязан. митрополии. Вороп. Старина. Вып. 1, стр. 105–106.
- 117 - Писцов. Книги 1625 г., стр. 236.
- 118 - Писцов. Кн. № 1629.
- 119 - Грам. Колл. Экон. 1542/21–1544/22. Материалы, стр. 39–42.
- 120 - Грам. Колл. Экон. 1537/36.
- 121 - См. выше, о. Лебед. м-ре.

- 122 - Грам. Колл. Экон. 1561/40.
- 123 - М. Архив. М. Юст. Архив Вотчинный. Столбцы оклеенные – по г. Воронежу, список № 81, столб № 11. У Зверева – историческое известие об основании Ворон. Алексеев. монастыря.
- 124 - Там же.
- 125 - Грамоты Колл. Экономии 1612/1.
- 126 - Писцовые книги, стр. 223.
- 127 - А. М. Ю. Дела разных городов. Кн. 15, л. 388.
- 128 - Там же.
- 129 - Писцовые кн., стр. 223–224.
- 130 - Дела разных городов, кн. 15, л. 388.
- 131 - Окладные книги. Рязан. Митрополии 1676 г. Ворон. Стар. В. И. стр. 106.
- 132 - Яворский Алексеев. монастырь. Ворон. Епарх. Вед. 1869 г., № 12.
- 133 - Окладные книги Рязан. митроп. 1676 г. Ворон. Старина , стр. 106.
- 134 - Столбцы Белгород. Стола № 1180, дело № 1.
- 135 - Дела разных городов, кн. 15, л. 388.
- 136 - Окладные книги Рязан. митроп. 1676 г. Ворон. Старина , стр. 106.
- 137 - Грам. Колл. Экон. 1529/8; 1335/14; 1546/25.
- 138 - Там же 1545/14.
- 139 - Там же 1440/40.
- 140 - Там же.
- 141 - Ворон. Акты , стр. 25, у Яворского. Цит. соч. Ворон. Епарх. Вед. 1869, № 12.
- 142 - Грам. Колл. Эк. № 1535/14.
- 143 - Грам. Колл. Экон. 6181/5.
- 144 - Книги Белогор. Стола № 28.
- 145 - Грам. Колл. Экон. 6181/5.
- 146 - Книги Белогор. Стола № 28.
- 147 - Книги Белогор. Стола № 28 – за 1659 г.
- 148 - Сведения о Вознесенском Корот. Монастыре см. в статье арх. Димитрия – «Вознесенский Корот. мон.».

¹⁴⁹ - См. Материалы, стр. 259. Архив. Ворон. Дух. Консист., Дела Корот. Возн. м-ря № 55.

¹⁵⁰ - Арх. Ворон. Дух. Консист., Д. Корот. м-ря, № 55. Материалы, стр. 260.

¹⁵¹ - Там же, стр. 259.

¹⁵² - Столбцы Белогород. Стола № 1051, л. 224.

¹⁵³ - О происхождении этого, как и других столпов, см. ниже, в отделе о Дивногорском монастыре.

¹⁵⁴ - Ст. Б. Ст. № 921, л.л. 52–55, стр. 189–190.

¹⁵⁵ - Очерк замечательных древностей Воронежской губернии. 1891. Стр. 48–50; 70–72.

¹⁵⁶ - Победка в Дивногорье. «Русский Вестник» 1891 г., № 5, стр. 136–140.

¹⁵⁷ - См. Труды Ворон. Ученой Арх. Комиссии, в. , журн., стр. .

¹⁵⁸ - «Да перешод царь Ши-Ахмет Дон, да пошел вверх по Дону, да пришед на усть Сосны Тихой под Девичьи горы, да тут себе Ши-Ахмет учинил крепость». Грамота к в. кн. Ивану Васильевичу из Крымской Орды 7 авг. 1501 г. (Сборник Имп. Русск. Общ., т. 41, Спб. 1884, № 74, стр. 367).

¹⁵⁹ - См. у Д. И. Багалея – Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. Т. , стр. 3.

¹⁶⁰ - Напр., П. В. Знаменский относит основание монастыря к XV в. См. Учебн. руководство по Ист. Р. Церкви. 1896, стр. 472.

¹⁶¹ - Московск. Архив Мин. Юстиции. Столбцы Белогород. Стола, № 500, л.л. 244–245.

¹⁶² - См. «Воронеж Старину» в. , см. пр. Д. Склобовского – «Летопись г. Острогжска и семи церквей онога», стр. 246.

¹⁶³ - Столбцы Белогород. Стола, № 500, л.л. 244–245.

¹⁶⁴ - Архив Ворон. Дух. Консистории № 126. – Дело о причислении упраздненного Успенского Дивногор. м-ря к Коротоякскому м-рю.

¹⁶⁵ - Столбцы Белогород. Стола № 500, л.л. 245–246; Ср. Грамота Коллегии Экономии № 852 4/5.

¹⁶⁶ - Там же, №№ 252–253.

¹⁶⁷ - Грам. Колл. Экономии. № 8542/18.

¹⁶⁸ - Ст. Белог. Стола, № 726, л.л. 115–137, сравн. № 772, , л.л. 71–74.

¹⁶⁹ - Там же, № 772. л.л. 71–74; Сравн. № 1269, л.л. 220–221+926–938.

¹⁷⁰ - См. в описи монастыря 1715 г. Памяти

¹⁷¹ - Грам. Колл. Экон. № 8520/2; сравн. 8528/4.

¹⁷² - Там же 8533/6; 8534/10.

¹⁷³ - Там же 8535/11.

¹⁷⁴ - А. М. Ю. Дела Монаст. Приказа. Переписные Кн. Ворон. Епархии монаст. вотчинам 1702 г. Ворон. Стар. , стр. 221.

¹⁷⁵ - Грам. Колл. Экон. № 8543/19.

¹⁷⁶ - Столбцы Белогор. Стола, № 500, л. 252–253.

¹⁷⁷ - Столбцы Белогород, Стола № 603, л.л. 337–338.

¹⁷⁸ - Там же, № 598, л. 182.

¹⁷⁹ - Грам. Колл. Эконом. № 8189/15.

¹⁸⁰ - Ст. Б. Стола, № 1177, л.л. 113–129.

¹⁸¹ - Грам. Колл. Экон. № 8527/8.

¹⁸² - Там же, 8337/18.

¹⁸³ - Грамоты Колл. Экономии, 5178/2.

¹⁸⁴ - Там же, 8337/18.

¹⁸⁵ - Столбцы Белогород. Стола, № 1177, л.л. 113–119.

¹⁸⁶ - Гр. Колл. Эк. 8534/14.

¹⁸⁷ - Столбцы Белогород. Стола, № 24, л.л. 438–440.

¹⁸⁸ - История России. Т. (Москва, 1863), стр. 317.

¹⁸⁹ - Следом этого потрясения у Петра осталось на всю жизнь подергивание лицевых мускулов и трясение головы.

¹⁹⁰ - Следы этих работ и теперь сохраняются в ризнице Ворон. Митрофанова монастыря.

¹⁹¹ - За время появления св. Митрофана в той части его епархии, которая определена ему в 1682 г., было построено 50 новых церквей, что составило 20 % общего количества церквей в указанной местности.

¹⁹² - Эти драгоценные сведения установлены благодаря изданию Н. И. Поликарповым Приходо-расходных книг архиер. Дома при св. Митрофане в Трудах Ворон. Архивн. Комиссии за 1902 г., вып. , стр. 1–74.

¹⁹³ - Духовное завещание св. Митрофана, рукоп. Синод. Библ., л. 26.

- ¹⁹⁴ - В тех же прих.-расх. Книгах, помещ. в вып. Труд Ворон. Арх. Комм.
- ¹⁹⁵ - См. Арх. Мин. Юст. Д. Монаст. Прик. Вязка 207, дело 54.
- ¹⁹⁶ - Синодик св. Митрофана.
- ¹⁹⁷ - Труды Ворон. Арх. Комиссии, стр. 129.
- ¹⁹⁸ - Там же, стр. 132.
- ¹⁹⁹ - Вейнберг. Ворон. акты. Т. И., 1887, № 165, стр. 315–316; Н. Поликарпов, Милосердый святитель, стр. 10–11.
- ²⁰⁰ - Труды В. Арх. Комм. В , стр.134. Иногда отправляя в уезды посланцев по епарх. Дела, святитель и им «поручал» раздавать деньги нищей братии (Там же, стр. 135).
- ²⁰¹ - Грам. Колл. Экон. № 1588/67.
- ²⁰² - Грам. Колл. Экон. № 1579/58.
- ²⁰³ - Моск. Архив Мин. Иностр. Дел. Духовные Российские Дела, № 10, 1678 г.
- ²⁰⁴ - См. Грам. Колл. Экон., Елец. уезд, №№
- ²⁰⁵ - Соловьев. История России. М. 1863. Т. , стр. 313.
- ²⁰⁶ - Грамоты Колл. Экономии, № 12820/1, см Материалы, стр. 22.
- ²⁰⁷ - Там же.
- ²⁰⁸ - Там же, 12830/2.
- ²⁰⁹ - П. Никольский. Спасопреобр. Толшев. Монастырь, стр. 19. Материалы для истории Спасопреобр. Толшев. Монастыря, стр. 30.
- ²¹⁰ - См. И. Никольский. Материалы по истории Архиер. Дома. «Воронеж. Старина», в V, стр. 10.
- ²¹¹ - Грамота Колл. Экономии № 1021/100; Материалы, стр. 127–128.
- ²¹² - Грам. Колл. Экон. №№ 4616/5, 4613/7, 4620/9, 4623/12, 4627/16.
- ²¹³ - Там же, №№ 4619/8, 4621/10, 4624/13, 4630/13, 4643/32.
- ²¹⁴ - Там же, №№ 4635/24, 4642/31, 4644/33–4645/34.
- ²¹⁵ - Столбцы Белогород. Стола, № 1375, л. 1, Материалы, стр. 172–173.
- ²¹⁶ - А. М. Ю. Грам. Колл. Экономия, №1577/56 и 1589/61 ср. Архив Спасо-Преоб. Толшев. Монастыря. Т. , №№ 9–11.
- ²¹⁷ - Архив. Толшев. мон., т. , № 8.
- ²¹⁸ - Там же, № 25, 20 ср. Ворон. Епарх. Вед. 1884, № 17.

- ²¹⁹ - См. у о. Зверева, Древние Акты Покров. д. мон., стр. 18–19.
- ²²⁰ - Там же, стр. 25.
- ²²¹ - Там же, стр. 41.
- ²²² - Там же, стр. 17.
- ²²³ - М. Гл. Арх. Мин. Юст. Дела Приказн. Стола, №2046/196, л.л. 42–45, 48–49, 54–55, 66, 84–95, 99–103. Зверев, материалы, стр. 72.
- ²²⁴ - А. М. Ю. Столбцы приказного стола, № 2040/806.
- ²²⁵ - См. у М. А. Веневитинова «Из Воронежской летописи за 1696 г.». Пам. кн. Вор. губ. 1896 г., стр. 13. Не хотел ли сказать Гордон, вместо «к епархии В. епископа», – к дому В. епископа?» Если же нет, то последняя фраза говорит о том, что в сознании современников Борш. монастырь до 1686 г. совсем не признавал власти Ворон. Епископа.
- ²²⁶ - А. М. Ю. Грам. Колл. Экономии, № 1583/62.
- ²²⁷ - См. у Зверева, Материалы для жизнеопис. Св. Митрофана, Вып. .
- ²²⁸ - Арх. М. Ю. Дела Мон. Приказа, Вязка 207, № 54.
- ²²⁹ - Н. И. Поликарпов, Черты из жизни Св. Митрофана по пр-р кн. арх. дела. Труды Вор. Арх. Ком. , стр. 134.
- ²³⁰ - Там же, стр. 136.
- ²³¹ - Зверев. Древние Акты В. Покр. мон., стр. 22.
- ²³² - Д. Правдин. Историч. очерк Усть-Медвед. Спасопреобр. Монастыря. Ярославль 1885, стр. 32.
- ²³³ - Зверев, Св. Митрофан в борьбе с расколом, стр. 22.
- ²³⁴ - А. М. Ю. Дела Монастыр. Приказа за 1702 г., Вятка 207, № 54.
- ²³⁵ - Древние акты Покров. Монастыря, Зверева, стр. 37, ср. 35.
- ²³⁶ - Там же, стр. 24–25.
- ²³⁷ - Там же, стр. 23.
- ²³⁸ - Там же, стр. 36.
- ²³⁹ - В этом отношении нельзя согласиться с взглядом проф. Д. И. Багалея, будто в это время донские монастыри «развивают в своих имениях значительную сельскохозяйственную деятельность». (См. Очерки по истории колонизации степной окраины Моск. госуд., стр. 360 и далее). По крайней мере, этого нельзя сказать о монастырях Воронежской епархии конца V в.

- ²⁴⁰ - И. Миклашевский. К истории хоз. быта Московского государства, ч. , Москва 1894 г., стр. 231.
- ²⁴¹ - Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона, 18, стр. 684
- ²⁴² - . С. Н. Введенский, Цит. ст. Воронеж. Ст. В. V, стр. 388–389.
- ²⁴³ - См. П. Никольский. Материалы для истории Архиерейского дома. Воронеж. Старина. В. V, стр. 5–7.
- ²⁴⁴ - См. Переписанные книги Ворон. Епархии монаст. вотчинам 1702 г. в Материалах по истории монашества на Дону, вып. .
- ²⁴⁵ - В 1701 г.: по 10 р. и 10 четв. на монаха, а с 1705 г. это жалованье сокращено наполовину.
- ²⁴⁶ - Полное Собр. Пост. по Вед. Пр. Исповед., т. , 313 (286).
- ²⁴⁷ - А. Завьялов. Вопрос о церковных имениях при Императрице Екатерине , СПб 1900, стр. 96 и далее.
- ²⁴⁸ - Впрочем, не один монастырь, а и многие обыватели этой местности вынуждены были выселиться отсюда на свободные места – к Акатову монастырю: с этого времени именно и заселилась эта местность. Веселовский. Исторический Очерк г. Воронежа, стр. 88.
- ²⁴⁹ - «Тому лет с сем руги не выдают» (о Пятницком Остроге жен. Монастыре). Ворон. Стар., В , стр. 221.
- ²⁵⁰ - В это же время, к подрыву доходов Успенского м-ря, под Воронежем возник новый перевоз, устроенный Алексеевским м-рем. Столбцы Белогород. Стола, № 5020/1130, дело 1.
- ²⁵¹ - Древние Акты Покров. дев. м-ря, изд. свящ. С. Зверевым, страниц 18, 26, 39–40.
- ²⁵² - Там же, стр. 40.
- ²⁵³ - «В 1702 г., по просьбе игуменьи с сестрами, за теснотой и обветшалостью келий и ограды (а паче, как думать можно, за тем, что по близости к Адмиралтейству, где тогда государь Петр Великий часто присутствовал, монастырю стоять было неуместно), от приказа адмиралтейских дел перенесен на нынешнее место» (Архив св. Синода. Историч. сведения о монастырях. Приложение к делу 1788 г., № 488).
- ²⁵⁴ - Книги Переписные 1702 г. Ворон. Стар. В , стр. 211–222; Материалы по ист. мон. на Дону, стр. 162.
- ²⁵⁵ - Опись напечат. в Памятн. кн. Ворон, губ. за 1863–4 г.г.
- ²⁵⁶ - Архив Морского Минист. Д. Графа Апраксина № 314, л. 289.
- ²⁵⁷ - Приходо-расходные книги Дивногор м-ря 1743–1744 г.г. в Архиве м-ря.

- ²⁵⁸ - Архив Толшев. м-ря, т. III, № 58.
- ²⁵⁹ - Архив В. Д. Консист. Дела Донецкого м-ря, 1750, № 50.
- ²⁶⁰ - Описание документов и дел Архива св. Синода т. XVI, 263/166, стр. 267–268.
- ²⁶¹ - Архив Толшев. м-ря. П. Никольский. Материалы для истор. Толш. м-ря. Ворон. Стар. В. I, стр. 34–36.
- ²⁶² - Архив Толшев. м-ря. П. Никольский. Материалы для истор. Толш. м-ря. Ворон. Стар. В. I, стр. 31–34.
- ²⁶³ - Архив Толшев. м-ря. Т. , № 28.
- ²⁶⁴ - Тамъ же, Т. III, № 11.
- ²⁶⁵ - Полное собрание постан. по Вед. Пр. Исп. Т. V, стр. 1919.
- ²⁶⁶ - История Российской иерархии. Ч. V, стр. 775.
- ²⁶⁷ - Б. В. Титлинов, Монашество в царствование Анны Иоанновны. Христ. Чт. 1904 г. Апрель, стр. 574.
- ²⁶⁸ - Акты Донецкого Предтеч. м-ря. Сообщ. свящ. Яблоновского, В. Стар. IV, стр. 232–233.
- ²⁶⁹ - Е. Болховитинов. Всеобщее Историческое сведение о Ворон. Губ., 1800 г., стр. 174.
- ²⁷⁰ - Грам. Колл. Экон. 205/2. Ср. Акты Донецк. (м-ря. Ворон. Стар. в IV, стр. 237.
- ²⁷¹ - Арх. Морск. Министерства. Дела Адмиралтейской Канцелярии № 27, 1700 г. № 185, л. 196–197.
- ²⁷² - Акты Донец. м-ря, стр. 251–255.
- ²⁷³ - Акты Донецкого м-ря. В. Стар IV, стр. 233–235.
- ²⁷⁴ - Грам. Колл. Экон. 205/2. Материалы по ист. монашества на Дону, стр. 136. Акты Донец. м-ря. В. Ст. IV, 236–245.
- ²⁷⁵ - Грам. Колл. Экон. 3705/17. Материалы, стр. 138–141.
- ²⁷⁶ - Акты Донецкого м-ря. Ворон. Стар IV, 245.
- ²⁷⁷ - Описание распоряжений по Ведом. Прав. Исповедания, т. VII, стр. 272 (2450).
- ²⁷⁸ - Акты Донецкого м-ря. Ворон. Стар IV, стр. 247, 249–251.
- ²⁷⁹ - Там же, стр. 248.
- ²⁸⁰ - И. М. Покровский, Русская епархия в XVIII в. Прав. Собес. 1907 г., апрель, стр. 535–537.
- ²⁸¹ - Арх. Моск. Мин. Дела Адмиралт. Канцелярия (181), л. 499–504 и др. См. Описание Архива т. , стр. 310.
- ²⁸² - Грам. Колл. Экон Материалы, стр. 137–138.

- 283 - Москов. Архив. Мин. Иностр. Дел. Донские дела старых лет. Связка 26, № 11.
- 284 - Описание Архива Морского Министерства, т. , стр. 209 (из № 108, лл. 192–195; 624–629).
- 285 - Там же.
- 286 - Архив Донецкого м-ря, т. ; № 9, № 13, См. ещё Акты, относящ. К Истории Войска Донского, собранные А. А. Лишиным, т. , № 15, стр. 20, № 16, стр. 21; № 17, стр. 22–23, № 41, стр. 44–45.
- 287 - Болховитинов. Описание Ворон. губ., стр. 187.
- 288 - Архив Св. Синода 1786 г., № 58. Материалы, стр. 210–211.
- 289 - Там же, стр. 211–212.
- 290 - Архив Св. Синода 1786 г., № 58. Материалы, стр. 212–213.
- 291 - Там же, стр. 218.
- 292 - Болховитинов. Описание Воронеж. Губ., стр. 176–177.
- 293 - Архив. Св. Синода 1786 г., № 58. Материалы, стр. 203–205; 218–219.
- 294 - Архив. Св. Синода 1786 г., № 58. Материалы, стр. 203–205.
- 295 - Архив. Св. Синода 1786 г., № 58. Материалы, стр. 205.
- 296 - Там же, стр. 205–206.
- 297 - Там же, стр. 206.
- 298 - Там же, стр. 207–208.
- 299 - Там же, стр. 208–209.
- 300 - Там же, стр. 219–220.
- 301 - Д. Правдин, Историч. Очерк Усть-Медвед. Спасо-Пр. монастыря 1885 г., стр. 59.
- 302 - Там же, стр. 39.
- 303 - М. В. Себряков. Очерк монастыря, стр.136, см. у Д. Правдина, Цит. соч., стр. 60.
- 304 - Москов. Архив Иностр. Дел. Донские дела старых лет. Связка 26, № 13.
- 305 - Арх. Св. Синода, 1786 г., № 58; Материалы, стр. 206.
- 306 - Там же.
- 307 - Д. Правдин, Указ сог., стр. 46.
- 308 - Архив. Св. Синода 1786 г., № 58. Материалы, стр. 210.
- 309 - Правдин, Указ сог., стр. 46.
- 310 - Правдин, Указ соч. стр., 47–48.

- ³¹¹ - Правдин, Указ соч., стр. 50–51.
- ³¹² - Там же, стр. 50.
- ³¹³ - Архив. Св. Синода 1786 г., № 58. Материалы, стр. 215.
- ³¹⁴ - Там же, стр. 220.
- ³¹⁵ - Описание документов и дел, хран. в Архиве Св. Синода, т. , ч. 1, т. 10, стр. 336.
- ³¹⁶ - Разрозненные дела консист. архива 1758, № 39.
- ³¹⁷ - Описание Архива Морского Министерства, т. , № 485, СТР. 437.
- ³¹⁸ - Описание докум. и дел, хранящ. в Архиве Св. Синода, т. , ч. , стр. 161.
- ³¹⁹ - Там же, т. V, № 129, стр. 120–121.
- ³²⁰ - Там же, т. , № 181, стр. 334–341.
- ³²¹ - Описание распоряжений по ведомству прав. Исповед. Т. VII, стр. 272 (2450).
- ³²² - «Св. Евангелие на большой александрийской бумаге ..., серебряные золоченые сосуды церковные, две шапки архимандричьих, на них образы серебряные золоченые и обнизаны жемчугом, плащаница шитая золотом и серебром, а венцы низаны жемчугом; 3 креста серебряные золоченые с мощами; 2 кадила серебряные золоченые, три ризы серебряные объярины – одни с травами, крест и звезды жемчужные; четвертые ризы бархатные зеленые – оплечья шиты золотом и серебром, подризник камчатый красный и т. д. (Описание Докум. и Д. Архива Св. Синода, т. 10, № 66, стр. 148)... «Образ Иоанна Предтечи в окладе, венец и цата ожерелье жемчужное, за слюдою, оправа серебряная позолоченная, привезенный из Азова,... св. Евангелие крыто черным бархатом – евангелисты серебряные золоченые, сосуды серебряные, напрестольный крест деревянный с мощами обложен серебром позлащен, крест запрестольный, образ Казанской Божией Матери запрестольный – оклад, венец и цата серебряные позлащены, убрус и ожерелья вынизаны жемчугом, привесу серьги золотые, у царских дверей завеса тафтялая желтая; царские двери резаные позлащены – у них образ Спасителей местный, на нем венец и цита серебряные позлащены, ожерелье жемчужное; по левую сторону образ Смоленской Божией Матери, венец и цата серебряные позлащены, убрус ожерелья жемчужные. привесу двои серьги серебряные позлащены; местный образ Иоанна Богослова – венец и цата

серебряные позлащены; две двери – северные и южные – на них архидиаконы Стефан и Лаврентий, местная икона собор Пресв. Богородицы, икона Иоанна Предтечи молящегося, икона Казанской Божией Матеря; в деисусах образ Спасителя, Богородицы и Предтечи, 2 архангела с 5 венцами серебряными, 6 апостолов с серебряным вызолоченным венцом; 2 медных паникадила; хоругвь писана по камке с образами Спасителя и Предтечи; книги – устав, апостол, псалтирь со следованием. минея общая с праздниками, минея общая святых, служебник, большой требник, 2 ермология, каноники малый и книга жития Предтечева, 2 ризы, 2 подризника, 2 поручи и 2 епитрахили; укропник медный, блюдо и тарелка оловянные, медная водосвятная чаша, большой выносной слюденный фонарь». (Там же, № 475, стр. 776–777).

³²³ - Архив В. Д. Конс. Дела Донц, м-ря, хран. в Архиве Церковного Ист. археологич. Комитета. 1750, № 50.

³²⁴ - Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные г.-м. А. А. Лишиным, Изд. под ред. А. А. Карасева и Х. И. Попова. Т. , (1894), ч. , № 261, стр. 241–242.

³²⁵ - Арх. Св. Синода. 1786, № 58, Материалы, стр. 213.

³²⁶ - Архив Св. Синода. 1786, № 56, Материалы, стр. 213.

³²⁷ - Там же.

³²⁸ - Архив Св. Синода. 1786, № 56, Материалы, стр. 213–215.

³²⁹ - Правдин, Устьмедведицкий монастырь, стр. 47.

³³⁰ - См. Архив Св. Синода 1786 г. № 58.

³³¹ - Архив Духов. Консistorии. Дела Алекс. м-ря, № 18. Материалы стр. 255–258.

³³² - Архив Толшевского м-ря, т. V, № 37.

³³³ - Архив Толшевского м-ря, т. , № 28

³³⁴ - Там же, т. , № 87

³³⁵ - И. Дубасов. Очерки Тамб. края, в. , стр. 50. См. Лебединский Св.-Троицкий монастырь. Тамбов 1895 г., стр. 47.

³³⁶ - Архив. Дивногор. м-ря, указ Камор Коллегии от 2 октября 1763 г., № 1572.

³³⁷ - П. Никольский, История Ворон. д. семинарии ч. , стр. 18–19.

³³⁸ - Грам. Колл. Экон. 413/2.

³³⁹ - Архив. Ворон. Д. Консист. Дела Арх. Дома. 1765, № 148.

³⁴⁰ - Там же, 1762 г. № 244.

- 341 - С. Материалы стр. 260–263.
- 342 - Архив Дух. Консistor. Дела Алекс. м-ря, 1762, № 30.
- 343 - Грам. Колл. Экон 3706/14, Материалы, стр. 141–148.
- 344 - Архив Духов. Конс., Дела Донецкого м-ря 1747, № 45 и № 44.
- 345 - Там же, № 3.
- 346 - Там же, № 3.
- 347 - Архив Толшев. м-ря. т. VIII, № 84.
- 348 - Табель, сочиненная из имеющихсЯ в Св. Синоде ведомостей и представленная Обер-Прокурором кн. Козловским 1 янв. 1762 г. Императору Петру III. См. А. Завьялова, вопрос о церковных имуществах при Имп. Екатерине II. СПб. 1900, стр. 346–347.
- 349 - См. там же. Почти такие же цифры указаны в Ведомости о монастырях Воронеж. Епархии за 1739–1740 г. См. Ворон. Стар. Вып. VII, стр. 48–55.
- 350 - Архив Толшев. м-ря, т. IV, № 37.
- 351 - Архив Толшев. м-ря, т. II, № 6, ср. т. III № 4.
- 352 - Напр., в Елецком м-ре игумен Евфимий из игуменов Устьмедвед. м-ря (1744 г.), Донецкий Корнилий из Дивногорского м-ря, Лысогорский Венедикт из строителей Белоколоцкого м-ря.
- 353 - Неразобранные дела Консист. Архива, хранящ. в Архиве Ц. Ист.-Арх. Комитета.
- 354 - П. Никольский. История Ворон. д. сименарии, 71, стр. 8–9.
- 355 - Архив. Дивногор. м-ря. Приходо-расх. книги 1743–1744 г. и прошение братии о поставлении приемника Лазарю.
- 356 - П. Никольский. Указ. соч., стр. 12.
- 357 - Архив Дух. Консистории Дела Арх. Дома, 1767, № 42.
- 358 - Там же. Дела Дивногор. м-ря, особое дело об игумене Засиме.
- 359 - См. о нем выше, в отделе о малобратственных м-рях.
- 360 - Арх. Толшев. м-ря, т. III, № 16.
- 361 - В библиотеке Ворон. Дух. Семинарии в настоящее время хранится несколько книг из библиотеки Елисеевых. Среди них обращает на себя внимание рукописный Синодик этого семейства (извлечения из него напечатаны архим. Димитрием Самбикиным в Ворон. Епарх. Вед.). Кроме членов семейства, здесь помещаются все Воронежские епископы до конца V в. и множество других лиц.

Здесь же находится и своего рода дневник, отмечающий некоторые события из жизни г. Воронежа во вторую половину V в.

³⁶² - Архим. Димитрий. Указатель храмовых празднеств в Ворон. Епархии. В V, стр. 171.

³⁶³ - Архив Ворон. Дух. Консист., дела Толшев. м-ря 1757 г., № 56, ср. Архив. Толшев м-ря, т. V, № 85.

³⁶⁴ - В архиве д. консистории и в монастырских архивах много дел такого рода.

³⁶⁵ - Архив Дух. Консистории. Дела Толшев. м-ря, 1753, № 21.

³⁶⁶ - Там же, 1756, № 27.

³⁶⁷ - Архив дух. консистории. Дела Толшев. м-ря, 1757, № 45.

³⁶⁸ - Настоятели монастырей по рчереди вызывались в Воронеж для участия в торжественных службах, особенно в царские дни.

³⁶⁹ - Выше приведены только те обвинения, которые не опровергнуты, а подтверждены «оправданием» Михаила.

³⁷⁰ - Архив д. Консистории дела Толшев. м-ря, 1757, № 56.

³⁷¹ - Там же.

³⁷² - Архив. Толшев м-ря, Т. V, № 64.

³⁷³ - Игумен Михаил был уволен в братство Задонского, а потом Елецкого м-р; с 1763 г. снова перепросился в Толшев. м-рь и занимал здесь должность казначея. В 1765 г. назначен настоятелем Романовской Успенской Поройской пустыни.

³⁷⁴ - Архив Толшев м-ря. Т. V, № 28. Этот старинный титул не был ли переходной стадией к позднему обычаю назначать в Толши не самостоятельных игуменов, а только наместников- из экономов Архиер. Дома.

³⁷⁵ - Архив. Толшев м-ря, Т. V, № 84 ар. Т. ., № 86 ф. Архив Дух. Консист. Дела Толшев м-ря, 1775 г., № 55.

³⁷⁶ - Архив. Дух. Консист. 1773, № 48.

³⁷⁷ - Там же, Дела Архиер. Дома. № 279.

³⁷⁸ - Архив Толшевского м-ря, т. , № 72.

³⁷⁹ - Там же, т. , № 24.

³⁸⁰ - Там же, т. , № 11.

³⁸¹ - Там же, т. , № 35.

³⁸² - Письмо переписано нами с чернового экземпляра, хранящегося в архиве Толшевского монастыря, и потому быть может, не вполне точно и правильно в стилистическом отношении.

- 383 - Арх. Толш. м. Т. , № 53.
- 384 - Архив Толшев. м-ря, т. V, № 39.
- 385 - Творение св. Тихона Задонского, т. V, Записки Ивана Ефимова, стр. 27.
- 386 - П. Никольский. История Ворон. дух. семинарии. Ч. , стр. 20–21.
- 387 - Архив Покров. дев. м-ря, кн. указов, ч. , см. от 30 апр. 1749 г.
- 388 - Архив Толшев. м-ря, т. V, № 65.
- 389 - Там же, т. V, № 63.
- 390 - Арх. Толш. мон. Т. , № 56.
- 391 - Там же, № 11.
- 392 - Вот это письмо: «Отцу игумену Серафиму брату моему о Христе Сего церковника, который был у вас в монастыре, Александра, по слезному матери его прошению отдай пожалуй Илариону в научение и учась пусть послушания несет, чтоб хлеб не напрасно ел: а когда будет непослушлив сечь ни на что не смотря. Марта 25 дня 1766 г. Епископ Тихон». Арх. Толш. м. Т. , № 1.
- 393 - Этот диакон был учителем низшего класса семинарии.
- 394 - Арх. Толш. м. Т. , № 1, под 8 февраля 1766 г.
- 395 - Арх. Толш. м. Т. , № 58.
- 396 - См. указы: 1779 г. (Т. V, № 51); 1783 г. (V, № 25); 1784 г. (V, № 52).
- 397 - Там же, т. , № 56.
- 398 - Письмо переписано нами с неразборчиво написанной черновой рукописи (след. слово не разобрано).
- 399 - Там же.
- 400 - Там же, т. XIV, № 48.
- 401 - Архив в Ворон. Покров. м-ря, указы, т. , указ пр. Иосифа 5 сент. 1726 г.
- 402 - Указ об этом вызове «на чреду» имеем от 1743 г. (Архив Толш. м-ря, т. IV, № 37).
- 403 - Архив Толшев. м-ря, т. II, № 63.
- 404 - «Велеть сделать нарочно из монастырского железа кандалы и в те кандалы заклепать, а колодки сложить, содержать в том монастыре где пристойно под крепким караулом, а как он в разум совершенный приходить будет, то за караульными послать до церкви

и по возвращении от церкви в показанном месте содержать». (Там же, т. III, № 3).

⁴⁰⁵ - См. выше в письме игумена Серафима св. Тихону.

⁴⁰⁶ - Арх. Толш. м-ря, т IV, № 49.

⁴⁰⁷ - Архив Ворон. Д. Консистории. Сборник указов из Св. Син. 1765 г., № 36.

⁴⁰⁸ - Арх. Толш. м-ря, Т. XI, № 72.

⁴⁰⁹ - Разрозненные дела Консистор. архива, хранящ. в Архиве Церк. Ист.-арх. Комитета.

⁴¹⁰ - Архив В. Д. Консистории, Дела Алекс. м-ря, №№ 6 и 7.

⁴¹¹ - Архив Св. Синода – Доношения Преосв. Иоанникия от 4 я 28 сент. 1762 г. По требованию Св. Синода, Сенат распорядился отправить погоню за разбойниками, но о последствиях этого распоряжения ничего неизвестно. – Архим. Димитрий рассказывает народное предание о нападении на монастырь разбойника Ивана Ивановича, но детали этого предания не соответствуют ни приведенному доношению Воронежского епископа, ни другим данным из истории монастыря: предание говорит о присутствии тогда в монастыре настоятеля, о многолюдстве братии и т. п. (См. Указатель Храмовых празднеств в Ворон. Епархии, Вып. III (1885 г.), стр. 217–219).

⁴¹² - Архив Дивногорского м-ря, Указы разных годов, Указ Камер. Коллегии 2 окт. 1763 г , № 1572. Дроби означают, что число монахов за разные годы столетия было неодинаково, равняясь то числителю, то знаменателю.

⁴¹³ - Лебедянский Св.-Тр. общежит. монастырь. Тамбов., 1895, стр. 48–51.

⁴¹⁴ - В архив Моск. Архива Мин. Юст. сохранилась опись этого м-ря, составленная 27 июня 1764 г. Здесь читаем, между прочим: «По каким грамотам или указу она пустынь построена, о том никакого письменного о строении ее виду во оной не отыскалось, ибо за давностью того лет и за неимением прежнего бывшего во оной монашества – нынешние состоящие на лицо монашествующие (?) отыскать где не знают и не помнят». Судя по сохранившейся на месте пустыни надгробной плите с надписью о первом игумене Феодосии, скончавшемся в 1686 г., основание пустыни следует отнести ко второй половине V века (Сообщ. М. П. Трунова). «Во оной пустыни наперед сего бывал строитель, монашествующих до 10, более и менее». К 1764 году монашествующих, вместе со

строителем Феофилактом, было 7. Пропитание братия имела от князя А. Долгорукова из собственных его доходов и от прочих доброоходных дателей. От князя же шло подаяние вином, ладовом и пшеничной мукой. В. 1755 году с. Кривца, Добренского уезда, помещик Евстрат Олесов дал монастырю скотницу с малолетним сыном. (Арх. Мин. Юстиции, Описи монастырей, № 567/79).

⁴¹⁵ - Архив. Ворон. Д. Конс., Дела Архиер. Дома, № 279, Материалы, стр. 263–265.

⁴¹⁶ - Архив Св. Синода, 1774, № 69, Материалы, стр. 270.

⁴¹⁷ - Архив. Ворон. Д. Консист., Дела Покров. м-ря, 1771, № 87.

⁴¹⁸ - Там же.

⁴¹⁹ - Архивъ св. Синода, 1772, № 69.

⁴²⁰ - Указатель храмовых празднеств Ворон. Епархии, В. IV, стр. 180.

⁴²¹ - Архив св. Синода, 1781 г., № 67.

⁴²² - Указ Ворон. Д. Консист. от 26 янв. 1776 г., № 69. См. Лебемян. Тр. м-рь, стр. 52.

⁴²³ - Указ Ворон. Д. Конс. в Елецкое Дух. Правление от 24 сент. 1775 г., № 3015, см. у иером. Геронтия – «Ист.-стат. описание Елецкого Св. Тр. монастыря». СПб. 1894, стр. 17.

⁴²⁴ - Там же, стр. 53.

⁴²⁵ - 21 июня 1772 г. Св. Синод потребовал от пр. Тихона II справку подлинно ли эти монастыри на малороссийской земле, и после утвердительного ответа, 10 июня 1773 года эти монастыри были оставлены на своем содержании. Архив св. Синода 1779, № 57,5.

⁴²⁶ - Архив св. Синода. 1797, № 87.

⁴²⁷ - Архив Толшев. м-ря, т. XVII, № 32.

⁴²⁸ - Архив Донецкого м-ря, т. I, № 14.

⁴²⁹ - Там же I, № 20.

⁴³⁰ - Там же I, № 14 – В 1779 г. оставленные монастырю владения были отмежеваны. Они следующие: Озеро Матюшино – 29 д. 1731 с.; озеро Кривое – 30 д. 1237 с.; под лугом Опушным – 110 д. 16 с.; в пустоши Черенковой 378 д. 1048 с.; под монастырем 23 д. 45 с. (Там же, т. I, № 115).

⁴³¹ - Там же I, № 10.

⁴³² - Арх. Д. Консист., дела Донецкого м-ря, № 101.

- ⁴³³ - Арх. Д. Конс., дела Толшев. м-ря, 1773, № 48.
- ⁴³⁴ - Арх. Толшев. м-ря. Особое дело без № в конце I тома.
- ⁴³⁵ - Арх. Толшев. м-ря П. Никольский. Спасопр. Толш. м-рь, стр. 63.
- ⁴³⁶ - Архив Д. Конс., дела Толшев. м-ря, 1798, № 123, ср. Арх. Толш. м-ря, т. , № 45.
- ⁴³⁷ - Архив Дивногор. м-ря. Д. без №.
- ⁴³⁸ - Архив Ворон. Д. Конс., Дела Донецк. м-ря. 1775, № 101.
- ⁴³⁹ - Там же, 1777, № 106.
- ⁴⁴⁰ - Принял монашество в Троицком Елецком м-ре в 1750 г.; в 1752 г. переведен в Алексеевский монастырь; в 1775 г. определен строителем Донецкого м-ря.
- ⁴⁴¹ - Архив Ворон. Д. Конс., Дела Донецк. м-ря, № 115.
- ⁴⁴² - Архив Ворон. Д. Конс., Дела Донецк. м-ря, № 106.
- ⁴⁴³ - Там же, № 116.
- ⁴⁴⁴ - См. о нем в «Истории Ворон. д. семинарии» ч. , стр. 130–131, 231–233.
- ⁴⁴⁵ - П. Никольский. История Ворон д. семинарии. В. , стр. 131–132.
- ⁴⁴⁶ - Архив Толшев. м-ря, т. XV, № 43. Потом он был строителем Корот. м-ря. 11 марта 1783 г. возвратился на обещание в Толшев. м-рь. (Арх. Толш. м-ря, т. XV, № 56).
- ⁴⁴⁷ - Там же, т. XV, № 43.
- ⁴⁴⁸ - Там же, т. XV, № 23. Под конец жизни игум. Иоасаф возвратился в Толшев. м-рь.
- ⁴⁴⁹ - Получил образование в Воронежской семинарии и в Харьковском Коллегиуме (1766–1779). 1779 г. определен учителем семинарии; 1780 – священник и соборный ключарь; 1786 г. – кафедральный протоиерей. Под его руководством в семинарии началось изучение нотного церковного пения и был образован церковный хор. 14 апреля 1787 г. Патрицкий определен в настоятели Толшевского м-ря, « с возложением на него, как на бывшего протоиерея, набедренного». См. архив Толшев. м-ря, т. XV, № 14. Ср. П. Никольского – «История Ворон. д. семинарии», ч. , стр. 132.
- ⁴⁵⁰ - Архив Толшев. м-ря, т. XVII, № 18.
- ⁴⁵¹ - Архив Толшев. м-ря, т. XVII, № 88.

⁴⁵² - Иером. Иосиф – из военных, 1788 г. пострижен в монашество в Задонском монастыре и вскоре после того определен казначеем Архиерейского Дома В 1791 г. – посвящен в иеродиакона и иеромонаха.

⁴⁵³ - «Дома нашего казначеи иеромонах Иосиф от казначейской должности уволен. Во уважение трудов его и попечений о доме нашем поручаем ему в смотрение Преображенский Толшевский монастырь, в котором быть ему строителем». Архив Толшевского монастыря, т. XVII, № 53.

⁴⁵⁴ - Список настоятелей монастыря со времени его возмощения в 1741 г.: иеромонах потом игумен Игнатий (1741–1744 г.г.), Иоаким (под 1747 г.), Симеон (под 1755 г.), Герасим († 1757 г.), Иероним (1761 г.), Протасий (1763–5 г.), Софроний (под 1771 г.), Савватий (под 1774 г.), строители Иоанникий (под 1775 г.), Иоасаф (1776 г.), Феодосий (1776 г.), Иерофей (1778–1784 г.г.), Тимофей (1784–1787 г.г.), игумен Иов (1788–1794 г.г.), строитель Порфирий (1794–1808 г.г.), Иоасаф (1808–1811 г.г.), Самуил (1811–1814 г.г.), Павел (1814–1820 г.г.), Анастасий (1820–1822 г.г.), Платон (1822 г.), Моисей (1822–1824 г.г.), Афанасий (1824–1828 г.г.).

⁴⁵⁵ - Архив Воронеж, Дух. Консист. Указы Св. Синода 1768 г., № 22.

⁴⁵⁶ - Первая цифра означает число монахов по штату, вторая – число монахов, состоящих на лицо.

⁴⁵⁷ - В 1749 г. было 169 д., м. п. Няколаев Историч. свед. о Ворон. д. семин Ворон. Е. Вед. 1868 г., стр. 182.

⁴⁵⁸ - См. Хворостань. Очерк из истории колонизации Кран. Свящ. I. Ферронского, Ворон. Старина В. VII.

⁴⁵⁹ - И. Дубасов. Историч. Вестн. 1895 сент., стр. 654.

⁴⁶⁰ - Записки Чеботарева. Собр. соч. Св. Тихона. 1875, т.V, стр. 4.

⁴⁶¹ - Там же, стр. 10–11.

⁴⁶² - Записки Чеботарева, там же, стр. 7.

⁴⁶³ - Там же, Записки I. Ефимом, стр. 22–23.

⁴⁶⁴ - Там же, Записки Чеботарева, стр. 7, сравн. Записки I. Ефимова, стр. 35 (место события указывается в Антониевом монастыре).

⁴⁶⁵ - Митрополит думал назначить его архимандритом Троице-Сергиевой лавры. Записки Чеботарева. Сочинения Св. Тихона, т.V, стр. 5.

- ⁴⁶⁶ - Тамъ же, стр. 4.
- ⁴⁶⁷ - Записки Чеботарева. Соч. Св. Тихона, т. V, стр. 6.
- ⁴⁶⁸ - Болховитинов. Описание Ворон. губернии 1800 г. стр. 169–172.
- ⁴⁶⁹ - М. Былов. Раскол в Ворон. Епархии при епископе Тихоне .
- ⁴⁷⁰ - Более подробное наложение воззрений Святителя на жизнь см. в ст. П. Кратирова «Святитель Задонский Тихон, как пастырь и пастыре-учитель», Прав. Соб. 1897 янв., стр. 107–117.
- ⁴⁷¹ - Проф. П. В. Знаменский, Прав. Соб. 1875, III, стр. 363.
- ⁴⁷² - Жизнеописание Святителя, изд. в 1837 г., стр. 34.
- ⁴⁷³ - Творения Св. Тихона, изд. 1875 г., т. V, Записки И. Ефимова, стр. 40.
- ⁴⁷⁴ - Соч. Т. V. Записки Ефимова, стр. 23.
- ⁴⁷⁵ - Христ. чт. 1834 г., т. I, стр. 312. См. Свящ. Лебедева «Св. Тиховъ Задонскій п всея Россія чудотворецъ» С.-П Б. 1885, стр 40–56, ср II П. Руднева -- «Резолюцій в распоряженія Св. Тихона по арі. документахп, Тульской Консисто́рія» (.Тула 1898 г.).
- ⁴⁷⁶ - Курсивом печатаются места, подчеркнутые в подлиннике рукою Св. Тихона.
- ⁴⁷⁷ - См. Свящ. Лебедева «Св. Тихон Задонский и всея России чудотворецъ» С.-П. Б. 1885, стр. 40–56, ср. М. П. Руднева – «Резолюция и распоряжения Св. Тихона по арх. Документам Тульской Консисто́рии» (Тула 1898 г.).
- ⁴⁷⁸ - Соч. Св. Тихона, т. I, стр. 1–9.
- ⁴⁷⁹ - П. Никольский. Об отношении Св. Тихона к приходскому духовенству. Русский Архив 1900, № 11.
- ⁴⁸⁰ - См. П. Никольский. История Воронежской духовной семинарии, ч. I стр. 64–66; 229–231.
- ⁴⁸¹ - Сочинение Св. Тихона, т. I, стр. 101–102.
- ⁴⁸² - Там же, стр. 96.
- ⁴⁸³ - Там же, стр. 90–95.
- ⁴⁸⁴ - Это предписание основано на указах 8 декабря 1716 г. и 11 января 1723 года.
- ⁴⁸⁵ - См. М. Н. Былова. Раскол в Воронежской Епархии при епископе Тихоне (Святителе). 1763–1767 г.
- ⁴⁸⁶ - Таковы были жалобы на Святителя архимандритов Гавриила Спичинского (Елецкого м-ря), архим. Феодосия

(Дивногорского м-ря) и недовольство игумена Серафима (Толшевского м-ря).

⁴⁸⁷ - Сочинения Св. Тихона, т. V. Записки Ивана Ефимова, стр. 24–25.

⁴⁸⁸ - П. Кратиров Святитель Задонский Тихон, как пастырь и пастыреучитель. Прав. Соб. 1897 г., февраль, стр. 212.

⁴⁸⁹ - См. «Житие и подвиги иеросхимонаха Иоанна, основателя и первоначальника Саровской пустыни». Муром, 1992 г.

⁴⁹⁰ - «По преданию, старцу этому, отличавшемуся высокими душевными качествами, питавшему в голодный (1775) год ежедневно целые тысячи окрестного населения, суждено было вынести незаслуженно тяжкое 16-летнее заключение в крепости». (Общежит. Саров. пустынь, иером. Авеля, Москва. 1853, стр. 60–61. Творение Св. Тихона, т. , примечание, стр. X-X).

⁴⁹¹ - Этот иеромонах потом сделался преемником иером. Ефрема по строительству.

⁴⁹² - Твор. Св. Тихона, т. , стр. 233. Примеч., стр. X.

⁴⁹³ - Сочинение С. Тихона, т. , стр. 233.

⁴⁹⁴ - Там же, Примеч., X.

⁴⁹⁵ - Там же, стр. 233.

⁴⁹⁶ - Там же.

⁴⁹⁷ - Иером. Геронтий. Некоторые черты из жизни Схимонаха Митрофана. Изд. 2. Воронеж 1888, стр. 11.

⁴⁹⁸ - Св. Тихон «не служил литургии, вероятно, по своим недугам, о которых он писал еще в первом прошении в Св. Синод» (Свящ. А. Лебедев «Св. Тихон Задонский». С.-П.Б 1865, стр. 109; а может быть и потому еще, объясняет автор «Житий рос. святых», что почитал служение божеств. литургии слишком торжественным для епископа, оставившего свою кафедру; может быть, его удерживало и нерасположение к нему преемника, Тихона II, который оставался с ним в холодных отношениях во все время управления епархией воронежскою, как видно, он не посещал уединившегося собрата и далее спрашивал Св. Синод: «можно ли дозволить священнодействовать уволенному епископу, если того пожелает»? Св. Синод нашел неуместным даже вопрос о сем, так как Тихон уволен был от должности по собственному желанию, и приказал снабдить Святителя нужною для служения ризницею; но довольно было одного подобного вопроса, чтобы навсегда удержать Тихона от

священнодействия в епархии, уже ему чуждой, дабы тем не возбуждать неудовольствия ее нового предстоятеля» (Жит. Св. Тихона Задонского С.-П.Б. 1864, стр. 33–34. См. Творения, т. V, стр. 27 и 56–57-Записки Ефимова).

499 - Там же, стр. 36, записки Ефимова.

500 - Там же, стр. 31.

501 - Там же, записки Чеботарева, стр. 8.

502 - Там же, записки Чеботарева, стр. 9.

503 - Творения, т. V, стр. 226–227.

504 - Там же, записки Чеботарева, стр. 8.

505 - Там же, записки Ефимова, стр. 23.

506 - Творение Св. Тихона, Т. V, стр. 338.

507 - Там же, записки Ефимова, стр. 23–24.

508 - Там же, стр. 40–41.

509 - Записки Чеботарева. Творения Т. V, стр. 11.

510 - Там же, стр. 16–17 стр. 54.

511 - Здесь в настоящее время находится Тихоновский женский монастырь.

512 - Творения т. V, стр. 9–10.

513 - Там же, стр. 9.

514 - Творения, Т. V, стр. 332 (письмо 35).

515 - Записки Ефимова Т. V, стр. 40; Записки Чеботарева, стр. 11–

12.

516 - Письма посланные № 29, Творение Т. V, стр. 326–327.

517 - Записки Чеботарева, стр. 10.

518 - Записки Ефимова, Т. V, стр. 22.

519 - Напр., Ср. Исаака Сирина.

520 - Евгений Болховитинов, описание жизни Преосвящ. Тихона М. 1820 г. стр. 48–49.

521 - Творения Св. Тихона. Т. V, стр. 39–40.

522 - В издании 1875 г. Т. II и III.

523 - Т. v.

524 - Т. IV.

525 - См. Т. V.

526 - Записки Ефимова, Т. V, стр. 21.

527 - Записки Ефимова, Творения Т. V, стр. 28–29.

- 528 - Там же, стр. 28.
- 529 - Прот. Андрея Иванова. Полное историч. известие о древних стригольниках и новых раскольниках. Изд. 3. С.-ПБ 1799, стр. 362. Творение Т. V, примечание к запискам Ефимова, стр. 55.
- 530 - Записка Ефимова Твор. V. стр. 21.
- 531 - Записка Чеботарева V, стр. 14; Записки Ефимова, стр. 29.
- 532 - Записка Чеботарева V, стр. 14; Записки Ефимова, стр. 29.
- 533 - Письма посланные № 39, Творения Т. V, стр. 335–336.
- 534 - Записки Чеботарева Т. V, стр. 15–16.
- 535 - Житие Св. Тихона, СПб. 1885, стр. 94.
- 536 - Житие Св. Тихона, СПб. 1885, стр. 97.
- 537 - Записки Чеботарева Т. V, стр. 15.
- 538 - Житие Св. Тихона. 1885. стр. 93.
- 539 - Там же, стр. 108–109.
- 540 - Житие Св. Тихона. 1885. стр. 100.
- 541 - Житие Св. Тихона. 1885, стр.. 101.
- 542 - Там же, 113.
- 543 - См. ниже случай со схимонахом Митрофаном и К. Студеникиным.
- 544 - Творения Т. V, стр. 53 прмеч. Из Рукописи Москов. Публ. Музея, № 116.
- 545 - Записки Чеботарева, стр. 16.
- 546 - Там же.
- 547 - Записки Чеботарева, стр. 12.
- 548 - Там же, стр. 11.
- 549 - Там же, стр. 17.
- 550 - Творения Т. V, примечания, стр. XI.
- 551 - Воскр. Чт. 1838. № 37. Творения Т. V, дополн. к Запискам Ефимова, стр. 61.
- 552 - Там же, стр. 43.
- 553 - Твор. Т. XIV, 144–145.
- 554 - Письма посланные, № 34, Творения Т. V, стр. 332.
- 555 - Письма посланные, № 32, Творения Т. V, стр. 330–331.
- 556 - Житие Св. Тихона. 1885. стр. 103–105.
- 557 - Житие Св. Тихона. 1885. стр. 109–111.
- 558 - Архив Св. Синода 1774 г., № 69 Материалы, стр. 270–271.

- 559 - Жизнь Матроны Наумовны Поповой, Воронеж, 1869, стр. 8–14.
- 560 - Указ Св. Тихона от 13 окт. 1765 г.
- 561 - Д. Правдин. Историч. очерк Устьмедвед. м-ря стр. 67–68.
- 562 - Письма посланные, № 45, Творения Т. V, стр. 342–343.
- 563 - Творения Т. V, стр. 344–345.
- 564 - Архив В. Д. Консистории. Дела Задонского монастыря, № 240, Указ Консистории февраля дня 1788 года.
- 565 - «Некоторые черты из жизни схимонаха Митрофана», Иер. Геронтия, изд. 2, стр. 17–20.
- 566 - Иер. Геронтий относит смерть Аарона к 1786 г., но ошибочно в 1788 г., как мы видели, схимонах Митрофан переводится в келью Аарона.
- 567 - «Некоторые черты из жизни схим. Митрофана», стр. 21–22. Подпись – «Епископ Воронежский» дает основание Иер. Геронтию предполагать, что завещание это подписано Св. Тихоном еще в бытность его епархиальным епископом.
- 568 - Описание Ворон. Алекс. м-ря 1859 г., стр. 29–30.
- 569 - Ист.-стат. описание Задон. Бог. м-ря, Иером. Геронтия 1893 г., стр. 111.
- 570 - Там же, стр. 125.
- 571 - Там же, стр. 123–124.
- 572 - Архив Толшевского монастыря, т. XXXI, № 20, т. XXVIII, № 18, т. XXXIV, № 3.
- 573 - Арх. Толшев. м-ря, т. XXII, к № 1.
- 574 - Д. Правдин. Историч. очерк Усть-Медвед. м-ря. 1855, стр. 72–73.
- 575 - Архив Толшев. м-ря, т. XIX, № 65.
- 576 - Архив Толшев. м-ря, т. XXVII, см. в кн. П. Никольского; Спасопреобр. Толшев. м-рь. 1901 г., стр. 72.
- 577 - Архив Толшев. м-ря, т. XXV, № 28.
- 578 - Архив Ворон. Церковного Ист. арх. Комитета из Д. Консистории. Дела Донецкого м-ря № 204.
- 579 - Архив Толшевского м-ря, т. XXVI, № 17.
- 580 - Архив Дивногорского м-ря, Указы 1807 г.
- 581 - Архив. Ворон. Церк. Ист.-арх. Комитета, Дела Донец. м-ря, № 251.

582 - Архив Ворон. Церк. Ист.-арх. Комитета. Дела Покров. м-ря № 298.

583 - Там же.

584 - Там же, 312.

585 - Поелику мне неизвестно состояние сей просительницы, а по опытам известно, что иные, вступая в монастырь, наконец или не соответствуя должности сей, или не понимая важности звания, или почетши трудным таковое состояние, оставляют свое намерение, еще с беспокойством начальства, то и нужно мне знать теперь – 1) точно ли госпожа сия, зная все правила монастырской жизни, равно все ли обстоятельства в монастырях встречающаяся понимая, вступает в монастырь ибо в монашеском знании бывают искушения особливые, каковы нужно переносить; 2) даст ли уверение нам или обещание в том, что она во всем беспрекословно будет иметь послушание к настоятельнице монастыря, и стараться удалять или не допускать на себя жалобы и избегать к тому случая; а в противном случае, если при неудовольствии на нее жалоба или донесение взойдет к нам, без всякого прекословия, не заводя дальних исследований, немедленно оставить монастырь в покое, не доводя и нас до беспокойства в разбирательстве» (Архив Ворон. Церковн. Ист.-арх. Ком., Дела Покров. м-ря, № 315).

586 - Архив Толшев. м-ря, т. XXVI, № 17.

587 - Архив Дивногорского монастыря, указ 1807 г.

588 - Архив Ворон. Церк. Ист.-арх. Комитета, Дела Алекс. м-ря, № 499.

589 - Там же.

590 - Последнее вставлено рукою Преосвящ. Епифания.

591 - Последнее замечание имело значение в Донецком монастыре, церковь которого была и приходскою.

592 - Архив Ворон. Церковного Ист. Арх. Комитета. Дела Алексеевского м-ря, № 499.